**НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ АРХЕОГРАФІЇ ТА
ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВА ім. М. С. ГРУШЕВСЬКОГО
ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ УСНОЇ ІСТОРІЇ
ЗАПОРІЗЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ЗАПОРІЗЬКЕ НАУКОВЕ ТОВАРИСТВО
ім. Я. П. НОВИЦЬКОГО
СХІДНИЙ ІНСТИТУТ УКРАЇНОЗНАВСТВА
ім. КОВАЛЬСЬКИХ — ЗАПОРІЗЬКА ФІЛІЯ**

УСНА ІСТОРІЯ СТЕПОВОЇ УКРАЇНИ

11 ТОМ

Запоріжжя
АА Тандем
2015

УСНА ІСТОРІЯ
СТЕПОВОЇ УКРАЇНИ

11
ТОМ

Запоріжжя
АА Тандем
2015

ББК 63.3(4 Укр) + 63.5(4 Укр), 019
УДК 94(477.64) + 39
У 75

Усна історія Степової України / Упорядник І.В. Сав-
У 75 ченко. – Запоріжжя: АА Тандем, 2015. – Т. 11. – 352 с.

Одинадцятий том Усної історії Степової України репрезентує публікацію матеріалів експедиції до міста Токмак Запорізької області, здійснену Запорізьким науковим товариством ім. Я. Новицького, Інститутом української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України в серпні 2004 року.

Усна історія є важливою складовою реконструкції і розуміння історичного минулого, унікальним інструментом передачі інформації про величезний спектр різноманітних складових життя суспільства.

Важливість даного видання полягає в тому, що представлені в ньому усні наративи надають цілісну проекцію на історію одного з міст Степової України, складові міського повсякдення, історії людей, що мешкали в ньому. Водночас поруч з історією міста в виданні представлені також і усні свідчення, які розкривають і історії людей з навколишніх сіл.

Для істориків, філологів, краєзнавців.

ISBN 978–966–488–008–3

ПЕРЕДНЄ СЛОВО

Даний том є продовженням багатотомної документальної серії “Усна історія Степової України”. Матеріали, що презентуються в ньому, зібрані в ході археографічної експедиції до міста Токмак Запорізької області влітку 2004 року. Вона була зорганізована інституціями, які безпосередньо приймали участь у започаткуванні даного проекту: Запорізьким науковим товариством ім. Я. Новицького та Інститутом української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України.

Експедиція мала порівняно невеликий склад, і учасницями її було лише двоє осіб: Юлія Головко та Ірина Савченко. Такий склад експедиції визначив достатньо інтенсивний темп роботи впродовж тих двох тижнів, що вона тривала. Водночас, це була вже далеко не перша експедиція для її учасниць, тож набутий вже досвід допомогав і в організації експедиції, і в проведенні інтерв’ю. Успішність експедиції забезпечувалася також відкритістю і бажанням до спілкування місцевих мешканців.

Метою даної експедиції, як і попередніх, був збір усно-історичних наративів населення Степової України. Опитування мали фокусуватися на напрямках, що вже стали традиційними: історія повсякдення, соціальна історія, політична історія тощо. Водночас це була перша експедиція, яка проводилася в місті, а не в селі. Зміна статусу населеного пункту визначила і певні зміни в змістовому навантаженні експедиції. Більшість опитаних людей мешкали все, або переважну частину свого життя у місті, і порівняно невелика кількість респондентів були мешканцями навколишніх сіл. Тож в даній експедиції поруч з розповідями про традиції сільського життя досить інтенсивно розпочиналося знайомство і з історією степового містечка, з відмінними від сіл характеристиками повсякдення, економічного та соціального життя. З усних наративів наповненою подіями поставала історія Токмаку першої половини XX століття, розкриваючи цікаві та інколи неочікувані сторінки його тогочасного життя.

Тож що собою уявляв Токмак, якою була його історія, що стала основою для цих нових вражень? Вона є досить типовою для великої кількості міст Степової України, і в той же час насичена своєю власною історичною динамікою. В своєму життєвому розвитку Токмак пройшов декілька важливих етапів, кожен з яких був наповнений власною чинниковою та подієвою логікою, і кінцевим результатом яких стало перетворення невеличкого села в місто.

Токмак веде свою історію з 1784 року, коли переселенці з Полтавської губернії заснували на березі річки Токмачки невеличке село. У цей період відбувалося формування адміністративних центрів повітів новоствореного Катеринославського намісництва, і Токмак був невдовзі після свого заснування обраний на роль повітового центру. У селі були розташовані дворянський і нижній земський суди, казначейство, поштова експедиція. У

1798 році від Токмака було прокладено поштовий тракт до Олександрівська. Проте досить швидко з'ясувалося, що сполучення цим трактатом страждало від нападів розбійників, а в самому Токмаці не вистачало приміщень для присутственних місць. Тож у 1799 році повітові установи було переведено до міста Оріхів.

Токмак став звичайним селом, забувши на деякий час про більш значний статус. До села було приписано 39,3 тис. десятин землі, і мешканці його переважно займалися землеробством. Проте розвиток населеного пункту відбувався досить швидко: в 1844 році в ньому нараховувалося 2319 ревізьких душ, а до середини XIX століття кількість мешканців його сягнула вже 3 тис. чоловік. Згодом Токмак починав вже впливати і на розвиток навколишніх територій: заможні селяни виїздили з села і оселялися ближче до своїх земель, потім туди переселялися і наймити. Так навколо Токмаку виникло 7 невеличких сіл. При цьому розвиток його вже не обмежувався тільки сільськогосподарським спрямуванням. У середині XIX століття у ньому нараховувалося 124 ремісники – ковалі, чоботарі, гончари, шевці та ін. Деякі жителі займалися чумацьким промислом та торгівлею. Тричі на рік: у січні, травні і вересні у Токмаці відбувалися великі ярмарки.

Успіхи соціально-економічного розвитку Токмаку визначили видання указу від 28 серпня 1861 року, за яким село перейменовувалося на Великий Токмак і було віднесено до розряду містечок. Великий Токмак входив до складу Бердянського повіту Таврійської губернії. Про швидке зростання чисельності населення містечка свідчать дані за 1864 рік, коли в ньому нараховувалося вже 7970 осіб. Більш складним стає етнічний склад міста: тут мешкали українці, росіяни, євреї, німці.

Перейменування села в містечко було не єдиним "поворотним моментом" в житті Великого Токмаку. Важливу роль в його розвитку відіграли 80-90-ті роки XIX століття, коли значно прискорилося формування даного населеного пункту як міста. Складовими трансформаційних змін в житті містечка стають будівництво невеликих промислових підприємств, активізація торгівлі та розвиток комунікаційних сполучень, банківська діяльність. Особливістю умов розвитку Великого Токмаку було його розташування поблизу колоній колишнього Молочанського менонітського округу. Заможні землевласники, перш за все меноніти, а також мешканці навколишніх українських сіл створювали попит на сільськогосподарську техніку. Для його задоволення німець Фукс, користуючись пільгами, що надавалися царським урядом іноземним підприємцям, у 1882 році відкрив у Великому Токмаці ковальсько-слюсарну майстерню. Ця майстерня згодом перетворилася на невелике підприємство з виробництва сільськогосподарської техніки. Через чотири роки такий же завод відкрив інший німець – австрійський підданий Клейнер. Ці заводи випускали буккери, сіялки та жатки для місцевих виробників сільськогосподарської продукції.

Підприємства розвивалися досить успішно, швидко збільшуючи свою потужність. На початку ХХ століття на кожному з них працювало близько 200 робітників. Згодом вони перестали обмежуватися попитом лише місцевих землевласників, виходячи на більш широкий ринок і представляючи свою продукцію на різноманітних виставках. Водночас, поруч із заводами Фукса та Клейнера існували традиційні для таких містечок шкіряні, салотопний, цегельні та черепичний заводи. Розвиток промисловості в містечку та сільського господарства навколо нього сприяв розвитку торгівлі. За 1886-1900 роки лише кількість крамниць зросла втричі. Паралельно відбувалося формування банківських структур. Так, Токмакське відділення Азовсько-Донського комерційного банку (банк Бергера) розгорнуло експортно-закупівельні операції з хлібом, який відправляли в порт Бердянська та до Мелітополя.

Економічний розвиток міста в кінці XIX – на початку ХХ століття прискорився також завдяки розвитку комунікаційних сполучень. Так, розвиток Бердянського порту сприяв збільшенню обсягу торгівельних операцій продуктами землеробства в Великому Токмаці. Справжнім проривом в комунікаційному розвитку містечка стало будівництво німцем Ваалем на початку ХХ століття під'їзних залізничних шляхів, які з'єднали станцію Великий Токмак зі станцією Пришиб на лінії Харків-Сімферополь. У 1910 році було добудовано залізничну дорогу між станціями Федорівка-Великий Токмак-Царекостянтинівка. Поява можливостей вивозити товари з міста завдяки залізничній гілці створювала додаткові умови як для розвитку промислових підприємств міста, так і для активізації торгівлі сільськогосподарською продукцією.

Одночасно розвивалася і міська інфраструктура. На початку другого десятиріччя у Великому Токмаці діяли телефонна та електростанція, пошта, залізнична станція. Всі ці структури потребували відповідного освітнього людського потенціалу, і в 1905 році в містечку нараховувалося 17 учбових закладів. У цей же період складається перелік структурних елементів, що несли в собі функції міського дозвілля. У містечку функціонував парк з літнім театром, де любили відпочивати містяни. У 1913 році було побудовано кінотеатр. Функціонували типографія, фотоательє, лікарня з двома корпусами, аптеки.

Таким чином, напередодні Першої Світової війни в Великому Токмаці вимальовується традиційний для малих міст центр, який акумулює в собі елементи адміністративного, економічного життя та дозвілля. Але цей центр був невеличким як територіально, так і в межах соціального життя. Власне, "міський" район, який був представлений торговим рядом, управлінськими інституціями та соціальними закладами, охоплював лише центр містечка, на більшості вулиць були звичайні сільські хати з саману. Порівняно обмеженим був і склад мешканців, що були носіями міського зразку життя. Купецтво, службовці, працівники різноманітних управлінських ін-

ституцій складали невеличку частину мешканців Великого Токмаку. Що стосується робітників, то на початку другого десятиріччя XX століття на промислових підприємствах працювало щонайбільше 5-7% населення міста, а переважна більшість мешканців займалися сільським господарством. Така диспропорція в соціальній структурі населення на користь сільського не могла не створювати сприятливі умови для певної відокремленості в повсякденному житті містечка, але ця риса була закономірною для подібних населених пунктів того часу.

Період Першої Світової війни став для Великого Токмаку, як і для більшості міст України, достатньо важким випробуванням. Основні підприємства міста – заводи Фукса та Клейнера були секвестровані царським урядом і передані у розпорядження Південно-Західного фронту. В 1915 році військове командування організувало на заводах майстерні з ремонту автомобілів. Надалі 1917-1921 роки позначилися для Великого Токмаку стандартною для більшості населених пунктів Південної України хронологією змін влад (лише в 1918 році влада в місті тричі змінювалася), не оминув місто і голод 1921-22 років.

Водночас 20-30-ті роки стали новим яскравим періодом у розвитку містечка. Початок 20-х років позначився цілим рядом змін у статусі міста. У 1923 році Великому Токмаку було надано скромний статус селища міського типу, в 1921 році перетворено в центр повіту, а в 1923 – району. Адміністративні зміни було посилено впливом політики непу, результатом якої стає пожвавлення торгівельного та соціального життя міста. Водночас, у 20-ті роки в історії Великого Токмаку знову посилюється влив "заводостворюючого" фактору, який є традиційним для малих міст. Цей фактор визначився з розбудовою в 20-х роках заводу "Червоний прогрес", який був створений на основі колишніх заводів Фукса і Клейнера. У 1923 році "Червоний прогрес" у співпраці з Кічкаським заводом виготовив перший радянський трактор "Запорожець". Надалі завод поступово перетворювався на підприємство зі складного машинобудування, з кінця 20-х років стаючи складовою загальносоюзної промислової машинобудівної системи. У процесі свого розвитку завод (з 1935 року – завод імені Кірова) починав закономірно перебирати на себе функції модерування соціальної та економічної структури міста, посилюючі містобудівничі тенденції.

Завдяки швидкому розвитку даного та інших підприємств у місті розвивалися умови для задоволення попиту на працю і збільшувалася кількість населення, розвивалися відповідні соціальні та управлінські структури. Вже в 1935 році чисельність працівників лише на заводі ім. Кірова складала 4 тис. Фахівців різного профілю готували механічний технікум, школа медичних сестер і школа колгоспних бухгалтерів, діяло 8 клубів, 2 кінотеатри, 13 загальноосвітніх шкіл.

Забезпечення кадрового попиту підприємств відбувалося головним чином завдяки розвитку типового для таких процесів "соціального кори-

дору”, за яким мешканці з навколишніх сіл та околиць міста отримували роботу на підприємстві або в державних структурах. Молодь після закінчення школи спрямовувалася до навчання в ФЗУ, і надалі залишалася працювати на виробництві або в установах. Всі ці процеси супроводжувалися формуванням нових соціальних зв'язків, розвитком міських традицій повсякдення, територіальним розширенням “міського центру”[1].

Втім, як і в більшості подібних “історій” розвитку, процес інтеграції мешканців до міського життя був неоднорідним. Частина населення містечка, обмежуючись окремими зверненнями до закладів соціальної, культурної інфраструктури, зберігала традиційний уклад життя.

Складові цього історичного процесу перетворення з села в місто, що стало одним з важливих центрів Запорізького краю, з одного боку, є типовими для величезної кількості міст Степової України, і з іншого, наповнені своїми індивідуальними особливостями, які розкриваються в усних наративах, зібраних в даному томі.

Основна увага опитувань в даній експедиції була зосереджена на першій половині XX століття, особливо на 20-40-х роках. Необхідність фокусування саме на цьому періоді визначалася щільністю трансформаційних змін та важливих історичних подій у даний часовий проміжок, а також розумінням того, що час працює не на нас, і треба встигнути опитати представників покоління, що були безпосередніми свідками тих подій, і є носіями власної історичної пам'яті про 20-40-ті роки, тобто людей, для яких цей період був часом формування власного життєвого досвіду.

Місто надавало в цьому відношенні певні переваги у порівнянні з селом, маючи набагато більшу кількість населення, яке розташовувалося на компактній території. Це значно розширювало можливості у пошуку людей максимально високої вікової межі і, відповідно, зібрання наративів, які б давали проекцію на період 30-х і навіть 20-х років XX століття – час, для усної історії на сьогодні вже майже втрачений.

В усних наративах, зібраних в ході експедиції, ми можемо бачити перспективну проекцію на історію життя маленького містечка, вони розкривають розвиток міста починаючи з 20-х років і по післявоєнний період включно, при цьому демонструючи переплетення в цьому розвитку традиційних та модерних рис. У матеріалах представлені і розповіді мешканців центру, в яких Токмак 20-40-х років постає саме як місто, з відповідним повсякденним життям, соціальною інфраструктурою та дозвіллям. Так, у спогадах О. Кононенко Великий Токмак 20-х років згадується як невеличке купецьке містечко. Його дитинство відповідало всім “канонам” “непма-

[1] Зацікавлених в історії Токмаку відсилаємо до видань: История городов и сел УССР. Запорожская область. – К.: УСЭ, 1981 – 728 с.; Ахрамеев В.Н. “Рекою жизни”. – Запорожье: “Дике поле” 2008, – 284 с.; Медведський В.І. Токмак: Археологія, історія/ В.І. Медведський. – Токмак: “Трибуна”, 2005. – 220 с.

нівської" родини: "А мама да, модница ж была… И нас одевала. Костюмчики морские такие. Одевала харашо. Оно дешево все стоило, папа харашо зарабатывал. Та, наверно, рублей сто с лишним. Ну, своя пекарня ж была". Молодість його в 30-х роках була наповнена танцями в міському парку, стеженням за модою, роботою на заводі. Подібними є спогади С. Ілякової, І. Рогози, К. Стаценко. Поруч зі змалюванням зовнішніх атрибутів міста в даних спогадах розкривається внутрішнє життя міських родин, в яких існують, наприклад, традиції проведення літературних вечорів. Окремі спогади, зокрема, К. Стаценко та О. Тищенко, передають атмосферу невеличких міських двориків, де всі родини чудово знають одна одну. Розкриваються і такі теми, як проблема виживання у містечку багатодітної родини, що залишилася без батька-годувальника, наприклад, у спогадах І. Рогози. Та в той же час присутні діаметрально протилежні спогади Є. Блохи, В. Горлача, які демонструють зовсім інший Токмак, з сільськими ритмами життя. Також в цих спогадах яскраво прослідковуються і лінії взаємодії центру та периферії.

Можливість створення комплексної картини соціального життя міста посилюється характерними для подібних населених пунктів сильними соціальними зв'язками між їх мешканцями. Не рідкістю є надання інформації в окремих оповідях про взаємовідносини та життя інших респондентів, що належали до однієї соціальної групи.

Водночас матеріали тому надають і різноаспектну інформацію щодо історії сіл Токмацького району. Розкривають вони і більш загальні історичні процеси, на тлі яких відбувалася історія міста, навколишніх сіл та їх мешканців. Усноісторичні наративи висвітлюють події голоду 1921-22 та 1932-1933 років, колективізації, Громадянської та Другої Світової війни, зокрема період окупації, події евакуації, репресії тощо.

Розповіді друкуються науково-популярним методом із збереженням мовних особливостей оповідачів. У даному томі ми дещо змінили археографічне оформлення документів. Включення до тексту опитування окремих питань, необхідних для оптимізації розуміння змісту інтерв'ю, відбувалося методом надання ключових слів з питань у квадратних дужках, їх виділено курсивом. Опис емоцій інтерв'юера під час інтерв'ю, наприклад, сміху, також надається в квадратних дужках, але звичайним шрифтом. Тим самим способом до текстів в опитуваннях включено окремі слова, елементи слів, які не звучали в ході інтерв'ю, але є необхідними для розуміння тексту.

Дешифрування та звірку транскриптів проведено І. Савченко, підготовку до друку науково-популярним методом здійснила Ю. Головко. Впорядкування покажчиків здійснено І. Савченко та К. Петровою.

Редакційна колегія тому

БАРБАР КОСТЯНТИН ФЕДОРОВИЧ, 1925 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

[*Родился*] двадцать пятый, двадцать восьмого марта. Родился я именно там от, де я говорил, это сийчас оно называется село Гранитное, Тельмановский район, Донецкой области, недалеко от Мариуполя там. Вот. Ну, это. Семья – отец, мать, дедушка, бабушка там же рядом жили. А в тридцать втором году отец переехал суда, в Токмак. Вот. Ну, он, в основном он, сначала тут работал, плотничал, потому шо трудное время было, конечно, тогда, да? Вот. Потом он какое-то время работал в горкомунхозе. В тридцать третьем году у меня умерла мать. Она от несчастного случая. Получилось так, шо умерла мать, и мы остались с отцом вдвоем. Я здесь учился в школе, пятой школе, школа номер пять. Она располагалась – бывший торговый ряд, за торговым рядом там было два корпуса, пятая школа. И еще, как бы филиалы были на улице Интернациональной, и Карла Либнехта, на углу перекрестка, там тоже два до... корпуса было. Вот. И в этом месте. В этой школе я учился. До пятого класса. А, после, пятый класс, шестой, седьмой, меня забрала тетя, в Мариуполе они жили. Вот. И жил в Мариуполе. Там учился до, до начала войны. Кода началась война, мы, я кончил восьмой класс, в сорок первом году, и нас всех старшеклассников, забрали на оборонительные работы. Мы копали противотанковые рвы в районе Токмака, там [нерозбірливо]. Ну от. А потом, кода в сорок первом году, получилось немцы кода зашли уже сюда, на территорию нашу, эвакуироваться мы не успели. Я в это время был в Мариуполе. А отец жил здесь. Вот. Ну как получилось шо, значить, как раз были каникулы, кончили мы их копать, эти рвы, и это, поехали в село, к тетке. Село называлось… Я село, не помню, как называлось, колхоз сам "Роте Фане", называлось, к, шо, значить, кода мы узнали шо немцы, наступ... уже подходят к Мариуполю, я, и этот брат двоюродный, с которым мы там отдыха... ну, жили, работали, урожай там убирали, в колхозе немножко помогали. А потом, решили, шо надо ш домой рваться, да. А он тоже в Мариуполе, этот брат двоюродный, Виктор, он учился тоже в Мариуполе, тоже жил у тетки, токо у другой. Вот. И мы вместе с ним пошли, это. А до станции там надо было идти километров двадцать пеши. Ну, мы шли, в это время встретили там взвод отступающих солдат. Они, значить, это, никто нас ниче не остановил, ниче, только один спросил нас: "Куда, ребята?" А мы говорим: "На станцию, будем ехать в Мариуполь". Они говорят: "Там нечего вам делать, там мы уже взорвали водокачку, взорвали все, значить, мы отступаем, и там уже поезда не ходят. Если хотите в Мариуполь, от

[1] Опитування проводили І. Савченко та Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко.

так". Нам показали напрямую. На горизонте там дым был, это, это оказывается, в Мариуполе горела нефтебаза. И она ото. "На этот дым ото то прямо, через степи идите, и попадете в Мариуполь". Ну, мы так сделали. Пошли туда. Ну, к концу дня мы не успели в Мариуполь. Там семьдесят километров до Мариуполя было. Мы не успели. Переночевали. Там недалеко есть станция, "Сартанай" называется, под Мариуполем. [Жінка, Юлія Андріївна, щось говорить чоловіку, але нерозбірливо]. Га? Да. Хе-хе [сміх]. Ну, после этого, значить, мы переночевали, там у одних не знакомых, просто попросились, переночевать, это, и потом утром пошли туда, токо зашли, в Мариуполе уже были немцы. Уже мы встретили мотоциклистов, там прочее, все там уже, висели всякие объявления, о том шо то нельзя, то нельзя, вообщем все такое прочее. Ну, короче говоря, добрались мы домой. Ну, я, собственно, к тетке, а родители-то жили здесь, в Токмаке. Вот. А… этот Виктор, брат двоюродный, он пошел к тетке, и забрал свои вещи, и опять же пошел назад, в тот же день ушел назад, уже к матери к своей, в то село, в котором мы были, кода. Ну, так от это. Некоторое время мы там пожили. Кода, значить, де-то в сентябре, в октябре, приехал за мной мой отец. А он в это время жил здесь. Перед, кода немцы стали подходить, эвакуировался. И он, он работал в горкомунхозе, он достал де-то там небольшую тачку какую-то, тележку, лошадь. Самое необходимое погрузили и поехали в сторону Мариуполя, шоб забрать меня и дальше эвакуироваться. Но они доехали де-то примерно до Волновахи, немцы их настигли, и вернули назад, домой. Ну, они приехали, в доме все уже разграблено было, там уже всякое безвластие, как говориться, да? И они тода… А отец женился вторично, так шо это моя мачеха. Она, ее родители жили в Геническе. И они сходу отсюда поехали прямо в Геническ. Ну, уже приехал в Геническ, отец, значить, велосипедом поехал в Мариуполь за мной. И ото я. А у меня там тоже был велосипед. И мы вместе уже из Мариуполя приехали в Геническ. Это было де-то уже в октябре, в октябре, в ноябре сорок первого года. Вот. Ну, дальше как. Дальше события как развивались, лично мои. Значить, в декабре сорок второго года меня и сводную сестру… Это отец кода женился, у нее было две дочери. Там, значить, Нина и Алла. Она такого возраста как и я, а вторая поменьше. И нас обоих забрали Германию. В соро… декабре сорок второго года, пятнадцатого декабря. В эшелон, и мы значить... там я попал… город Бракер, есть такой аш в западной стороне там. Верхняя Селезия. Попал на работы, жироочистительная фабрика. Ну, она, это так можно подумать, шо шо-то такое хорошее, но на самом деле там, значить перерабатывали какие-то, я не знаю какие вещества, и делали какой-то полуфабрикат, который отправляли дальше для, для производства чего-то, да. Я не знаю этого. Вот. Работал я там в слесарной мастерской по ремонту от это оборудования всего там. Ну, естественно, с немцами, это руководителем. Работы тяжелые были, та

и жизнь тяжелая была, ну, всем известно наверно, я рассказывать не стану, там.

Да. Вот. В сорок пятом году, в конце войны, вже восьмого мая мы услышали от это о том шо нем… Германия капитулировала, а у нас получилось так, шо нихто, ни наши ни пришли, ни американские войска, англо-американские. А потом через нескоко дней появились англичане. Армейцы. Да. Ну от. Освободили нас, вроде того, шо мы свободные, все, собрали нас в лагерь, определенный для того шоб, для отправки на нашу территорию, уже на советскую. Или на, ну да, советская, оккупированная часть, да? Ну, там я пробыл до августа де-то. В августе нас отправили. Там собралось много народу, там де-то, наверное, было тысяч тридцать отаких вот, как мы. Вот. В августе нас переправили на нашу территорию. Я уже забыл, город какой там. Короче говоря, там после прохождения от этих фильтрационных лагерей. Там проверяли, де, хто, хто родители, туда-сюда, ну, короче говоря, как обычно, наверное, это делается всегда, да? Я. Меня забрали в армию. Призвали в армию. И попал я в триста шестедесятый стрелковый полк. Вот. Там, значить, меня зачислили в отдельный батальон учебный. Я шесть месяцев проучился там. И мне присвоили звание младшего сержанта. И направили в часть. А в части я стоял на демаркационной линии. Там, охраняли участок границы, короче говоря, между нами и американской зоной. Да. В сорок шестом году, в декабре, дивизию нашу расформировали. От. И нас всех отправили уже суда, на территорию Союза. От. В Союзе, я там попал, значить, сначала в город Барановичи, сто сорок восьмой отдельный батальон связи. От. Ну, там меня назначили на должность, как уже сержантом я в то время был, назначили на должность оружейно-пулеметного мастера. От. И я там от это прослужил до сорок пятого года. Правда, за это время часть передислоцировалась из Барановичей в Пуховичи, под Минском, там шиисят километров от Минска, есть такая станция Пуховичи. И там наша воинская часть стояла. Ну, в армии я немножко был так, человек такого спортивного сложения, любил гимнастику, занимался, ездил на соревнования там. На соревнованиях белорусского округа был по гимнастике. Потом я отлично очень стрелял. У меня был дважды награжден значком “Отличный стрелок”. Вот. Ну, там много благодарностей. В общем, армия у меня осталась в памяти, как, ну такое, что-то хорошее. Понимаете? От. В пиисятом году, в марте месяце, правда, демобилизация двадцать пятого года, демобилизовали по указу Президиума Верховного Совета. Последний раз. Это в сорок, в каком же, подождите, в пит... в сорок восьмом году, да. Был указ последний в сорок восьмом “О демобилизации двадцать пятого года”, но сержантский состав оставили до особого распоряжения. И мне пришлось еще ото до пятидесятого года еще два года служить. Это получилось в общей сложности четыре с половиной года это... службы в армии. В пиисятом я демобилизовался. Значить. Ну, естественно, устроился у нас тут на завод Кирова, фрезеровщи-

ком. Специальности особой у меня не было, потому шо так прошла молодость шо это... специальности приобрести не смог. Ну, фрезеровщиком поработал, потом на другую специальность, там расточника получил. Там, в общем, там немножко работал. И в пиисятом году, встретил я от свою супругу, и мы в августе месяце поженились.

Ну, шо дальше, как можно продолжать. С пиисят… Потом я... при заводе была школа мастеров, я поступил в школу мастеров. Там мы год проучились, школу мастеров закрыли, а нас передали в техникум на второй курс, наш Токмацкий, механический техникум. В пиисят шестом году я закончил механический техникум Токмацкий. От. Ну, после того как кончил с отличием. И поступил, был тода Северо-Западный всесоюзный политехнический институт в Ленинграде. Без экзаменов, поскоку я с отличием кончил техникум, приняли туда без экзаменов. И я там три года учился, пока возникли совнархозы, и мне оттуда предложили, ну, перевестись в какой-то другой институт местного совнархоза. А у нас тут заочных не было в то время. И мне так пришлось остаться без высшего образования. Четыре года там проучился. От. Ну, правда, там с некоторыми перепадами. Шо-то за четвертый, за на, за третий было, там некоторые долги, ну короче говоря, как обычно у студентов, да. Вот. Ну а потом мы… В пиисят девятом году я перешел работать из цеха, был расточником, кода окончил техникум, перешел работать конструктором в инструментальном цеху. От. Там я проработал года полтора примерно. В пиисят девятом работал, назначили меня механиком цеха номер шесть. При заводе Кирова. Механиком я тоже полтора года проработал, перешел отдел главного технолога конструктором. Конструктором мне нравилась эта работа, мне, я, так хотелось всегда. И я перешел туда. Вот. И так я от там до конца, до самой пенсии проработал. Правда в процессе работы был назначен сначала начальником конструкторского бюро автоматизации и механизации. Вот. А потом через некоторое время там получилось перестановка, короче говоря, между нами, и меня назначили начальником конструкторского бюро по приспособлениям. И так я до конца года, до конца восемьсят пятого года, кода я ушел на пенсию, проработал в этом. Ну а будучи на пенсии, я немножко, правда, так, работал слесарем немножко работал, в том же инструментальном цехе [запис перервано].

Дружина, Юлія Андріївна: Орден “Знак почета”.

Костянтин Федорович: Да, в семидесятом, в семидесятом был награжден орденом “Знак почета”. Было. Ну это со дня Ленина, рождения, вы знаете, медали эти давали. Ну и медали за это, как оно, “Ветеран труда”, медали, да. Был ветераном завода.

Отца звали Федор Константинович. Вот. Мать – Мария Афанасьевна. Но она в тридцать третьем умерла, а отец, значить, де-то, я не помню, в тридцать седьмом, или тридцать восьмом году де-то, не помню точно, я в это время учился в Мариуполе, а он женился здесь. Ее девичья фамилия

Павлова. Ольга Яковлевна. Вот. У нее было двое девочек. Одна, Неля, в возрасте моем, двадцать пятого года рождения тоже, одна, Алла, я не помню точно какого она года, тридцать первого, по-моему, она младше. Или двадцать девятого, де-то от так вот. Я не помню точно. А мама, мамы девичья фамилия Роговцова, Мария Афанасьевна Роговцова. Она родом из Мариуполя. В Мариуполе она там. И от это ж, у нее сестры я учился. Тетя Лида ее звали. Лидия Афанасьевна. Она преподавала в школе, учительница была, и она ото, с ней я жил там, и это… А Роговцовы, Роговцовы они сами не с Мариуполя. Они… Ой, это трудно мне вспомнить, конешно, там тоже было вот это село Тельманово, Донецкой области, да? Оно, фактически было село, как немецкое колониальное вроде село. Там больше немцев жило, да. Вот. И Роговцов, Афанасий, от это, он сам русский, между прочим. Он там жил, у него был там домик, у него там было, ну небольшой огородик, вроде шо-то такого, да. От. Хозяйство, короче говоря. От. И. А уже этот, его дети. Значить, у него было много детей. Было, значить, трое девочек, и трое хлопцев, мальчиков, да. Все они значить от эти, там значить, если перечислять. Значить, тетя Лена, самая старшая вроде, тетя Лида, и мама моя, Мария Афанасьевна, да? Из, а из ребят, значить там, значить, был: дядя Леня, дядя Володя, и дядя Ваня. От это трое, шестеро, да. От. Все они жили в Мариуполе. От, эти, да. Вот. Правда, потом уже, дядя Леня он переехал де-то в Риге жил, потом, да. А дядя Ваня уехал в село там обосновался, вот. Ну а папа с мамой же ш мы приехали сюда, в Токмак, уже когда это да. От, такая этот, ну родословная, что ли. Больше я, дальше никого не помню, понимаете? Со стороны матери от это, Роговцовых, да? От это родственников помню. А от со стороны отцовской, никто у меня в памяти не сохранился, понимаете? Ну, дедушка, бабушка, я смутно помню, они рядом там жили, да, в селе, кода мы в селе жили еще. Вот. И-и… Племянница папина, тоже помню, Ольга ее звали, она даже как-то приезжала сюда к нам, кода папа умер. Она приезжала сюда. Племянница, Ольга. Как ее фамилия, Черх?.. Черных, да? [звертаючись до дружини]... Или? Я уже забыл, честное слово, уже память.

Юлія Андріївна: Черман.

Костянтин Федорович: Черман, Черман, ага. Черман, Ольга Черман. От. От это из, из родословной шо я, осталось у меня в памяти. Больше я никого не помню. Ну, дедушку Константин звали, я потому шо папу Федор Константинович. И меня, собственно, назвали в честь дедушки. От. От так и это. Ну, а в Токмаке, в Токмаке, когда мы в тридцать втором приехали, тут я как раз пошел в школу, в первый класс, в семи, восьмилетнем возрасте, считайте, да. Вот. Жили мы на квартире. А потом, кода мать умерла, в тридцать третьем, хозяйва нам отказали в квартире, и нам дали квартиру на улице Революционной, отам, там напротив “Красного” магазина. Вот… Отам напротив “Красного” магазина, може, если, ну вы то тех времен не помните, даже, после войны. Если щас так говорить шо, от при-

мерно в том месте, от между “Красным”, и “Комсомольским”, знаете, есть там ворота? От как раз напротив этих ворот. Отам был домик, в котором мы жили, да? От... И там мы все время жили. Аж пока я… [*Домик был*] это горкомунхозовский. Папе выделили квартиру, такую там, да, и ото он там, мы там жили. И когда он вторично женился, от, там все и жили вместе. Но я тем временем, я в то время учился, уже меня отец отдал в школу туда, и я там в школе, в Мариуполе, уже и заканчивал, хотел десять классов, ну, не получилось. До восьмого доучился токо.

В тридцатые годы, ну, я там в тридцатые годы фактически жил в Мариуполе. А уже после войны, после войны, ездили мы, и с супругой ездили туда в гости, к родите… к этому... К тете Лиде, к тете Лене, ездили, да? Вот. Они там остались. Дядя Володя ж там тоже жил, да? Вот. И, мы к ним в гости наезжали. И поездом ездили. И у меня мотоцикл был, мотоциклом мотались туда иногда.

В Токмаке я был до... ну, четыре класса считайте, тридцать третий, тридцать четвертый, тридцать пятый, тридцать шестой. Не, уже в тридцать шестом я, по-моему, учился в Мариуполе, но уже я знаю, шо я там с пятого класса. В пятый класс туда, я это, учился в Мариуполе, от. А до четвертого… Был свидетелем как разбирали от это… де кинотеатр, де щас церковь, как ее разбирали, кода с церкви делали кинотеатр. От. А теперь я свидетель, как наоборот все это делается. От это напротив милиции там был от торговый ряд, магазины, ряд магазинов, а напротив через дорогу сквер начинался. От. От там де от это щас памятник Ленина, от это примерно отам был ряд магазинов. Вот. Потом дорога, и, справа сквер, тут на углу, там парикмахерская, еще некоторые магазины были, напротив милиция. От де милиция, она и сейчас там, собственно говоря, от эти места. Сквер был огорожен, красивая ограда была, там металлические пики такие делали кованые. Кованный забор такой красивый был. Потом его помаленьку, по-маленьку растащили, разобрали. Разгородили. Вот. Ну, шо еще? Летом, в летние времена, еще до войны, я всегда это, отдыхал в лагере. А лагеря в шко... при школах были. Вот это де первая школа, шо в сквере, знаете, первая? Она раньше была первой. Щас первая новая, тут построили, от это, а то была первая школа там. Щас там какой-то учебный комбинат, шо-то такое, да. От. А раньше там была школа до войны, и там был лагерь. И ото на летнее время мы там в том лагере отдыхали. Ну, шо еще такое.

Вы, знаете, я мало друзей помню, потому шо я уехал из учиться в тридцать четвертом де-то году в Мариуполь, да? От. Единственное, я помню хорошо, с кем я дружил все время, мы соседи были, и когда мы жили на Революционной, это был Виктор Запорожец. Фамилия его. Ихняя семья, отец у него был он не то инвалид, не то это, он гражданской войны еще старый коммунист. Мы с ним всегда играли, как хлопцы, знаете. Ну, как играли. На речку бегали, купаться. В футбол играли, там, городки иг-

рали. Потом в цурки, раньше такая игра была, вы не знаете, да? Хе-хе [сміється]... Это такая небольшая палочка, заструганная с двух сторон, на конус. И в руках палка. Эту цурку ложили на пол. Потом по тонкому концу ударяли, она прыгает, и потом палкой надо было ее ударить, чем дальше ударишь, тем лучше, значит. А, тот, в поле, должен эту цурку потом бросать в этот квадрат, с которого я бил, понимаете? Если он попал, значить, мы меняемся местами. От такая игра была. Хе-хе [сміється]. Да. Вот... Ну, не знаю я, то еще кода совсем маленьким был, мне запомнилась игра, шо в земле рыли маленькие луночки такие в ряд, и мячик катали. Против каждой луночки отак стоял человек значить, ну, ребенок, да. Значить, кто-то бросал этот мячик, в чью лунку упадет, тот должен был этот мячик хватать и попадать в кого-то, значить, все разбегалися, и попадать, в кого-то надо было попасть. Не попал, значит, там, он начинает это, да, ну короче говоря, там от шо-то в этом роде, да. Это такая игра была. Ну, потом шо… У мячика, наверное, просто так и называлась. Игра в мячика, да. От. Потом увлекались мы в то время змеи пускать. От, значить, из куска листа бумаги там, крест-накрест там из этого, из камыша такие тонкие пластинки, заклеивали, ну, змей, как вы знаете, да? От. И, значить, на нитке запускали змея, тоже увлекались ужасно. Особенно в Мариуполе, это. Там все провода мы обвешали от этими, запутанными. Там хвост же длинный, еще привязывался к нему, да. И то, это, запускаешь, а он зацепился, там де-то за провод, и так на проводе и осталось. Да… Ну, оно как-то само, наверно, пришло, я не знаю, точно, понимаете, это не было такого, шоб кто-то учил, да? Не, не помню этого я. Ну... О, зимой мы, раньше зимы тут в Токмаке были не такие, как сечас. Раньше если зима – так была зима. Выпал снег. Полно все. Мы и на Революционной кода жили, помню, один год так прямо кода строился от этот дом, где “Красный” магазин, от это, это было де-то, не помню, тридцать четвертый, тридцать пятый наверно год, да? Шо был сильный снегопад и ветер западный оттуда дул, да, а дом этот пятиэтажный, и оно завихрения, мы от тут через всю Революционную улицу, насыпало сугроб выше дома. Выше дома сугроб насыпало, мы еле откопались из квартиры, да, утром. Наме... за ночь намело так, да? А тогда особого такого движения не было транспорта, как сейчас, да. И эта, гора эта, через дорогу стояла долго-долго, аж пока постепенно ото ее это, да. От. Тогда машин не было. Кода-никогда там подвода какая-то проедет на лошадях, а так, ничего, да? И, улица Шевченко вообще не была замощена даже, вообще грунтовая была дорога, да. От. Это тридцать третий год. Тридцать второй. Да, вот такой.

Зимой на лыжах катались, на санках катались, на коньках катались, на речку ходили. Привязывали, тогда тоже с коньками туго было, коньки самодельные делали, деревяшка к нему, это такой провод, проволку прибивали, под, под это, колос такой, да, привязывал к ногам и пошел. От. А

если с коньками так вообще там хто-то это уже были люди. Хе-хе [сміється]…

[*Коньки*] сами делали, хлопцы, да. Ну, там, ну, можете себе представить, как мы, какие это были коньки, да? Конечно сами. Колодку там топориком обстучал, там это, обстрогал немножко, потом тут гвоздь забил, проволку обмотал, сюда это, и сзади тоже, и там ручеек такой, шоб оно не это, проволка, толстая проволка такая, и пошел, да. Ну, шо еще, какие еще? Правда, уже потом, позже, в заводе Кирова там, ну это уже после войны правда, было, это уже, наверно, сорок восьмой, сорок седьмой год, да? Даже, наверно, позже, да. Там спортивный клуб был, и они там напрокат давали коньки. Мы, я помню, шо я, ну уже взрослый фактически, уже после армии, ходил туда, брал у них напрокат коньки, ходили на речку, и там ото катались немножко. А так, больше, ну какие еще игры? Я увлекался спортом, уже и тут, уже после войны, когда приехал, я тут тоже немножко [запис перервано]… Не, хоккей, мы хоккея тогда даже не знали, вы знаете, не было такого, шоб клюшки, и прочее такого, да. Я имею ввиду довоенное время. Нет, такого вроде не было. Я не это… Так, просто моталися туда-сюда по речке, там особо… Речка у нас не очень широкая. Это сейчас тут разрыли, и она широкая. Но все равно, она, уже заросла, да. А тогда она была небольшая, отдельные места там были де купа... купальни, так называемые, куда мы ходили купаться. От. Потом. Отам в западной части Токмака там, там тоже было одно место, такое, млын, млын называли, и там кода-то до вой... до революции еще, был млын, и кода, ну, мельница водяная, речка от это ш наша, Чунгулка которая идет, она еще тогда более-менее функционировала, а так щас уже она не это, ее поперегораживали там везде это. А то там был это, млын стоял. Стена каменная такая, красного кирпича высокая и это. И когда Махно сюда пришел, в каком-то... ну это мне рассказывали, я не видел конечно, то он этот млын взорвал, и эта стена отак перекосилась, вдоль этого, вдоль речки, и тут образовалась такая пойма большая, де глубина хорошая, и там ото купались. Туда ездили купаться. А от эти все места, от это де за речкой сейчас от тут, против парка Чапаева, туда дальше, да. Там такие плантажи были, там деревья были, такие большие деревья в три обхвата, тополя такие большие, там всегда туда люди ходили отдыхать. В воскресные дни, там это. Да, за город считалося, это, да? Ходили туда отдыхать, и там же купалися, там хорошее место для купальни. И по речке были места отдельные тут, от тут у нас возле парка Чапаева, потом отам туда ниже, там ото была кладка в парк раньше, возле той кладки там была купальня. Вот. Ну и еще, наверное, где-то там в других местах. Вот такие дела… [*Родители*] нет, они наверное не ходили. Это ш мы, пацаны, как говориться, хлопцы. Ото соберемся гурьбой: "Пошли купаться! Ну, пошли". И, ото бегом туда, пошли, пошли, да. Без родителей, без никого, да. А родители де? Ну, отец работал в основном, это, работал в горкомунхозе в то время уже, да. А в начале,

когда мы приехали, он столяр был неплохой. Был мебельщик, сам себе все, много мебели он делал сам себе, да? От. Вообще он был по этой части мастером. От. И он, когда от это строили дом. Знаете, какой? Шевченко 1. Ото где, где щас швейная фабрика, а то к заводу туда ото дом, трехчетырехэтажный, видели, помните? От тот дом строили, это тридцать второй, тридцать третий, наверное, год, когда мы токо приехали сюда. Вот. А от эти все мастерские по... где делали от эту всю, так сказать, арматуру деревянную, да, окна, двери, полы там и прочее, прочее, да. Отут в сквере, напротив торгового ряда, был целый ряд такая крытая мастерская, просто наскоро... на скорую руку сделанная, укрытие такое небольшое, да? Столбы, крыша, и одна стенка глухая, и там верстаки, и там работали от это вот, столяра от эти которые, плотники, которые делали от эту всю, как ее называется? Дер... деревянное, эти, изделия все... столярку, столярку, говорят, делали, да? Вот. Он там работал. А потом позже он уже устроился в горкомунхозе, и там ото работал прарабом все время, прарабом.

Мама не работала. Она была домохозяйка. Ну, она не успела тут поработать. Мы в тридцать втором приехали, а в тридцать третьем она умерла. Да… Она – домохозяйка, потому шо, собственно говоря, она не, не работала, я не помню, чтоб она работала, от. А умерла она от несчастного случая, фактически. Она… Пожар был у нас, она сгорела. За пожар от керосинки. Она в горящую керосинку подливала керосин, а керосин оказался смешанный с бензином. Она пыхнула, и сама облилась, и сама обгорела, короче говоря, она девять дней пожила, в больнице и умерла. От... И ото с тех пор я остался без матери. От. Ну шо [она] делала по дому, как по дому, от спросите ее, шо она по дому делает [до дружини]? Хе-хе [сміх]… Ну, в основном шо, значить, уборка в квартире, да? Приготовить обед, ужин, там это. Ну, как обычно, женская работа, дома, да? [*Вышивать*] – от этого я не помню. Я сам лично любил в детстве вышивать, да. И очень увлекался этим делом, между прочим. От. Нет, она не это. Уже вторая мать, она была немножко модисткой. Она шить умела, даже некоторым знакомым там платья шила, там… Если кто-то когда заплатил, значит заплатит, а нет, значит, так было. Я не скажу шо она, это. Ну, может бать, и за деньги, потому шо было, было это, одна у нее была такая шо постоянно к ней ходила, постоянная ее клиентка, как говориться, да? Она ее, ей частенько давала деньги, да. Она, просто, если так сказать, природное дарование, да? Сама научилась, сама, это.

Хе-хе... Я помню, когда был голодный год, тридцать третий, да? Даже нет, не тридцать третий, тридцать второй, мы еще жили в селе там, этом, в Гранитном. Мы, хлопцы, пацаны, бегали в степь, а там степь недалеко, и речка рядом. Кальмиус, река. Протекает. И мы, хлопцы, бегали в, в это, выливали сусликов. И, сусликов, от это ш, папа потом снимал с него шкуру, а мама готовила жаркое. И мне очень понравилось, между прочим. Это был тридцать второй голодный год. Так мы, конечно, сусликов не ели,

да? А от в этот год именно пришлось так шо это, да. Ну, вкусно. Жаркое получилось отличное. Хе-хе [сміх]… Ну, наверное, вы знаете, ну шо мы, пацаны там, по сем, по восем лет. Да, в то время, да? Значить, я слышал, шо тут умирали. Я, например, редко видел, шо были какие-то похороны, или шо такое, в то время, да. От. Меня даже обвиняют: "Шо, от, шо ты не помнишь голод!" От, ну, ну я не помню, может быть получилось так шо, ну, родители, может, последнее для меня делали, понимаете? Может, так я понимать могу это, да. Но я лично, знаю, шо было одно время, когда мать умерла уже, да, в тридцать третьем, шо отец подрядился где-то в колхозе, отут у нас недалеко, под Токмаком, я уже не помню, в том или в том районе, в каком, да? Шо... И он меня с собой брал, они там бригадой строили не то свиноферму, не то птицеферму, шо-то такое, да. Он у меня по строительной части был специалист, отец, да. От... И брал меня с собой, и там, значить, я от это помню шо, на обед нас, в рельсу звонили, созывали на обед, ото все приходили, работники, и общий стол деревянный, большой, там ото кашу какую-то нам давали, такую, очень не вкусную, хотя с удовольствием мы ее ели, да. От, это я единственное из голода помню, шо такое было, да. А шо потом, как говорят, массово умирали тут, шо трупы валялись на улицах… Я не знаю, такого, по крайней мере, я в Токмаке не видел, и не помню. И не могу даже сказать, шо шо-то такое было. Понимаете? От. Ну, не знаю, кому-то может это выгодно так говорить, не знаю, ну, лично я не могу это. Голодно было, помнится, да, шо все с как-то с трудом доставалося, понимаете? Шо, допустим, там если шо-то готовилось, то оно там больше водички, больше того-сего, да, а шоб так настоящий борщ там ото то, или шо-то такое, такого, я конечно, не было, да? Потому шо, по-видимому, это все легло на плечи родителей, понимаете? Может быть они, так, ну, хлопец, маленький, ну шо там, вроде, старались мене больше все отдать, да? Может быть так, может.

[*После голода*], ну, хе-хе [сміється] обыкновенные разные блюда готовили, борщ, ну, в основном, в основном, конечно, у нас шо, у нас? Национальная еда – это борщ, да. Борщ, супы разные. Пельменьки, помнится делали, там. Шо еще такое? Жаркое часто делали, помнится. Картошка, с мясом, такие это, да. Ну, одно время я, понимаете, как, кода, ото я еще тут в Токмаке жил до войны, папа еще не женился вторично, мы питалися, этом, то в столовую пойдем, то он принесет там головку сыра, и кусок хлеба, и это, хлеб, хлеба и пошел пацан бегать, да? От. Шоб так шо-то дома готовили – не готовили. В основном, в столовой питались, все да. От. А от у тети когда я жил в Мариуполе, там нормально, там, тетя Лида, и бабушка, муж у нее умер, у тети Лиды. А бабушка она по дому была, домохозяйничала. Она всегда готовила. Там всегда нормальное питание было все. Ну, я даже, трудно мне сказать шо. Картошка, да... Пирожки помню, пекли, да. Духовые были, да. В Мариуполе, там, хе-хе [сміється], у них во дворе была печка такая, понимаете, построена, из кирпича, с трубой. В

летнее время они готовили на дворе. Навес там такой у них был, да. И на дворе от это они готовили. Вот. И, там духовка в этой печке, и ото пирожки пекли там. И жарили пирожки, с картошкой там, с мясом, со всем, то я знаю. Я не знаю, я шо-то… Как вам сказать, шоб шо-то я откровенно там любил, такое, шо от это мне нравится, от это не нравится, как-то тода я это, не помню даже, шо я не могу даже сказать шо. Ну, питались, обыкновенно, как все люди питаются, так это, да… Ну шо еще вам?

[*На рыбалку*] ходили… Токо мы ж в Мариуполе там на рыбалку там, до моря далеченько нам было, там трамваем надо было ехать, и это, от. И мы с братом двоюродным, это тети Ленын, второй тетки, она тоже в Мариуполе жила, Ленька, мы с ним, он всего на два года младше меня, двадцать седьмого года он. И мы с ним вместе ходили на лодочную станцию, брали лодку напрокат, да? Вот. И выезжали в море, там недалеко бычков ловили. Это было такое, да. Немножко там отам, в районе где Кальмиус впадает в Азовское море, от. Там была тоже спортивная база какая-то, там и лодочки напрокат давали, и потом там были от эти, естественный такой бассейн, плавательный, с это, с дорожками, там как, с этими, с трамплинами там все прочее, да? Там стояла парашютная вышка. От. И в том районе, мы туда ходили карпов ловили, тоже, в речке, уже, да? От. Было такое, да. Кстати, у нас в Токмаке тоже была до войны вышка парашютная, отам де в районе стадиона. От. От. Команда неплохая у нас, "Зенит" называлась, была футбольная. Токмацкая.

[*На футбол*] ходил! Увлекался. Я вообще спортивными мероприятиями всегда увлекался. Любые. От… И принимал участие в спартакиадах. У меня... по-моему, уже вот [в] возрасте был, уже почти предпенсионный возраст, на спартакиаде, тоже там занимал места. Не, отец не это. Он больше, все шо-то, че-то мастерил всегда, там это такое, да.

Вы знаете, я с родителями очень мало жил, да. С родителями я мало жил, потому шо от я ж говорю, от это, до сорокового года я учился, до сорок первого учился в Мариуполе, да. Правда, на каникулы я приезжал сюда, летом, да. От. Там на месяц, на полтора. От… Потом, ото я у Геническе вже с родителями пожил там, ну, около года, может, чуть больше года. От. Забрали в Германию. Там до сорок пятого года был. Потом в сорок пятом призвали в армию… Отец – грек у меня был, грек, да… [*Что он грек*] вы знаете, нет наверно, не, не это, не чувствовал я этого. Та и он. Ну, во-первых, он, прекрасно, он, не знаю, што, шо он, какое образование у него, да? Он, как-то у нас с ним никогда такого разговора не было, шо он там кончал, де учился, и прочее. Но писал он красиво, почерк у него был хороший, и довольно грамотно. От. Ну, он прорабом, он сметы там составлял. У него, в этой части он это… Я не скажу, шо он там малограмотный, или шо, да. Неплохо он это. Но он больше был, он, увлекался от такое, столярными работами, понимаете. Он дома всю мебель сделал сам дома. Домой.

[*Вещей старинных в семье родителей*] наверно нет, вы знаете, потому шо я ш говорю, шо нам вот это все война, шо у нас там было. Нет, ничего нет. Потому шо мы сюда в Токмак приехали, фактически у нас ничего не было, начали сами наживать. Особенно папа, ото. То стул сделает, то скамейку, то стуло, то еще шо-то, шифанер, короче, по-маленьку он сам себя обустраивал. Да. От. Тода ш не было там мебельных магазинов, такое, знаете, особенно не разгонишься купить де-то. Не знаю, може люди с крупными деньгами, но таких тода мало было, наверно, не было.

[*Люди мебель*] заказывали в основном. Да... Даже обувь и ту чаще всего больше всего заказывали у сапожника, чем покупали в магазине. А потом, правда, уже стала немножко развиваться промышленность, это, стало, можно было. Дуже модно, помню, до войны были парусиновые белые туфли, из парусины сделанные, да. Вот. Ну. Они так, сезонные можно сказать, да, на лето токо.

[*Я носил*], ну, костюмы, да, костюмы. Покупали в магазинах. В Мариуполе, я помню, мне тетя Лида купила костюм. Оно получилось так: папа ж когда меня туда передал это, он постепенно высылал мне туда денежки. На мое содержание, да. Каждый месяц там какую-то сумму он присылал туда, и. Ну, она там насобирала, мне костюм купила, да. Кода я восьмый класс кончил, уже, уже считай, взрослый хлопец, да. От. Костюм. А так, ну шо, рубашки, штаны, брюки там, я знаю, отдельно покупали. Да, да, ну а шо. Шить не заказывали. Это уже после войны, я когда приехал сюда в Токмак, тода трудно было, тода в основном заказывали, покупали материю и заказывали у часных лиц, костюмы. Я лично тоже, костюм себе сшил, тоже купил коричневый такой, красивый. Заказывал, заказывал. Покупал материал. А была швейная мастерская, да, там на это. В торговом ряду, или де они были, я не помню уже.

Юлія Андріївна: [нерозбірливо] Где магазин от это “Ромашка”, там “Ромашка” по Шевченко, там с торца была мастерская. И ото там мы заказывали костюм.

Костянтин Федорович: Да, да. Ну часник, да, не, не, или не.

Юлія Андріївна: Мастерская.

Костянтин Федорович: Мастерская, да.

[*Почему в тридцать втором переехали в Токмак из села*]? Вы знаете, я не помню. Я не помню. Может быть из соображений голода. Это тридцать второй год был, да? [*В городе, может, легче*], не знаю, может… Не знаю, может быть и... Отец он больше был по части строительной, понимаете? Он, он плотничал там, ну, по хозяйству там шо-то делал. Знали, шо он там... У нас в том селе была мельница, она, водяная мельница, ее там подмыло, и, она так перекосилась, короче говоря, и хозяин не знал, шо, как поступить. Ну, отец взялся ему это дело исправить. Он, там, короче говоря, принесли там [нерозбірливо] телеграфный столб, подложили там, через рычаг, несколько человек придавили, приподняли, там подсунули

кирпи... это, камень большой под это, фундамент, он ему выровнял. От это, у него по этой части была, знаете, такая сообразительность, шо как лучше сделать, как быстрее сделать, и прочее. Ну он, конешно, тот хозяин его это, хорошо отблагодарил за это… Да, и он отак по таким работам разным, а тут как раз ж от эта коллективизация, он в колхоз, видно, не захотел вступать, да. И ото видно, может это быть причиной этого. Потому шо он больше по такой, части, знаете, строительной, шо-то, шо-то делать шо-то это, а… Может быть это, я не, не знаю, понимаете, знаю, шо мы срочно собрались и уехали. И все, на этом дело кончилось.

[*Почему в Мариуполь отец отправил*]? Ну я, я так понимаю, шо поскольку матери не было, отец на работе, понимаете? И, наверно, тут повлияло, шо тетя Лида, тетя Лена, да. Они, наверно, сами взяли меня туда. Ну, сказали, шо, давай мол, шо ты там, он за мной не посмотрит, ничего, да. А там за мной и ухаживали, и все ж это, как говорится. Вот. Поэтому, потому, так, наверно, и получилось. Ну я, собственно, жил у тети Лиды, да. Вот. И, с ними, с ней жила ее мама, ну, собственно, моя бабушка по матери, да. От. Бабушка и тетя Лида. Вот это они вдвоем, бабушка дома она по хозяйству была, готовила там, стирала, туда-сюда все это. А тетя Лида, она, учительница была в школе, в пятой школе, в которой, я кстати, и учился, там же, там недалеко школа была. Пятая. От. И в той школе я учился. Ну шо. Я лично, например, никода не ощущал, шоб меня шо-то воспитывали как-то, да. Шо вот то можно, то нельзя, то это, да. Ну как обычно, это, да, делается? Я не знаю. Хе-хе... Жили обыкновенно, ну там ругнет иногда тетя, шо шо-нибудь я не так сделаю, да. Шо незя, зачем ты туда пошел там, или еще шо-нибудь такое, да. А так, в основном… Да, да. "Сиди делай уроки!" – "Та я потом сделаю". Ну. Хе-хе [сміється]…

[*По дому*], ну как, конечно, шо-то делал. Там то воды, у нас вот в квартире не было воды допустим, да, воду там надо было носить там откуда-то. "Воду принеси, мусор вынеси!" Воду вылить куда-то там. Это я знаю. Возле дома там убрать. То такие работы я сам занимался. В основном дома, больше таких работ у нас не было. От шоб... Ну... Усадебного участка у нас не было, приусадебного, так шоб там заниматься чем-то тоже, нету, да. Так шо по дому, ну то такие работы токо. В основном это была моя обязанность принести воды, от, шоб всегда вода была в квартире. И на день и не раз приходилось это делать. А так, а так больше никаких работ. С ребятами, в шахматы увлекались там во дворе гуляли, грали. Потом в волейбол играли там во дворе же, хлопцы, футбол. Ну, как обычно, дети, да. [*Где брали все*], это я не знаю, откуда оно бралы. Хе-хе [сміється]. Притащили ребята, притащили сетку, де они ее взяли? Бог ее знает, да? Ну, правда, я не скажу, шо она там новая, хорошая, ну. Бывало шо просто веревку протянем, и через нее играли, да. Сетки не было. От. А футбол, так было время, шо вообще, мяча не было, так чулок набивали тряпками,

вышивали, обшивали его, да. И ото ганяли тот чулок. Ну это было такое, да.

Праздники помню, да. Помню. Ну, мне че-то всегда запомнилось Первое мая. Всегда от оно. Всегда, во-первых весенний праздник, да? И, как утром встаешь, уже слышно кругом музыка там играет, интересно. Ну, интерес вызывал этот праздник, понимаете? От. Ну, тода как-то я не помню, шо шоб мы ходили на демонстрацию, но праздничное настроение всегда было, это, да. Ну шо ж, я не помню до войны шоб, на демонстрации школы мы не ходили. Не помню, шоб нас водили там куда-то это, да, не.

Не, Рождество не отмечалось, это точно. Рождество не отмечалось, тода. Ну, лично я атеист, понимаете, я не верю в эти все божественные праздники, да? И меня не это, даже иногда возмущает, шо люди отам иногда как посмотришь… [запис перервано]. В основном я вам говорю, шо от это мне Перове мая самый такой был праздник, самый для того шоб…

А Новый год… вы знаете, раньше тоже Новый год как-то, по-моему, не встречали. Так, в симейном кругу, сойдуться там, сестры, братья, там это, сядут, чайку попили, туда-сюда, это я помню, бывало такое, да. А шо елки, от это не устраивали. Елки, уже начали после войны де-то, да… [звертаючись до дружини] устраивать, не?..

Юлія Андріївна: Я помню, маленькая была, елочка, игрушечки. Ну, игрушечки такие…

Костянтин Федорович: А, правда, подожди…

Юлія Андріївна: И из папье-маше игрушки такие, разные, да? Зайцы там, тюлени [нерозбірливо], волки. Я помню, как сейчас, мама мне: “Уходите, и не заходите”. У меня сестра на пять лет старше меня. “Не заходите в спальню, сюда нельзя”. Через время: “Зайдите”. Зашли, елка красавица такая стоит [нерозбірливо]. И нам было так красиво от это посмотреть, мы были в восторге. Вот эту елку я помню с детства [запис перервано]. Женщины редко работали, больше они... [запис перервано].

Костянтин Федорович: Это они в одном отделе, да, с Клавдией Васильевной Стаценко… Да. Она технологом работала, а я конструктором.

[*Токмак*], ну, до войны он выглядел как, как одноэтажная Америка, как говориться, да. Не было многоэтажных домов. Единственные, двух, двухэтажный дом был отут на углу, де, первый магазин был, помнишь, на торговом ряду? Как вам объяснить… Вы представляете, де милиция, да? От это де памятник Ленина щас стоит, да, от это здесь была, отуда [в] сторону швейной фабрики, постройки, подряд. Первый был магазин номер один, потом там, “Ткани”, там еще там разные магазины, и в самом конце там было ресторан, самый последний дом, уже, на Шевченко фактически вышло, да? От. Швейная фабрика, от эта шо, щас к ней пристройку там сделали от это, да. А то была от эта, раньше до войны это была поликлиника. Красивая, очень красивая поликлиника, хорошо оборудованная. И, вечерами, на нее смотришь, уже, как их называют, пилястры, или как, на

это отакие, вдоль дома, они желтого такого, золотистого цвета, и когда солнце на запад заходит, они так блестели, и там такие красивые, они это, получался дом красиво выглядел, да. От. От это, было это, да. Торговый ряд.

[*Улица*] Шевченко, в основном, все, оба ряда были одноэтажные дома. Одноэтажные, дворы, во дворах там небольшие приусадебные участки были. И в ту, и в ту сторону. Вот. И кстати, мы до войны тоже жили на Шевченко, от это все до... тридцать третьем году. Вот эта улица Шевченко она вообще не была замощенная, а была это… А жили мы примерно на том месте, де щас от это магазин "Панадол", де лекарства продают, знаете, от как раз на том месте. От. Мы на квартире там жили. От… И, до самого туда верха, одноэтажные домики все было это. Революционная тоже. И токо уже от в тридцатых годах, тридцать третий, тридцать четвертый, тридцать шестой, де-то в этих годах, начали строить от эти дома пятиэтажные. Это построили дом, от где...

Юлія Андріївна: "Комсомольский".

Костянтин Федорович: Да, де "Комсомольский", магазин… Не, его позже построили. Его буквально перед войной построили токо. А раньше построили отот, который на углу Советская и Революционная, щас там магазины на первом этаже, все эти, от четырех, и угол пятиэтажный там, да. И, сюда, де "Красный" магазин, от этот дом построили, да. От это до войны. И до войны построили от этот "Красный", "Комсомольский" магазин. "Комсомольский" до войны. От. До войны еще садик отот построили, от этот де садик, де, я не знаю, шо там сейчас, от сразу за... де наша городская администрация, и сразу там дом, двухэтажный там, то был детский сад там. Тоже до войны был построенный. Вот это все строительство это. И, от эти тут у нас на Ленина от это два дома, Ленина одиннадцать и Ленина тринадцать, по-моему. Ну, где аптека, магазин, да, и, напротив, де библиотека там на первом этаже. Там магазин был раньше. Потом библиотеку сделали. От эти дома были построены до войны. А остальное все было одноэтажное. Не было больше. От, как от, ну как вам сказать, как выглядели. От прийдите, щас, допустим, по улице Гоголя. Отуда наверх, да? И посмотрите по сторонам, какие дома. Вот такие самые дома были и там. В основном, шесть на девять это было вроде того стандарт, да. Ну и там пристройка, сарай, там туда-сюда, да. Это в основном там были такие, ну, были, дома там, да. Многие, конечно, когда начали перестраивать, начали ш, шоб построить, надо выселить, да? Значить, не хотели, вроде того шо, а потом, вроде все смирилося, все...

Ну, улицы были, в основном Революционная мощеная была, и, от эта улица Ленина, на вокзал туда шо ишла, мощеная, да. Ну, Ленина, собственно пошла то на Молочанск, в сторону, она тоже была булыжная, мостовая, да, от, мощеная, и, это, и Революционная. Шевченко не была. Это

уже там позже, наверно, стали ее замащивать. Потому што я, знаю, пацаном бегал там, было это, не было ничего там. Вот [запис перервано]…

В декабре сорок второго года нас забрали. Просто прошел военный в сопровождении с этим... как их, квартальные тода там назывались, да. И нас забрали. Меня и сводную сестру Нелю, она тоже двадцать пятого года. Нас вместе забрали. Ну и так, по улице прошли, молодежь подхватили и на вокзал. От. Погрузили нас в теплушки, вагоны. И повезли в Германию. Ну, не, не в пассажирских же вагонах нас туда везли, а везли как… Ну, вагоны, крытые вагоны, двери как закрываются отак, знаете, какие, как... От. Ничего не оборудовано, ни нарами, ничем. Просто нас туда человек под сорок, наверно, в каждый вагон понабросали, и повезли. Там нас…

[*Ничего не объяснили нам*], не, не! Ну то шо в Германию, это мы знали, шо нас в Германию забирают. А именно куда, в какой город там, не, этого мы не знали. Это уже нас привезли в какой-то город, я не помню, какой он назывался. Там шо-то вроде распределительного пункта, такое шо-то было, да. От. Куда приезжали покупатели и забирали нас, разбирали по предприятиям там, хозяйва забирали, многих хазяйва забирали к себе. Ну у них, наверное, я знаю, какие-то разрешения были, не знаю, как это там делалы. Ну факт тот, шо, нас когда, двадцать человек тогда нас отсчитали, и нас один немец повез поездом в другой город. И привез нас в этот город Бракер. Это северная часть... северо-западная часть Германии, если так говорить. От. И там ото нас на эту фабрику. Там барак. Прямо на территории фабрики барак был, для нас уже подготовленный. От. Деревянный. Огороженный проволкой, столбы такие, ото знаете, бетонные, и проволокой огорожено, колючей, сеткой. И нас там разместили. Нас двадцать человек было там. Жили, конечно, прескверно. Никакого там нам обмундирования, ниче нам не давали, да, жили, работали в том, в чем мы приехали. Вот. То уже потом, там, кода немножко мы там обвыклись, там это, кое-кто из немцев там то обувь даст, то какой нам пиджачок там перекинет, или еще чего-нибудь. От. А в начале, когда нас за... от это привезли на зборный пункт, там, значить, во-первых сделали, как она называется, де, де… дезинфекцию нам сделали. Пропустили через баню, всех остригли наголо. Наголо остригли. От... Вещи пропустили через барокамеру там какую-то, это. И там это… Питание, конечно, было пресквернейшее. Мы кроме брюквы, мы ни черта больше не ели. Никода. Как-то там нас немного вроде было, двадцать человек. Были места, где люди там сотнями, тысячами работали, да. Ну а мы вроде того шо, еще более-менее условия попали хорошие, вроде того шо ш, нас немного. Вот. Охрана у нас была там. Один военизированный охранник был. От... И, с работы приходим, в бараке лежит куча брюквы. Ото мы ее должны были почистить, порезать на кубики, и отдавать на кухню, и они варят ее. А варят, собственно, ни жиров, ни черта там не было. Ни картошки, никаких приправ. От это брюкву отварят, разве шо токо подсоленная, и все. От. Ужасно невкусная и ужасно

противная. Так мы больше питались сырой брюквой. Сырую и ту ее приятнее, как, как капустный качан, все равно, отакое шо-то, вкус такой, да. От. Ну, иногда, правда, я попал к одному немцу, он сантехником работал, да. Мы там чистили. А там громадные такие котлы, в которых там шо-то там варится. И после каждой такой варки эти котлы надо вычистить, вымыть, и ото туда опускались в эти котлы, жарко, воздух – дышать нечем, и запах, такой, неприятный, запах там какой-то, да. И мы ото с ним чистили от эти котлы. Трубопроводы там прочищали, де засорялось, ну, короче говоря, по ремонту техники этой ихней. Он хороший немец попался, мне, он меня не обижал, ничего. Иногда даже там, кусочек хлеба перекинет, и все. А нам хлеб, значить, ото, утром приносят, булка хлеба на десять человек. Ото взяли, за спину, кому, кому, разделили по кусочку, и ото на сутки нам от это хлеба, значить, стоко давали. И потом от это варево вот это, это. Повар был тоже наш, тоже, с нашего, это, контингента, нашего, да. Ну шо, а шо он, повар. Если б у него было с чего варить, он бы варил. А так. В котел всыпал, воды налил, сварил, и кушайте, да. В общем, жили прескверно, можно сказать, в этом отношении. От. А работали… Ну, правда, работали по часам, не, нас не заставляли работать там круглые сутки, или там. Время, с восьми там, чи с семи, до шести там, ну, скоко рабочий день у них, так и мы работали, одинаково. Правда, в нерабочее время, часто нас отвлекали там, на, на завод, на эту фабрику, приходили с, вагоны с углем, с коксом. Там кокс они сжигали и получали какой-то газ сернистый, для технологического процесса от это варки от этой, жиров от этих, переработки, да, от. И кокс. Приходили вагоны, там ночью, все, нас подымали, и мы шли разгружать эти вагоны. Разгружали кокс, уголь, от... Воскресенье – выходные дни. Выпускать никуда нас не разрешали. Уже потом, уже, когда мы там уже наверно, в сорок пятом, уже к концу кода война шла, от. Немножко разрешали нам выходить за пределы это… Но обязательно должна была быть нашивка там, "Ост" написано на синем фоне белыми буквами. "Ост", то есть, восточный работник, да? Остербайтер. Отак. Налеты были, да, наши это, да. При налетах там погиб наш один товарищ, с нашего это, ну, с русских, я имею в виду. Потом, один тоже, так тоже, по нечаянности. Он сам из этого, из села Партизаны, отут Запорожская, или, может, я не знаю, это или Запорожская область, или Херсонская область, недалеко от Геническа там, есть станция Партизаны, не станция, а село Партизаны. Витя, я его запомнил фамилию, Ремез, Витя Ремез. От. Он там погиб тоже во время бомбежки. От. Ну, короче говоря, было, такое, шо, пришлось и под бомбежками побывать, и все такое. От. Освободили нас, это я вам говорил уже, шо, кода объявили это... капитуляцию, у нас не было ни наших, ни американцев. Как раз такая зона попалась. От. И это, потом через нескоко дней пришли американцы. И нас собрали всех в единый лагерь, де-то в районе Ольденбурга там такой был сборный пункт. Там был советский полковник, начальник этого лагеря, который распреде-

лял. От. Ну. Отам мы ото с мая месяца, июнь, июль, август ото мы там были в этом лагере. От. И в августе, ну, постепенно нас вывозили от туда, потому шо там было много людей, до тридцати тысяч, со мною было таких, собрано нас. От. Всех сразу ш не вывезешь. И постепенно вывозили, и ото мы там полтора-два месяца пришлось там нам быть. Правда, меня там тоже взяли, был батальон охраны, потому шо там после войны, там наши ш, русские, там, ну там все от эти, угнанные, кото... ну, в основном, с Советского Союза, украинцы, русские там, татары там, я знаю, греки там, хто там, армяне там были, азербайджанцы, там, много было разных, да. Вот. Там в районе де-то километров пять, десять вокруг лагеря, там растрощили все на свете, да. Грабили, там и прочее там, ну, как говорится, мстили, да. За то шо как всем пришлось там работать, да. Да. Ну и организовал этот полковник, организовал охрану, шоб, значить, никого за пределы этого лагеря не выпускать. И я в том батальоне охраны был, и потому, может, меня позже переправили на нашу сторону. От. А потом, уже кода уже людей мало осталось, уже лагерь фактически закрылся, и тогда и нас переправили тоже сюда, и я, по призы... призвали меня в армию. Там, сначала прошли эти, как их… Ну от ты смотри... Быстро хотел сказать. Фильтрационные лагеря. Да. Фильтрационный лагерь. Там ото спрашивали, де, шо, как, был, когда, шо. Потому шо было много таких, шо добровольцами ехали туда, понимаете. Ну, видно выясняли, кто как, какое отношение. От. Ну, после этого попал в армию ото и с сентября месяца, в сентябре сорок пятого, по май... март, по март пятидесятого прослужил в армии.

[*Медицины там*], ну, конкретно то не было, а если кто-то заболел, или шо, водили. У меня, например, от с пальцем там был нарыв, и прочее, да, меня повели к врачу, там он меня разрезал, сделал операцию, это, да. Это было такое. Ну если болел там, температура, его на работу не гнали, нет. Да, его оставляли там в бараке. Ну, он день-два там перележал и тода опять на работу. Это. Ну, такое. А уже кода в лагере были, там был, медицинский пост был. Специально там. Ну, там среди от этих угнанных там же ж было много ра... и врачи там были, и учителя, и мало ли хто там. Так шо всех их собрали там, и сделали это... Это уже, этот полковник, который там руководил, этим делом, медицинский центр там такой сделали, понимаете, шо, хто, если у кого-то шо-то, обращались туда. Вот. Ну, в армии как в армии, естественно, да.

[*С кем в Германии был*], все были молодые люди. Все в возрасте не старше моего. Не старше восемнадцати лет. Нас в сорок втором забирали, это нам по семнадцать лет было. Понимаете. И все в таком возрасте, все… Они, правда, там были многие, именно шо с нашего от этого района, да. Были, от я был в Геническе. Меня из Геническа забрали. Было там два или три токмачанина. Потом от, я вам говорил от это Ремез, он из села, от это там, при, близ лежащее, от Геническа тоже, Партизаны, село, да. От... Потом с Новоалексеевки, там еще два-три человека было. То есть сборный.

Но все молодые, все, специальности ни у кого никакой не было. Специальности, нас уже учили там специальностям. Специальности, в основном какие. От, мы, я, например, то шо работал это. Потом там котельная, котельная была она заводская, большая, да. Она работала на углях таких, на черных углях. Ну, как вам сказать, не антрацит, а ото пыль такая черная, да, угольная. И от нее внизу шлак. И мы вывозили этот шлак. Машина, она работает, котел там этот, печь. И автоматически там этот шлак охлаждается, высыпается, и мы на, тележка ото одноколесная такая, знаете, как она называется, лопатой нагружали и вывозили за пределы это... территории. Туда. От это была наша работа. Ну, в основном черные работы, мы, конечно, там ничего такого, это, не делали, понимаете, там шоб специальность нужна была. От... А, в основном, на черных работах, это, да.

[*Общались*], ну, вечерами, шо, так на работе все ж в разных местах работали, понимаете, не то шо группа, мы ж не группой работали. Я там, от это там, это, там, там... Кто-то смаляром работал, кто-то тут. Ну от, естественно, как ребята, между собой, конечно, общалися, и разговаривали, кто откуда, шо откуда, земляки, позбились в группки, кто ближе друг друга знает, там вроде, земляки, да? От. Между прочим, там компания у нас была такая, хорошая. Были, правда, там нескоко человек у нас… Откуда они, не то с Западной Украины, оттуда, как ее. Они чуть повзрослее нас были. Да... И несмотря на это, шо они взрослее, им там де-то по двадцать, по двадцать два года было им, да. Они не обижали нас. Мы так жили дружно. Ну, а в основном чем... Там заниматься нечего. С работы пришел усталый, ото похлебал оту... как ее, баланду говорили мы тода, да. Вот. И на боковую. Кода там ото, работник от, с которым я работал, немец, принесет там пару картошин, картофелин. Мы эту картоплю там, печка у нас там была, буржуйка такая, поддувало, попечем ее, и ото сидим. Делились между собой. Если я шо-то достал, я с другом обязательно делился. И он же со мной, так же. Все, и в этом отношении, я скажу, шо мы там довольно дружно жили, у нас не было такого, как ото щас говорят, в армии, дедовщина там, и прочее, такого не было, да. Как-то, я не знаю, люди тода раньше не такие были, как сейчас, вы знаете. Молодежь, конечно, думает, шо мы это говорим, ну, как вроде по привычке, да. А оно на самом деле. Тода как-то… Ну, были такие, шо между собой нет-нет и подерутся, там это, но от такого как сейчас, от отношения людей друг к другу, да. Раньше не было. Раньше друзья, так были друзья. Делились пополам, можно сказать, все. А эти. Вот так и мы там жили.

[*Домой*] писали. Домой разрешалось, на открытках токо, открытые письма, писали это, от. И, это, можно было писать, неограниченно, между прочим, не говорили, шо больше нельзя, там. Но токо на открытой открытке. Скоко там напишешь на той открытке? Ну и потом же ш, не все можно было писать, понимаете. Потому шо получат письмо, а оно все черными полосами закрыто. Прочитывают, и это... проверяли, да.

[*Газеты*], не, не этого мы не знали. Мы токо так, шо ото немцы между собой, говорили. Мы ж тоже, когда приехали, языковая проблема была большая, абсолютно ниче не понимали, да? Ну я, правда, в школе учился, и учил немецкий язык в школе. У нас в пятой школе препо... это... Ну так, нет, несколько, отдельные слова там, "ученик", "учитель" там, "работа", "фабрика", "завод", там это, "тракторы", "тракторне", "вербау ин моторне"... В общем, хе-хе [сміється]... Немножко вроде это, да, но все равно, обычно мы это, так, не… Ну, короче говоря, постепенно мы ж тоже немножко привыкли, начали немножко соображать, понимать, да? Вот. Так шо все новости мы узнавали от немцев самих, да.

[*Что дальше будет*] нихто нам ниче не говорил. Ну я не знаю, оно ш как обычно, наверно, рассчитывали все на то, шо война окончится, а потом нас, наверно, отправят опять назад, или там как понимайте. Ну я не знаю, это, такого разговора никода мы даже, я не знаю, и мыслить не могли, шо нам кто-то шо-то там пообещает, скажет, шо вам будет лучше там, или еще шо-то такое, да. Не, нет.

[*Американцы*] от в лагере, этом зборном лагере, они очень агитировали, многие, и есть такие люди, шо поехали. Они добровольно уезжали. Хто в Америку там, хто, я знаю, во Францию там, я не знаю, куда набирали, они, да? Ну были моменты, кода увозили, но, так я смотрю шо по тем временам, их недоброжелательно провожали. От все оставшиеся, да. Все: "О, предатели!", там такое-сякое. Ну, может быть, есть такие, я ш вам говорю, шо там же ш были разные люди, да? Есть такие, шо туда добровольно ехали в Германию. Правда, их тоже, конечно, обманули каким-то образом. Потому шо там весели везде плакаты, шо там чуть ли не рай в той Германии, да. Понимаете. И были такие, шо ехали туда добровольно. От... От... От они, видимо боялись возвращаться назад, да. И такие ото записывались и уезжали туда на Запад, в Америку там, в Канаду, я знаю куда там, в Англию. Ну, в Англию, наверно, не брали, потому шо англичане не это, больше американцы. От... Какие это...

[*Советское командование*], ну, они, видишь, они, держали нейтралитет там, они не могли там как-то воздействовать. Они, они там были присланы для того, шоб организовать от эту, весь лагерь организовать, шоб не было там драк там, побоищ всевозможных, грабежей, и прочее, понимаете, от это, шоб, потому шо там в лагере, там было по-разному, там, и друг с другом там дрались там, понимаете, кто-то. "От ты сказал тода на меня, то-то, а ты на меня то-то, а ты там немцам подлизывал, а ты еще шо-то". И от такое от, понимаете, там. Много мы между собой, там и, и убийств было много, и разное, в общем, время было тяжелое, очень, да. Я кода в этом батальоне был, в этой охране, да. Нам оружие выдали. Это, винтовки там, с патронами, как положено. От. Ну мы, правда, никого не стреляли, не приходилось. Хе-хе [*сміється*]. От. Ну, ограждения сделали,

и сказали, шо не выпускать никого, и все, от это наша обязанность была. От. Ну де там стычка какая была, значить, нас туда бросали. От такое от...

[*Землячества в лагере*] были, да. Ну как, группы, опять, я ш вам скажу. Там же ш когда собрались, ага, кто-то с Запорожской области: "О, земляк, земляк!" – и уже они между собою друзья, понимаете? И уже от такими группками собирались по принципу национальности, по принципу места жительства там, понимаете, от по таким принципам собирались отдельные, ну как бы… Ну, я не скажу, шо это отдельные какие-то. Они жили так же все как и все, питалися, кормили нас всех одинаково. Ну токо, взаимные отношения у них были более тесные наверно, чем с остальными всеми, да. От... И, они от это так. Были такие группки. От...

[*Что отправят дальше в лагеря*], ну, понимаете, боялись, наверно, те, кто чувствовал за собой какую-то вину, да. Понимаете, я ж вам говорю, боялись, наверно, те, кто добровольно уехал туда, да. Это... Боялись, наверно, те, кто, ну как говориться там, слишком услуживал немцам, там, во время, де они работали, да. Были там, такие шо, ну я знаю, я ж говорю там, разные специальности были, да, и врачи были, и это, и есть там, были врачи с тех лагерей немецких, де проводили эксперименты над военнопленными, там еще шо, понимаете. И такие там были, да. Конечно, такие люди боялись, они... они и сами б сюда не приехали и, наверно, остались бы дето там. Ну, наше командование, шо там было от это, ну, полковник там, два-три человека, с ним еще обслуживающий персонал, от. Они к этому делу относились нейтрально. Хочешь, езжай, хочешь не езжай, это твое дело, понимаете, отак.

[*Проверяли отношение к немцам*]? Вы знаете, там, там осведомителей больше чем надо. Потому шо каждый из нас был в осведомителей. У тебя, у вас спрашивают за того, у того спрашивают за того, и отак от оно полу... он получается осведомитель, не, не специально осведомитель, а случайно, получается, ты сам по себе, осведомителем, понимаете. Потому шо, ну как вам. Они ш не спрашивают, тебя спросили, и на этом кончилось все, да? А тебя спросили и за тебя, и за того, и за того, и за того: "А как тот, а как от этот, а как отот?" И шо я скажу, они там себе это. Другого тоже. А потом он складывает, так сказать, себе уже впечатление, о каждом, как, кто как о чем говорит, да. Если хто-то, если хто-то там был такой, шо, значить, прислуживал вроде немцам, да. Значить, их сразу же куда-то отделяли, или. Я знаю, например, в армию их не брали, да. Их больше направляли в строительные разные организации, туда, направляли на Урал там, и прочее там, строить заводы и прочее.

[*После войны отношения со знакомыми по лагерю не поддерживал*], вы знаете, нет. Я поддерживал токо немножко отношения с Нелли, вот это которой нас вместе забрали, это сводная сестра моя, да. С ней немножко поддерживал, правда, очень редко, очень редко. Да. Я туда ездил... ну, раза два, наверно, за все время. Она, правда, ее щас уже нет, она умерла, нету

ее, она… Раньше умерла. [*О Германии она*], да, рассказывала. Я, между прочим, мне от этот рабочий, с которым я работал в Германии, он на нас по субботам-воскресеньям, по воскресеньям в основном, забирали хазяйва для работ там по дому. Кому огород там вскопать, кому там шо-то сделать, там я знаю, отакое. И мой от этот... напарник, у которого я работал, немец, да... Мюллер – фамилия, Гай, Гайн Мюллер, Генрих, значить, если перевести на наш. Он меня взял к себе, как, вроде ему там надо шо-то огород вскопать, или шо-то такое, да. От... А, я, работая еще здесь, получил из дому письмо, и в письме был адрес, де работает от эта сестра сводная, да. И оказалось шо это недалеко, там километров сорок от того места, де я работаю. Токо там, через, там, река Лейзер, надо через реку переезжать, там паром де-то, паромная передача. Ну я ему ото ш адрес показал, этому немцу, а он говорит: "Так это недалеко тут, от. Я тебе устрою встречу". И от он меня взял на воскресенье к себе, якобы. И мы с ним на велосипедах эти сорок километров туда проехали. И она, она там работала тоже фабрика… Они тару разную делали, мешки шили, там ото у них такое хазяйство, да. Там недалеко порт, Норденгам называется, Норденгам. Норденгафель. Значит, северный гавань, что ли, если перевести на наш. Вот. И они ото обслуживали этот порт, тарой, всевоз... Мешки там ото латали, шили новые, потом тары там разные делали, короче говоря, для это. У них было немножко лучше. У них. Они получали от эти мешки, а там в мешках остатки. Макароны, сахар, крупы разные там, да? И у них, у них всегда было шо положить в рот, как говориться. Да. И мы это, ото мы с ним на один день я поехал, и в тот же день вернулся назад, вечером. Он мне помог хорошо в этом отношении. От. От такие дела, девочки. Хе-хе [сміється]... [запис перервано].

…русский. По матери, да? От. Когда был еще от таким от, еще когда в селе там жили, то это село было в основном греческое, там в основном проживали греки, да. Откуда они взятые, я, вы знаете, не знаю, это, еще видно, из старых времен как-то, это я знаю.

Юлія Андріївна: Ну, говорили шо Екатерина Вторая еще завезла. Завезла Екатерина Вторая, и поэтому там население греческое.

Костянтин Федорович: Да. Ну, Екатерина Вторая, она в основном немцев привозила. При, при Екатерине образовались вот эти Ротефаны и прочие кол... совхозы или поселки вот эти, да. Это при Екатерине. А греки как туда появились, я не знаю, вы знаете, даже. Ну, по истории там слышал, шо было там нашествие сюда, откуда-то со стороны, там, как она называется, история Древнего Рима, или как она, да, раньше говорили. [*Видно, что греки*]? Ну, по чем было видно, по том, шо там преимущественно жили греки. Нет, обыкновенные дома, построенные так как и везде, в се... в селах, да, я не сказал бы шо это, да.

Юлія Андріївна: По-русски разговаривали все.

Костянтин Федорович: Да, по-русски все разговаривают. Причем, я бы даже сказал, без какого-то такого акцента, знаете, да.

Юлія Андріївна: Потому шо они давно уже, давно…

Костянтин Федорович: Они очень давно, там видно, как переселилися. Они уже и сами забыли, шо они греки. Хе-хе [сміється]... [*Фамилий распространенных там*] не помню. Ну, я говорю, я оттуда уехал в семилетнем возрасте, да, особенно там я этими вещами не интересовался, да. От... В основном с хлопцами там жили, Ванька там, Игорь, еще там, я знаю там, как, да. И все. А там фамилия, ну… Ну вам было семь лет, вы сильно там знали, хто у вас по фамильно там это, да? Нет, конечно. Та и потом, я вам скажу, в то время в таком возрасте, мы, и сейчас если сравнить с такого возраста детей, то сейчас, естественно, дети намного, по интеллекту там, и прочее, намного выше, чем тода были. От... Тода, как-то оно… В селе много было неграмотных, да. Писать, читать не умели [нерозбірливо].

Костянтин Федорович: Добрая половина, наверно, в селе была неграмотных, да. А сейчас, где ты найдешь неграмотного. Уже не найдешь, да [запис перервано]...

Это было так. От это село Карань оно называлось раньше, да. Старая Карань. И станция Карань там есть, двадцать километров. Здесь жили в основном греки. И русские там были, и украинцы там были там, ну, преимущественно были греки, да, вот.

Юлія Андріївна: Ну и сейчас там греки.

Костянтин Федорович: А село... Да... А село там де-то восемьдесять километров в стороне, там немцы в основном, немецкое село. “Роте Фане”, колхоз “Роте Фане”. “Красное знамя”, да, по-немецки. От. Там преимущественно немцы жили, понимаете. От, как это, ну, получилось оно, я не знаю. Как оно образовалось. Ну то шо немцев, это я знаю, Екатерина, она им давала тут земли, и они тут обосновывались, да. А от насчет… [запис перервано]. Хто-то пострадал из нашего, родословной, да, я не помню. Нет, никого нет, шоб хто-то умер там, или от это. Голодали, говорили, шо было голодно, было того недостаток там, того, того, да, а шоб… Я не знаю, щас настоко это преувеличили все дело, я не знаю почему, для каких целей это делается, вот. Ну, во всяком случае, я думаю шо, много там преувеличенного. Шо это. Мало того, еще говорят, шо это специально было сделано, там, да. Нет. Голод тода был и в России, в то время, особенно Поволжье сильно пострадало, во время голода тридцать третьего года. От... Был голод, правильно. Но он не был не спровоцирован, ниче. Просто был страшный неурожай, было. И потом, тода ш техники такой особой не было, для уборки урожая, для посадки и прочее, да. И тем более, не было никаких там поливных, этих ра... площадей, да. От... Техники особой не было, да. Лошадками там все это дело обраба… Я от даже уже в тридцать, сорок первом, да, в сорок первом, кода началась война, я был в селе, ездил на каникулы туда после окопов, туда, поехал до тетки,

да. От... В основном тягловая сила были лошади, да. Трактор был, но он один стоял на, в поле там он, молотилку возили, лошадьми возили пшеницу туда, косили, возили пшеницу, и там же ш от трактора привод на молотилку, молотили, и потом зерно молотили на ток уже в село сюда. Понимаете. И все лошадьми и волами. От... Так шо особенно конечно, на урожай рассчи… Тем более, не было никаких удобрений, и прочего, прочего, да... От. Ну, страна жила. Страна жила. Кстати, Днепрогэс в тридцать третьем году [запис перервано]...

БАРБАР ЮЛІЯ АНДРІЇВНА, 1931 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Барбар Юлия Андреевна, тысячу дивитсот тридцать первого года, шестнадцатого июня. От. Папа мой, Иголкин, Андрей Афанасьевич, тисяча дивитсот первого года рождения, работал на заводе слесарем-сварщиком, на заводе Кирова. Мама, Иголкина Анна Степановна, тоже тисяча дивитсот первого года, года рождения. Не работала нигде. Была домохозяйка, воспитывала нас, детей, меня и сестру. Сестра моя старшая на пять лет. Старше меня. [*Звали ее*] Алла Андреевна. Сейчас она живет в Набережных Челнах. От. Ну а сейчас она уже Очкурова. Замуж вышла. Она тут вышла замуж. Муж, тут все время, токмацкий муж ее был. Ну а там он, уже его тоже нету.

Папа сам с Богдановки, с села Богдановка. Это от это где Новобогдановка, от это у нас шо, под Мелитополем, от это оттуда он. А мама сама с Токмака. Маминых родителей я помню, а папиных – нет. Папиных я не знаю. От. А фамилия их – Кущенко. Дедушку и бабушку. [*Звали*] дедушку – Степан Степанович, а бабушка – Агафья Степановна. Кущенко. Дедушка был кузнец. Ну а бабушка не работала. Было много детей у нее, и она занималась домохозяйством, воспитанием детей. [*Были*], да, они токмачане. [*Жили*] в Токмаке по Революционной улице, напротив завода, там как раз. Де сейчас, знаете, там дом сейчас есть. Революционная тринадцать. Спортивный, от этот... Дворец спорта. И за Дворцом спорта, сразу от это дом такой, длинный. [*Дом*] частный, частный. Сами строили дом, да.

Родители тоже жили у нас, у них там. Там был дом на три квартиры. На три квартиры длинный такой дом. И в одной из них, тех квартир, жили мы. Мама, папа, и от это ж мы с сестрой. [*В другой квартире*] дедушка с бабушкой, и еще в одной жила какая-то там женщина. Просто квартирантка, да. [*Наш дом считался*] бабушкин, бабушкин, да. [*Они жили*] я б не сказала, шо зажиточно, но ничего так, средненько, средненько. Одевали

[1] Опитування проводили І. Савченко та Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко.

детей. Ну, они хозяйство держали. Свинку, свинку каждый год резали. От это уже было какое-то подспорье к дедушкиному заработку. От это так и жили. Небольшой садик. Садик небольшой выходил к речке. Сейчас же речку уже как-то вот… перенесли. Другое русло сделали, да. И немножко получилось теперь дальше, чем тогда. А так, выйдешь сразу, лужок, и речка. [*Деревья*], помню яблони. Яблони помню. Хорошие яблони. Белый налив. Сливы. Я даже сама карабкалась по дереву. Залезу, яблочек нарву тихонечко [сміх]. Шоб миня не ругали. [*Ругали*], шо я по деревьям лазю. На дерево ж лазила.

[*Мама домохозяйка*], да, да. Когда это было, если я родилась в тридцать первом, да. Тода женщины… так сильно производство какого нигде не можно, могли работать. Дома. Папа обеспечивал. [*Одежду шила*], да. Нам с сестрой платьица, всегда. Себе. Вышивала хорошо. На машинке вышивала. Да, занавесочки, салфеточки, отакое, все, да. Это она могла хорошо. [*Отец*], ну, обыкновенно, придет с работы, мама ему подаст кушать, как обычно. Все нормально.

[*Готовили*], что я помню… Кашу помню. Суп помню. Мясо не особенно так, шоб особенно мясо. Ну, было кушать.

[*Дружили*]? В детстве там у нас на улице не было таких девочек. Мальчики. Не ходила я никуда. Во дворе… К соседке ходила, так это. Мама, бывало, оденет: “Так, ну, будем идти куда-то в гости”. Я пойду, там шелковица большая. Шелковицы наемся, насобираю. И сама вся отакая прихожу, рот синий, руки страшные, мама как глянет, ахнет. Ну, сердилась, конечно: “Шо ж ты делаешь, нельзя ж так!”

Соседи… соседи у нас были: Высочина, Высочины. А на другой стороне все его называли Захар, он коз держал. Дядько. Коз держал. Козел у него, помню, такой был громадный. Нет, он только занимался от этим, и нигде он не работал. За скоко я помню. [*На улице*] там же ж одна сторона завод, сюда тут, а тут только от эти двое, все близкие, а больше я никого там не помню. Те сами по-себе как-то жили. У мамы свои были знакомые. У нее, конечно, знакомые были, она к знакомым ходила, к ней знакомые приходили, но я уже не помню.

[*Чтобы родители ходили куда*], вот как-то я такого не помню. Не помню я такого. Там и соседей таких нету. От это Высочины... Там у них никого мужчин никого. Две девочки были. А там от этот вот Захар. Все говорили Захар.

В школу пошла с восьми лет. С восьми лет раньше шли. С восьми лет. Вот. А потом ото ж война, начали… [запис перервано].

Переезд. Проехали ото ж Сибирь, считайте Казахстан. Холодно, мы приехали раздетые, разутые. Морозы страшные, сорок градусов. Пропал год. Потом оттуда ехали. Опять. Де-то в феврале выехали оттуда, опять я не доучилась, пропал год еще. И так получилось, шо у меня два года пропало. А потом, в сорок восьмом, я закончила семь классов. Говорю: “Все,

пойду работать". В сорок восьмом, а тода обязательно было семь, и десять, в сорок, сорок девятом, сорок девятом, году, в феврале месяце я пошла на работу, на завод. Устроилась ученицей копировщицы, проработала до пидесят первого года, пошла в декрет, сыночка родила. Ну, декретный отпуск прошел у меня, ушла опять на работу, а сына мама воспитывала. В пиисят втором родила дочечку, и потом уже рассчиталась, и не работала до шиисят первого года. Пока дети поднялись. А в шиисят первом году пошла опять туда, на свое старое место. И проработала до восемдесят шестого года там. А в восемсят шестом ушла на пенсию [нерозбірливо]…

[*В школу*] кто в чем ходили. [*В классе детей было*], по-моему, тридцать три. А вот это вот в третья школа [*по Гоголя*]. Она тода была, да. И уже я… Война закончилась, я помню, мы на уроках были, и нас сразу отпустили. "Ура!" – все кричат. Война закончилась в сорок пятом.

[*Из учителей помню*], была у нас Елена Петровна, английский преподавала, мне она нравилась. Старенькая-старенькая была тетя. Она так интересно рассказывала всегда, она мне нравилась. По математике был учитель хороший тоже. Не помню я. Ни фамилию, ни имя-отчества его. [*Директора школы*] ни помню. Это ж уже пиисят лет, даже больше прошло. [*Классную руководительницу*] ни помню. От в первый класс ходила, помню. Была учительница первая. Клавдия Павловна Шеремет. Эту я, эту я помню учительницу. А этих уже. [*Учительница была*] хорошая. [*Дружила*], ну так ото, с девочками. Нормально.

[*В Токмаке*], тогда ж, знаете, этих, микрорайонов, собственно, и не было, как таковых. Маленькие домики кругом. Ну там, правда, на Революционной, от это ж, "Комсомольский" магазин, "Красный" там, от эти от были. А так я не знаю. Была у меня Катя, подружка была, Катя, вспомнила я. Она, Ленина один, адрес ее. Потом я ее уже не встречала. Куда-то она выехала. Жирнова Надя была. Тоже, подружка. Потом, уже кода я постарше стала, так семнадцать лет, восемнадцать. Были у меня подруги. Ну, сейчас они все, кто разъехался, кого уже нету. [*С подружками гуляли*] просто как-то. Ну, в школе, там, да. А потом мы встретились: "Ага, пошли в сквер". Пошли в сквер. "Пошли книги поменяем в библиотеку". "Пошли". Отак.

[*На день рождения*] собирались. Мы, родственники приходили. Приготовит там мама шо. Сядем. Торт спечем. Сядем чаю попьем. Покушаем. [*Приготовлением*], ну, мама этим делом занималась всегда. И она отож ото. Приготовит. Какой-то тортик. [*Подарки*] дарили [сміється]. Та всевозможные, разные. И на платьице дарили. И там шо-то, какое-то. Куклу мама большую была подарила, очень красивую. Тогда еще они токо-токо начинались. Глаза закрывались, открывались. А потом, когда мы были уже в Петропавловске, мыла не было, мама говорит: "Я, наверное, эту куклу, пойду на базар и поменяю на мыло". И поменяла. Хорошая такая. Большая кукла.

[*На Новый год*], ага, елочку поставили такую хорошую, мама говорит: "Вы не заходите в эту комнату, гуляйте там, в кухне". Ну, мы сидим. Послушные были дети. Раз мама сказала, значит все. Кода, значит, через время: "Можете зайти". Мы зашли с сестрой, и ахнули. Какая красота, елка, это первый раз была ж елка в доме. Какие игрушечки всякие. Конфеты, в основном, висели. Папа, бывало, я помню, в командировку куда-то поехал, и привез откуда-то конфет разных. Не помню, где он был. И такие все... фантики от эти цветные, красивые. Как увидели, радость такая! Ну, дети ж. Ну, это было до войны. Это до войны было. Пожалуй, да, тридцать седьмой может даже. [*До школы еще*], да, до того.

[*Праздновали*] день рожденья, Новый год, да. А так, больше…

[*На Новый год мама готовила*] по возможности шо, старалась, конечно, получше приготовить шо-то вкусненькое. Я знаю, у нас всегда такое было блюдо, наше, она макароны сама делала. Макароны. И макароны какие: такие широкенькие полосочки, на яичках тонко-тонко раскатанные. И это было от это наше фирменное блюдо. Потом она туда. Жарила она утку с подливкой. И от это от поливала от это дело, макарончики, это было очень вкусно. Они были такие вкусные. Да. Это фирменное блюдо у нас было. Да?

[*На Новый год родственники*], не, приходили, так приходили, пообщаться, посидеть, поговорить. Сестра мамына. Жила тут, в Токмаке. А потом они позже уехали. В Москву. И она ото там уже и осталась, и. [*Ее звали*] Оля. А тут жила ее сестра еще, Нина. Одна. Нина Степановна. От. Ее тоже уже нету. Уже никого нету маминых сестер. Никого уже нету. [*К нам*] приходили. [*Приходили*] в любое, в любое время могли прийти, потому что мама не работала. [*С гостинцами приходили*]? По-моему, просто.

Читали родители. Я помню, у папы была толстая большая книга Горького. "Петр I", у него была книга. Но только первая часть. А вторую, так и, он ее не купил, вторую. Читала мама. Она любила читать. Она много читала. Она и наши все книги от эти перечитала, шо у нас. Она любила читать. [*Книги*], я, например, покупала, на работе у нас распространитель, женщина была. От она принесет книги с книжного магазина. [*Родители*] не знаю, где они покупали.

[*Мама читать приучала*]? Было, да. Да, да, приучала, говорила: "Садись, читай". Учила.

[*Читать, писать учили*] в школе. В школе, да. Начали ж там писать палочки, все. Мама говорит: "Не надо, а то я буду тебя учить, да не так, а потом переучиваться, будет тяжело". Если учат в школе. Я в школу ходила, отам за торговым рядом была школа. Туда в школу меня сначала водили, а потом уже я сама ходила, потому шо там совсем недалеко ити. С Революционной, и от Дворца спорта, считайте, да. И туда до торгового ряда, да, близко.

[*Родители уроки*] проверяли, обизательно проверяли. [*Проверяла*] мама. [*Отец*], он приходил, ото уже, у него работа тяжелая была, слесарем, и он уже отдыхал. Ну, мама не работала, она могла обеспечить ему отдых.

[*В квартире*] кровати были с железными спинками. Обычные по тому времени, да? Буфет, шифанер, стул, у меня кровать была небольшая. У сестры кровать. Вот это такая у нас была обстановка. Шифанер с зеркалом. [*Хранили*], ну, одежду, там шо. [*Буфет*] для посуды. Сверху, от как сейчас буфетики такие продают, знаете, так стоечка сверху и снизу. А там было три отделения так под стеклом, там чашки стояли, а внизу посуда. Тарелки. [*Мебель все*], ну, покупное было, все было покупное. [*Где*] – не знаю, где родители покупали.

[*Полы в доме были*] деревянные. Деревянные и покрашенные. [*Сверху*] стелили, дорожки стелили. [*Дорожки*] уже не помню я какие, не помню. Скоко лет прошло, не помню. [*Они были*], да, с ткани. [*Мама*] покупала.

[*Мама делала*] салфеточки. Кровать, на кровать она тоже такую длинную-длинную сделала на низ. А сверху накрывали марселевым одеялом, а там от это кружевце выглядывало, то шо она сделала. На подушки накидки, тоже такие вот вязали. На стол длинную дорожку связала. [*Скатерть была на все дни*] одна.

[*В доме цветы были*]. Мама любила цветы. Я помню папоротник, такие листочки, и, калачики, такие листочки, такие. От. От это я помню. И все. Больше не. Но много было, на окне много было.

[*Освещение было*] электрическое. [*Керосиновые лампы*] это токо в войну я помню. В войну от это.

[*У нас был*] дворик чистенький. Ухоженный, дедушка очень за ним ухаживал хорошо. И стояла скамейка, длинная такая, под самым заборчиком. Заборчик сад отделял. Садик, и под садиком стояла от эта скамейка. И от это там, вечерами, собирались, приходили родственники какие-нибудь. Выносили столик. Ставили самовар. Пили чай. Общались. Нет, музыки не было. Просто да, разговаривали. Разговор. [*О чем разговаривали*] оно как-то, кода там ото сем лет, так оно шо-то и не прислушивалися.

[*Мама одевалась*], ну, все такое ситцевое, простенькое. Все такое. И мама нам с сестрой ситцевые платьица шила. Ну, сама шила. Та тода не было такого, шоб от это, как сечас, такая красота, столько вещей красивых, и оно ж такое все дорогое. [*Обували*] туфельки, тапочки. На улицу бегали. [*Туфельки*] такие, с текстиля. [*Зимой*] ботиночки.

[*Для школы одежды специальной не было*], нет. Портфель покупали. Портфель, пенал, тетради, книги. Не, книжки давали. В школе давали книги тода ж. Нет, выдавали. Все выдавали в школе книги.

[*У меня*] было пальто. Ну уже тоже так смутно помню, шо я одевала. Стоко лет прошло… [*Пальто*] теплое. Теплое, на вате. С воротничком бы-

ло, да. [*А шапка*]? Шарф, у меня был шарф. Теплый такой, полосатенький шарфик. И я ото так закутывалась, ото и шарфиком, заменял шарфик, и шапочку. [*Мама*] покупала. Да и у мамы пальто было.

[*Из эвакуации*] в Токмак мы вернулись в сорок... сорок четвертом году, в феврале месяце, в сорок третьем в сентябре, да, это, Токмак освободили, а мы в сорок четвертом в феврале месяце, зимой, въехали сюда, сорок суток ехали. Мы спали на станках. И так, где покормят, ходили там давали што, карточки, карточки, от туда дали, вот это вот. Как остановка, мы там стаем, идем, шо там уже дадут, покушали и поехали дальше. Конечно, было голодно. Тут было голодно. Потому что с собой продуктов не было взять. А ехали ж сорок суток. Ой…

[*Тогда Токмак был*] разрушенный, город разрушенный. От это "Комсомольский" магазин: вместо стекол – фанерки. Кругом пьянки. Разрушенный… Наш дом на месте там стоял, бабушкин, ничего. Нас тода отселили. Потому што хотели завод эвакуировать, и взорвать. Шоб немцам ниче не досталось. И нам дали квартиру за базаром, в домах. Сейчас, помоему, там, обувной магазин есть. Там нам дали квартиру трехкомнатную и мы туда перешли. Ну а потом, конечно, кода мы уже эвакуировались, квартиру мы оставили, а приехали, уже к бабушке сюда приехали. Бабушка с дедушкой всю войну тут были.

[*Про войну они*] рассказывали, шо было по-разному. От... Но, боялись, конечно, ночью выходить боялись. [*Выжили как*]? Ну, огородик у них был. Они козочку завели. И то с дедушкой, скоко [им] надо. [*Немцы*] ничего не забрали. [*А на работы*] – они уже были старенькие, и их обоих не трогали. Комендантский час был. Шоб не выходили, никуда не ходили. Нельзя без пропуска было ходить. Говорили, шо были полицаи. Но говорили, шо и партизаны были. Какая-то была партизанская группа тут. Можно мне на минуточку [запис перервано].

[*С мужем как познакомились*]. Я шла с книжкой. В библиотеку менять книгу. На торговом ряду была библиотека. Туда. А навстречу мне идет он, будущий супруг, со своим другом. И я не знаю, как получилось, шо мы познакомились. То был мой троюродный брат, с ним. Но я не знала об этом. Ну, вот так вот мы познакомились. "Здрасьте". – "Здрасьте". Все. Да. Потом, через время я опять пошла. Ну, не знаю, за чем-то там. Опять встречаю. Тут уже мне приглашение на стадион пойти, посмотреть футбол. Говорю: "Ну, хорошо, пошли". С тех пор пошло, пошло. Это было перед Первым мая. На Первое мая у нас дома собралась компания. Мои девочки, знакомые, подружки, мальчики. Я пригласила своего будущего супруга тоже. "Приходи". – "Хорошо". Мы собрались. А мы так собирались: кто шо приготовит, принесет, и все, не так шоб одному там нагрузка готовить. И вот с тех пор у нас так пошло, пошло, это мы где-то в конце марта, апреля познакомились, а в августе, двадцатого августа мы поженились. [*Родителей спрашивали*]? Ну… Костя ходил к нам. И он тоже дома

там сказал, шо он хочет жениться. Возражения не было. Мои родители тоже не возражали. Мы подали заявление. Потом нам сказали, на какое число прийти. Ну и договорились. А он работал. Как раз во вторую смену. Со второй смены пришел. Немножко ж отдохнуть. У нас шо-то там на три часа, нам на роспись. Ну и договорились так, шо, значить, он зайдет, и мы пойдем расписываться. Тода ж ни свидетелей, никого не надо было, ниче. Мы собрались. У меня там было одно платьице шелковое, легенькое, с цветочками, единственный мой такой, более-менее наряд. Пришел. "Ну, пошли". Идем, идем, и тут он вспоминает, шо он же забыл паспорт. "Ну, хорошо, говорю, ты иди за паспортом, а я помаленьку пойду дальше". Взял он паспорт, поднялись мы на второй этаж, там куча штукатурки посредине комнаты, ремонт, и она запирает цех. "А мы пришли расписываться". "Да? Ну, хорошо, давайте. Пришли б через пять минут позже, я б вас не расписала. Я б уже ушла". Отак мы расписались с ним тихенько. Никого не было возле нас. Потом пошли к его родителям. Там немножко родители приготовили, на стол. Соседей позвали. Мои родители туда пришли. Посидели немножко. А потом мама моя говорит: "Ну, а на воскресенье, на следующее, приходите, значить, к нам, приглашай гостей, приходите к нам, у нас будем отмечать, такое событие". И следующее, ото мы отметили на следующее воскресенье. И так от все время, есть, есть.

Чоловік, Костянтин Федорович: Через четыре дня будет пиисят четыре года.

Юлія Андріївна: Пиисят четыре года. [*Подарки*] на свадьбу... Ой, тода были такие, знаете, бедные люди. Ну, кто кастрюльку подарил, кто чашечки подарил, кто там салатнички, кто селедочницы, от это от такие были подарки. [*Мама приданое собирала*]? Нет, мы жили вместе. Она не собирала приданого. Да и не с чего было собственно, и собирать, папа один работал, она не работала. Какое приданое… Отак мы и прожили. В согласии. Да? Да? Да. [*Жили*] после свадьбы с родителями. С нашими родителями. А потом, значить, от это в июне, у нас родился сыночек. И мы так с родителями своими жили. Потом, через год и три месяца родилась девочка. И потом нам уже дали комнатку, в том магазине, где "Сабина", напротив поликлиники, в том доме. И мы там жили. До пиисят третьего года. В пиисят третьем году мы перебрались, двое детей маленьких, комнатка маленькая, в общем не очень было хорошо, тяжело жили, тяжело. Я не работала, с детками была. А он и учился, заочно учился еще в институте, и работа… А, сначала он в техникуме учился. И посменно работал. А потом ото мама говорит, шо у нас там комнатка освобождается, квартира, собственно, две комнаты: "Значить, я постараюсь поговорить, напишу заявление, шоб вы туда перешли". Одноэтажный дом. На четыре семьи там дом. Тода уже нам стало, конечно, полегче, шо мне не надо с четвертого этажа все время с детьми, с маленькими. То мы там жили. А уже в семьдесят шестом году, под снос попали, и нам дали от эту квартиру.

[*Совместное хозяйство*]. Вы знаете, от это все, шо у нас в доме, все оно купленное у нас совмесно. То шо там уже было, оно уже такое было старенькое у нас. Ну шо, мы пришли на квартиру, у нас была кровать, старого такого образца. Детская кроватка. Потом кроватка для Танечки, для дочки. Стол. Папа его сделал шифанер. Сделал нам. Кстати, он стоит от там от у нас на лоджии. От. Стол он сделал. От это у нас от было уже. Самое необходимое у нас было. Мама дала буфет. Такой, шо под стеклом то верх, внизу посуда, там, чашки. Вот это у нас было. А потом уже оно конечно, мы его поменяли все, потому шо оно уже скоко лет. А сюда кода зашли, тода сами уже все. Муж сделал тумбочку под телевизор, стеллаж для книг.

[*Как зять с тещей*]? Ничего. Ну, он такой спокойный. Не, не было никаких неприятностей, не. Не было, не. И моя мама всегда его хвалила. Да. Хорошо, нормально. Только ну, хотелось нам конечно, чтобы сами, да? И потом комнатку нам дали. Ниче, нормально жили, нормально. Она до самой смерти, скоко от жила, всегда говорила, шо: "Он хороший".

БЛОХА ЄВДОКІЯ ІВАНІВНА, 1915 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

[*Народилася в Токмаку*], да. Батьки ж померли. [*Батько*] Іван. [*Мати*] Сіргєєвна, мать. [*Звали*] маму, та, Маринка. [*А дід з бабою*], ой, я їх і не помню, тих діда й бабу. Не помню. Вони ше й до мене померли.

Мій батько занімався – сапожником. Сапожникував батько. Мама дома була, нічим [*не займалася*]. Дітей багато було. Семеро. Нада було…

[*Батько*] він, себе, шо те... Шив, і те... Заказували, він дома. Дома шив, да. Приходили, заказували йому ці туфлі, чи сапоги, оце. Дома. [*Помічників не було*], нє... [*Навчити*]? Аякже, діти. Самі старші дочки. Оце, шесть дівчат, а сідьмий мальчик. То все шили. [*Дівчата шили*], да. Я – ні, я тіки дратву готовила. А шо це, оце знаєте, воском, той, отак [нерозбірливо].

А [*дівчата*] це все шили. Та на машинку закроє, батько викроє, вона шиє, там чи сапоги, чи туфлі. Оце вони робили. Дівчата... [*Батько робив*] всьо, всьо... Батько робив харашо. Його даже начальство в Симферополь брали, шоб, для начальства шоб скрипи були, знаєте, сапоги, ілі там туфлі шоб були. [*Сапоги робив*] дуже красиві і кріпкі. Да... Потому шо все до батька всі йшли. Батько дуже красиво шиє. [*Матеріалу*] раньше було ж у магазинах скіки хоч. Да... Все... Все в магазинах було.

[1] Опитування проводили І. Савченко та Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко.

[*Сестри мої*] сама старша, та, як її… Галя. За Галєю Маруся, за Марусєю Єля, за Єлєю Катя, а за Катєю я. А брат – Вася. Єля – Оленка.

[*Господарство*]? В нас не було ніколи нічого. Кроме корова тіко була. Корова, да. А коней не було. На Горьєвской уліце я жила. [*Там ще*] сестра жила, мами сестра. [*Ще*], ну... Бондаренко жив. Марченко. Все... Позабувала вже і всі фамілії. Ну, ті чоловіки десь [нерозбірливо] робили. Іваненко, оцей от, Гашка жила, так він у заводі був начальником робив, посусідськи. А ті дома хазяйнували.

[*Землю мали*]? Правильно, да, у кого були ті, мужики, брали землю. А женщини... Як у наших шість дівчат було? Хто буде коло коней управляться? Ці ж коні знаєте, нужен мужик. А корова це, корова це женщіна коло корови ходе. Садок у нас хороший був. Ну все, вся фрукта була. Вся була. І для картошки земля була. Та все було. Садки були по гектару пошти огорода. Городина все.

[*Батьку допомогала*], я от шила, а тоді мене, ото, як його, отправили няньчить дитину сусідське, няньчила дитину. Нянькою була. Ну, я вже й не помню, чи вони шо платили мені, чи ні, вже й не помню. [*Відправили*], щоб заробляли. Для себе шо-небудь. Ті дівчата помагають батькові шить. А я ж тіки шо дратву готовить. Тіки дратву готовила. [*На придане заробляла*], да, платячко може яке тьотка купе мені, знаєте. Отаке... Чи юпочку, чи чулки, оце. І оце так я заробляла, на одяг. У мене хазяйка хароша була. Як рідна мати. Харашо мені було. Дуже вона... А тоді вона уїхала. В село. В село там. У Іванівку вони уїхали. Хотіли мене забрать. А тоді вже батьки не дали. [*Хотіла*] щоб я у їх жила, нянчила. Та ше діти були такі полні. Я ше не дуже і могла піднять, мала ше була. Отак. Отак ми жили.

[*Мене будили*]? А як мати вставала в четире часа. Уже ж корову ж надо накормить, і здоїть. А найбольше старші сестри вставали. Все робили. Помагали матері. Утром встануть усе. [*Допомогали*] батьку, і матері канешно. Ану-ка, нас сєм і їх двоє. Батько рано вставав. Батько другий раз, як нада, шоб не опоздати, як багато заказов, так строчить нада тії туфлі, ілі сапоги, так она ото всю ніч, помагає дівчатам строчить. Він кроє, вкраює, туфлі, ілі сапоги, а вони встрочують, помогають батьку. [*Головував в сім'ї*] батько. Батько. Мати нічого такого не вирішувала. Кормила нас. Готовила їсти. Коли там... Як батько сказав, так і… Воно єслі і нужно, так вони тоді ідуть на базарь, і кажемо тоді: записуй шо кому шо купить. Ідуть на базарь. Та... Батько в нас був дуже сердитий. [*Полаяти*] він не тіко, нас не так і жалів, а одного синочка жалів. Та він ше маленький був. А тоді ж вони вивчилися. А тоді ж война була, вони виїхали. В Каспійськ виїхали. З заводом. Так шо вони. Там кончали все. [*У батька*] інструмент був. Сам зраблював. І колодки, і все, да, сам. Машинка, строчить же надо. [*Машинку купляв*], аякже, конечно. Машинку надо купить же. Ті, колодку виделував, шоб міра кому яка була. Красиво шив тухлі. [*Кімната у нього була*],

да. Була, була гарна, як кухня. Там ми і кушали, і він сапожникував. Так, раньше, знаєте, були, здорові кухні.

Все знають люди, хто шиє... Не тіко він шив. Багато шили. В його були двоюрідні браття шили, но не так. Хуже. Хуже шили. Батько мій дуже був спеціаліст. А цього, я ж вам кажу, шо даже батька забрали, шо начальнику все пошить хароше. [*Навчився*] із малку. У дядька, дядя був у його, нема його, він умер, [нерозбірливо], дядя його виучив. [*Взуття на базар не виносили*], ні-ні, ми не продавали. Батько цим не занімався. Батько дома всьо. А єсть такі люди, шо шили, і на базарь виносили. А батько - нє.

[*Дівчата вчилися*], ну, усі по три класи. Галя усього так, два класа, а тоді до тьотки, тьотка забрала її, шоб научить її шить, плаття. А Маруся чотири класа кончила. А Вася і технікум кончив. Та, повиучувалися...

[*А мене*]? "Вмієш розписаться? Всьо, іди нянчить дітей". А тих учили, мене ні. Та я отам трохи [вчилася]. Женщина одна. До женщини я ото ходила, вона мене научила. А так я у школі не була. Я малограмотна. І мати не знала. Мати тож неграмотна. Батько у нас грамотний.

[*Книжки вдома*] і були, я не помню вже за книжки. Тіки помню оце, ета, Таня, і Вася, оце книжки, оце вони у нас училися. Вася так і технікум не кончив. Война началась. І вони за заводом виїхали, а я тут осталася с сестрою, з Марусею, шо вона вмерла, немає її. Я не знаю, кого вони брали, вони тіко взяли [нерозбірливо], а ми осталися, може, шоб вони вернуться, шоб дом був. [*Будинок був*] неважний. Яке раньше строїли... Не обкладали ні кірпічом, нічого. З вальків. Гной, і всьо. Це зараз, бачите як, строїть хароші дома. А щас – ні. Валяють оте, яке. Мажуть хату, так отак, воно ж у вальки ж, та й оце сире, так оце скіки поодвалюєш, а тоді.

[*Кімнат було*], оце, ота як її, кухня оце була, і дві комнати, і всьо. Перва комната і друга. А то раньше пічі були. Ну, хліб пекли на пічі. Ми всі діти на пічі лежали. Ми там лежали. [*Були ще*] калідор, як раньше, да, туди був, шоб виход був у той, у конюшню, до корови, а на цю сторону двє комнати було. Перва комната. Тут оце плиточка була, коло плитки, ета, та як його, ну, ти дивись, ну, піч, коло печі була така плитка була, їсти варить. А то раньше, як ото казали, то велика хата. Щас кажуть зала, а раньше казали велика хата. Ото і все. Ото ми всі. Батько й мати – то трохи далі. А тут, коло печі, воно той, пол, спали діти, кой які малі на печі, там гріються. Ото така, отака жизня була. Жизня не хароша була. Шоб дуже в роскоші жили, нє.

Ой, мебель, шо ви за мебель. Кровать була. А то ж пол. Був коло то, коло печі. І сундук материн, і всьо. Раньше ж не було, ні камодів, ні шифинерів, нічо, сундук. Стол один був. У залі стояв стол. Ну, раньше було, так ж, знаєте, кругом, як, чи свайба, чи похорон, спеціально лави так робили, отак шоб людям сідать, в угол отак, там стол стояв. І більш нічо. Та табуретки були. Батько сам і табуретки робив. Батько був у нас спеціаліст.

Но сердитий. Ну, такий, він як це називається. Самашедший. У його приступ був. Як сказав – усьо. А так, шо... Мати спокойна була.

Постелі? Та які ж. Ліжники раньше були. Раньше не було одіялів. Такі прості, знаєте, ткали, люди, самі ото, таке, ліжники. Ну, продавалося, покупали. [*Ми не робили*], ні, ні, покупали. Продавались, на метр продавались. А тоді сшивали. То так жили. Лягаєш на піч, а воно колеться, такий... Да, вони ж ото льон, люди ж ето, виращували, а тоді ж і самі ткали льон. А тоді видно, де отой кусочок остається, а воно колеться. Це раньше, щас оце, послє войни начали одіяла, оце, на ваті, шить, а то... не бачили нічого харошого. Подушки шо. Пір'я було, кури були, шили, мама.

[*Курі були*] у дворі, а як, у сараї ж находились. У нас не гусей не було, ні курей, чи то уток, нічо, тіко кури були.

[*До батьків родичі приходили*]? Хто, баба? А я їх не бачу. Їх і не знаю. [*Дядьки*]? Вони давно вже те, їх поубивали, не знаю. Я їх не знаю. Не знаю, чи вони приходили, чи не приходили, я мала ше була. Я мала була. Я знаю, шо це казали, шо дядя Максим, і ше, я забулася, а тільки то, як його, вони були тим, як його… Їх поубивали, восємнадцать человек. Як ото знаєте, той, у войну. Ти дивися, не можу спом… Так їх поймали і розстрілювали. Не знаю, вже хто їх порозстрілював. Їх тут наша могила. На братській могилі. Братська, єсть там ото, велика така могила. Там їх восємнадцать ілі двадцать чоловік. Могили, там два дядьки моїх, Михайло й Максим. Дяді Максимі, той, як його, голову одрізали, а дядя Максим на грудях, звєзду повирізували, і глаза повикалювали. Це мені розказували. Це я не бачила цього. Це розказували мені. Да, це навєрно, послє революції було. А вони, развєдка була їх. А оце не було могили, чи тієї, пам'ятника не було, а це вже, на краю там якийсь онук чи праонук, оце начав ходить у той, у воєнкомат і начав піднімать, шо хоч, поставте хоч пам'ятник, шо вони були тим, як його. І їх оце поймали і їх порозстрілювали. Там не один. Їх Блоха хвамилія була. Да... Там два Блохи, і ше, кажуть і третій, з краю, я того не знаю. Дядька, нікого не знаю. І цих не знаю, ні Максима, нікого не знаю. Вони, їх давно... поумерали. Отаке я знаю кой-шо. А так я... Ото они в развєдку. Там зараз братська могила єсть. Дядьки. А дядько Михайло, це розказували, шо, мати, як забрали його в оте, як в армію, і по цей день не має. Так шо ніхто й не знає, де він дівся. Батька брат. В батька було чотири брата. І не знаю, де і подівалися. Отак. Старші були за батька. Я й не розкажу вам, якого году батько. І мати не скажу якого года. [*А сестри*]? Галя, кажет… ілі шостого, ілі седьмого года. Найстарша. Вона в Кубані з голода й умєрла. Она там вийшла заміж. А в нього там родителі були, родітєлі його забрали, цього Ваньку. Вона там... Воно ж як раз тридцять третій голод був же, страшний же. А ми собирались їхати. І на вокзалі, не дойшла до вокзала з дитиною, і умерла. Голодно було.

[*В гості до нас приходили*], ну, ходили, тіки ж я не знаю, які. Материна сестра приходила. Маму Марина, звать, їй-богу, забулася, як тьотку звать.

[*Хрещена*] була моя мати. Вона жила по Тельмана вулиці. Її немає, вона вмерла. [*В гості*] я не помню, ходила вона… Больше туди ходили. Я не ходила до неї. Я не носила вечерю ніколи. Я нікуди й не ходила. Я дуже боліла. В мене була катар желудка, таке була страшна, і... Я не ходила нікуда. Я змалку болєла, й болєла, й болєла...

Оце бач, по Володарській, тьотя Малашка. І це отут, сюди, другий раз, ходила з матер'ю. Тому шо я як тень була. Я дуже худа була. І нікуди й не ходила. А тоді ото начала вже поправляться. Поправилась трохи, то: "Іди, – кажуть, – понянч, до тьотки, тобі хоть плаття, – каже, – куплять". Оце отака жизня моя була...

[*Сестри гулять*]? Да, глядіть, батько пустив би. Не знаю може й ходили. Я ше мала була, може й ходили.

[*Вечерю*], ну, по-сусідськи, вечерю так носили. До нас тоже вечерю носили, тоже так, приносили. Через хату. Сусіди. Сусіди. Нє, сусіди. Жили так, дружно. Ми в їх воду брали, дуже у їх в колодязі вода була хароша. Так ми в їх воду брали. [*Вони*], ну до батька може чо приходили, я ж не знаю, де воно тоді. Я ж не знаю.

А шо раньше носили [*на вечерю*]? Пряник та канфети. Та яблучко яке положать, та і все. [*Гроші*] – нє... Оце ше менші були. Помню ше, всігда йдемо, в їх садок лучий був, як у нас. Так каждий по собі йдемо до їх вечерю, оце у їх тройка, та як її, така красіва. І ото нам тьотка наложе яблук, а ми оце прийдемо та [нерозбірливо] і ділимося. Ми оце тіко на чердак, нікуда більш не пускав. Батько не пускав. Каже: "Єсть дома? Всьо. Нічого ходить".

[*Колядувати*] ніколи батько не пускав. До нас приходили. І рожествувать. А батько не пускав. [*Колядникам мати давала*] пряники, канфети. Гроші не давали. А той, як "Маланки" співають, так вареники виносять. По тарілкі. Коло окна співають, у тарілкі виносять вареники. Маланки співають. Вареники дають ото їм. Ну, така пісня.

"Маланка ходила, Василько водила...

Василько мій татку, пусти мене в хатку".

Я вже й позабувала і пісню цю. [*Співали*] а коли той, Рожество. Масляниця була, помните? Казали Масляниця, на Масляницю. На Рожество, а надо той, а другий день співають "Маланки", ходять. А на Масляницю млини виносять. Ну тоже оте. Со сметаною. Мати виносе дівочкам у тарілку. В тарілку насипали тих, сметани. Вони сідають. Раньше, знаєте, отакі столики були, маленькі стільчики у нас були. І ото мати їх покорме. На Масляну ми блини поїли. Це таке було раньше.

[*Дівчата*], вони співали ж пісню, я вже забула, яку пісню вони співали. Ні, ні, цю я не згадаю. Ото я знаю, токо “Маланки” співали. Ходили: “Васильку, мій татку, пусти мене в хатку”...

[*А вареники*] з сиром. Тіко з сиром варенички нада. Тіко з сиром. [*Зі сметаною*], да. І блини ж. Блини тоже начиняли сиром [*на Масляницю*]. Да. Аякже. Все харашо було.

[*На Різдво*] нє-нє, у нас гостєй не було. Всі собрались в гості, у матері було чотири сестри, і до тьотки Малашки туди на Володарську вулицю. Оце сюди вони всі з'їжалися, тут вони. Вона найбагатша була сестра. Найстарша й найбагатша. І тьотка Олена тоже була багата. У дядька був млин. Молоть ото, муку. Ну туда тоже мало ходили. Він каже: “Мені врем'я нема з вами сидіть”. Тьотки. А це найменша, сюди, тьотки Малашки. Тут же церква близько ж. Вони ж підуть і утром, посвяткують... Вечерню беруть уже. Оце вони так гостювали раньше.

В тьотки Малашки [*на столі*]? Отак було. Шо хоч. Ну, раніш, вона жила харашо, було в неї і курей, і гусей, і уток. Оце у неї було багато всього. Жаркої, утки були, і вареники залиті були, і все. Заливають вареники, дєлали з тими, як. З сиром, вариш, готове витягуєш, кошиком, друшляком, промиваєш водичкою, а тоді у миску. А тоді береш сметану, і з яєчками розбиваєш. Зараз яїчки нада розбить, а тоді сметаною. Тоді, хто любе, шоб було сладко, була падліва до вареників, а хто ні, хто, солоненька. І оце ложите вареники, у каструлю. Шар положила, взяла тоді сметаною полила, опять шар положила, полила, понятно? І вареники оце як закиплять, вони отакі, душисті, пухлєнькі, вкусні, м'якуснєнькі. І ті, блини так можна. А нашо різать? Вареники, воно бери собі. Та раньше ж тарілочок не було, як раньше оце, як зараз. А в миску вони, там, чи, раньше ж були миски. У миску береш, з миски і несеш до себе. Це раньше, зараз у тарілочки, правда ж? А раньше не було тарілочок. [*І у тьотки Малашки*] нє, нє, не було.

[*Людей було*], ну, оце считайте, тьотка Олена, і в їх чотири сестри було. Ну оце, шо млин був, це мало приходила. Мало. А оця шо [нерозбірливо]. Шо, дуже роботи багато у того, чоловіка було. Вона дома була. А у тьоті Малашки не було дітей, вона [нерозбірливо] годувала. Харитинку. Годовничку взяла. Чужу дєвочку кормила. Як прийомна була, да. Вона десь, не знаю, в кого вони взяли цю дівчину, чужу, не знаю. І так вона десь і живе, ось тут, на Володарській вулиці. І досі живе в тій хаті.

Мене [*в гості*]? Боже спаси, раньше не було цього. [*Мати*] токо з батьком. А другий раз батько не йде. Роботи отак. І на свято робив. То шо заказ сильний. Ото так. Батько ходив у церкву рідко-рідко. Робота. Ну, жить же нада. Стіки дітей кормить же нада. Мама ходила, мати ходила. І ето, Єля, той, вона була той. Співала на [*кринисі*]. Мати не пропускала. Як субота, й до вечері. То до вечері як пішла, уже з вечерею вона додому не являється, вона заходе до тьоті Малашки сюди, шоб завтра утром йти [нерозбірливо].

А [*у співи*] спеціально раньше було набирали, хто. Да... Вона харашо співала. А тьотя Малашка, вона каже: “Дам, може приймуть тебе”. Коли пішла той, тьотя Малашка її. Вона співала дуже харашо.

Ну, дома, вони ото, дівчата, знаєте, собираються у садку. Раньше в садку гуляли. Таке, раньше як бомбили, так пооставалось таке, ями, то вони сідають кружком, і ото співають. Це, не знаю, коли війна була... Не ця, раньше, раньше була. Та раньше ж були, і білі приходили, і красні приходили, і ті, як їх, ше. І Махно приходив. Це ж раньше було ж? Оце так. Я вже знаю, вони ж кажуть. Да, це ж розказувала мати, каже, другий раз таке було, цю вулицю забрали, а ця осталась, на другий день цю опять забрали. Отаке, кажуть. А скіки людей повирізували.

Я не знаю, яке Махно, чи які вони там були, не знаю я нічо. Це не при мені було. [*Родичі не воювали*], як ото кажуть, ні. А там за кого... Як оце не знаю в якому году, забрали це, в мене брата, шо вони були в розвєдкі, оце не знаю, в якому це году було, із развєдки їх. Це тому, там все змішано. Як його, [нерозбірливо], де ото.

[*Дівчата збиралися*], та [нерозбірливо] тіко. Да... Отак будуть гулять, як зараз гуляють? Нє... А отак от воскрєсєньє можуть отпустить на час, на два. Більш не отпустять.

[*В школу*]? Та мене тьотка учила. Я до тьотки бігала. Вона учительниця, так я трошки, тоді так, познімалася. А так я в школі не була. І парти не бачила.

У неділю батько й мати йдуть у церкву. Другий раз батько не йде, а мати я ж вам кажу, і до вечері не приходе. А сестрам цим заказала, дочкам старшим. І корову дої, і їсти навари, і хліб спечи. То раньше отакі орішки пекли. От... Вони приходять уже з церкви вечором. З вечері. Утром ше на утреню йдуть. Правили ото. А ото вечеря ше ідуть. Приходять вечором. Уже всьо. Маруся старша була, Галя вже виїхала в нас. Це Маруся все їм отчьот дає: шо вони робили, шо вони пекли, шо вони. [*Церква була*] а осьо, тута церква була. Найближча. [*Дівчата*] кажна знала свою роботу. Ну аякже, батько їх научив. Вона встала, вона не то шо она, пішла те робить, ні. Кажна знає. Катя шо... Катя, саме главне, це було до корови. А така корова була, тіко давалась сестрі старшій, ото Марусі. А то нікому не давала. Ну така, не пускає молоко і всьо. А Катя ото коло неї. І в череду випускає, і скрізь. І в садку полоть нада. Та шо там. Хазяйство шо. [*Їсти*] я сама варила. Вони ж роблять. А вже в виходний день, вони дають. А ми тоді готовим ото. Мені там стояло картошечку чистить. Курча смотріть. Оце моя робота була. [*Посуд мити*] це Катіне було.

[*Брат молодший*], а, він же научений, закончив... Його, як же, забрали в той... Вже ж батька не було. Батько давно умер у нас. Батько умер, мені було двадцять год. Як батько умер. Ну так уже… А тоді Вася ото... Катя вийшла заміж, за воєнного. А тоді ж война началася. Вони, Катя оце, і Вася, і Таня, і мама, за заводам поїхали. А нас оставив, шоб не пережива-

ли, стерегли хату. З Марусею. Брат же до вечірньої ходив. В мене брат грамотний. Він був директором Каспійського завода. Тоже умер, нема.

[*Після смерті батька*] Маруся і Єля на стройкі работали. Раньше носилками, по то... штукє носили. На стройкі робили. А мама дома була. А я нянчила. Я ходила нянчить дітей. Я місяцями додому не являлася. [*Жила*] у спальні. Я з дітьми у спальні спала. У їх було двоє дітей. Ну, ми всі їли. От у хазяйки? Вони мене не отсажували. Вони мене растіли як дочку. Харашо. Мати шила в їх. А хазяїн так на заводі работав. [*Шила вона*] плаття. Плаття там, кофти, таке разне. А мені всігда шили платтячко там. Вона все шила. Вона мені грошей не давала. Вона одівала і обувала. [*Взуття мені шив*] батько. Дочкам [*всім*]. [*Як нянька*] посуду мити помогала. А так я нічого не робила, тіки так... У дворі замітать. Пол в комнатах позамітать. Це загадувала мені. У дворі замітала я. Його, раньше такі колясочки були. Бичечки, ті шо на чотирьох кольосах. Я ото посадовлю, а то підмітаю. Тож такі були гладкі діти, ой... Я одного й другого виняньчила. Такі повні дєтки. Мати отака повна, батько, і вони, дєті були такі. А повиростали і худі були вже. Того я нянчила, йому було два з половиною годи, первого, а другого нянчила, ще два місяці не було. Скіки я перестала ходить? Скіки мені год було, як я пішла. Довго вже, мати каже: "Хвате вже ходить. Єсть, каже, пока обуваться, єсть". А то я, сестра начала помогать, Катя, вона за воєнного вийшла заміж. Так вона тоді начала помагать, так ми тоді так і жили. А тоді мені було вже, п'ятнадцять, шістнадцять год, уже пішла, у той, як його, поліклініку, санітаркой. В поліклінікі робила санітаркой.

[*А хазяйка*], ой, вона плакала за мною. А сама, наш город кінчається, і їхній, така вулиця, хата, їхня хата. Так вони прибігали до мене сюди. Навіщать, да. Цілий день гуляють, і не хочуть іти додому. "Іди з нами". В тьотки цієї корови не було, потому шо ухаживать нікому. Воно і без корови було отак. Кому шо пошиють за той. Кому за молоко там, за творог, за сметану.

В неї хороший [запис перервано]...

[*У матері сестер було*] багато. Я вже не помню, скільки. Я знаю, шо вони жили далеко од неї. Оце тіко тьотя Малашка, шо на Володарській, ця найближче жила. Тут вони в неї вся родня в гості ходили. А так вони туди не ходили, до їх. Вони всі як йшли до церков, вони з'їжалися, сюда зайти. На праздники тіко. То як яблука святить, ті як їх, храм оце у нас же був тей, як його. Знаєте, Храм же? На тей, як його... Це який храм був. Забулася... Ось, буде вже скоро. Забулась який, називають його. Це вони якраз собиралися. А так ніколи вони нікуди не ходили.

[*Тітки*], вони харашо жили з чоловіками. Всі харашо жили. Наілутше жила це тьотя Малашка. Найбагатіше. В неї чоловік дуже хороший був. А то, знаєте, землі скіки держали, там. Самі хазяйнували. А так... Не знаю... Як вони там дома жили, я не можу вам розказать. Не можу пояс-

нить харашо, як вони жили, не знаю. Я туди до їх не ходила. Окреме до тьоті Малашки, оце сюда ходила.

[*Помагати нам*], нє, нічьо. [*Дарували що*], не знаю, откуда я знаю. Чи дарували вони, чи не дарували, откуда я знаю... [*Ми жили*] за тьотку Малашку? Канєшно, бідніше. [*Чи помагала вона*], не знаю тож. Не знаю нічого. Може й давала, може й нам шо які плаття на вечерю яку готовили, вечеря, так вони приходили зразу, ми до їх вечерю носили. Нам ото дарять то платтячко, то юпочку, то таке. А так, не знаю. В нас харчів своїх хватало. Чи дарувала вона тьотя Малашка, чи їм, може сестрі шо давала, не знаю нічого. За це не можу сказать.

[*У моїх сестер*] в нас тіко в Марусі була свадьба, а так в нікого не було свайби. Катя, той, сама старша, забрали у той як його, тьотя Малашка забрала, друга там тьотка, забрала. І вона там в неї жила, і шила там в неї, і все. А Катя, я вам розказувала, він як воєнний приїхав, її забрав, посиділи ми оце, сім'я своя і всьо. А у Єлі совсім свадьби не було. Потому шо батьки [нерозбірливо] інваліди, так бідно жили, шо ніякої свайби. Єлю прийшли забрали, і всьо. Шо було там. І чемайдан, і чого було забрали, і всьо. Отак. Тіко Марусі свайбу харашо гуляли. Було шо харошу свадьбу батько справили. Якраз на Троїцю. Раньше тачанки були ж. Коні, не були ж машини. Харашо була свайба в Марусі.

[*Чому саме їй*]? Ну ті ж бач, так і пішли заміж. Це ж прийшов, тіко приїхав, на другий день і забрав, куди там свадьбу гулять. А в Гриші батьки – інваліди. Батько не розрішив, каже: "Ми інваліди, в нас нема нічого харашого на стол дать". Оце так. [*Марусин чоловік*], ні, він не багатий був. Робочий був. На вокзалі він робив. [*На оті*] поїзда, знаєте? Кольоса вішав. Його там і придавило. Да. На вокзалі. А тоді Маруся за другого вийшла заміж, тоже убили. Як наші зайшли, забрали зараз їх, і на оцій горі, на цій, поубивали усіх наших там, солдатів. Там і пам'ятник там, написано, ми їздили, туди за пам'ятника. Там він первий і ше двоюрідний брат тоже. Вони рядом там. Куди там, як оце больше, та які. Як оце стіна так доска лежала, там хвамиліїв, Боже мой... Скіки там їх лежить. Наші ж унизу ж були. А німець у тому, у горі був. Канєшно, наших і подавив. Це таке.

[*Сватати мене*]? До мене прийшли. Ну, договорювались як всігда. Договорювалися. Шо там... Сусідка з [нерозбірливо] з хлібиною, з рушником. Посиділи і всьо. Не багато було так. Не знаю, скіки там у їх сусідів вони гукнули. Не багато було. Потому шо не дуже розкошно жили. Мій чоловік... Батьки не дуже в розкоші жили. Бідно. Понятно? Нічого такого.

[*Мати роботу загадувала*]? А мені шо загадували... Шо нада, те й робила. Чи їсти зготовить, чи постірать, чи шо. Я якраз робила у поліклініці, як я заміж ішла. Я на работу, а вони дома. Не знаю, шо вони дома тут робили. Прийду, готове все. А то ж я кажу, дітей нянчила. Шо старша дочка була, умерла, немає.

[*У свекрухи*], ну, ну як жили. Шо скаже, те й робеш. Канєшно. А другий раз вона мені й не каже, я й сама знаю, шо нада робить, шоб було не грязно, чисто. Та шо там... Там як я жила, вже нічо не було ні гардінів, нічо не було. Пусті окна. [Нерозбірливо] хорошої не було в їх. В квартирі. Чи в хатах. Ото тіко одна корова. Ото багатство було. [*Звали*] Маруся.

[*У свекрухи було*] четирє дівчат. І два хлопця. Два сини. Шість чоловік у їх. [*Мій чоловік був*] самий старший. Він з тринадцятого года. [*Мати його меншим*] загадувала їм. Я прийду так вони вже, немає їх, вони вже порозбігалися. Гулять... А старша, Мотя, вона і на первій, і на вторій смєні работала на заводі. А це ж, Васька, Шура, це ше учілісь у школі. А це, Райка робила, в тому, в заводі тєлєфоністкою. А Люба пожила трохи, виїхала в Краснодар, до тьотки, тьотка забрала її. І так і порозходились її дочки.

[*Свекруха з своїх дітей*], вона найбільше мого чоловіка любила. А откуда я знаю. Найбольше чоловіка мого любила. Ну так, я ж кажу. Шо воно все каже. А дочок вона... В неї дочки всі красіві були. Та шо в Краснодар, та як ото на картінкє, така красіва була дочка. Вона в Краснодар як виїхала, там і заміж вийшла. В гості приїжала вона. Но ні разу не приїхала з чоловіком, ніколи, тіко одна. То з дочкою, то з тим, із сином приїжала. Отак от... А тьотя там жила. Батькова сестра. Моєї свекрухи та золиця, вже, понімаєте тепер, чи ні? Ну, батькова сестра. Мого, того, свекра та сестра рідна там жила. В Краснодарі. Та багата була, в Краснодарі. Вона забрала, її. Каже: "В тебе мало, хвате, – каже, – я одну забираю". В неї дітей не було. Вона її одівала. Вона там робила, секретарьом десь. [*Вона як їхала*] вона вже работала. В нас вона в поліклінікі як я робила, вона в поліклінікі робила в нас тім, в рєгєстратурі. Ото номерки видавала. Вона робила вже. Не помню вже. Скіки їй років... [*Листи писала*], а як, конєшно. Вона харашо жила. Вона кажен год приїжала до матері, до батька. [*Гостинці*] привозила. Хіба я бачила... Вона моїм дєтям, дитині, ото привозила дітям, а так мені нічьо не давала.

[*В домі свекрів виділяли як невістку*]? Ну, а хто ж я, невістка і є. Невістка – чужа кістка, кажуть. Канєшно, чуствовала [*що чужа*]. Та бачиш, не так до мене подходять, як до своїх дочок. Мати... Їм другий раз кричить, це чоловік: "Чого ви її, – каже, – отстроняєте, – каже, – те". Та всього було, дарагая. Всього було. Сльози були. Це вам скажу откровєнно. Золовки обіжали, його сестри обіжали. [*Чоловік мій що*]? Не так, чоловіка, мать, боялися, сестри, як батька. Батько дуже мене любив. Дуже мене любив батько. Мати шо скаже, вони не понімали, вони тіко батька понімали. Тіко гулять... А робить не нада. Ні в городі... Який город здоровий був, а вони нічо не знають робить. На моїй шиї все було. [*Свекор дочок своїх*], та як, канєшно, наказував. Не наказував, а бив, то наказував. А бив здорово. "Тікайте" – тіко батько у двір, всьо... Так і порозбігалися. Да... Потому шо не слухають. Не хочуть нічого робить. Ніхто мене не бив. Ні чоловік, ні све-

кор, ні свекруха, ніхто. Не били, но і харошого не давали жить. От я вам скажу откровєнно. [*Чому хорошого не було*]? Ну шо їм, дітей, скіки дітей. Шоб шось. [*Як я своїх народила*] канєшно, змінилося, вони ж порозходились, їх менше стало, луче жизня була. Аби не война. Ой, свекір... Свекруха за дєтьми, не дай господи, як... [*Ще діти*] у Моті були, токо через нескілька дворів жила. Ну, приходила молоко брала. Або мати здоїла, вже понесла. Через три хати жила. Дочка замужом. А так, ті ж повиїжали всі, немає. Танька виїхала, Мотька виїхала. Всі повиїжали. Це одна Шура тіко осталася. За то, за "Колбасою" туди, де раньше парк, чи зараз парк [нерозбірливо], отут в Токмаці осталася, а то всі повиїжали.

Тридцять седьмой. Ото дочку я перву народила. [*Робила*] в поліклінікі. [*І на роботу ходила*], ну а як. [*Відпустка*], ну аякже, тоді ж давали. Два місяці до родов і два місяці послє родов. [*В лікарню їздила*], а як... Дочка народилася хорошенька.

[*Свекри*], нянчить. Та я казала... Вони не дай, за їх, вони так їх любили, шо називається. [*В садок*] нє, батько не розрішав. "Шо, – каже, – їсти нема нічого? Ну, чи шо". [*Свекор*] а як я, навєрно, казала, він в "Смєшторгє" робив. [*Свекруха*] вона ніде не робила. Ніколи ніде не робила. [*Подарунки онукам купували*] так, просто. Пішли, ідуть на базар в воскрєсєньє і вже несуть, і те, і те купили, шо їм. Це для дітей, вони, вам кажу. Не можу казать, харашо вони дітей обращалися. А оце сина, шо це мій тут син живе, так вони, скіко йому було годі, і всьо, то все время він у мене спав, в хаті, а то вони спали тут. Шо в їх сарай як кухня була. Тут. Забрали. З ними він спав, так вони його любили. І оце дід як іде п'яний, каже баба: "Шурік, Шурік, іди сюда, іди сюда". "Шо таке?" "Он дід п'яний, ану бери його за руки, улажуй його спать". Да, "Улажуй". І ото він: "Дєдушка, ідьом". "Ой, мій онучок, мій золото, йдьом, йдьом. Скинь з мене ті, туфлі". Він поскидає. Бабушка вже постєль то, положила. І тіко вложив: "Ляж коло мене". І він ляже коло, поки він не засне. "Бабушка, уже спить". Я уже токо шо, де не бігаю, вже іде, то вже гукає його.

[*Онуки тож діда з бабою любили*], да. [*Гулять вони не ходили з дідом і бабою*], нє, нікуда. Він так другий раз [нерозбірливо] коней. Тачанку, запріг. Забрав дітей. Забрав свекруху і поїхали туди кататься. До Садової до отієї, до куми, ото. А так ніде. А дітей, саме главне дітей нада прокатать по воздусі. Ні, ніде. Шо харашо, так харашо до дітей.

[*Кумів вибирали собі*] ну, по-сусідські. Отут, тут мати крьосна сина, а той, дочка шо в Кішиньові моя сестра, Маруся шо коло церкви живе. А, та кума, Людина, та умерла. Немає її. І батьки їхні крьосні тоже померли. Раньше бачиш як. Сестра хотіла дуже, шоб я в неї була, те, як його, перекрестить мою дочку. Дуже хотіла. А я в неї дочку Ліду перехрестила тоже. Ну так і виходе, сюди-туди і вибирають. А по-сусідські це дуже багата кума сина мого, Катя. Так ця... Тіко на базар, уже йому несе. Шось купила,

вже шось купила, хароше, вкусне. Ця любила сина страшно. Він у мене такий красівий.

[*Куми в гості*] ходили. Я до сестри піду, а кума по-сусідськи живе. Чи вона даже до мене прийшла, чи позичить, чи шо. І у діда Івана позичає. Всьо харашо було. Я додому не ходила до неї [*до куми*]. Ну, туди мать делеко нада йти. Ми даже вечері ніколи не носили туди. [*Хрещеники до мене*] приходили. Угощали їх. Ні, це вечерю тіко носять. А так разні празникі не йдуть діти нікуда тіко. Раньше дітей не брали із собою. А я ніколи шо жила, це, я нікуди не ходила. Нікуди не ходила. Тіко дома були діти. З роботи – вже й дома. Виходний – дома. Я ніде не ходила.

[*В хаті*] а я Вам казала, голі ці, вікна були. Я прийшла, голі вікна. У нас дома рушники висіли, які в хаті вишивали, то пітухи, то рози такі вишивали. У моїх, мами. А до їх пішла, я вжахнулась, шо в їх нема ніде нічого. Нічо на вікнах не було. Ну, абсолютно. Значить так мати хазяйнувала плохо. Свекруха. Шо не виділяла. Правильно же? Матері все завісить.

[*Батьки мої*], ну, ті раньше, любили шо, шоб таке, як оце, то як її, на Новий год, так оце вони должні на грубу вінок сплести, із цеєї, із йолки і повісить. І те, цвіти робили, і на вікнах так. Це віздє так квітчали, оце. Всігда на Новий год. Із бумаги. Красили самі краскою із бумаги. А тоді вже не красили, вже батько там узнав одну, вже в магазині. Вже в магазині батько брав, вже готові, цвіти. Разні-разні расцвєт. І жовті, і кра... Та всьо, хароший расцвєток був.

[*Рушники в нас*] дівчата вишивали. Найбільше це Маруся, шо оце на краю жила. [*А у свекрухи*] нє, нє, нє. Паганого рушника... А я не знаю [*чого*]. А як прийшла я, так я зараз, взяла таку із марлі, гардіни зробила. Повісила. Шо я ше зробила? Та на вікна зробила. Шо я… Картіни я купила. Повісила кой-де. А прийшла їхня там знакома, так каже: “Ой, як прийшла невістка, совсім іначе ото у хаті”. А вона оця марля, так оце підкрохмалиш, вона бєлінька, харошенька, і цвіти так повішаю. І харашо. Я даже як прийшла до їх, вони як стірали, в їх ні вірьовки не було, ні тьорки не було, ні прищепок не було, ніде нічого. [*Вони*] на дерево вішали. А я стала казать: “Шо це таке?” Я вже як перву получку получила, зараз все купила, шо нужно. Не дала і копійки свекрусі. І копійки. Купила, все шо можна. [*Стірали*] не знаю, як вони. У їх такі маленькі ваганці були. А я все купила. Як прив’язали, більо повісили, так усі сусіди жахались, шо у їх тіко більо постірають, і на те, на дерево. А дерево грязне. Повісте, воно ж грязне дерево. Кажу: “Я вішать не буду”, – кажу. [*А сусіди тоже*] – в кого було, в кого не було.

[*Зарплатню свекрусі віддавала*], да. [*Вона*], ну, сама ходила на базар. Коли ж мені, коли я на роботі, коли ж я піду на базарь? [*І свекор гроші віддавав*], да. Вона сама ходила на базарь. Вона ж такоє... Як на Рожество заріжем, свиню. Це ж до Паски немає. Тіко ждать нада, поки курчата будуть. А там де... Ходили в магазині, це все.

[*В них була*] корова. Корова. [*А землі*] ні. А тоді ж землі не давали. Тоді ж колхози були. А, садок у нас був. Оце ж. Оце ж садок разом при хаті, і все. Город оце був при хаті, і все. [*Город*], да, хороший. А як оце начали плани брать, так от де зараз [нерозбірливо] вирізали, на нашому плані два плани построїлись. А третій план, синові, Ваські. Оце наш дом, а оце їхній дом. Оце у нас був двір общий. То вже тоді оце там одрізали, і тут, вже осталося совсім мало огорода. Я і перехрестилася. [*На городі я робила*], а хто ж, да. [*Свекруха, доньки*] – їх і не знаю. Не згадаєш. Ну, шо садили... Картошку. Шо садили? Огурци, помідори. Шо в городі садовлять? Капусточку. А дерев'я хароші були. Сливи були. Черешні були, абрикоси. Хароші все було дерев'я. Все надо сушить. А в пічі не було. На дворі сушили.

[*Встигала коли*]? Я ходила в шесть часов на роботу. Я-то до двух часов работала. До вечора можна вот так... Правда ж, дівчата? Отак наробиться можна...

[*Подружки в поліклініці*]? А зачєм подружки? Смєна, ми по смєнах робили, сам і шуруєш [нерозбірливо]. Я до двух, вона той, ето, з двох приходить, на вторій смєні робить. Ну, поліклініка била де, це ж... швейна... по смєнам. Ти дивися. Шо шили раньше отут. Фабрика швейна. Тож була поліклініка до войни. Тьохетажна.

[*В гості до батьків*]? Коли б я до матері ходила... Ну шо, мати сама жила. Батька ж не було. Мати сама жила. Шо вона там... Шо їм... Ми наоброт несем до неї. Шо есть... Чи молока, чи ряженку зробили, чи творогу. Оце матері, своєї. Мати ж була сама, одна.

[*До подруг*], нє, я не ходила, нікуда. Я, я кажу, я дома була, нікуди не ходила. [*У чоловіка*] були друзі. Він голуб'ятник був. Він же голубів любив. У нас на горищі повно голубів було. Уже появились, так вони такі, свинці. Такі хароші. А як візьмеш їх утушиш, які вони вкусні. Прижариш, а тоді утушить. Ми голуб'ятину їли. Для їжі єсть такі, і єсть такі шо, верту... в горі перекидаються. Вертуни називалися. То дорогі. Ну, отаке в їх було завєдєно. Оце ж у того... В Токмаці. Це не тіко він. На вулиці їх усі голуб'ятники. А другий раз, возьме цим, піймає, сусіда, іди сюди, гризуться: "Ти піймав мого голубя". І оце як підуть. Він ше, їздили той, як його, в Бердянськ, і там якісь то він жовті купував, голуби. То їх як нада на м'яко було, буде голубка сідать, зробить таке гніздо, шоб м'якесенькe було. І ото таку подушечку пір'ячком зроблю, і отот, вона тоді сідає. Отаке. Як ви знаєте, поприходили ці, дивиться, на скіки він привіз, голуб'ятники поприходили. Навєрно, чоловік шесть ілі сєм. І всі злізли на чердак. Да. Ну і шо ж. І шо ви думали? Сиділи і випивали там, і куда ото, шо знаєте, єсть лежанка, чи як, ви, у вас, у домі, лежанки, отак як є, шо дим виходе. І заваляли. Мати: "Та шо таке, доць, іди сюда". Кажу: "Шо таке?" "Шось у мене, – каже, – шось дим іде, не той, як його, у кухні". Я пішла, шо ж це таке... А вони вже порозходилися. А батько: "Ану я щас подивлюсь". "Ага, мати,

колотіть глину, вони заваляли, – кажуть, – лежанку”. Так ми давай з матер’ю колотить ето, глину, і бистро-бистро, батько поміг нам. Наверх... І зараз... Пішло діло. Ну, батько йому давав жизні. “Шоб я, – каже, – більш не бачив їх на тому, на горіщі”. “Ну та шо, – каже, – да, ми вже, – каже, – помазали”. Та було...

[*На батька син казав “Ви”*], да. [*І я до своїх батьків*], аякже. [*І діти мої до мене*] на “Ви”.

[*Свекор до голубів*]? А шо він мог зробить, як він любив [*сина*]. Хай луче голубами, чім ото п’ють.

[*А були що пили*]? О, ше й як. Ми самі, батько не розрішав, шо він із ними не гуляв. Не стрічався. По-сусідські дуже пили. Кажуть, оце. Раньше і водка дешева ж була. На шо його робити, той самогон, як водка була, дешева. Не знаю.

[*Хату у свекрів білила та ремонтувала*] я, я всьо. [*А до мене*] не можна сказать. Стидно і сказать, не хата була. Я як помазала хату... Все зробила, побілила, як раньше ж то угли заводили, знаєте? Так сусіди всі, всі. У їх ніколи, ні цвіточка не було, нічо. Я їм взяла зараз цвіти посіяла, і оце як зацвіли, та, пєтунья, єта... Красива була пєтунья. Так кажуть: “Ой!” А як більо постірала я. От ето інте… Всі кажуть: “Всьо, – кажуть, – всьо, шо значить, – кажуть, – Дуся прийшла, – кажуть”. “Висить, – кажуть, – більо”. І вірьовку купила. І зараз сто штук, тих, прищепок купила. А тьорку я не купила, у мами, у нас там у мами дві тьорки, я пішла одну взяла.

[*А свекруха*], чьо ж вона буде сердиться. Вона собі фартушок ніколи не стірала, все ждала, поки Дуся постірає, косиночку, ілі платочок. “Ну шо Оксана, ти в таких не ходила, – каже, – білих косинок, як щас, – каже, – як невістка стала”. Її піддьоргували. Вона не знала, як і чоловіку постірать. Все я стірала. Дочки даже її хоч би батьку та матері коли шо постірали. [*Вони місцеві*], а як, всьо врем’я тут жили.

В нас [*у батьків*] такого не було [*щоб на деревах сушили*]. В нас ето, як її, верьовки були. Спеціально подєлані. А як не хватає, значить, спеціальну верьовку берем, прив’язуєм, шоб більше білля було. В нас батько, Боже спаси, шоб на дереві повісив шо-небудь. І сусіди були. І тьотка Гашка була, всі більо усіх [нерозбірливо]. А у їх я не знаю якесь, цигани, не цигани... Я пішла так ужахнулася.

[*У сусідів свекрухи*], канєшно, були хароші хати. Хати хароші були. І в їх і забори хароші були, в їх і заборів не було, оце де я прийшла. А тоді батько каже: “Ви хоч, – кажу, – давайте їм випишіть ящики, каториє списують, та хоч отакі планки. Та хоч, – кажу, – давайте, – кажу, – забор поставим який-небудь. Шо, – кажу, – корови йдуть, раньше ж корови шли. І забігають у двір. Чужі корови”. Ну, він достав усього. І зробили. Голубятники прийшли і моєму чоловікові помогли, і за день усе зробили. Ми з матер’ю оце в воскресеньє приготовили їсти, натушили картошку з голубя-

тами, борщ зробили. Батько привіз того, випивки. Так шо... А моє діло красить.

[*У свекрів*] раньше які ж були посуди... Макітри та горщики. Тарілки були ті, якісь череп'яні, чи які вони... Не такі як оце тарілочки хароші. А тоді я все скупилась. Всьо. Началася жить по-другому. І клейонка зараз купила на стол, шоб там на столі клійонка була. Да. Я всьо купляла. А шо, нада, шоб було красіво. Куди же... Стол ото яке... Він хоть і чистий, чи такий жовтенький, но клійонка єсть клійонка. Так шо оце все вам і розказала. Всьо.

[*У свекрів*] всьо як у нас було, так і в їх. [*Готували*] те саме, да. Те саме. [*Хліб*] свекруха пекла сама. Вона дуже... І мама пекла [*моя*]. [*Мене навчила*], ну аякже. А тоді стали в магазинах, уже все... Батько: "Хвате. З магазіна будем носить". Ми тіко оте старалися так, тієї, оце, вареника шоб з картошкою, і з тим, як із творогом, і ті, як їх, коржі, пиріжки, з картошкою. Із горохом. Оце в мене. Нам не хватало мішка на зіму. Тої, муки. Так батько любив, шоб все було печене, свекр.

[*Обід на роботу свекру та чоловікові*]? Свекр, свекр, а шо він, ото піде там в магазині ковбаси візьме, вірніша. А той, чоловік брав на роботу. А я йому не готовила. Мати готовила, я ж на роботу біжала. Він ішов на восєм. А я на шесть. Ковбаси бере йому, купує. Ілі там борщ, єслі готовим, кусочок мяса одірве. Положе йому. [*А собі*], я взяла молока напилася і пішла на роботу. До двух час мені їсти не хочеться. Хліба... Хліб харошиий, і всьо.

[*Консервації*] раньше не було. А у діжках солили, помідори, огурци, капусту. Це солили. На зіму. А як, ми з матер'ю це робили все. Кладовка така була. Здорова така кладовка стояла у нас. А то… А огурци в подвалі. Діжки ж в кладовку не поставиш. В подвал. [*Варення*] варили. І повидла варили. Ти шо, така фрукта, не варить, ви шо... А раньше ж були ті, такі, банки, були. В банках всьо ховали. Череп'яні, полив'яні були. Череп'яні само собою, а полив'яні само собою. Полив'яні значить гладкі, як баночка, гладка. А череп'яні це просте. А в черп'яному наілуче молоко держать. Ілі парить молоко. А в полив'яному ж ти не спариш молока. Потому шо... Да... Ставиш у той, як духовку ж, оце ж глечики, да. Шас кажуть кувшини. А раньше казали глечики, упариш. А тоді, вихолоне, сметани кидаєш туди, як вихолуноло. Дірочку отак от отломиш нємножко, шкурочку. А туди сметани, з півлітра впхнеш. Конєшно, тоді ряженка хароша буде. Понятно? Оце так робили ми.

Варили варення. Батько привезе мішка два того, сахарю. Він же в "Смєшторгє" був. І вари скільки хоч. А то, варили варення, я у матері брала, так у нас якийсь такий був таз, чи алюмінь, чи який такий здоровий, на півтора відра. Так я ото бігала в матері брала варить. Дуже харашо варить. А варили ми на тому, триножки. Знаєте шо таке триножка? Ну як оце можете кірпічів положить. Тут, дві [нерозбірливо] кирпичини, і тут. А тут

дрова підосувать. А то спеціально батько зробив триножки, я беру ето глей, оце замісюю оцей таз, я обмазую глейом. Шоб не закурювалося. Грязь така. Глей називається. Ото жовта. Жовта така. Шо ви, не знаєте, шо це за глей? Замажеш, а тоді так кончеш, узяв, бистро, отак підняв, вдарив, воно так і поодставало. І так харашо, ні шарувать ні надо, нема, не пригоріло ніде нічого. А там у своєї матері так робили. Найбільше любили дуже свекр [*варення*] із вишень [*з кісточками*]. Да... Він без кісточок... раньше на варення моди не було. Він дуже любив. І повидло любив з “Красного вороб’я”. Це найдужче він любив. “Красний воробей” – сливи такі. От. Понятно? Сливи такі. Наілучі в повидло. Шо як продаються там то угорка, то винноградка, на базарі у нас же продають. То тіко на варення йде, на повидло ні. А оце береш роз... отак лупаються харашо, і нема соку з цього, “Красного вороб’я”. І бистро уварюється. І оце шкурочка вона так і скачується. Оце трубочкою. Як от звариш повидло. Да? Так, а він як колись, Женька на третьом этажу, він до мене присів, каже: “Тьотя Дуся”... Кажу: “Шо?” “Як Ви варите, ето, як його, повидло?” Кажу: “Як? Як всігда”, – кажу. “Ану розкажіть, як Ви варите”. Кажу: “А Ви з якого?” Каже: “У нас у городі тоже “Красний воробей” єсть. Мати моя каже: “А Тамарка каже, на м’ясорубку меле”. Я кажу: “То не повидло, – кажу, – Женя. То не повидло. Повидло токо нада, – кажу, – шоб воно скачувалось, ті шкурочки скачувались”. А він каже: “Отак і мама моя робила. Я ж їй, – каже, – товчу, товчу, а вона ні, тіко на м’ясорубку”.

[*Вино*], нє, нє, ми цього не робили. Кому робить? Він кажний день п’яний приходив, дєд. З того, з роботи. Шо робить...

[*Хату свою будував*] сам батько [*мій*]. Сам. Як вони складалися... З вальки, чи, шо. Воно бачите, їх тут... У кого були хароші хати. І кірпічом обложені, все. Хто харашо жив, да? А хто – ні. Тіко оце вальки, і всьо. Ото мазали. Мучилися. [*А забор*], а батько з “Смешторга” привіз тих, ящиків. А, так у батька, батько ж сам повипилював, такими рейочками. Знаєте? Забори долають. Батько сам. [*Собаки у дворі*] а как же. І там, і там собаки були. Ворота були. Ворота закривалися ж. [*Защіпки*], аякже. Шоб в чужі ворота корова не заходила. [*Свою корову тож в череду ганяли*], ну а як. І там я жила, тоже мати ганяла. І тут тож [запис перервано]...

Напримєр, батька не послухався [*чоловік мій*]. Нє, в його не було цього. Вони з батьком не ссорилися.

[*Свекруха була неграмотна*]. І свекор неграмотний. І чоловік неграмотний був, тоже не вмів, не почитать, нє. Тоже не знаю, чого вони його не учили. А золовки усі грамотні їх. Їх дівчата всі грамотні. [*Чоловік робив*] послє армії? На заводі. У літєйному цеху робив. Да, тоді принімали на [нерозбірливо] роботи. Тяжола робота. А тоді ж война, забрали. Я дурочка, як і мені казав брат: “Бросай, Ваню, завод. Давай уїжать, чо, будем тікать отсуда”. Досі можеть і чоловік живий був. За заводом же уїжав? Ідьом і ти. І главне діло, за заводом виїжали, да? Ми, оте, як його, не поі-

хали. І він же не поїхав, його забрали. А документи всі в Алма-Атє остановилися. Сохранилися. А тоді ж як ото я получила ізвєщеніє, я ж давай іти в совбез, і клопотать. Вони кажуть: "Документи. Нада трудову книжку, нада па..." Кажу: "А де ж, я ж не знаю, – кажу. – За заводом отам всі ж, – кажу, – документи пішли". Ну куди, куди завод тіперь. Прислали, всі документи сохранилися. Мені дали, той, показали паспорт, і трудову книгу, шо він... фотографія була. [*Потім оформили*], аякже. Пенсію я получала. В мене ж було троє дітей...

[*В евакуацію були*] ми дома. Ми тіко. На скіки, на два місяці виїжали в Михайлівку, як бомбив бо Токмак. Та батькова знакома якась там. Там чуть не... там не розбомбило нас. Як налетіли наші "яструбки", повилітали і збили. Та, слава богу. Харошого нема нічого. Приїхали відтіля, з Михайлівки, нема ні черепичини. Нема ні це, та, як його, маска вся поотпадала, і вікна повилітали. Токо шо стояли ті двері, шо в хату заходить, шо в сарай заходить. У нас із сарая ше й кухня була. Оце тіко остались. Ну, сразу... Кажний їде, і давайте, і провода, і ці, дерев'я начали, той з того, той з того, заїжять у двір. Згадувать не хочеться таку жизнь. І тіко два дні побули, він опять як начав бомбить. І зараз мої дітки, як скажеш, шо самольот, і завжди лягають, як вроді їх хто, і зараз сплять. Чи вони перелякані, чи я не знаю хто. Жизня нехароша була.

[*Як німці прийшли в Токмак*]? А як, канєшно, помню. У нас була корова. І німець приходив у нас це, як його, молоко брать. Отак, проводе корову. Я сідаю доїть. Він стоїть іззаді пістолєт. Шоб я нічо не вкинула в молоко. Я стою, і він зараз свою. "Та, – кажу, – остав, хоч дивись, діточки стоять". А син же був, той як маленький. Но він таки молодєц був. І все врем'я ішов молоко брать у нас. І нам і каже: "Смотріть, може будуть, яке, ето воєнні, – каже, – йти, ви не вибігайте (він харашо по-руськом разговарював). – Потому шо наші німці, під наших одіті, і ви будете вискакувати, вони раз-раз розстріляють". І ми не виходили, боялися. Тоді вже ми ото оце у кухню, як із сарая, в кухню. Отут ми всі собирались, сусіди, до нас усі отак. Всі собира... боялися. І ми ето, правда та, [Л]утиха до нас не прийшла, Марія, а Косинська прийшла, в нас і Галя, були в нас. А тоді, а ми, тож бомбили. Ми всі подушки несем до вікна. І у нас на кухні було велике вікно. Ми ж ото шо, може, сказали ті, оцей, як його, воєнний, шо, це, німець, каже: "Ви подушки, – каже, – кидай, буде, – каже, – у подушки воно запутується, у пір'я, і вона той не так, – каже, – розривається". Шо німець нам розказував. Так ми ото подушки, а самі так, долі лежали. Галя прийшла, так вона ото, подушечку собі взяла, маленьку, таку, під голову. Тоді ми ото сидимо, закрито, дивись, а ми дивимось, а батька чуть не, не витягують. Вони кажуть, воєнні. Ми тоді побачили, як Куліш Юхим, виносе те, як його, обнімає наших солдатів, тоді вже той, Косинська глянула й каже: "Наші прийшли. Вже, – каже, – той, Юхим, – каже, – той, обнімає солдатів". Ми тоді всі повискакували ото тоді. І оті всі воєнні до нас здаству-

ються. І каже: "У вас шо єсть кушать?" Шо було, те й давали. Шо було... Шо варене було. А такого ж не було нічого. Де ж у нас було. Не дай Господі. Мельницю батько зробили. Отак крутили. Сипали там той, крутили, мололи на крупу і на муку. Та, ой... Не хочу згадувать. У войну. Поки німець стояв. При німці це було [запис перервано]…

Дочка. Дочка не схотіла сюди. У нас тут дуже багато, а в батька мало. Каже: "Возьми, я не хочу тобі не так страшно було батька, я не хочу, через батька мене вб'ють німці". А шо робить? А у сусідки в Катьки, в подвалі. А в подвалі, той, як його, гарбузів нак... накидано, шоб не пропали. А він його вивів, прийшов, білий як гнида, каже: "Дуся, я вже більш не піду туда, обніма, плаче мене, – я чуть не задихнувся, ви ж, – каже, – взяли, закрили, – каже, – ляду, мені ж, – каже, – дихать нічим" [нерозбірливо]. У в нас голуби були. Це без брехні вам правду розказую. Він ліг на кровать. На мою. Я взяла його вкрила. І взяла голуб'ята головки поодрізала. А миска така була череп'яна, раньше ж не було такого. Я накапала крові. І взяла голову помазала. І тіко я вийшла, тут чотири німці йдуть. "Пан єсть?" Кажу: "Єсть больной". Вони заходять. Двері откривають. Мене впихнули. Мати плаче стоїть. Держить сина мого, маленького. Як глянули. Шо в миskі кров, і він. Оце виходить, шо він етот, чахоточний, бальной. І вискочили як пуля. І більш не явився і ніхто. Оце отак батько остався живий. Але ми так лежали як голуби, де які лежаки були, поставались із цих, не дивились, чи дитина сидить, чи ні, вбивають і всьо. Отак, при німцях. Ну, батько ше лежав. Ше лежав. Він казав: "Скіки жити, ось таке, – каже, – в тебе буде".

[*Потім*] ну, ми нікуда не виїжали. Нікуда. Покрили кришу. Все. Вона, черепична. Слава Богу, шо жива була. Вона тіко посунулася. А оце ходила, оце в кухню входить, в хату, оце кухня, це як ото сарай, а це у хату, да? Тот із той сторони зажигатєльна бомба упала. І та стіна трошки поруши... порушилася. А вікна повилітали. Вікна не те, всі долі. Все повилітало. Ну все, укрили кришу. І на тому, там була те як його, сушка була. Ніхто ніде нічо, там лежала пшениця, і кукурузка була в нас. Ніде нічо ніде не забрато, нічо. А тоді як наші ввійшли уже ж, вже німців далеко погнали, а то ше поставалися. А у тих у нас була з цією, [*шорою*]? А де дядя Альоха був, і ба, я не помню, де дядя Альоха був [нерозбірливо]. Вони всі до нас. І Косинська до нас, Райка [нерозбірливо], всі еті, їм тут не так страшно. Ну, сидимо всі ті шо тут, у сараї, на тому, на порозі. Їде той, та як її, бричка. Ззаді ідуть оті, як їх, ну, воєнні. "Так, – кажуть, – ти знаєш шо ідуть?" А ми отут стоїмо, сидимо, слухаємо. І Лутиха стоїть. Каже: "Ну отут, – каже, – я був, – каже, – тут, – каже, – кой-шо можна було набрать". А не можно озиваться. І наші тож були, та господи. Кажу: "Дайте я обізвусь!" "Дуся не надо, мені тебе жалко". То я дивлюся один несе клунок у тьотки Маруськи, сюди, от етої. А я тей тоді кажу: "Як вам, – кажу, – не стидно, наші, – кажу, – воюють, – кажу, – а ви, – кажу, – грабите, – каже, –

хіба ж так можна, – кажу. Рібята! Ви ж, – кажу, – тож ваші жони, тож поо-ставалися з дітьми. Шо ж ви, – кажу, – посліднє забираєте?" Як, руками, як муха, зараз коней вдарили, і поїхали. Тож більш ніхто і не явився. Тож у тих, каже: "Дуся, я, не знаю, – каже, – за тобою така трусилася". "Так, во-ни, – кажу, – всьо б, – кажу, – у Вас винесли. Тут, кажу, гуртом би". [*На конях то були*] воєнні, наші. Да, післє войни, да. Наші вже німця погнали. А наші вже тут кой-які були солдати. Отаке було.

[*У війну робили*]? Нас це тіко визивали санітарок у воєнкомат сті-рать. Ми стірали в воєнкоматі. Нас визивали, санітарок. Я ходила. [*Плати-ли*]? Боже спаси, ви шо? Ото сам вигадуєш кусочок мила. Де дуже, то, в крові, так ми в хлоркі вимачували. Вони оте стирають. Ці кажуть, ті, саме главне було: "Больше, – каже, – виварюйте. А мило для сєбя, – каже, – той, бережіть". Так от я скажу. А послє войни, як уже кончилась война, я на бойню поступила, на бойні робила. Два годи. А через год прийшла в тех-нікум. Тут у нас всі робили. А потом на пенсію пішла. [*Ким на бойні*]? Бой ската. Били, а ми мили кишки.

[*Поліцаї*]? А як, ви шо? С пльотками ходили по нашой вулиці і гнали тих, як, євреїв. Не можна було і виглядувать. Хто вигляне, так зразу і уб'ють. Ото вони поліцаї, німці. Ото воно якось гора була, чи балка, вони в балку їх. Викопали яму і туди, живйом. Закапували. [*Євреї не з нашої вулиці*], ні. Гнали. Всих собрали і гнали. Мать десятків пять, ілі шість. Ба-гато. Ішли. І з боку поліцейські, і машини ззаді. І гнали їх тако, і там вико-пали такой рів, чи хтось яму, чи шо вони, живьом їх повкидали і загорну-ли. Ото дівчата, все шо я знаю, вам розказала. А так...

[*До війни євреї*] а тут же вони і жили, ось тут, по Нансена вулиці, дуже багато євреїв оце було. Та скрізь вони жили. Вони скрізь жили, євреї. І ото де тьотя Малашка, Володарська вулиця, тьоті Малашки було тут у дворі три дома. Та на квартірі у тьоті Малашки жили. Та багато, оце Воло-дарського вулиця, пошти де оце в город пошти все євреї жили. Вони нічо не робили, тіко в магазінах. Ну, раньше ж магазини ж були. А у городі тут. Тепер же не можна розказать. Тепер же все порушили ж. Як було, шо де. І оце магазіни, де те, оце ж були все, оце ж були ж євреї. Все торгували. І оце, де те, як її, де Леніна вулиця, де банк, оце де банк, да? Лєніна вулиця. Оце отут як його, на вуглу, скажіть, це отут на углу була аптека, а оце ряд було магазінів. І тоді оце тут де Нансена вулиця тут тож були магазінчики малінькі. Тоже. Отут тож були. Євреї жили. Магазіни откривалися. Ну все таке продавали тож. І канхвети, і... я ж не ходила до тих магазинів, я вам скажу откровенно, я ж не бачила. Я не ходила в магазіни. А у нас ото й мати, й батько, старші сестри йдуть, але я не ходила в магазіни, не поку-пала, не можу сказать. А оце був отой як у город у нас оце, де оце церква була, де це зараз, той, да де церква, да? Оце отут церква була, оце отут ко-ло церкви оце, коло церкви оце, ряд було магазіни. До церкви. Ше... Ряд був цих. Ніже були ті магазини. Були магазини. Ну я не ходила в магазіни.

Ніколи й разу не була в магазіні. Окроме тіко, з матер'ю раз зходили в церкву. Ото я знала, а то я і дороги не знала.

Не знаю я, до войни де які німці жили, не знаю. Я знаю, шо в нас [нерозбірливо] стояв. Ше його бросили, в тей, як його, як оце стояли німці, ше й бросили пару коней і брічку. Бросили німці. Батько каже: "Ну куди їх здать, ну, куди її здать?" Кажу: "Куди хочте, – кажу, – здайте, шоб вона, – кажу, – у дворі, – кажу, – не була, за цю бричку, – кажу, – буде нам".

Мене мати тіко в церкву повела, з церкви й зразу додому. Правда, зайдем до тьоті Малашки. Ото трошки посидемо і підемо. Так вона не остається на вечірню службу, тоді ми йдемо додому. Оце центральна вулиця була, оце де церква. Оце була центральна вулиця. Де церква.

[*Голод тридцять третього*], аякже, та, робила я на тому, больгари держали землю, виращували ето, капусту, огурци, картошку, ну все, все овощі виращували. Больгари робили, там де ось [нерозбірливо], знаєте? Чи не знаєте [нерозбірливо]? Ну отут, за Токмаком. Ми там із сестрою ходили пололи. Там давали нам по чотириста грам хліба. І вони зараз покушать давали. Ні... Це послє войни вже. [*Сорок сьомого*].

Тридцять третій голод, да, це тоже. Тож робили. Маруся не зайде було, де робили, я вже й забулася, Маруся робила де, сестра... Трохи пухлі були. Мама трохи пухла була. В тридцять третьом году Галя, Катя робила в столовій ж. Тридцять третій голод був...

[*Іграшки які були*]? Самі, з корови той шерсть, чесали корову, шерсть собирали, здавлювали. І обшивали тряпкою. Оце тобі той, кукли робили самі, шили. Даже мячика резинового не було. Самі собі шили. Ну то в садку ми грали. У нас у садку все ігралися. Садок здоровий був. І всі ми собиралися там. Ну, раньше як. Такі ямку виковиривали, качали м'яч, яка твоя ямка впала, значить, ми тікаємо, от я беру з ямки мяч і б'ю. В кого попало, значить, вертаємось, оп'ять ложим. То в дочки іграли. Гілкою, є, така, доска, і мяч били, а вона летіла хто-зна куда. Оце так гралися. Оце така жизнь була. [*Гралися*] з сестрами. А брат як був, отой, кидати, дощ піде, глей, сирий. Він ото вальки качає, далеко лозину, як швироне, далеко летить, той кусочок глею.

[*Як хворіли, то чим лікувалися*]? Да, мене, дуже жилудок болів. І щас він болить у мене. А врач приходив. Батьків знакомий, що заказує всігда. Він робив на тому, на вокзалі, той врач. То лікарство дає. Там по столовій ложкі, по чайній ложкі я пила. Ну, найбольше хазяйка мене вилічила. Не знаю, в неї там якась бабка була, шо шептала. Чи шо... І вона мене туда водила. І вона мене і вилічила. А так я, мабуть, і пішла на той світ. Я сиділа, а вона шось кругом мене шось так крутила шось, і шось шептала-шептала. Сама собі шось шепче, шепче. Це вже скіко я раз ішла до неї. Каже: "Тобі не нада, дєтка, ходить, ти вже можеш", – каже. Я пошти нічо не їла. Я тіко з'їм і в мене рвоти були страшні. А це тіко знала тьотя ця шо я служила [*про цю бабку*]. Це тьотя і, ето сказала: "Її пороблено". Та, оце

шо мене робила, каже: “Її пороблено, хтось, – каже, – її поробив. Ну, нічого, – каже, – пройде”. А, в мене хазяйка була. І оце утром, вона сказала: “Утром шоб ти її чайну ложечку. Більш ні, чайну ложечку на тощий желудок дала сметани”. І оце вона мене так, кажний день я ото чайну ложечку, більш нільзя. А шо вона там, чайна ложечка та вона. Чи шо воно, шо в желудку було...

[*А сметана*]? Ну а як, хароша, наша сметана, канєшно. То в магазіні нежирна. В їх і корови не було, а в їх було сметани ой-йо-йо. Вона шила і їй носять все.

[*Про відьом*]? Було, було в батьків, було. Сусідка забрала в матері молоко. У корови. Ви поняли? Понятно Вам, чи ні? Ну от корова наша, да? Сусідки корови дає молока – во! А у нашої корови немає молока. Мати сідає її доїть, а вона реве, вим’я пусте. Ну і те, як її... Якраз батько був дома, приходе циган. А батько стоїть. “Брат [нерозбірливо], ти знаєш, – я до тебе прийшов?” Каже: “Скажеш”. “Дай, мені, – каже, – гною”. А раньше ж кірпічом. Оце шо корова за цілу зіму викакує, ми його топчем, і його розкидаєм, топчем, а тоді ріжем на отакі кусочки. Шоб було у тому, у печі топить. “А, – каже, – а з чим ти прийшов?” “Та я, – каже, – ось прийшов з мішечком”. “Пайдьом, – каже, – бери скіки хоч”. А він так згорнув, шо в його мішок на пів брички. Знаєте, які ж вони хитрі. Він каже: “А як же ти піднімиш?” “Шо ж, – каже, – я тебе обдурив, – каже, – брат.” Каже: “От, не нада ніколи, – каже, – дурить, нада всігда, – каже, – правду казать”. Батько це йому каже. “О, тепер, – каже, – викладай”. Він каже: “Нє, я піду жінку приведу”. “Ну, іди”, – каже. Привів жінку. А він каже: “У вас, – каже, – так плохого немє нічого?” А мати вишла. “Та, – каже, – єсть плохе”. Начала мати плакать. Каже: “Не знаю, вчора доїла, – каже, – корову, а сьодні нема молока”. Ага, а та стоїть та, циганка, – ану йди сюда. Сестра, іди сюда. “Де корова твоя стоїть?” “Отут?” “Де твої відра?” “Оце”. “Всьо, нічого. Щас, я, – каже, – зроблю. Ану, в тебе підкови де? Іди бери підкову”. Шо у коней підковою знаєте, підкова? “І дві бери заразом”. І це в сарай входять. Оце тобі той. Це отут забив на порозі, підкову, і з того боку. “От тепер ладно. В тебе вода є свячена?” Мати каже: “Чого-чого, – каже, а води, – каже, – єсть”. “Дай, – каже, – мені води”. Зараз мати, вона зараз баче, збризкала оце циганка, а тоді, то, як його, взяла пішла в сарай ще й збризкала. Іде, вона ото в корито до неї, там, взяла ше і воду вилила, туда. “Я вечером прийду”. Циганка. “Та прийди шо-небудь, ше беріть кирпича. Беріть, – каже, – то будемо ше робить, уж багато, – каже, – ше буде”. Каже: “Тоді ладно, – каже, – ми прийдемо, ше, – каже, – з чоловіком”. Прийшла вечором. Вона каже: “Я сяду далеченько, а ти доі корову”. І мати сіла, доїть корову, а в неї уже вим’я отаке. Да. Погано біжить. “Хай вона розтирає”. Шоб кусками не закипіло, як ото дитину кормиш, да? І ото молошна малярія. Молошна. І така краснота і красні ті, пятна, як не зцідиш ти харашо молоко, остаються, той, як його, і тоді нариви дєлаються. Ото розрі-

жають. Да. І [нерозбірливо] каже: “Масажируй”. Вона каже: “Уже в мене руки болять”. “Давай я. Давай я”. А вона кричіть: “Сідай дуй на стул”. Вона не уміє доїть. І як начало ото, не доє, а вискакує молоко. Це каже: “Не кажи, хай вискакує, хай вискакує молоко, я знаю, коли шо буде хароше молоко. Це молоко погане, це молоко погане. Це молоко не твоє, це молоко не твоє”. І в його оце все в молоці. Да. “А тепер, – каже, – дай мені чісте відро”. Дала мати чісте відро. Відро повне. Ше і... Мати каже: “Боже, де ж у неї, – каже, – було молоко”. Да. Це подоїла вона. Да. “А тепер шо. Бери, – каже, – оце молоко, – на циганку, – і іди, – каже, – пий, за радість, – вашої каже той, – шо отак, – каже, – зробили для нас”. Вона каже: “В мене нема нічого”. Вона каже: “Я тобі все отдам”. А мати спекла хліб. Мати, знаєте, хліби ж отакі буханки. Пекли. Ше, на тому, оце ж, капуста, листя отакі, і на, оце ж, викачає, і це на капусту вона ложе, оце, тісто. І в піч садове. Ой, який же хліб укусний. Да. І виносе їй хліба. Каже: “Я ось дам, отплачу, позову.” “Ладно, дєвочки, ідіть сюда, – мати каже, – ану беріть молоко, беріть хліб. Підожди, я тобі ще й сала дам”. Ще й сала мати винесла. І етот глечик, і смальця ше дала. “Тепер, – каже, – вона прийде. Вона до тебе, – каже, – завтра утром прийде. Буде тебе ругати: “Ти забрала моє молоко”. Шоб ти до неї й не обозвалася. Мати стала доїть корову, а батько стоїть. Вона вже прийшла: “І ти не обзивайся до неї. Хай шо хоче вона каже, ви не обзивайтеся”. Да. Вона тоді той почала і ругалася, і все. Мати мовчить. Мати вже надоїла відро, і одне ше, а вона тіко обізвалась: “Дай посудину”. Батько забрав у неї відро, і дав, те, другої посудина, шоб здоїла корову. “Та віддай мені хоч оце молоко посліднє”. Вона забрала молоко, каже, накрила його, тим, фартуком і понесла, каже, у колідор. “Вона, – каже, – кляла-кляла мене, кляла-кляла”. А циганка прийшла. Перегодя циганка прийшла. Вона каже: “Ну тепер, – каже, – я піду до неї. Тіко ти не йди. Ніхто. І ніколи до неї не обзивайтеся. Тепер у неї молока не буде. Вона до вас буде приходити: “Ти у мене молоко забрала”. А я, – каже, – їй скажу: зачем же ти так дєлала? Шо она тобі жінка ця зробила? Га? У їх, (у нас) корова була дуже хароша, тридцять літрів давала. Рекордістка була. Да. А в мене тіки дає десять, двєнадцать, більше не дає”. “Переміни. Продай, другу возьми”. Вони ж так і зробили, перемінили її, тепер у їх корова. “Чо ти, – каже, – до сусідів, – каже, – лізеш?” Вечором приходе: “Ти у мене молоко забрала”. Каже: “Я шо надоїла, це моє. А твоє мені не нужне. Шоб ти так і відповідала, – каже”. Це все циганка учила. Тоді вона більш не займала. А до нас вони ходили, ці цигани. Тоді якраз свиню різали. Да. Зарізали свиню. Купили поросят. Двоє. Тиждень побули – пропали. І опять пропали. Опять пішли купили – пропали. Пішов батько до цигана: “Братик, виручай”. “Шо таке?” “Ти знаєш, – каже, – отак і отак, – каже, – свині пропадають”. “Ти, які купував?” “Та, – каже, – бєлєнькі”. “Ідьом, я сам буду купувать”. Купив він з латками чорними. “Тепер, – каже, – до году не ріж. А послє году в тебе, – каже, – буде отаке сало. І більш, – каже, – в те-

бе не будуть пропадать”. І більш не пропадали. А вони як виїжали, вони тоже, тут, той, кочують. А тоді, ето, далі їдуть, там кочують. Як приїжали, як виїжали прийшли: “Ну, досідання”. Батько: “Шо ж вам дать? Картошки дать вам?” Мате виносе вже хліба. “Тіко в мене, – каже, – два дні як спекла. – каже, – нате хліба вам. Муки вам дать?” І муки мати дала. Та всього опять. І олії дали. І усе. Каже: “Я таких не встрічав. Ну живи тепер, і шо б ти, – каже, – в тебе буде корова телиця, як буде в тебе корова телиця, ніколи нічо не давай”. А оце ж сусідки. Мати, корова отелилась, вона прийшла у неї просила: “Позич мені хліба”. І як вона забрала молоко в неї. Пойдьот? Оце таке дівчата я вам розказую. Всьо, хвате вже. Вже... [запис перервано]. Вони такі. Так усе знають. І він каже: “Ану давай, – каже, – сюди”. Гукає. “Де бить, – кажеть, – її?” Каже: “Туди і туди бий”. Він каже: “Ай-йа-йай, – каже, – вона в тебе, – каже, – все забере. Вона каже”. І мамка каже : “І кури у мене, у людей, – каже, кури несуться, – я ріжу всіх курей, ріжу усіх курей. Не несуться курей. Заріжу курицю і яїчок нема всередині”. “Тепер, – каже, – у тебе все буде”. Циганка каже: “Нада із людьми, – каже, – жить, но не забирать. Тепер ти помниш? Помни мене, я вернуся, і спросю. Як ти, – каже, – жила тут.“

[*Ходить ворожить*] батько не розрішав.

ВАСИЛЬЧЕНКО МАРІЯ МИХАЙЛІВНА, 1914 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Шість братів було, і тато, й мама, ж. І скіки… Федорка, Марина – дві, Христя – три, Марфуша – чотирі, і я – п’ять. П’ять нас було. Ну шо, голод забрав. В двадцять первім годі голод був. Хто-зна... Кажуть, шо уродило. А тіки ж хто змог, хто змог, закопать, закопав, той, можна сказать, живий остався. А нас скіки в сімні. Ну, шість братів і п’ять сестер і мама. Оце така сімня.

[*Братів звали*]? Та я буду казать. Значить так. Васька, це, старший. Самий старший. Ваня, Гриша, Петя, Гриша, Фанчик, Фан. І Кузя. Кузьма. Оце стіки братів. Оце так звуть. А дівчат, та Федорька сама старша, та кажись, сама старша.

[*Дівчат звали*]? Ну оце те, як його, Федорька, Горпина, Марфуша, Христя, і я. Жили, ну, голод забрав всих. Всих забрав голод. У двадцять первім годі. Шо зробиш… Цей, Фанко ішов з Токмаку. Ішов з Токмаку і в Чингулі упав. Упав. І ніхто нічого. Коли, чи їхав, чи шов, зять тут, токмацький зять. Маринин чоловік. Та каже: “Та шо таке, – каже, – сорочка, – а хлопці ходили вовняні сорочки, плели й ходили, – та вроді така ж як сва-

[1] Опитування проводила І. Савченко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

ток”. Підійшов. “Ой, голубчик, ти, – каже, – мій”. Ну і шо, і так я знаю. Чи вони його взяли, чи раки рознесли.

[*Інші брати та сестри*] так, поманеньку, поманеньку, поманеньку. Один тіки брат остався, їздив у Полтаву і тамочки задержався. От. Та хто знає. Чи краще, чи не краще Хто знає. Я не знаю. А приїхав. Приїхав у Оріхов, і в Оріхові жінка вмерла. А дєвочка, Катя, сім год було їй, у нерідної мами, бабушки, бабушки. Як у неї восьмеро… І онучка. Та шо ж вона буде онуку годувать, чи своїх? Своїх же буде годувать. Ото ж поїхав, забрав, она побула, переночувала, мать, три ночі, і бідненька померла. Така хароша була дєвочка. Скіки було народу, і всі померли. Всі померли. Один, оце приїхав у тридцять третім годі, умер. А ті в двадцять первім годі. Ото так. А скажи... А на що [запис перервано]…

[*Народилася я*] Довгалівка називається. Її звуть і це, Прокопівка, я родом називаю Довгалівка. А ось Солодка балка, знаєш? І за Солодкою Балкою Ільченкова. І Довгалівка, село. Токмацького [*району*]. Рядом… Іванівка, село. Вершина. Роботіно, село.

[*В Токмак*] оце недавно переїхала.

[*Батька звали*] Михайло, маму – Іра. Іра. Діда й бабу? Були, тіки я зовсім мала була, як я те, той так, бабушка, дєдушка. Ну, я їх не дуже знаю. Не пам’ятаю... не знаю, як їх звали.

[*Батьки*] такечки жили. Самодільно. Ну, тоді ж жили, як би сказать. Не могу сказать. Господарство? Яке? Ніякого. Робили, і все [запис перервано]. Батько був хліборобом. Да. А мама з Копанів. [*Худоби скільки*]? [сміється]... Ну, хто зна. Дві корови, і пара коней. Ну, свині, куплять свиню, заріжуть. Бо сімня, нада ж кормить. Землі? Ірочка, я тоді мала була, я нічого не знала. Ну, городу гектар був. [*У степу земля*] була.

[*Батько був*] і не багатий, не багатий. [*Була*] хата обнаковенна, ну, така як, як ото. Ну така як ото. Кімнат? Дві. Велика хата. Ми її називали, шо велика хата, і мала. Та шо порались, їсти варили. І оце і все.

[*В малій хаті*] – нічого, плита, як кажуть, стіл, і такого… А в великій хаті, в великій хаті, було п’ять невісток, п’ять невісток. Невістки. І спали, щас кровать, спали поряд, тато й мама на лежанці. А – поряд. Ніякої кроваті. Отак. Ото так. [*Невістки не сварились*], ні. Ніколи. Ніколи-ніколи. Я не знаю, може, може шо й казали їм. Було мені сім год. А одна невістка, третя невістка, так та дуже маму любила. Дуже любила. Оце до церкви звониться. “Люба, до церкви звонять. Убирайся”. Убирається. І йде з мамою до церкви. А ці, як його, чотирі, пораються дома. То їсти варять. [*І мама її*] любила, любила. Вона маму любила, а ця її. Ну хто ж, ну як, ну видно ж, до мами відноситься, харашо, і все [сміється].

[*Звали невістку*] старшу – Одарка, Івга [?], Оленка. Ше, чотирі, да? Ше яка, забула. Боже мой, врем’я. Ото таке. Та коровку доє. Та їстки варе. Та там по двору шо-небудь зробе, отаке от. Та і та те робе, та те робе. Я уже, Боже мой. Сім год мені було. [*Старша була*] Одарка, Фанчина жінка.

Старшого брата. Чи той, сина. Одарка, жінка. Нічого, вони не… Я ж мала була. Шо я там понімала. Шо я понімала. [*Вона невісткам*] може шо й наказувала. Не знаю. Вже я далі не знаю.

[*Невістки з ранку*], ну шо, устануть: "Мама, шо їсти варить?" "Та отаке й отаке". І всьо. Вони йше у постелі – вже їм тарілочка зготовлена, вже їм принесли – мамі й татові. Невістки. Любили маму. Тата любили. І мама не спорилися з ними. Не спорилися.

Ну, хто раніше [*вставав*]? Невістки. Невістки вставали. Встають, а тато й мама ше на лежанці лежать. "Не вставайте, лежіть". Шо любе дуже маму: "Мама, лежіть". Ну [*потім*] хлопці вставали. Ну, розвиднилося, і встають. Ну, невістки, конечно, трохи раніше, бо їм же нада пораться. Та їстки варять, та корову доять, та там поросяткам їсти дають. Отаке. [*Батько з матір'ю як*] розвидилось і встають. А я… [сміється]. Шо я? Сім год. Шо я… Мене й не будили. Сама встала. Ото таке діло.

[*В сім'ї був*] головним, ну, тато й мама. Хто ж головний... Тато. Тоді ж не казали "папа". Тато. Ми ніколи не спорилися. І невісток нічого. Все харашо. [*Суперечити йому*] – а я вже не знаю. А вже… Шо я там понімала. [*У синів робота*], ну яка ж... Як, це ж літом хліб убирать. От. Ото таке. А так, шо тоді казать.

[*Батьків прізвище було*] Лобачі. Ну, відкіля… Де жили, Довгалі, там же і хвамилія. Родичі? Ну які ж родичі. Дєдушка, бабушка, це ж померли, не має. Дядько був. Тутечки, в тім селі, умер. Другий дядько був. І не знаю, чи де поїхав, чи пішов, не знаю. Мамини це брати. [*У батька*] тоже два брати було. Уже воно… діло о-йо-йой... [*Більше не було*], по-моєму, ні, не було родичів.

[*З ними*] родичалися тато й мама. Ну як... Прийдуть, посидять, погуляють, побалакають та ідуть. [*Коли приходили*] – Бог знає. Чи в неділю, чи приїдуть… [*Я не ходила*] до оцих от… Ні… Я мала була. Батьки, тато і мама не ходили. Вони приходили. А як же їх звать? Одного, я знаю, Микита. Одного Микита. Брата, татового. А другого не знаю. [*За батька*], кажись, молодші. [*Діти в них*] були. [*Я їх*] не пам'ятаю. Я пам'ятаю ото, отой дядько один, звали Микитою. Микита звуть. А другого не знаю. Тим більше шо я… Воно голод, я невелика була. Я не дуже шо знала. Та то і все.

[*У братів робота була*] яка... Хліб сіяли. Хліб убирали. Всі робили. Це ж, десятини, чи як би сказать… Там же ш сіяли хліб, то кукурузу, то насіння, убирали все. А так, ну шо я можу сказать. Більше такого не знаю. Я... А зразу вже конечно. Старість тєм болє.

[*Як вижили двадцять першого*], у голод? Як же тобі сказать… Я б може.. Може б і вмерла, так помогла Америка. Ну, хлібом помогла. І ото трошки спасли людей. [*А мама з татом*]… Не доберу… Тіки-тіки-тіки… Тіки вижили... Стой! Де ж вони вижили? В двадцять первім? Померли. Всі… Вся сімня померла. Одна я осталася. Я не знаю, як я одна осталася.

Ото, оказалось, шо трошки хліба хто-то поміг, і ото так я. Та його так, багато балакать, там мало слухать. Не сповниш… Шо там. [*Інші сім'ї*] та ото ж так і... З нашої сімні ніхто. Одна я осталася.

[*Після голоду*] жила я у своїй хаті, от. Там була дуже хароша бабушка, сусідка. Мене доглядала. Втора мама. І напоє, і нагодує, і напоє, і вдягне, і все. Така була хороша бабушка. Мамина, мамина кума. Ото таке. А більш такого… не знаю. Ця бабушка, куди там... Я ж кажу, втора мама була. Що ж мама була. Бабушка, бабушка Оксана. Тіки йду з цеберками, вже в вікна дивиться: "Марійко, сідай". "Шо сідай?" "Сідай їсти". "Та не надо, не надо". "Я сказала, сідай". Бабушка була…

[*Діти*] оце у баби Оксани? Один. Вона взяла за сина парня одного. Оженився. А тоді… Він шось заболів, умер. А невістка осталася. І в їх ото преявилася дєвочка, і ото вони... Ні, ця невістка вийшла заміж, а цю дєвочку дєд та баба узяли. [*Дівчина*] та вона, пошти, мать, і з чотирнадцятого году. Ну, оце вулиця, перейти через вулицю, оце тут ми живем, а тут оце вони жили.

[*Батьки*], вони ж померли. [*Землю*] з собою не заберуть. Я ше ж мала була. [*Обробляли*] люди. А грець його знає, які… Ну я дєтка, точно не знаю. Точно не знаю. Я ж кажу, шо там мені було.

[*Друзі в дитинстві*] де вони там були… Я не нуждалася тими друзями. Я їм не нужна, вони мені не нужні. Ну як у мене ні мами, як кажуть, ні тата немає, кому я нужна… Подрузі нужно… Подрузі не нужно. Із бабушкою дружила. Мене бабушка гляділа, і я з бабушкою.

[*В школу*] хто ходив, я неграмотна, я букв не знаю. Хто ж мене вчив? Хто мене вчив, ніхто не вчив.

[*Гуляти*], я думаю, не ходила. Можна сказать, мені не до гульні було. Того шо сама осталась, як билина в полі. Так шо міні гульня не дуже нужна. [Люди] мене не обіжали. Не обіжали. Особенно, бабушка, оце, Оксана, Боже сохрани. І напоє, і нагодує.

[*Заміж вийшла*] в тридять сьомім. Він там жив племенником. Я жила дальше. Я жила тутечки, на свинарнику робила, а цей племенник дальше. І він приїхав до племенника, і начав крутить, ну шоб заміж ідти [запис перервано]. Жизня така… То нема нічого, тоді стала в колхозі робить, стала хліб получать. Тоді пішло трішки діло.

[*Колективізація*] хто-зна коли воно проходила. Як би я грамотна, я б розвидніше була. А як я неграмотна… [*Як колгосп*] – та як, зробили і всьо. Колхоз. [*Розкуркулювали*] навєрно, тіки мало було. Грець його знає.

[*Голод тридцять третього*] пам'ятаю. Ну шо розказать, вже робила… Це таке діло… У совхозі, отут за Токмаком робила. Коли переказують: "Ваня вмер". Брат. Ну, я не ходила, далеко. Такечки. В совхозі я була. Це ж заробляла. І там кормили. В совхозі. В тридцять третім. Тут таке діло.

[*Інші сім'ї*], а грець їх знає. Я не знаю, шо вони їли, шо вони пили.

[*Як почалася війна*] пам'ятаю, трохи пам'ятаю. Та я уже забулася. Уже, дєтка, забула. [*Німці в селі*] були. До нас, лічно до нас у хату п'ятнадцять душ як зайшло. В мене вже бабушка була, свекруха і Кузенкова Поля. Дочка, старша. Вона тутечки. Мужа немає, помер. І їх скіки, п'ять, три, зайшло, і так прижали, Полю, до себе. "Ми вас не займем". А тоді перегодя їх зайшло п'ятнадцять душ, спать.

[*Як радянські війська зайшли*] я уже, дєтка, я тобі кажу правду, я ж не дуже пам'ятаю, шо там було, як там було. Ой горе, та й годі.

[*Святкували*], ну, Різдво. Я бідно живу. Не знаю я нічого. Немає нічого [запис перервано]…

[*Весілля братам робили*] я ж кажу маленькі такі… Ну які, я там знаю. То таке діло…

[*Були*] іграшки. Було з тряпочок зроблять куклу, ото такі іграшки. Ну як, не було в мене. Нічого такого. То таке дєло.

[*Одяг був*], ну я, там жикєточка, чи фуфаєчка, таке. А шо, шо його ше носить. Більше юбками ходили. А грець їх знає, спідниця, та і все.

[*Були у мами прикраси*]? Не знаю. Не знаю, дєтка. Хоть...

[*Голод в сорок сьомому*]? Хіба в сорок сьомім годі… Мабуть і не було голоду. Ну, ніби не було. То в тридцять третім, двадцять первім, а так я… Та хіба все вспомниш. Всього не вспомниш.

[*Грамотні були*]. Ну да, тато грамотний був. І мамка тож грамотна. Не той, ну, а грамотненька була. [*Брати читати-писати*] вміли. Та й сестри розписаться вміли. [*Сестри*] раз писать вміли, то й читать вміли.

[*Мама якось*] лікувала… Я вже позабувала. Вже позабувала. Не знаю...

ВЕРЕТЕННИКОВА ВАЛЕНТИНА АНДРІЇВНА, 1919 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

[*В Токмак приехали*] в тридцать пятом. То ж папа там работал слесарем туда-сюда. Сюда приехал в "Коллективец" устроился, работал. А я еще в школу. А брат там еще оставался один на Партизаны, остался старший. А тут Саша в целине остался. А потом все приехали, все. Тот по строительству шел, тот пошел в цех слесарем. Потом в армию забрали младшего. А я в ФЗУ пошла учиться. С ФЗУ на завод.

[*В школу пошла*] в Богдановке. Начальная школа была потом, то ж тут четыре класса было. Потом в другую школу, там пятый класс. Старший. По седьмой. [*В Богдановке*] там не одна школа. Начальная школа, потом средняя, потом, в это, потом была начальная в третьей сотне, уже на

[1] Опитування проводила Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

вторую сотню другая, коло церкви, была. А, этой, первой сотне еще школа была. Там тоже начальная. А тут уже, де, сходилися вторая и третья, тут и церковь была, и кладбище большое было. Тут как бы центр. Там уже и магазины были, тут и сельсовет был. Это центр был.

[*Детей*] в нашем классе? Понимаете, было время, шо на одной стороне сидят – третий класс, а там – четвертый класс. А парты большие были. По шесть человек на каждой парте. А учительница одна была. Марья Прокопьевна. Мелитопольская. Смирнова, старая дева, такая хорошая была женщина.

[*В школу собирали*]? Ну как же. Все. И сумки покупали, и книжки покупали. И... А там уже, выступали на праздниках, я знаю. Еще первое за Шевченка стихотворение рассказывала. Учили все.

[*Одежда*]? Ну как... И пальто было, и ботинки, и галоши. Все. А было, идем, я сниму галоши, катаемся, а потом оденем, а папа еще говорит: "Ну ты посмотрела, шо там, как у ней ноги, не сырые". А мама выняла – а у меня там уже кожи нету. Подошвы нет, я их скатала. Ничо было. И валенки были. И все было. [*Дети в школу*] тогда все ходили. [*Учебники*] ну, бывало, шо давали. Трудно купить, а иногда давали бесплатно. Бесплатно давали. Кто не покупал. Привозили в школу, и учительница нам всем выдавала. А шо тода была и книжка? "Букварь"? И задачник. А потом… шо, чи та "Радная речь". До четвертого. А в пятом классе там уже были истории, там уже все. Тоже, там давали бесплатно учебники.

[*Замуж*] как выхо... Я работала. У меня был молодой человек. Тоже Веретенников, Степан Семенович. В армию ушел. Я осталась, в цехе работала. А с мужем, со своим... он приехал сюда, по направлению, как молодой специалист, попал в цех. И познакомилися по работе. Его тоже фамилия Веретенников. Токо Константин Николаевич. И как-то познакомились. То на работе... То проводил, все эти... Потом один раз в один прекрасный день он проводил меня, а я говорю: "Ну, ты пойди, я щас пойду водички попью". Пошла. А папа ш взял его – и в комнату. "А, пришла греться, а человек пусть на улице?" Ну и познакомилися, и переговорили. Переговорили все. И он говорит. И, сразу, собрали меня, постель, на плечо и пошли к нему. А он уже от это, в этом комнату взял на четвертом этаже и туда пришли. Тода не было свадьб. Ну, как-то тода, тода не было такого. А потом ото война началася. Кто встречался, всех своих молодые люди забрали невест и уехали. [*Замуж выходила год был*] сороковой. Пятого декабря сорокового года. [*Приданое*], ну, одежду, постель. А у мужа был шкаф, стол и кровать, тумбочка. Ну тода все это заселили, подселили. [*Он сам*] с Рязани. Направили его как молодого специалиста в семнадцатое главное управление города Москвы. Мы с ним ездили. В пиисят четвертом году, мама у него умерла, мы ездили. А потом, позже, брат умер, тоже на похороны ездили. Я два раза приезжала. У него тоже... Четыре брата. Отец с ними не жил. Один брат в Николаеве. А те в Рязани, а он здесь. В Никола-

еве умер, там поумирали. А он здесь. Тоже, фотография. Хатка ихня есть фотография есть. Деревянная. Мать их сама воспитывала. Четыре хлопца. И ни один, ни урка, ниче. Все покончали учебные заведения. Все.

[*У родителей были фотографии*], ну, конечно. [*Фотографировались*] в фотографии. [*Хранили*] в альбомах. Щас у меня стоит в книжном шкафе, папа и мама, брат и сестра.

[*На день рождения*], ну, друг друга поздравляли, дедушка, бабушка поздравляли. [*Дарили*], ну да. И серьги, и кольца, и знаю, такое, такие вещи. [*А детям*] ну, пироги пекли, то так. [*Дарили детям*] шоб так, было шото. Я знаю шо-то... Было всякие, игрушки, все. Куклы были и все. Все, чем играться было. Покупали и шили. И ото костяшки свиней были, мы ото играли. Таких, особенно….

[*Бабушка*] не вышивала. Нет, она уже как болезненная была. Эта, пока я ее помню. Мама вязала все. [*Рушники*] были. Мама вышивала. И висели, лежали в комоде. И весели.

[*Родители как поженились*]? Ну так, в церкви встречалися, поженилися, свадьба была. Так, вже потом мама, тода мы же с мамой жили. Так она, было рассказывала, что: “Папа ходил за мной, пока в церковь встречалися”. А потом, в церковь не стал ходить, а она ходила. Я только помню, два раза была. Да. Знаю, первый раз причащали, я потом один раз была на Пасху, кода крестили паску.

[*Родители детей крестили*], да, все крещенные. Все крещенные. [*Церковные праздники*] были. А как же, обизательно. Особенно, от это, от это, поминальный день, так, возили в церковь прямо на лошадях, на та, это, брычках всякие подарки. Они раздавали, наверно, бедным. Не знаю. Кто говорил, шо сухари сушат, кто – свиней кормят. Ну, знаете, как раньше, всякие разговоры. Как и сечас, так и тогда.

[*В тридцать пятом году Токмак*]? Большой Токмак. Назывался тоди Большим Токмаком. Ну, конешно, этих домов не было. От эти, в тридцать пятом году, где девятый, одиннадцатый, и тринадцатый были уже, строилися только в отех годах. А во время войны их разбомбили. Так шо… А мы сняли аш там, я знаю, около того кладбища у хрещениных комнату сняли комнату, и там жили. А потом Воровского перебралися. А потом от сюда, на Ленина. [*У меня*] крестная? А тут она крестная и была, да. А вот [показуючи на фотографії], с дедушкой и бабушкой. То моя крестная. Она двоюродная сестра. [*Что крестная делала*]? Я знаю, наверно, в церковь ходили. Та... И я с ее дочкой уже дружила. Дочка ее, на два года, или на год младше меня. Ее уже нет в живых, она, ото, в Каменец-Подольске… Каменке умерла.

[*Зачем крестные*]? Не знаю. Я понимаете, я и щас от это церковних процедур я не знаю. Тода нас не учили. А щас я не могу ходить. Да... Я б с удовольствием пошла, послушала. Да... Просто интересно. А от не могу идти.

[*С крестной*]? Так-то мы не общались очень. Она в скорости замуж вышла. Они тогда все отдельно жили. А я общалася с ее дочкой уже.

[*Жизнь в Токмаке*]? Ну, собственно, она была как-то… одинакова. Потому шо я в школу попала. Со школ в ФЗУ, а там этот, там разные… Люди. Из сел, и… Ну, я, мне не понравилось, кода я в школу пошла, там украинская школа. А я все время по-русски училася. А потом ото ж узнала, что ФЗУ русское, и мы ото туда смоталися. Сразу. Нам подготовительные курсы. Июль-август. А с сентября были зачислены, полтора года училась.

[*На украинском*]? Ну, знаете. По-простому, как тогда говорили, как говорили – "по-хохлацки". Кто какую как говорил. С кем общался, так и отвечал. Говорил, общался с русским, по-русски. Говорил таким, таким. С кем общался, так и разговаривал. Ну, у нас вообще село русское. От это Терпенье, Троицкое, Богдановка, села русские. [*Туда*] цыгане приезжали летом. [*Приезжали*] потому шо село. Очень большие луга. Речка. Артезианские колодцы. Им привольно было. Они, женщины, по домам пошли. А мужчины там... Некоторые, разжигают, кушать готовят. Мужчины, там есть где, лошадей пасли. Речка, покупаться, все это.

[*К нам*] приходили. И мы ходили. И цыганенок гадала нам. Ище сказала: "У тебя муж будет Костя". И так получилось. "А я чуть не утонула". Она говорит: "Не утонешь. Ты будешь долго жить". А еще маленький этот. А вот видно, научили. Оно вже, кумэкало. А мы ее угощали, она следом за нами бегала. А мы ж ото кушаем и ей даем. Ну, не было, шо они у нас крали. Мы пригнали этих, гусе... шоб они у нас крали, не. Они ходили по селам. И тут гадайте, вже остуда несут. Им надают. [*Цыган*] не боялися… Они плясали. Танцевали и играли. Мы там пищали [сміється]. Ну, они на лугу стояли. Стояли скоко их там подвод по старшинству, как они распределялися там... Они по-своему там устраивали. Они, в основном, летом всегда приезжали, по-своему там уже устраивали. Они в основном летом всегда приезжали.

[*Чужие в селе*]? Ну, в гости кто приезжал. Так, нет. [*На заработки*] ну, к нам не приходили, нам не нужно было. Мы своими родственниками сами обхажива… Один з Токмака приходил пьяница. Ну, далекий родственник. Сват какой-то. Я уже ни знаю. Он же выпивал. В Токмаке жил тогда, в рабочем поселке. Я уже как забыла фамилию. А, Василенки.

[*Работников по селу*] может быть и брали. Ну, наверно, брали, потому шо... Я не знаю, наверно, шоб сказать, отут в округе кого у нас были, сами все обслуживали. У каждого вже были дети, вже взрослые, каждый приучал всех своими силами. [*Продукты из хозяйства*] продавали. Продавали, и в Молочанск возили, и в Мелитополь возили. Продавали. Сами ездили, своими лошадьми, своей бричкой, своей всем. И то поедут, и мама едет, они продадут, а мама уже идет, шо-то покупает, одежду. А потом шьют нам всем. Советы держали, кому што купить, кому што купить. На

ярмарке, конечно, интереснее было. Ездили все. [*Меня*] один раз, помню, брали. Потому шо остановилися там, в постоялом дворе. Там, где было, крыша над головой. А так, если на улице, то нас не брали.

[*Мы помогали*]? Не, просто. Зевали. Морожено кушали. [*Отвозили*], ну, все. И яйца, и крупу разную, и масло, и сметану. Все, шо было. Курей резали, там свинину, все. Шо они считали нужным шо продать. Шо для семьи. Семья не голодовала. Шо было всегда все. Я ш говорю: на выходной день, а воскресенье, или куру режут, или утку, или гуску. Шо-то режут. Хто прийдет – шоб было вкусно нада... нада.

[*В селе были*] и швеи, и столяра. И эти, сапожники. И шили пальто, и шили шапки, и э-э, шерсть пряли. Все было в селе. И от это, с проса пшено делали, все, и мельница была. Все в селе было свое. [*Местные*]. Ихне хазяйство. У того – крупорушка, у того – тот занимается, теплое шьет, тот осеннее шьет. Все, у каждого, все были. Парих... тот пострижет, тот подбреет. Все было свое. У нас, например, папа всех нас стриг. Но, у нас косы были. А дедушку, деда [нерозбірливо], подстригет его, волосы. Побреет. И машинка была, и бритва была, все было.

[*За стол обедать садились вместе*], обизательно. Все вместе. Мама ставит супник большой. Каждому у нас тарелка была. Нальет – мы кушаем. Каждому тарелка. У нас в семье была каждому тарелка. Я знаю, кода моя сестра замуж вышла, и уехала, в Татарию, а там их пригласили, а он кричит: “Маей Нура, Нура отделная тарэлка, Маей Нура, Нура отделная тарэлка”.

У нас красивая посуда была. У нас в зале стоял буфет. В буфете такие красивые было. А тут, такая запасная. А там самая красивая была. Нет, глиняного у нас ниче не было. [*Покупали*] наверно… Потому шо тогда. Понимаете, там же ж тогда не было, раньше ш не было, так шо: свадьба нада где-то шо-то собирать. Все ш свое было.

[*Когда обед*]? Ну, как. Знаешь, шо в двенадцать часов обед. Все сядятся за стол. Один одного зовет. А дедушке и бабушке, мама носила отдельно к ним, в ихню комнату. Бабушка ж не ходила [*за стол*]. А дедушка там уже. [*Стол накрывала*] мама, мама. Она стол поставит, супник, тут же разольет. А второе – тарелку, там раздает. Каждому – там чашка, молоко, или кофе. Прыпс называли, кода было это, пост. Тода ячмень жарили, мололи, и с этого кофе, прыпс называли. А когда так было – хто молоко, кто захочет. А у нас всегда утром мама пюре сделает, кислое молочко. Мы налопались, и пошли. Гулять... А вечером, ну это, перекусить. А вечером уже обизательно гарячее что-то. Обизательно. То вареники. То суп какойто. Обизательно, обизательно горячее было.

[*Если куда шли, то*] там угощали. Тода не было принято, шоб с собой носить. [*А в школу*], ну, я знаю, если мы там побудем четыре часа. Как-то мы не таскали. С собой. [*На базар*] брали, шо продавать, и [с] собой же ш брали. Оттуда там рыбу привозили. Особенно на зиму заготав-

ливали сушоную тараньку. Мешками. На чердак. И то зимой папа, на печке, пожгет его, спалит, и, кто хочет кушать. И пиво брали, кушали они пиво. Ну, как мужчины все. Это покупали рыбу. Значить, где сушить, это надо было, кто там у нас был – Калашники, эти ловили сами. А наши не ловили. А там были – те Зайцы были, те… А наши родители – нет. Так, свое дома хазяйство. А это покупали, там уже едут, свое продадут. А себе купят. На чердак там – зимой пригодится. [*Пиво*] бочками покупали грузом. У родственника пиво делал. [*Про работников у него*] я не знаю, я както была, он сам продавал. Тетя помогала, то дочка помогала. Ребята его помогали. [*Продавал*] в селе. В селе это. Он был такой... Дуже важный.

[*Вино или водку в селе*]? Может, кто и занимался, но… Я ш говорю, ото это знаю, шо на лето мама делала ото [нерозбірливо] ото. А так… А может быть и вино было, не знаю, может быть и делали, не знаю. Как-то оно не распространяли. Ну, это ж гость такой приходил, шо надо было его ставить. В графинах. Шоб были такие бокалы. Специально для него там такое было. [*Откуда он*]? Я не знаю, откуда може и приехал, я не знаю. Но там они ото с тетей поженились, там у него… А потом, после, когда их выгнали, тоже раскулачили, там школа была. Дом большой. Там не один дом был. Два дома, еще и третий был. Тоже ж так, кажен кто где, кто где уехал. А его, по-моему, я не знаю, или он умер, или куда его выслали, шо тетя Оля сама осталася с ребятами. Не знаю.

[*Врач в селе*] обизательно. И фельдшер, и доктор, и приходили, и вызывали, и все. От это у Пришиб возили. Я скарлатинам очень болела. Даже на Пришибе Кетат, врач был, Ленина лечил. Такой был, немец. В Пришибе, в Молочанске, тута были. Нас сюда возили, скарлатина была, нас сюда к врачу возили. А было такое, шо у нас заболели все дети, так папа ездил его привозил. Приезжал.

[*Знахарей*] так как-то такого не было, шоб те, как щас там, знахарь там, там... Где они набрались, эти знахаря? Где они, где они были раньше?

[*Как я родилася*]? Родилися, замотали, туда-сюда, и ей же нада по хазяйству. Сама все делала. Роды приймут, как-то запеленают. Ну, тода уже, когда крестная, крестят там, в гости приезжают. А так она родила там, день полежала. На второй день нада и коров доить, и кормить семь… [*Роды принимал кто*]? Ну, там были такие. Эти самые, повитухи. Ну, если кому нужно, патологические такие, так и врача привозили. А так, в основном, там были свои.

А, мы ж уехали в тридцать, тридцатых годах, или в двадцать девятом уже оттуда выехали. [*Дома была*] по восемь лет. Тода ж в школу отдавали восьмилетними. Так шо… Ну чо ж, мы старшей сестрой вместе на печке спали вдвоем. А братья – диван был такой розкладной, деревянный. Братья там спали. А папа и мама на полу, мы на печке. Ну, пол, сделанный такой, вместо кровати. И вот это, в комнате, задней. Мы все тут спали. А в передней токо дедушка и бабушка. Там, там все было комфортно. [*Ком-*

нату почему не достроили]? От они, в первую очередь для хозяйства. А потом, может быть и думали, а тут такая.. заваруха… Так шо...

[*Сестры и братья не ссорились*]. А с младшим мы дружили. А сестре вже некогда было, она маме помогала. А брат, тот тоже ж по хозяйству. И коров покормит, и лошадей, и уберет все это. У него свои обязанности. И овец накормить. И тут... А за птицей дедушка ухаживал. А, ну так он себе выбрал.

[*Дом кто стоил*] не знаю. Наверно, еще начинали, когда еще... Потому что, когда отец женился, уже эта хата была. Уже та землянка, уже тот, под курятник была. И летняя кухня была. А летняя кухня прямо в доме. Большой, из чердаком, ну там и печка, там, можна было, токо подвал еще там был. Большая комната была. Не знаю. Может быть там и жили когда, я не знаю.

[*Заборы между дворами в селе были*], да, обизательно. Отгорожены, забор. Полисадники, цветы. Это вже сестра все садила. У нас были олеандры, отакие большие. Наверно, четыре, этих, было цветка. Летом… зимой в комнату заносили. А летом на улице цвели. В палисаднике. [*Заборы*] деревянные были. Деревянный забор был. [*Двор*] у нас свободный. Не закрывались ворота. Потому шо мы от улицы далеко. Мы на гору. У нас там еще целая улица была. Там дядя построил, там от эта, тетя Дуня. Там, большие. А у нас никаких ворот не было.

[*Между соседскими огородами*] даже такие канавы были. Тут разгорожены канавы, и там, и в этих канавах вишни росли. Да, как бы межа. У нас там тогда дальше, у тети когда-то сад был, дальше канава была, у нас даже трясина была. Вода там была, даже под гору были криницы. Там мы пасли овец, и вода была. В кринице, чистая вода такая была. Щас там конечно, все. [*Криница та*], я помню, как я маленькая была, мы там бегали уже, это, овец пока, это, пасли, и сами в мячика играли...

Тож было коренцы, там всякие орехи, копали и ели, все. Не заражалися. А щас – доброе сажают, и все зараженное. От сын поехал, не знаю, невестка, наверно, вже с работы пришла.

ВЕРЕТЕННИКОВА НІНА МИХАЙЛІВНА, 1920 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Где я родилась? На улице Пограничной, а номер дома я не знаю, конешно, какой, да, вот там, значить, мои родители жили, и вот там я родилась, в том доме. В том доме. Значить, это, раньше, раньше вот это наш домик стоял, как раз уже на меже, что уже был степь. Настолько заселеный Токмак был, а тут уже отак окраи… тут стоял млин, і около цього

[1] Опитування проводила Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

млина, оце значить, послідня хатка оце оту-то стояла. Оце в цій хаткі жили. А тоді уже стали разстраюваться, разстраюваться, і Токмак пішов розстраюваться. А так я ж там родилася. Родітелі моі, отец і мать, і дєдушка, і бабушка там жилі. Самі дєдушка і бабушка, самі із Полтави. Тоді приїжали люди на вольні землі заселялися. Вот, вони з Полтави приїхали, і оце вони тут жили. Тоді вже дєдушка і бабушка померли, а папа і мама осталися жить. Но мені було два года, як умерла моя мама. Тоді свірєпствовал тіф, вона заболіла тіфом, і она уміраєть, і я остаюся. С намі жила моя сестричка, і два братіка, і тьотя, папина сестра, вона мене нянчила, доглядала, і… Танєчка, сестра. Ця Таня, сестра моя, ми по мамі рідні, значить, у неї, папа її вмер, і мама вийшла заміж за мого батька, вже. І пішли вже оце діти, два брата і я. А вона, значить, була по мамі нам сестра. Отак ми, значить, жили тут. Потом, уже в двадцять, двадцять восьмом году, чи двадцять дівятом, у двадцять четвьортом, сестра уїхала, її муж жив на Кавказі, в органах ОГПУ, був в армії там, і остався свєрхурочно і там служив. І ми з нею, вона поїхала туди до його. І в двадцять дівятом году вона мене забрала туди. І я вже там, у їх, там, з нею, з нею жила, дітей у їх не було, і я в їх так і воспітивалася. А як я поїхала туди, і во втором класє я вчилася, так мене, значить, у школі я була, а я ж приїхала з України, і як я там забалакаю, всі з мене сміялися. "Шо ж це воно каже, яке ж це воно, шо це за язик такий?" Тоді ж діти не знали, це Україна там, те і се, це було ше дуже, не развіте таке. То я там так у їх і жила, і всю жисть там у їх жила, до самого, до самого, ну як би сказать, до якого ж ми, чи до сорок дівятого года… Нє, нє, ні до сорок дівятого года, це вже послє вже. До якого ж ми года там жили, чи до тридцять восьмого, шо він тоді там розщитався, і переїхав сюди в Токмак і тут работав у заводі, і він умирає, в його воспалєніє льогких було, він умирає. І ми з сестричкою так і жили. І коли началася война, то сестра осталася там, а я евакуїровалася в Дагестан. Дагестан, там де ми раньше, ото раньше жили, як він воєнний був. Евакуїровалися в Дагестан, Дагестан, і там я работала, там жила. Вона осталась бідняжечка тут, і казала шо: "[нерозбірливо] не жила, шо я нікому нічого не зробила, мені ніхто нічого не сдєлає". Коли началася война, то начали партізани просить квартіру подальше от города, от центра города, шоб там їм собраться, побалакать. І в їх на горіщі десь була установка, оця прослушування в дима… Не в димарі, а в лежанкі, і вони там собиралися. І Акулов там був, і Дяченко там був, ну, в общем, оця їхня організація, і вони там собиралися, і прослушували оце всі новості, які всьо. І тоді в конце-концов, як зашли нємци. Її арестовали, садили в тюрму, ізбивали, били її, мучили. І вони її розстріляли. І похоронєна она в паркє в братской могилє. Но коли було перехоронєніє, ніхто не сказав, не узнали її, хто це вона. Тільки це який похорон був, значить, сняли, в неї золота коронка була, ото сняли с зубов золоту коронку, і як брат ранєний приїхав із фронта, то вони йому передали цю коронку. І ця коронка у мене вона ще досі десь там і єсть, ця короночка

золота. От. Ну, її не записали в пам… у памятнік вот в етот, у памятнік, де, де записані всі учасники там. Но я ходила клопотала, сосєді всі підписалися, і мене, і її записали на доскє, отам доска, як вона називається, доска пам'яті, ілі шо? Отам. Вона там записана. Поштовая Татьяна Міхайловна. Вона записана по оцьому батькові, шо її воспитував. Значить пам'ять її ото записали ми там. А так я осталася тут жить і живу до сьоднішнього дня і сім'я моя тут була, і всє ми тут були, всє ми тут жили, всі ми тут находились [запис перервано].

[*Діда та бабу*], я їх не знаю, я їх вобщє діда й бабу не знаю, вони раньше померли. Вони раньше, раньше померли. Це були батьки батька. Батька, мого батька батьки. Фамілія їхня Сажко. Через букву "же". Сажко. От. Оце тьотя тут, тьотя Поля в нас була, вони тоже вмерла, її немає, і тьотя Парасина, і тьотя Санька, це батькові сестри були, їх немає, вони вже давно померли, потому шо вони вже були з тіх годов, з тіх годов іще, і їх немає. Оце така моя автобіографія.

Мамини батьки? Маминих батьків тоже, січас уже нікого [нерозбірливо]… Білики, їхня фамілія Білик, ну, їх тоже вже січас нікого вже немає. Немає нікого, даже я, даже січас і не встрєчаю яких родственіків таких, яких поменше, от як я, вот такого возраста. Як-то все роз'їхалися, хто куди, хто де, хто шо, і січас я вже нікого не бачу і нікого я не знаю, де вони, шо вони. Даже ті, шо були папини сестри, то їхні діти, тоже вже їх немає, вони поумерали вже. Охай, тьоті Харитинин, батькової сестри, Охай його фамілія, він був герой Совєтского Союза, він льотчик був. Його тоже, конєшно немає, но він був відний такой чєловєк, льотчиком був. Льотчик, герой Совєтского Союза. Охай, Охай [запис перервано]. В мене історія, дєвочки дорогіє.

[*Хата у батьків*], ой, хата така манесенька, простенька, під соломою була. Двірок такий тоді ше нічого, так воно не знаю, наскіки там воно тоді ж іще були величенькі городики, жили. Значить, шо касається батька. Батько в мене був. Значить так, він був хороший як батько, но дуже ворчливий. І з сосєдями плохо жив, він недовольний був: "Та я вас куплю й продам, ви мені ніхто!" І куди там... І його за оцей язик даже зробили так шо, його зробили з його куркуля. Найомних людей не було. [Нерозбірливо] були тільки сини і тьотя. Оце всі тільки їхня вся сім'я оце занімалася хазяйством. Дві корови в їх було, там свині були, коні, коні були, вони обрабатували самі свій урожай, свій город. Ну а це вже він за оце пострадав. І він оце як оце з ним таке получилося, як його оце розкуркулили, він уїхав у Донєцк. В Донєцке він там, там в Донєцкє і жив. Уже він приїхав, як уже при німцях він приїхав сюди, і тут він умирає, і тут його похоронили, він похоронений тут, у нас на кладбищі. Так шо я його, як я, я його не дуже знаю, потому шо я малою виїхала. Там на Кавказі довго жили. Потом із сестрою переїхали сюди, він уїхав у Донєцк, я його й не бачила пошти, з

ним не общалася, не вращалася, нічого, це таке в мене, шо касається родітєлей. Мама умерла рано, а з батьком оце отаке.

[*Батько*] ніде він не робив, він був сапожніком, по дому сапожніком був. У проізводствє ніде він не робив, ніде він не робив. Оце сапожникував, і ето, по ремонту, приносили ремонтіровать йому. Він оце цим занімався, тому за гроші, тому за півлітра, тому за таке, і разбаловався, розбестився, дуже розпився, і ото такий був невидержаний. Ніде він не работав. Ніде.

[*Працював він*] там оце хатьонка була на дві хатки, і ото іще манесенька комнатушечка ото там де він, і кухня там і ото та комнатушка. А хатка невеличка, там невеличка, як то старинні хатки, хатки під соломою, та. Нікудишня хатка, нікудишня, нікудишня. А це вже тепер як діти тут стали, як оце вже тут [запис перервано]. Свєта – нє, етого, тєлєфона не було, ну як соврємєнне таке, газу не було. Нікому ця вона хатьонка не нужна, не знаю, хто там її купив. І совсім, совсім задешево, задешево, вони намучилися з нею, намучилися. Хатка єсть. Хатка, осталася як хатка.

[*За дітьми дивилася*] оце ж я кажу, батькова сестра, тьотя, і ета, і Танєчка, оце ж моя сестра, шо нерідна мені. Вона з дев'ятсот третього году, вже там її трошечки вона більшенька була, да. І оце тьотя, тьотя Полька. Вона дивилася. Вона була довго незамужом, і оце вона дивилася. Батько попробував жениться, но нічо не получилось у його, на дітей ніхто не хотів, і толку мало було в хаті. Нє, нє, нє. Так і нє, бєз, бєз нікого вже жив. Бєз нікого.

[*Старший в домі*], ну, це ж старший хто, як матері нема, це ж старший був, як уже син женився, то невісточка там була, і оце ж тьотя була. Невісточка і тьотя. Оце вони там хазяйнували і та невісточка так і осталася до посліднього вздоха, вона в тій хаткі жила із своїми дітками. Так вона там і хазяйнувала до конца своєй жизні. Марія. Марія Тимофійовна, да. Оце так.

[*Ігри дитячі*], ой, нічого я не помню цього. Нічого не помню, шоб, шоб це, шось було. Кроме кукол. Куколки, шо оце шили мені тьотя і невісточка, шили мені с тряпок. Куколки з тряпок, куколки с тряпок, оце і все, всі ігрушки. Нікакіх, нічо. Оце всі ігрушки. Куколки з тряпок. Подружки, подружки, подружки, канєшно, були, ну вже й не помню, і як їх звуть були і хто вони такі, не помню, канєшно, як уже, як уже виїхали на Кавказ, то там [запис перервано].

[*На Пограничній вулиці*], хто там жив? Ну, мать, Назаренки там жили, потом еті, Губенки жили, Лісняки жили, Скляри жили, оце так, отут, отут, отут, отут, оце чотири хатки отак. Отакі люди жили там, да. Отакі. Ну шо касається січас, так там даже їхня уже була…

[*Сусіди були багаті чи бідні*]? Нє, нє, нє. Обикновєні, обикновєнні люди, прості, обікновєнні люди, нє-нє-нє. Не було там таких не було, по сосєдству у нас тут не було. По сосєдству у нас тут не було. Чим вони за-

ймалися? Оце, значить, хлібопашество, огороди, хазяйствечко, то кури, то коровка, оце отаке, свинячка, отак, земля, земля, земля, земля. Із землі, із землі. [*Землі було*] хто його зна, тоді ж якось багато наділи давали, величенькі наділи були давали, шо якось я не знаю, шо, можна ж було із того, с тої, с тієї землі і корм намолотить, корм для хазяйства, і соломка і для коровки була. Ну, в общем, навєрно ж, надєли були величенькі.

[*По-вуличному людей*] ні, не знаю. Ні, не знаю. Не знаю, не помню цього. Це ж бачите, як я, я ж там всьо время не жила, ото жила тіки так.

[*Старі назви вулиць у Токмаку*] – нє, нічого цього не помню. Як вишибло з мозгов, не помню нічого цього. Не можу нічого сказать.

[*Скуплялася*], ну хтось, ото ж тьотя жила в мене. Тьотя ж жила у нас, хазяйнувала тьотя. А тоді вже невісточка. А куди, як, шо до чого, цього не можу сказать. Знаю, шо ото "Красний" магазін. З давніх давен, давніх давен "Красний" магазін, "Красний" магазін, і все. Які всі, які всі, там де шо, а "Красний" оце ми всі знали "Красний". От чого воно так називався, я не знаю. У цім магазині все можна було купить. Продукти всякі можна було купить. Найдужче туди завозили. Снабжали найдужче-найдужче його. Да, оцей, оцей район у наш, оце найдужче його. Він такий був просторий, новий, построєний, і там всі-всі завозилися продукти, всі. Все можна було купить там, все. І недорого якось, якась житуха тоді була совсім подругому, якась жизня була. Шо як оце ми, хоч і на заводі робили, вже після войни ж робили, могли ж, з завода йдеш, получку получив, і маслечка купиш, і ковбаски купиш, і хліба купиш, і сахарю купиш, і були деньгі, і була возможность, і борщ з мясом могли варить, но не така жизня, як оце січас, за дітей глянеш, як діти страдають, зарплату [запис перервано]…

[*У війну*] я ж була в войну, я евакуіровалася опять у Дагестан, а с Дагестану в Петропавловськ. Аж у Пєтропавловскє, там на піісятіградусном морозе работали. Шо там був евакуїрований наш завод, шо на постройок не хватало так станки работали на фронт, на вулиці работали станки, на вулиці станки работали, пока там помєщєніє освобождали та строїли. Аж в Пєтропавловскє була я. А потом вєрнулася сюди ж опять в Токмак.

[*Коли повернулися*], ну, це, я не знаю, який же ж це год, шо я, ми там були тільки один год. І тут освободили Токмак, і вернулися сюди назад.

[*Токмак який тоді був*] не обращала вніманія, як воно, не знаю, як воно, так би сказать, знали роботу, знали дом, базар. Робота, дом, базар. Оце. Оце все. [*На базар*], ну аякже ж, харчі нада, харчі ж нада купувать. І харчі нада купувать же ж, саме ж главне – пітаніє. Хлєб це ж як закон, і крупа надо, і сахарьок надо, і хлєбчик надо. А вже картошечка, овочі, це вже було своє, то курочка знесе яїчко вже. Вже держали хозяйствочко, держали свинку. Тоді як-то в каждім дворі порося кричало. Бо каждий держав поросятко, шо имів возможность викормить і зарізати, трошечки розговіться. Отак. Отак. Держали. І коров люди багато держали, і поросят де-

ржали. І кози були. Да. Даже ми оце отут жили, голубів держали. Ми в шиисят шестом году оце тут построїлись. В шиисят шестом году.

[*Німці до війни жили*] не в самом Токмаку, а це Молочанськ. І потом сьола Ротфронт, і там іще є сьола. Вот там німецькі колонії, німецькі, німецькі колонії і Молочанськ. Це німецька колонія була, німецька. Молочанськ німецький. У нас тут може де і були, так, не дуже багато, нє-нє, у Токмаці, нє, а оце по сьолам і Молочанськ.

[*Колонії*], я не помню, чи їм розрішили, та вони виїжали на родіну. Я не знаю. Якось, вроді, мені вроді вони виїжали. Виїжали вроді вони. Іміли возможность, разрєшеніє, чи шо. Так точно не можу сказать.

[*Після війни*], ой, був голод, сорок дівятий год, який же ж, чи сорок сідьмой. Оце, чи сорок дєвять, чи сорок сім. Мабуть, сорок сім. Ой, який же ж голод був, якби ж, як же ж трудно було, як же ж тяжело було. Хлєбушка ж на пайочок давали. Чого був голод тоді такий? По-моєму, був неурожай, неурожай, неурожай, неурожай був. Неурожай, шо-то з погодою було таке, да. Неурожай був. Ой, трудно було, ой трудно. За хлєбом стояли, в очерєді, з вечора назначали очередь, і цілу ніч там стояли, і щіталися, і перещітувалися, і опять ставали в очередь, пока получим той пайочок шо по карточкам, по… Да, да, да. Було трудно. Було трудно, трудно, трудно, було. [*На пайок*] крупи якось, скікися грамочку крупи давали, скікись грамочку сахарьку давали, і хлібчик ото давали. Отак. Ну, багато оце тільки шо, шо успокаівало людей, шо оце я по[нерозбірливо] шо врожай овочі, там картопелька, і тоді кукурузи багато садили, з кукурузи крупу дєлали, з кукурузи муку дєлали, і хліб пекли, і торти пекли кукурудзяні. От. Оце дуже виручало, оце дуже виручало. Кукурудза ця дуже виручала. Дуже виручала. І хліб був, і каша була, і суп був. Приробляли, приробляли своїм трудом, своїм трудом, приробляли. Це багато значило, багато значило, приробляли.

[*Сестра їсти готувала*], ну аякже ж. Вона ж уже ж з тьотьою тут же ж, вона ж уже ж з тьотьою работала, як я мала була. Із тьотьою вона работала, помагала. А тоді ж братік же женився. А вже скіки йому год було, я не помню. Він женився братік, і до нас перейшла ж невісточка. Тоді вже ми ожили. Тоді вже ми ожили. Вона і варила, і пекла, все це вона робила, молодєц, Царство їй небесне. Це вже вона, вона, вона все хазяйнувала, вона хазяйнувала. Шо варила: саме главне – борщі. Борщ і каша. Борщ і каша. Це саме, сама основна їда, борщ і каша. І саме главне, шо олійка. Олійка, всігда пахла олійка. Як там сало, як там то, тоже велике діло, і дуже масне, дуже дороге, а олійка всігда пахла олійка. На олійкі, на олійкі. Олійка виручала. Олійка виручала. Потому шо подсолнухи садили, огородик був, садили подсолнухи вибивали, тоді в маслобойку здавали, олійку получали, вже було совсім друга жизня. Совсім друга жизня з олійкою було, да. [*Давили олію*], ну а вони ж там процент же брали. Процент же брали от етого, от колічества семечек. Процент вони брали, да.

[*Невістка хліб*] пекла, пекла, і добренький пекла, молодець, вона така, ділова така була. І оце ж тьотя, і вона у тьоті підучилася, тьотя з нами жила, підучилася, а тоді ж ця тьотя та вийшла за її брата заміж. І воно так, родичі пов'язались, пов'язалися родичі, так, да. Все нормально було.

[*Невістка була*] токмацька. Токмацька, з вулиці Крупської. З Крупської вулиці, по-моєму. Чи якась іще отам вулиця? Вроді як Крупська. Она з цієї вулиці, вони там жили. Тоже занімалися оце ж господарство таке, і степ, степ, саме главне степ. Саме главне степ. Оце так.

[*Родичі невістки родичалися*]? Нє, нє, нє. Вони, нє. Ми не родичалися. Не було родичів таких. Невісточка захотіла, пішла до своїх, пішла до своїх, пішла до своїх. А сюди до нас, шоб вони ходили, нє. Нє, нє, нє. З ким я родичалася? Родичалися большинство по роботі. По роботі, по роботі, по роботі. Друзья, приятелі, по роботі, по роботі. І друзья. По роботі.

[*До батьків гості ходили*]? Оце не помню. Якось раньше так гостювать не дуже, оце тільки шо вечерю носили. На Рожество вечеря носить, на Паску там усе яйця крашені в церкву, оце отак. А так шоб… Нє.

[*Вечерю носила*], аякже ж. Та ше які раді були, як це ж поїдемо ж, вечері повеземо. Ай, куди там, які раді, да, да. Це ми, це ми отмічали. Родітєлі, батьки наші, і родня наша, і невісточка, і брати, релігії держали, отмічали це. Це все отмічалось. Все це отмічалося, да. В мене була мама хрещена, носили вечерю. І оце ж до цієї, до невісткиної, родітєлєй, носили вечерю. І оце ж мама крьосная була. На Огородній улиці жила. Ото туди носили вечерю до крьосної мами. Оце таке було. Вона була тьотьою, по мамі. Мамина сестра була. Мамина сестра. Тьотка Марія. І оце ми до неї родичалися, і вона крьосна моя, і так ми родичалися.

А носили на вечерю тільки гостинці. Не те шо там подарки, якісь там всьо. Гостинці, гостинці, канфети, пряники, там булочки, пиріжки там, оце отаке, отаке, отаке.

[*Пригощали*] так же само, так же ж само. За стіл сажають. Сажають же за стіл, тоді ж на Рожество кутя ж, саме ж главне, кутя сладка, це ж дуже раді були, такі шо кутя сладка, і медом пахне. І клали ж пиріжки, і клали печеня, оце отаке. Кутя була, це ж як з рису зварять, це ж дуже радісно, це ж уже городська їда. А то перловка. А то перловка, да перловка, перловка, перловка.

Та празнували, ну як би так сказать, які празники не були, празнували. Паска, Рождєство і Паска – це два великих празника. А тоді може як, як Храма, я вже не знаю, коли в нас Храм був, не знаю, на Храм празнували. Ну коли це діло було, коли в нас Храм був, я вже не помню. Не помню.

[*Різдво*], ну як празнували, оце ж шо вечерю возимо. І шо харчі дома, шо обід, обід хороший такий же ж. І мнясний обід, і сладкий обід, це ж празнічний. Оце саме основне, оце основне саме, да. Оце так. Конєшно, як ми уже самі свою сім'ю іміли, і самі хазяйнували, то уже ми компаніями собиралися, і пісні співали, і веселилися, і було время хароше. "Оце на

цей, на цей празничок у тебе будемо, прийдемо в гості до тебе, приготовся". На слєдующий, ага, договоримся, давайте до мене приходьте. Та варе, і жаркоє сдєлає, і холодець зваре, і хлопцям по рюмочкє, а нам чайок, і поспіваєм, і посміємся. Все було. Тепер цього немає. Послухаю, так і не чуть шоб десь.

[*Співала невістка*], ну, ну а чо ж? А чо ж не співать? Як весело, так і заспіває, і засміється. І засміється. Ну, роботяща була вона роботяща, і хазяйстлива була. Хазяйстлива Марія була, Царство їй небесне. І уже ж ми як приїхали з Дагестана. Оце ж голодуха була, сорок сєдьмой год. То до неї піду з діточками, а в неї лежанка була така тепла, вона уже торт кукурузний спече, і нас угощає, і ми такі раді, поїмо в неї все.

[*Торт цей*], ну, оце наливний такий, там воно тєсто таке дєлається, даже не знаю, чи на соді, чи на чому воно, і сахарь туди, і там іще шось таке видно, з фрукти. А тоді у листок наливають його наливають, саджають у духовку, і тоді отакий він, отакий плотечок получається. А тоді ото ріжуть. І угощають, і чайок п'ють, і чи кампотік.

Які? Які пісні тоді були? А хто його знає, які пісні, но старинні, старинні, старинні пісні. Ой, оце ось недавно даже передавали його, якось, га. А "Хмелю" найдужче. А "Хмелю" це сама перва пісня була. "Хмелю", це сама пісня була "Хмелю". "Хмелю" співали.

[*Чого цю пісню любила*] – а хто його зна... Чи, чи через те, шо вона така голосна. Чи через те, шо вона так льогко співається. Шо можна її підхватить, переходи не тяжолі такі. І звонка. Зво-онка. Як "Хмелю" заспівали, так це на весь край слухають усі.

[*Я пісню не помню*], нє. [*Тихо говорить*]: "Ой хмелю, ой хмелю, ой хмелю зелененький, де ж ти хмелю зиму зимував та й не родичався". Оце, оце такі кублєти. Дальше не знаю.

[*У невістки*] от уже не помню за придане. Тоже вони з бєдної сім'ї, а шо вона. Ну, й навєрноє ж, постєль обізатєльно вона з собою принесла, це ж як запомню, і одьожку свою. А так шоб везли там свиней, курей, там, цього не було.

[*В хаті невістка з чоловіком*], ну як же ж, чоловік і жінка, в їх комната була, вони там собі жили, а ми там, оце ж тьотя Поля і ми всі там жили, в тій хаті. Аякже ж. Той на лежанкі, ті на пічі. Тоді ж печі були. Дітвора на пічі, а ці на лежанкі, отуто, тьотя, і ета, і Таня. А ті у своїй хаті, у своїй хаті, чоловік і жінка. Аякже, отак уже розділялися.

[*В хаті*] саме главне тоді мебель була – камоди. Камоди були, камоди були. Столики були. Камоди були, тумбочки були, ну а так кроваті були. Ну, оце ж і платьєвой шкаф, отакий от вузенький був же для плаття. Оце таке було.

Долівка. Полів не було. Долівка, долівка, мазана долівка, ото ж така жизня була, шо до полів не доходило, чи не модно було, не знаю. Обізатєльно долівка, і підведено, красним оце все, да. Обізатєльно да, да красним

підводили, підводені красним, підводилось, а хто його зна… Валєчкі красні продавалися, такі. Ті білі, а ці красні.

**ГОРЛАЧ ВОЛОДИМИР КИРИЛОВИЧ, 1906 року народження,
МІНАКА ОЛЕКСАНДРА ВОЛОДИМИРІВНА, 1931 року народження,
ГОРЛАЧ АНАТОЛІЙ ВОЛОДИМИРОВИЧ, 1937 року народження,
м. Токмак, Запорізької області[1]**

[Опитування не з початку]

Володимир Кирилович: [*У Токмаці*] були магазіни. Були магазіни. І матерії торгували. "Швейпром" був. Шили. У магазіни ходили. Нада і шапку, і штани, і чоботи, і сорочку нада. Ходили в магазіни, аякже. Мати сама не шила. Матерія була. Шо кому нада, в який магазін, той ішов і купував.

Син, Горлач Анатолій Володимирович: А в оцій зеленій лавкі, шо біля Вашої хати були, хто хазяїн, не помниш?

Володимир Кирилович: Коган Ілько був. Магазін держав. У магазіні? Канхвети, пряники, мед, риба. За гроші продавав, да. У позику давав. Довіряв людям. Канхвети, пряники купували, а більш нічого нам не нада було. Бо хліб свій був. Свині держали. Сало було, мясо було. Коров держали, молоко було. У магазін ходили, як канхвєта хочеться, підеш, купиш канхвета.

Анатолій Володимирович: Цукор [нерозбірливо].

Володимир Кирилович: Мед брали у магазіні.

[*Німці в Токмаку*]? Були. Жили багаті німці. Наймали людей, робочих держали.

Німець Фукс держав завод. Клеєр держав с[т]олярку. Це німці.

Анатолій Володимирович: Це ж наш завод оце Кірова, оце ж они держали завод цей. Фукс і Клєйнєр.

Володимир Кирилович: Ну оце, оце ж такі. Були німці шо хліб сіяли багато. Були німці, такі шо магазіни держали. Завод. Один, вже казав, один держав завод деревянний, а другий металічеський.

Колонії? Були, аякже. Кругом нас колонії були. Фарстов. Фабричнов. Були колонії. [*Я там*] бував. Просто поїхать подивиться їздив. Нічого мені не нада було. А з хлопцями запрягали конів в санки і їздили. Подивиться. Як живуть. Там служили токмачани в їх робочі, робили. До товаришів їздили, як вони там живуть. Ну, не обіжали німці. Жили робочі в їх харашо. Платили, платили харашо.

---

[1] Опитування проводили І. Савченко та Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко.

[*У німців*] у одного було двадцять штук коней, у другого було десь шесть коней, а в третього було четверо. Разно. Коров по десятку було. Вівців отара була. [*Хати*] цеглові.

Анатолій Володимирович: Здорові хати були.

Володимир Кирилович: Із кірпіча паленого…

[*Як малі були*] дома гралися. І в кремняхів грали, і в карт грали. У цурки, да. У дукаря грали… Дукаря – четирє ямки, і посередині ямка. У кажного палка. І тоді должен цурку загнать у ямку, в середину.

Анатолій Володимирович: Коробку нада загнать у центр, посередині, отак по краях четирє ямки посередині ця, ну, тоже ямка. І оце нада заганяй, і один заганяє. Їх чотирі стоїть на ямках, а п'ятий ганяє оцю коробку, мяч, короче говоря, по етому. І оце ж він сліде. Ганяє, ганяє, а вони ж одбивають, не дають йому загнать у центр же сюда. І, хто прозіває він ускакує в свою, цей же шо заганяє, ставе палку у хазяйську ямку, да? А хто прозіває, той виходе у поле, і цей начинає ганять. Мінялися, короче говоря. І ми ше, нам передалася така ігра. Це помню. Це дукарь назививався. А цурки, це, рисувався городок, палка. І отака палка, палочка сдєлана. І оце її береш, удариш, куди вона полетить. І ото біжиш, підеш і...

Володимир Кирилович: Чотирі ямки по боках, а посредині ямка...

Анатолій Володимирович: Кидать нада, кинуть в городок її. Інтєрєсна, конєшно, ігра була.

Володимир Кирилович: [*Як зима*] на коньках каталися, на річці.

Анатолій Володимирович: Постанови ставили тоді.

Володимир Кирилович: Да, ставили.

Анатолій Володимирович: Уже в школі.

Володимир Кирилович: "Тарас Бульбу" ставили. Год десять [мені] було.

Анатолій Володимирович: Ви ж казали, тьотя Маруся, чим занімалася, тоже ж там співала, чи там?

Володимир Кирилович: А, сестра моя… А, був клуб, були самодєяності, там, хлопці, дівчата, розігрували п'єси. У-у, коли це було? В двадцять четвертому году. В восемнадцатому, в двадцять четвертому.

[*Чи парубкував*]? Ні, тоді ше не парубкував, шістнадцять годів не парубкував. [*Вже коли*] двадцять год. І так же і брати. Брат один у мене старший був, тоже парубкував у двадцять років, а це менший же був. Ше менший за мене ж був. Цей не ходив совсім. [*Старший*] у клуб ходив. У кіно ходив. Клуб, ну, клуб це назививався там артісти були. П'єси ставили. А кіно, кіно показували. Кінотеатр був. А це клуб був, де п'єси ставили. На селі був клуб. У школі. А кіно в городі було.

Анатолій Володимирович: Та це вже ти дєд шось… Начинаєш крутить.

Володимир Кирилович: [*Батьки родичалися*], родичі приходили, за стіл садовили, вгощали, випивали, співали. Родичі. Брати у батька були.

У матері сестри були. Сусіди хароші були. Сусід приглашали погулять. Особенно в суботу. На стіл? Тоді було шо ставить. Жарені. Сало, крашенки.

Анатолій Володимирович: Ну іше шо кроме крашенок ставили? Горілку ставили?

Володимир Кирилович: Аякже. Горілку ставили. Тоді ж горілки четверті ставили, три літри у їй. Купували. У магазіні. Магазін був водошний. Склад водошний був. У Токмаці склад водошний був. Готовили горілку. Оце вже не скажу, хто хазяїн був.

На Рожество гуляли, по дві неділі гуляли на Рожество. Як? Столи накривали, випивали, співали, рожествували. Вечерю носили. Родичам. Батьки ж хрещені були, матері хрещені були. Нав'яжуть вузол. Матері вечерю несеш. Матері поніс вечерю, а вона тобі гостинці дає. Да. Рожествували. "А в полі в полі ходили…"

Анатолій Володимирович: Це співали: "А в полі, в полі сам Господь ходив, Дєва Марія..." Стішок такий був. Це на Новий год.

Володимир Кирилович: Це "А в полі в полі", це а Рожество, "Рожество твоє хресті Боже наш", тоже ходили по хатах співали. Звізда була. Чоловік двадцять з звіздою ходе по хатах, співають "Дєви". Їм давали не гостинці, а мішок пшениці, або два давали. Шо з нею робили? [Нерозбірливо] продавали. Заробили, а тоді грішми ділились.

Анатолій Володимирович: Ну, звєзду, оцю шо ви носили, хто її робив?

Володимир Кирилович: Хлопці ж, які, такий круг, на палкє, крутився, фотографіями, святі фото... там, святі фотографії були на тих...

Були у батька брати. У батька один брат був, попом вивчився. Де? Він виучився, а тоді у сусіднє село його отправили, там правив.

Анатолій Володимирович: Батюшкой був.

Володимир Кирилович: [*Родичалися*]? Ну аякже? Їздили в гості, вони до нас, а ми до їх. Харашо жили. Ну, то піп був, багатий був. Ну яке, тоді багатство яке: корову держав і харашо кормився, удівавсь харашо, і йому, йому більш нічого не нада було. Йому пукаря не нада було і коней не нада було.

Анатолій Володимирович: Його діло було поправить у церкві і всьо.

Володимир Кирилович: Хата крестьянська, з вальків. Не було у його землі. Не було. Дома була земля, як з батьком жив, а тоді як у батюшку робив, нашо ж йому земля була? Йому не нужна була земля. Він у церкві правив, йому платили. [*Батько до нього їздив*] часто. Він часто приїжжав, і батько часто до його їздив. [*Гостинці возили*], аякже. Конєшно. До батюшки як їде в гості, так окорок, курей штук п'ятеро. Батюшка любив хароші.

Володимир Кирилович: Ну, батюшка шо передавав. Проскурку передавав. Те шо у церкву приносили, цим він ділився. [*У батюшки дітей*] четверо. Юрко, Наталка... Ну, це запомнив, Наталка, дочка була, а Юрко син був. А тих не помню. Ті менші були, не помню.

[*Батюшка він старший брат був*], ну, совітував як луче, тоді совітували як луче. Шо робить нада. Як з людьми обращаться нада. [*Батько слухав*], ну да. Шо розказував, шо нада робить, те він і слухав. Розказував, шо з сусідьми жить нада харашо, у церкву ходить нада.

Були [*у батька ще*] двоюрідні, брати були, сестри двоюрідні. Ну як їх зватъ, не скажу. [*До нас*] приїжали. Як Храм, приїжали. Храм, от, Храм. Називається Храм. Справляють обід, гукають, багато людей гукають.

Анатолій Володимирович: Вознесення, воно по кварталах було.

Володимир Кирилович: Ну, конєшно ж [*і ми до них*] їздили. А коли приглашали. Тоді не було так, шо сам – вздумав тай поїхав. Приглашають – їдеш. Ти приглашаєш – до тебе приїжають. Жили дружно. Обязатєльно ж з гостинцями. Ну шо у його нема, до кого він їде, брали це шоб було і у його. Ну, брали, я ж вам казав: окорок брали, сало брали. Курей брали.

[*У матері були*] сестри. Вони пошти по-сусідськи жили. Три сестри було. Надежда, Ганна, Марія. Пошти по-сусідськи жили. Замужем усі. І сини були, і дочки були в їх. [*В гості*] приходили. [*Зустрічали*] як родичів. Ну, [*мати*] за стіл садовила, обід нам давали тоді. Борщу харошого давали, курятини давали. Чай. Молоко. Сметану. Вареники.

[*І я до них*] ходив. Так же як ми встрічали, так і нас встрічали. Родичі як прийдуть, так стараються получе угостить.

Ну, сусіди в гості, приходили гулять, погулять, погулять-поспівать. Випивали. Закусювали. Сусіди. Прийшов, сусід свободний: "Кирил Григорович, можна сьогодня погулять прийти?" "Пожалуста". Бере бутилку водки, приходе. Батько тоже ж водку ставе. Випивають, закусюють, співають. А оце вже я не скажу, які пісні вони співали.

Володимир Кирилович: [*Хати у материних сестер*] були з вальків. З вальків. З вальків, черепицею вкриті. Були околопом вкриті. [*І хазяйство*] було, тоді ж всі хазяйнували. Корови були, коні були. Тоді ж крестьяни були, він не мог жить, нічого не держать. Жить нада було, значить, держав коні. Держав корову, шоб молоко було, шоб, чим землю обробля́ть. [*Чоловіки*] хліб сіяли. Большинство тоді крестьянством занімалося. [*Хліб*] конешно, лишній був, продавали. [*І батько мій*] продавав. Стіки лишнього було. У батька було п'ятнадцять десятин. Сіяв, нашо йому стіки хліба було. Вивозив у магазін, у скупошний, у город [запис перервано].

Церкви були. Вознесенська, Успенська, Троїцька і Сергіївська. Ми [*ходили*] у Вознесенську. Потому шо це наш приход був. Тоді на приходи ділилися. Наш приход Вознесенський був. Краяни у Сергіївську ходили.

Володимир Кирилович: [*Вулиці як називалися*]? А Бог його зна.

Анатолій Володимирович: Ви ж казали [*краї були*]? Сита там, Дріщотка, Тріщотка, якось?

Володимир Кирилович: А... Дурна вулиця називалася. Дерещотка.

Анатолій Володимирович: Калініна Дурна називалася.

Володимир Кирилович: Так продражнили, так і... Я в молодості музикант, свайби іграв. Так ми співали, такі коники, шо, тіки на Дурній вулиці.

Анатолій Володимирович: Він з Дурної, но вона фактическькі за радянської влади назвали її Калініна, а як вона, тоді називалась, біс його зна. Ну, були тут цигани, небагато тут циган було. Ось по нашій вулиці туда, через Совєтську, угол Володарської і нашої вулиці, там ото трі ілі четирі сім'ї циган було. І у їх тоже сусіди були цигане. Ну, вони обикновенні, тіки по національності, те шо вони цигани. А так... А цих циганів я помню, по нашій вулиці, потому шо на річку бігали ми. Тих я помню циган.

Володимир Кирилович: [*Гулять*] на Причепилівку ходили…

Анатолій Володимирович: Це Королєнко.

Володимир Кирилович: На Причепилівку ходили. Потом Краянський називався, Краянська називалася.

Анатолій Володимирович: А Причепилівка, це крайня вулиця, понімаєте, в Токмаку отут, чрез, Комарівський міст перейдеш і вона крайня вулиця. Дальше був степ, того називали їх Причепилівка. Так вони і називали її, Причепилівка.

Володимир Кирилович: Там гуляли, вечором збиралися, де-небудь у хаті. І у компанії пішли.

Анатолій Володимирович: Жінка, дружина в його була з Причепилівки. І тож вони туди ходили.

Володимир Кирилович: Раньше по хатах гуляли, вечеринки справляли. У кузьмерки грали. Панаса грали. Зав'язували очі, ловили один другого в хаті. В любій хаті. Сьогодня в нас гуляли, завтра у вас гуляли. Батьки не лаялись. [*За хату не платили*], ні-ні. [*Їсти з собою*]? Ні-і. Хе-хе [сміється]. Тоді не голодні були, по карманах не носили. Ну як уж, як ідеш гулять, надіваєш чисту, праздничну [*одежу*]. Пальто хароше було. Штани суконні були. Чоботи були хромові, ботінки були хромові, валянки були биті, з калошами. Співали. Того ж і шли, шоб поспівать, пограть у кузьмерки, у панаса пограть, поспівать. Ну, співали, всьо шо знав, те й співали. Хіба я помню тепер шо... [*Була*] балалайка. Ну, хто умів, той і грав. Гармоня була, бубон був [запис перервано].

Володимир Кирилович: [*Приїжджі*]? Приїжали люди. Якшо йому нада, приїжали. [*Цигани*] були. Приходили гулять. Ну, ми ш живем, до нашої вулиці приходили із другої вулиці, співали. Цигани постоянні були. Не кримські, а постоянні. Сусіди були цигани. Циган Гнат був, циган Сизон був, циган Мусій був, циган Василь був. Це наші, токмацькі цигани.

Коньми торгували. От, мені нада коняку харошу, я йду до Василя. "Василь, купи мені коняку харошу". Він купе, приведе мені. Торгували вони кіньми. Ніякого в них хазяйства не було, кіньми торгували і все. [*З дітьми*] гуляли, дружили. У нас сусіда, циган, Гнат був. У їх син Іван був, дочка Вєрка була. До нас приходили гулять. Ми до їх ходили гулять.

Володимир Кирилович: [*Приїжджих*], ну як людей приймали, тоді ж людей уважали. Приєжих угощали даже. Помагали їм построїться. Вальки качать, да. Кришу робить. Тоді один другому помагав. Обязатєльно...

Володимир Кирилович: Ну да, тоді було, волосне собраніє було. Увесь Токмак сходився, волость називалося. Волость, там, предсєдатель був. Ну шо, шо кому нада було, хто на шо жалувався. Він розбирався, записував у... мирив. Ну, скажем, я із сусідою не помирився. Долажую йому, він значить, визиває, нотацію дає. Шо ж я, шо я розкажу, хто вкрав, я не слідив за ним. Оце прийде, у волость підем. Розправа була. Ше в розправі був староста. Тому жалувалися. Не обізатєльно у волость, а у розправу йшли. Ідеш і кажеш: "У мене вкрало, курча украло". А то каже: "В мене вкрало порося". [*Старості не платили*], він грошей не брав. Писарь був у старости. Писарь. Агітірував він усіх, хто, староста визивав, нотацію давав. У розправі не ругалися. Там прийшов. Йому нотацію дали, приказали, і вшивайся.

Володимир Кирилович: [*Вербовщики у Токмаці*]? Були такі шо приглашали. Пекарь приїжав. Е-е, потом як його... Коган приїжав. Вербували, людей наймали, а шо робить, вони ж мені не казали... Їздили люди. Були ж не всі одинакові в Токмаці. Були і бідні люди, і багаті були. У нас на вулиці були багаті. Компанієць був багатий, Чистюля був багатий. Були [*ще*], ну, я не помню цих. Землі багато було, сіяли багато. Коней багато було, коров багато було.

Анатолій Володимирович: Наймали робочу силу, і ото їх считали багатими.

Володимир Кирилович: І своїх наймали, і чужих наймали. Хто хотів, той ішов, хто не хотів – той не йшов. Кому скіки нада, стіки й наймав. [*Платили*], аякже. Мені нужно було гроші, я гроші брав, нужен мені хліб був – хліб брав. Пшеницю, ячмінь. [*У нас і*] були бідні. Ходили нищі по вулиці просить. Давали, шо ж тоді. Іде до хати, прийшов: "Дайте кусок хліба". Давали… хто давав хліб, хто давав орішок, а хто виносив і ковбаси кусок. Оце вже я не скажу, за гроші, за шо... Харчі давали людям, а за гроші. Ну на шо ж йому гроші, як він дає йому ковбасу або сала, або хліба дає? [*Чого вони бідні*]? А хто його зна, я ж не скажу. Батьки видно ж були бідні, і діти осталися бідними. Було по три десятини землі, но вони наймали багачам. Да, здавали її в оренду. [*Платили*] стіки, стіки я запросю, стіки і платили. Грішми платили, хлібом платили. Хто наймав землю? Цюцюри, Брицви, Компанійці. [*Сіяли*] соняшники, кукурузку, пшеницю, ячмінь, кавуни. Продавали. Базарь був великий. На базар вивозили, продавали.

[*Купці по вулицях*] ні, ці не їздили. Чого його по вулиці їздить, як базар здоровий, іди на базарь, шо хочеш є на базарі. [*Базар був*] в середу, п'ятниця, суббота, неділя. Ярмарка була, коні продавали... [запис перервано]. [*І я*] їздив, аякже ж. Обязатєльно. Коні, корови, вівці – все на ярмарку було. Качеля була, каталися. Коники були. Такий круг, коники, по, пороблені, на їх сідали й катали кругом. [*І я*] катався, аякже ж.

Анатолій Володимирович: Ну от тоді стовп закапували, вішали, там, допустім чоботи чи… Чоботи, чи шапку, чи пальто, ви ж розказували. Хто полізе, достане, це ж Ви розказували. Ну шоб достать цей товар. Шапку, там, чи чоботи, чи картуз.

Володимир Кирилович: На ярмарку, мені на ярмарку нічого не нада було. Купували, на ярмарках продавали баш[термак?], вилка, сапу. Нада – купи. Батькові дома заказували. Кому шо нада – батько зробе. А у кого, не хоче заказувать, поїхав на ярмарок, купив, і все. [*Їздили*] бричкою, санками. Як сніг – санками, як грязь – бричкою. Ну шо батькові нада було, купляв, я ж не знаю шо він там купляв. [*Продавать*] ні, [*не возили*]. [*Людей було*], о-о, багато. Дві неділі ярмарок був. [*Я*] поїхав з батьком покатався на ярмарку, подививсь і додому [запис перервано].

Володимир Кирилович: [*Батько на війні був*], у яку, у гражданську, яку ж. Ні, война тоді як, це пер… гражданська...

Анатолій Володимирович: У четирнадцятом году він був на войні?

Володимир Кирилович: Був. У Адесі служив. А я знаю, чим, я ж не розпитував, чим він служив. Може й розказував, так хіба я помню. Срок був три годи.

[*Махно*]? Грабив багатих. Грабив багатих. Де багаті були, там і грабили, шо ш я за ним ходив, чи шо… Махно в Токмаці був. Махно в Токмаці приїжав, як не п'ятнадцять тачанок, так десять тачанок. По троє коней у тачанкі. [*Що робили*]? Я ж казав: кой-кого оббирали. Боялись їх. Махно, він же вооружонний. А я чим, вилками чи черпаком буду отбиваться... Е, дивись, я, один був з Токмаку у Махна, забув як його хвамилія...

[*Громадянську війну*] помню. Шо хоч, те й було... І грабили, і вбивали. І крали. У нас? У нас лічно нічого. Махно як було, коня у нас взяли, їм підходив під верх, взяли коня. А шо, шо ти будеш балакать, як він вооружонний, йому понравивсь кінь, він узяв, сідло почепив на нього і поїхав. Шо батько зробить? [*Батько був*] дома.

[*У матері*] придане? Ні, [не було]. Моя мати бідного батька була. Скриня була. А шо в скрині було, не знаю. Батько її сторожом був. А їх три сестри було. Заміж отдавать нада було. Це ж нада три скрині було нада. Ну я знаю, шо там в неї у скрині було.

Володимир Кирилович: [*У сестер моїх придане було*], аякже ж. Конечно. Сундук, повен сундук одежі набитий. Теличку дають. Теличку обикновенно дають на хазяйство. Коли сестри [*заміж виходили*]? Оце вже

я не помню, коли. Обикновенно після Рождєства виходили заміж. Того шо зіма, свободні люди, гуляють, і женяться тоді. Ото і. А літом свадьб не було. Зімою. Гармоня грала. Аркестр був, духо… той. Бубон був. Балалайка. Гітара... [*Гуляли*] у молодого. У кого ж? Хто брав мою сестру, у того і свайба ж була. [*Подарували*], я ж вам казав, шо сундук дарили, і те… теличку дарили. За столом дарили теличку. "Теличка, я тобі дочка даю теличку".

Молоду в цвіти одівали, [*в церкву їхали*], да. Вінчали, вінчали в церкві. Як зімою – санками, як літом, значить тим – тачанкою. Коні, на конях букети. Тачанки, поквітчана тачанка. Тачанок п'ять, шість. Кого приглашали, той і їхав. Тоді ж не гуляли, так як, а тоді ж свайба як гуляли, так чоловік пядесят у хаті. [*Гуляли*] стіки їм хотілося, стіки і гуляли. І по три дні, і по тижню. [*Запрошували як*]? Ну, прийдуть. Прийде молода, з молодим і приглашає: "Папаша, чи мамаша! Приходьте до нас на весілля".

Я [*женився*]?... Вже й забувся, в якому году. Двадцять [*було*]. Як оженився, в своїй хаті жив, [*з батьком*]. Чи попомниш, скіки год...

Анатолій Володимирович: Ну, я знаю, вони цю хату купили в двадцять девятом году. Чи в двадцять сєдьмом? Мать, де-то около году... Да. Таке врем'я. Потому шо я із-за чого помню, просто у нас на сундуку матеренім, є сундук на горищі, там на кришкі було написано. Та і в документах же, як хату купляли. Там, по-моєму, записано двадцять сєдьмой год.

Володимир Кирилович: У нас же в Токмаці германці були. Які… Германці, німці, вони уместє з австрійцями воювали, і в Токмаці були. Мій брат, старший, у плєну був у в Австрії три годи. І хазяїн його в зяті приймав, красивий у мене брат був. Хазяїн у мене хароший був, і хазяїн його любив, приглашав його в зяті. Хе, дома ж лучше. [*Це*] у сімнадцятому году.

Анатолій Володимирович: Це дєд, не в сімнадцятом, навєрно, в шістнадцятому, там а в чотирнадцятому їх забрали.

Володимир Кирилович: Вони уместє з австрійцями були. Шо ж я розкажу, шо ж ми з ними балакали, я ж по-німецьки не вмів балакать, і по-австрійські. Но вони грабить не грабили. Потому шо вони же солдати, ну шо ж, шо ж воно буде брать, в карман ховать його, чи шо? Він же солдат. Воював, і то. [*Що вони робили*]? Оце я за ними не ходив, не знаю, шо вони робили. У Токмаці, в нашім Токмаці бачив. На нашій вулиці, як її Володарська, тоді, чи я знаю, як була. На нашій вулиці. Коло, коло двору. По вулиці воєнні, вооружонні ходили, а я в дворі був, бачив їх. Я напримєр, [їх] не боявся, вони мене не трогали, я їх не трогав. Може кого й трогали. Ну, вони ж солдати, хіба їм шо нужно було, вони воювали. З оружиєм ходив, бо по Токмаці. Куди їм нада було, туди і шли. Токмачани од їх ховались, боялись їх. Вони їх і не займали, а вони боялися. Німець, він же ж балакать. "Йов-йов-йов, йов-йов-йов".

З ними вместє вони, солдати і австрійські, і германські, вони вместє воювали, вместє йшли на нас. Як [*відрізнялися австрійці*]? На їх такі тюбітєйки, з козирьком були, гострі, погони.

[*У Токмаці*], ну от Махно був, і етот, красні, красні це наші були, совєтські войська. І німці, і австрійці. Через Токмак переход... Шоб у Токмаці вони жили – ні, вони переходили. Куди вони ходили, я ж не питав. Вони ж, война була. Вони ж завойовували. Токмак завойовували, і ше, і дальше Сорочина була, і там вони були. Це восємнадцать кілометрів од Токмака. В степ. [*Хто*] після німців? Махно. Після Махна, – совєтська власть стала. Красні називалися. Називали їх красними. Совєтська власть. Ми ж їх з хлібом устрічали. Це ж наші. Називалися наші. З хлібом устрічали. Сіллю. Батьки [*зустрічали*]. Усі люди виходили, не тіки наші. Довольні були шо, освободітєлі, вигнали німця. Освобождали Токмак. Вони ж не сиділи у Токмаці, а по своїм ділам ішли ж дальше гнать німця. Ше повоювали. Через Токмак перейшли і дальше пішли.

[*Харчі вони не купували*], у їх кухня ходила сзаду. За ними кухня ходила. А як, я ш бачив кухню. Ну ж, бігали. Батьки лаяли, шоб ми під ногами не шилися. А ми... Діти ж є діти. Інтєрєсно ж їм. І пішки були. І на обоз був, підводи буди гружоні. І із хлібом, із салом, із маслом. Харчі за армією йшли. І кухня. Інтєрєсно ж було. Заглядали, як сорока в маслак. Нє, [*нас не ганяли*], це ж наші прийшли. Чо ж вони будуть крестьян гонить. Ми ж не німці, не австрійці. Не гонили.

[*До німців не бігали*], од німців ми ховалися. Ну, поглядали з-за вуглів там. Загатки були такі. Не забори тоді були, а загатки такі, с кураю поскладані. Із-за загатки виглядали.

Красні [*дітям давали щось*]? Чим же він буде угощать, шо в його в кармані, в його винтовка через плече й наган збоку. Чим же він буде угощать? Шо він буде угощать, як він іде освобождать дальше. Токмак освободив, і йшов дальше освобождать. Шо вони з дітьми будуть балакать? Може з старими й балакали, а я, напримєр я, я не балакав з ними.

[*Після красних*] назначили старосту, писаря. Волосне управлєніє. Начали своє ставить начальство. [*До волосного правління*], аякже обязатєльно ходили, сходки ходили, волосне управлєніє. Сходки ходили. Розправа була. Якшо не таке важне – в розправу, якшо важне – волосне управлєніє. Дітей не пускали, шоб під ногами не шилися. Ну, батьки ходили, по ділам, які їм нужно було. Шо ж вони нас питали, чи казали, чо вони ідуть?

Старший брат же, його як забрали у дев'ятнадцятом году, в армію, попав у плєн, у Австрії жив три годи в плєну, у хазяїна був. Хазяїн хароший, у його був, де він жив три годи. Той хазяїн приглашав його, шоб він зятем став у його, шоб хазяїном був. Хазяїн цей в його був вже старий був, а в його дочка була. [*Брат*] утік з Австрії, втік. Потому шо вже од Австрії недалеко було красні. Тікать було значить, не дуже далеко, шоб до своїх перебігти. Шо він приніс? Австрійський пінджак і австрійська шинель. І

фуражка австрійська. А то все. Шо ж він мог, як він тікав, шо він мог с собою брать? Він рад, шо вирвався. Шо можна було йому втекти. [*Потім*] був, у красних. Красні ж набирали тоже ж войська. [*Воював*] оце вже я не скажу, чи довго, чи коротко, но був у армії, у Красній. [*Вернувся коли*] тоже не скажу, хіба це я помню, як би ж я записував би, так помнив би. Мій брат не женився, старший. Його ж забрали на войну, а потом в плєну три годи був, з плєна втік, коли ж йому жениться. А тут красні прийшли, революція називалася. Не женивсь, брат не женивсь. А менший брат женивсь, бо вже пізніше. А хто зна, в якому году. Менший брат вроді живий, у Бєльгії вродє находиться. Но не признається, видно боїться до сім'ї явиться. Жінка в його була, як його забрали. А були токмачани, у Бельгії, бачили його. [*Я туди попав*]? Як плєнний, так і попав, ну як вивозили насєлєніє. Тринадцятого году менший. А старший – і не скажу якого году. Кажеться дев'ятнадцятого.

Анатолій Володимирович: Це Ви шось путаєте.

Володимир Кирилович: Сестри. Три сестри було. Усі живі й досі. [*Сташий брат у*] якому году він народивсь? Тоже, хіба ж я... Мені було, мені було четирнадцять год, а йому було дев'ятнадцять, от і щитайте. Його брали, тоді дев'ятнадцять год брали у армію. А менший тринадцятого году був. [*Старший*] з батьками жив.

Я [*як женився*]? Розказувать невдобно, не буду я розказувать, я не женивсь, мене оженили. Жінка сама прийшла. Отак женилися, жінка прийшла, так і жили. Не женився, свадьби не було. [*Вона*] токмацька. [З] Причепилівки. Батьки [*її*]? Пасевини фамілія була. Мати, батько, брати були, два брати, четирє сестри було. [*Жили*] харашо. Пара волів було і коняка. Землю робили. Тоді ж землю робили і всьо. Ілі в наймах десь ходив. Земля в їх було, наділ. Е-е, два сини в його було і батько. Значить у його де-то дев'ять десятин було. По три десятини на душу давали. [*Серед дітей вона*] средня була. Була й старша, були й менші. Яке в неї [*придане*]… Сундук, і кровать. Ото все придане. В мене так і жили... Я жив з жінкою, в батька. Із дому нікуда не ходили. [*Невістку прийняли*] харашо. Мене вилаяли, а невістку прийняли. [*Лаяли*] за те, шо я не вспів ожениться, не думав жениться.

Довгий дом був. Було, четирє комнатки були. Спальня була, зала була, столова була, кухня була. Спать у спальні спали. А-а, їли у кухні конешно, в столовій. Столова називалась. Уместі їли. Тоді не, не ділилися, так шо тобі тарілку насипали, тому тарілку насипали. А стіл серед хати, і в миску насипали, і черпайте. [*Перший їв*] конешно ж, батько. Другим – мати, а потом – всі. Це обізатєльно батько пробує, шо мати зготовила. [*Як не нравиться*]? Не скажу... Скандалу не було зате. Як тоді, тоді було шо їсти. Свині держали, корови держали, їсти от пуза було. Так шо ругаться ні за шо було.

[*На стіл подавала*] старша сестра, вона й досі жива, второго году. Ну шо [*невістка робила*]? Шо мати загадувала, те і робила. Шо, шо бачила, шо під носом, те приймала. [*З сестрами мирилася*], о, компанія була одна. Співали, гуляли, вечером коло двору гуляли, співали. У нас у сім'ї скандалу не було.

[*В інших*] було, ругалися там. Син – гулять, гулять, не слухав батьків. Ходив випивав, курив, от вони і ругалися. А мій старший брат не курив. Не випивав, не курив. І я не курив.

[*Тоді курили*] багато. Тоді такі пачки були, папироси, по двісті піісят штук, коробок, двісті піісят штук, папироси такі. У магазінах. [*І самі*] садили табак. Для себе, на який там продаж… Садили наші, для того садили, шоб як папироси кончаться, шоб було шо закурить, свій табак. Не, не всігда курили свій табак, курили тоді як папироси кончаться. Батько курив. Брат не курив, я не курив. А батько курив. Випивав батько харашо, курив харашо. І кував харашо. Де курив? У дворі, в кузні. В хаті не курив, конешно. В хаті запрєщала мати, шоб не курив. Не, не курили. Хоч курить – іди в сарай. У конюшню йди.

[*Пили*], було. У кого за шо було, ті пили, а в кого не було за шо – ті тіки дивилися. [*Батько*] купляв, конешно. Чо, чо б батько, чепухою занімався. І хліб сіяв, і в кузні кував, він би ше там занімався. [*Випивав*] вечером, послє роботи, до вечері, стаканчик випить. Старший брат не курив, і не пив. Я не [так], шоб пив я, як, у гості підеш – вип'єш, а так не пив я. Не було, не заінтєрєсований був я, курить. Не наравилось мені. Запах я не любив. Цигарочного запаху не любив. Як тіки почув, шо закурили – так і кашель.

[*Робив я*] дома. Дома, в дворі. Шо, де ж я буду робить, як у нас було п'ятнадцять десятин землі. Кузня, коні, корови, де б же я робив? Дома, по хазяйству. Помагав старшому брату. Мене не отділяли батьки. Батьки померли, я так у хаті і оставсь. Нову батько вистроїв хату, здорову. Я ж вам казав, чотири комнати: столова, кухня, спальня. Не одна спальня була, дві спальні було. Стара, батька його, була посеред хати здорова хата, солом'яна, там жили. Ми, братів уже не було, дома, як жінка прийшла. Ну один же в армії. І другий в армії, і так вони ж додому не верталися. З Австрії, ше до того як я не женивсь, з Австрії втік, старший брат.

[*В колгоспі як робили*]? Хіба я слідив за ним? Я свою роботу робив, коні поганяв, у кутку, у машинці машинкували, в косарці як косили. На току молотили, тоді ж токи були... і настилали пшеницю, коні запрягали, котком молотили, коні поганяв. Були в колхозі. Як організувався колхоз, пішли в колхоз. Не можна було, єслі б противився, розкуркулили б тебе, вислали б на Соловки. [*Такі*] були. Були. Остальниє, які в Токмаці жили, ті в колхозі і були. [*Ми здали*] пукарь, коні, коні здавав, пукарь здавав. Корову не здавали. Бричку, інвентарь у колхоз здавали. Шо загадували [*в колгоспі*], те і робили. Жінка дома була. Жінка не ходила в колхоз. У колхозі –

трудодень, шо заробиш, уроде, ділили, значить, скіки на хазяїна приходиться, ділили. Трудодень – як цілий день робиш, оце називається тудодень. Хто записував? Був, були десятські там, десятник був, чи я знаю як, помощник прєдсєдателя був. Регєстріровали, хто робе, хто не робе. [*Розплачувалися*] восени. Як кончеться уборочна, розплачувались восени. Пшеницю давали, ячмінь давали. Надо тобі було більш ячменю – береш більш ячменю, нада пшениці – береш більш пшениці. Не обіжав. Колхоз не обіжав. Були такі, шо й совсім не робили. Бандітами були, вори, по хатах лазили, ноччю. Конешно ж ловили. Ловили, судили. Ну, стражники були, стражник називався, ну як міліціанєр. З нашої вулиці не було нікого там. Стражники були такі, шо робить не ходили, поступали у стражники шоб продукти получать, а не робить.

Дочка, Мінака Олександра Володимирівна: А його тьощу, оце таке, ну, сімейне, моя мама, і все, сім'я велика, дєдушка от завороту кишок помер, оце все. Залізли обікрали все, в чом були, мамка по наймах ходила, оце таке, сама старша була.

Володимир Кирилович: [*За хорошу роботу в колгоспі*] лишній пуд давали.

Олександра Володимирівна: А нам же і ордєна дали, ми учасники, ми називаємся...

Володимир Кирилович: Шо-небудь, лишній мішок давали зерна. [*Клуб у колгоспі*] був. І зараз той клуб стоїть, у колхозі. Це ж школа була, десятирічна школа. Там чєтирє класа вчилося. [*Клуб хто будував*]? А це вже я не взнаю, це, я маленький був, як він вже вистроєний був. У школу я ходив чєтирє класи. І ходив, на вечірню школу ходив. У клубі? Тєатр самодєятєльності. Дівчата, хлопці, співать уміли, танцювать уміли. П'єси ставили. Ходив [*і я*], аякже. Моя рідна сестра, яка й досі жива, була артісткою, главні ролі виполняла [запис перервано]. [*Я також*] танцював. Шо танцювали, шо грали, те й танцювали. Польку – польку, вальс – вальс. Я танцювать умів. І любив танцювать. А начальник тєатра, був приглашав: "Хто желає у групу прийти, приходьте вечером на сцену, будем співать, будем танцювать". Сам виучився [*танцювати*]. [*Танцювали*] сусідські дівчата, хлопці. Не один же я. Душ двадцять було, пятнадцять, десять. Гармошка була. Оркестр був. Е-е, піаніна була. Балалайка, гітара, скрипка. Це була група музикантів. Вони грали. Вечором це все робилося. У субботу, в неділю. Празники тоже празновали. Тоді празники празнували. Великий празник, який сказали празник сьодні, не работать – не работаєш. Рожество, Пасха, Новий год, Крещеніє. Це все празники були.

Олександра Володимирівна: У дєдушки батюшка був, той, батюшка – той, дядько. А він з ним ходив – він покаже, він зривав оце. Да.

Володимир Кирилович: [*Колгосп не забороняв*], ні, ні. Бо там же ж у колхозі ж крестьяни, хлібороби. Хто їм запретить? [*В церкву*] ходили. Як, колхозник. Колхозник, я ж колхозник, у церкву ходив.

Олександра Володимирівна: А він панамарьом у церкві був, ви знаєте? У цій церкві, ось, Вознесенській.

Володимир Кирилович: У церкві Богу молилися. Тоді молитви читали. Була молитва "Вєрую", "Отче наш", "Достойно єсть". Такі молитви. Здорові. Батюшка їздив, до учеників учив молиться. У батюшки коняка була, бєтка така була, він приїжав, на урок, був урок батюшки.

Олександра Володимирівна: А оце па, як у цій церкві, як отстроїли оцю церкву, що був кінотєатр, ось на краю, Вознесенська. Ти ж панамарьом у Івана Івановича робив? У Івана Івановича, батюшки, ти ж робив панамарьом?

Володимир Кирилович: Да. Робив. Батюшці помагав. Батюшка праве, а батюшкі нада, тоді були ті, як їх, па, забувсь, як називать, шо записували мертвих.

Олександра Володимирівна: Дяки записували мертвих. Ну, Ви свічки оці, ті, та скажіть, оці, лампадки заправляли.

Володимир Кирилович: Да, олії наливать, нада, запалить. Свічки.

Олександра Володимирівна: Йому розрішалося в вівтарь заходить. Оце, це мужська робота, така. Женщина не заходе, а він оце помага. Він був вибраний такий.

Володимир Кирилович: Спеціально вибирали такого, шо можна довірить. Отам же у граматці, як подають попові граматку, шоб він прочитав про мертвих, кладуть туди руб, або три, так шоб він не крав. Довіреного. Люди вибрали. "Ось, он того вибрать, Кириловича, то чесний чоловік. Туда його". Ну хіба я помню [*скільки я був*], якраз, скіки год.

Олександра Володимирівна: Як ремонотіровали, їздив по селах собирав дєньги, на церкву, оце таке все. А тоді, та ну годів три. Та, ну оце, ви знаєте, такі годи, це до дев'яностого года, це церкву нашу як одстроїли, оце дєдушка, а тоді вже як він зрєніє оце потіряв, ми йому не розрішили.

Володимир Кирилович: В нас, я ж вам казав: чотирі церкви, одна Успєнська, одна Вознесенська, Троїцька, Сергіївська, оце все чотирі церкви було здорових, красіві церкви.

Олександра Володимирівна: Ми относимся сюди до Дзержинського, у цю церкву. Я там крещена.

Володимир Кирилович: Хрещеники в мене були. У куми [*брали*], кому я нравився, хто мене уважав, то, той і гукав. [*Я звав*] тоже хто мені підходив. Сусідів брали, родичів брали, друзів брали. [*Хрещені*] що роблять? Батюшка значить, така ванночка була, води наливали, цього младєнца, якого приносили крєстіть, його туди – бульк у воду. Тоді крьосна мати, яку вибирали, шоб крьосна мати, та, у одіяло його скоренько, замотала, заховала. Шоб не простудилось. А ба, а хрещений батько помога нести. У церкву із церкви.

Олександра Володимирівна: І розщитується.

Володимир Кирилович: [*Платили за хрещення*] та… П'ятдесят копійок. Коли дитину хрестили? Коли вздумали, у кого врем'я коли було, тоді і хрестили. Батюшка не одказував. І в неділю, і в суботу, і серед тижня хрестили. У в празники? Хрестили. А шо ж це за преступлєніє – у празник. Найдужче у празник хрестили. У кого попадалось, шо діти такі, шо хрестить нада було. [*Хрещені*] дитині купували сорочечки купували, одіялце там, на пелюшки, там по метру брали там. На платтячка брали [кашляє].

Володимир Кирилович: Мати крьосна [*хрестик купляла*]. Там, в церкві продавалися... А чо з своїм іти, у церкві спеціально там продавала свічки, хрестики… Є у церкві разні, які хочеш. І на руб, і на піідесят копійок, і на п'ять рублів були. Золоті хрестики були. [*Після хрещення йшли туди*], де воно родилося, там гульки встраювали. За стіл садовили, вгощали. [*Дарували*], ну, я ж вам казав: то гостинця, то на плаття набрало, то на сорочечку набирало, той чулочки купив. Той шапочку купив. Тоді шапочки купували дітям. Надівали на голову.

[*Ім'я*] піп же ж давав, дивись в граматку, і по празничному, який сьогодні празник, як святого було, там чи Грицько, чи Степан, чи Іван. Єслі мужик – давали значить Іван, єслі там женка – давали Мотря там, чи Настя, чи як. Батюшка імена давав. Слухали батюшку. Тоді слухали батюшку. [*Потім день цього святого*] одмічали, аякже, правилось, дзвони були. Батюшка правив там, чи там Івана, чи там Петра, чи там Гаврила. [*Мій святий*] Іоан-крєстітєль. Владімір був. Дома одмічали. Як, скажем, мене звуть Владімір, і сьогодні празник Владіміра. Дома – сусід нагукали, там кумів нагукали, родичів. За стіл садовили. Тоді ж хіба так бідно жили?

[*День народження справляли*], аякже. Обізатєльно. Тоді всі справляли, не тіки мої батьки. Таких не було, шоб не справляли. Як бідний, так слабше наготовили на стіл. А багатший – гуще ставили на стіл. А отмічать – отмічали. Дітям же ж подарочки купували.

Ну аякже. Звали. Кумів звали. Сусідів звали. [*Діти*] з матерями приходили, їх не звали. Їх звать не нада було. Оно за спідницю ухватилось і пішло. Шо мені дарили? Шо люди дарили, шо людям, те й мені було. На штанці купляли, фуражечку купували. А як зімою – шапку купували. Було таке, шо черевички купували, було таке шо і ботіночки купували. [*До людей батьки*] йшли обизатєльно з подарком. [*Мене*]? Нє, хвостика за собою не водили. Там не, діти не нужні були. На шо вони під ногами там шляться? [*Діти*] дома. Дома. Ну були, сестра була старша, вона за ними преслєдовала, слідила їх. Кричала на їх. Шоб не балувались. У шкоду не лізли. [*Я*], конечно ж. Шо ж… Самий лучий, чи шо... Яблука у сусід крав. Ну шо чужі діти робили, то й ти робив. У компанії ж був. Хоч своє й було, а чуже інтєрєсніше було, понятно? [*Батько*] батога давав. Не лаявся, а батога давав. [*Помагало*], аякже ж, конешно ж помагало. Як на другий раз мати каже: "Володька, смотри мені, а то батько вже батіг приготовив". Дівчата

вообще не дуже балувались. Дівчата коло матері крутились, помагали. Позамітать, перемазать. Яка, постарше, вміла шить. [*Вишивали*] були. Були такі шо дівчата, випивали, лучче як мужик.

Ну, сестри вміли вишивать. Канва називалася. На канві, значить, вишивали разними нитками. І чорними, і білими, і красними. Матері [*вчили*]. Моя мати не вишивала. Моя мати з бідної сім'ї була, і она і по наймах ходила. Од батька. Так шо їй вишивать ніколи було. [*Рушники*]? Обикновенно ікони в углі, ікони обстелені рушниками. Купували. А хто вмів вишивать – самі вишивали. Вечерами. На печі позалазять, і вишивають. Співають і вишивають. Ікони – купували. Художники були, шо робили ікони, продавали. Магазін був такий. Іконошний магазін був. Купували. Куплені, у кажного куплені, ніхто сам не робив, купували. [*Молодим*] а тоді робили – вінчали, і з іконою вінчали молодих, ікону дарували. Да, дарували, і наші батьки дарували.

Олександра Володимирівна: У нас ікона, дєдушка не казав, у войну, розбита, була балка одна, оце так. На шифинері, одна стіна, а то все розбите. І одна кроква, там лампа, двінадцятилинейна, оце на вірьовочкі, і в углу – угол цілий остався – ікона. Вона й досі висить там. У їх. Оцей, шо з нашої хати була. А ми в оцьом підвалі осьо, тут дві пічки оце, і сюди й туди, шіісят чоловік було. Нас оце, це був сарай, прикидало, каза била в двері, корову прикидало, оце ми за шмотки...

Володимир Кирилович: Токмак – великий город був. Великий город був. Діливсь на дві часті. Перва часть була і друга часть була. У другій часті була одна церква, а у первій – три церкви було. [*Чого ділився*]? Річка ділила. Річка перерізала. Молочна річка називалась. [*І там, і там*] пошти одинаково жили. Крестьянством занімалися. Робота одна була. А тіки чого друга часть називалася – шо їх річка отділила. Значить, втора часть. А наша перва часть була. Троїцька церква була у другій часті. А в нас Вознесенська, Успенська і Сергіївська. Як храм був, в кажну церкву ходили. Церкви одна на одну похожі. Церкви строїв один майстер. Який... Спеціаліст був такий, церкви строїв. І одна на одну похожі церква була. Здорові церкви були. Людей чоловік п'ятсот уходило.

Олександра Володимирівна: [*Хресні ходи*]? Виходили у поле, як дощів не було. Да, па? Ходили, да, батюшки. Він розказував.

Володимир Кирилович: Богу молились, охрести несли, хрести несли. Співали пєвчі. Ну, положено так. Праздник, значить празднують. Значить, всі празднують. Тоді не було, як тепер: один робе в неділю, а другий не робе. А другий робе і на Пасху. Ходили з іконами. На річку ходили, воду святили, на річці. Воду святили. Воду. Криницю пробивали. Хрест вирубували з льоду. На Крєщєниє конєшно. На річці грали на коньках, каталися, у цурки грали.

У поле ходили [*з іконами*]. Як дощів довго нема, значить з охрестами і з певчими у степ ідуть співають, певчими. Там де готовили їсти, обі-

дать садовили у степу. Всякі пісні співали. [*Що робили*]? А ми дивилися, шо робили. Шо старші робили, те й менші робили. Багато [*людей йшло*]. Раз дощу нема – недород, значить люди Богу моляться, які ж ідуть охрести, з хрестами, усі виходять і йдуть. Беруть хлібину, беруть, ше шо-небудь беруть, туди шоб було чим закусить після... Бо в степу готовили борщ, локшу, узвар. Хоч, хоч кісіль.

Дощу не було, недород був. Дощ вовремя не випав. Недородило. У двадцять первому году голод був. У двадцять первому году... Да. Скрізь був у двадцять первому году голод. А того шо не вродило, їсти нічого було. Того і голод був. І у нас [*не вродило*]. А шо ж ми, самі лучі, чи шо? Земля уместі була. Не випав дощ, не на їхню, не на нашу. Недородило. Так, хто вижив, той вижив, а хто вмер, знач вмер.

Олександра Володимирівна: А мамка його, оце ж в сорок сідьмом году, і вродє помогали і ми і все, і дочка забрала, все. А як уже опухла, вже ж не хватало їй. Вмерла.

Володимир Кирилович: Шо їли [*в голод*]? Шо, шо б то їли. Їли хліб із ячменю, з кукурузки, із чого хочеш, аби у кишки шо-небудь укинуть, шоб зубами не клацать. Як у харашой год, так пасльовка була мука. Мельниці були. Первий сорт, другий, третій. А в голод дерть мололи на камні. І пекли, аби шо-небудь в рот укинуть було. Мельниця була. У хазяїна була мельниця, у його мололи. Він розмір брав, за те шо змеле. Ну, як, за те шо змеле, кружечку там надере. Як мішок змеле, кружечку надере. Як два – дві надере.

Олександра Володимирівна: А в сорок сідьмом на нашій вулиці оце такий круг, і ходили ми з мамкою – важко було. Це тоже мєрку ж давали, оце в сорок сідьмом году, на нашій вулиці.

Володимир Кирилович: Мерли [*люди в двадцять першому*]. І на нашій вулиці, на всих вулицях мерли.

Олександра Володимирівна: Па, а твій папка в якім году вмер? В які году? Дєдушку в труні несли? А других на ряднинках. І поховані в дєдушкіном гробу ше два чоловіки. Того шо на ряднинкі притягли, і все.

Володимир Кирилович: Ба, на мого батька, на ямі сдєлана дерев'яна така коробка, шоб не розтоптували могилу, понятно? На могилі на проводи крашенки клали, паску ставили, шоб поминали.

Олександра Володимирівна: Дєдушка? Дєдушку я не [*помню*] ні одного, ні... Один умер, мамин. І той. Бабушку – да. За бабушкою я ходила, її розчесувала, знаю бабусю. Все. А тоді дочка взяла, ось тут живе, і той.

Володимир Кирилович: [*В тридцять третьому*] тоже недород був. Не раз недород був. Ну, не такий був великий. Хто ледачий був, голодав, а хто не ледачий був, як оборот робив, доставав як-небудь. Ми, якраз у нас ніхто не вмер, ми і не голодали. [*В колгоспі*] в тридцять третім… і не помню. Мать, в двадцять первім ми робили в колхозі. Колхоз платив же ж

за те, шо робили в колхозі. [*В голод*] шо було, ділився колхоз. Де помогав, де вже бачив, ле, люди пухлі, давав помощі трошки. [*Сусіди*]? Чим же сусід поможе, як він сам голодний? І родичі ж так. І родичі були голодні, і сусіди були голодні.

Олександра Володимирівна: Мій чоловік тридцять первого року, а в селі жив, а їх четверо було, мати одна все. І мати зварила тоді мило. І, такі були оце на досках. Як серванти для посуди. І мамка оце туди поклала мило. Варили оце із кісточок, каустік був. І вона поклала його, зварила, і шоб то... А він взяв, думав шо хліб. Як узяв, і по облазило все в роті, оце таке. Да. А каже, вижив тим, шо оце мати варили, оце в казану гарбуз, там і кашу, все. І ото каже пороздає тим, а я казан видирав, ото пристане шо до казана, і, каже, живий. І була, каже, та, тьолочка, у нас, корови вже не було. А прийшов сусід, і баче шо мати вже пухла, і ми вже, оце таке. Він каже. Га[нерозбірливо] його було звать. Каже: "На шо тобі та телиця? Я от прийду, ти ж умреш, і діти помруть, заріжу". Зарізав, і ото ми, каже, вижили, так. І ото розказує, каже, я.

Володимир Кирилович: І коней в голод їли. Різали. Ми не різали. Ми. В нас обійшлось так, шо батько ж кузнець був, то батькові то той, то той шо-небудь принесе. Бо нада зробить то сапу, то лемеші накласти, то пукарь поправить, то бричку. Ми в голод не голодували...

Олександра Володимирівна: Як поболіли всі, і як, як тіф, тіф був. А ти шо, вхажував за ними, і шо оставалось, не поїдали, і він їв, казав. І нічого йому. Да? Та чо ж, ти ж казав шо, той шо батюшкой був, ходив показував, яку траву рвать. То ти забувся.

Володимир Кирилович: Може, хіба все помниш. Як хто заболів, ходили до врачів. Тоді врачі шо, один врач був на квартал.

Олександра Володимирівна: А маминого батька схватив заворот, і не довезли до Молочанська. Не довезли, і дєдушка вмер. І осталась сім'я їх – восьмеро. Одна мамина сестра на тєлєграфі робила. А та в бугалтерії. І так вони. Мамка по наймах ходила.

Володимир Кирилович: [*Як війна почалася*]? Аякже, стрільба почалась. Начали забирать в армію людей.

Олександра Володимирівна: Па, ти ж був де, як евакуіровавася завод? У болниці, шо ти, в тебе, шість раз його опіріровали. Він на ухнарь сів, чи шо. Оце таке. І якраз дірєктор завода прийшов провідав його, а його ж евакуіровать, куди, як в больниці лежав все. Сказав, шо: "Ми вернемося, Ви нам нада будете".

Володимир Кирилович: [*Як війна началася я*] дома був. Я в армії не служив.

Олександра Володимирівна: На заводі, вже робив, оце як война закончилась, отстраював завод оце все... Оце як на Очеретувату їхать, туди, там оце, Цюрюпина балка, землю брали. У нас, уже як, уже як завод робив, а земля там була. Так, я оце старша, а Толік менший, на шість год.

В три часи одводе нас туди, шоб суслики не повиїдали оце, ростєнія. І ми ганяли, оце все. А люди вже вертаються, він по нас не йшов. А одводив нас. Там мамка нам баночку дасть, чого-небудь оце. Ми ото там так, сторожували.

Володимир Кирилович: [*У війну*] дома, в Токмаці був я. Хто жив, так на месті й жив. Був у його син такий шо, в армію брать, брали. Не було, значить не брали. Так собі й пережили, помаленьку.

Олександра Володимирівна: Була в нас Ірма, така, молода, коняка. Тут була солом'яна хата. Оце таке. Так ми до їх отака, кладовочка, заклали оце все, а дірка на горіщі. Туди зерно ото кидали, все. Заховали. А як наші зайшли оце, открили, і, який первий заходив сюди до нас. Мороз іде, оце… І папка подарив оце, цю лошадь. Да, оце. А вона – блистіла. Туди і воду ж лили, все, і корм. Воздух їй поступав, все таке, і командір, які оце перві зайшли, по вулиці... Шо нас освобождали. І папка оце уручив. Оце таку, да. Оце все. Ну, нам оце ж медаль за колхоз. Чотирі рубля ми потом получали. А папку – одурив завод. До войни робив у кузнєчном... [запис перервано].

Володимир Кирилович: У двадцять первом году [*на завод поступив*]. У двадцять первом году кузнєцом робив. Поскіки батько кузнець був, і я навчивсь дома, і там в заводі робив. Пукарі робив, [нерозбірливо] робив, на мотори [нерозбірливо] робив. Ключі разні робив. Ішли на завод, нас приймали. Нада було людей на завод, нас приймали. Тоді як на заводі робив, тоді вже я хлібом не занімався. Тоді вже в колхоз, у колхоз поздавали землю. Колхоз хазяїн був землі. Землю [*коли здали*]? У двадцять первім году. Здав землю в колхоз, і пішли у завод. Питають: "А ти землю здав?" "Здав". "А справка є?" "Є". "Тада іди в отдєл кадров".

Брат старший, не було його дома, як колхоз.

Олександра Володимирівна: Він у войну, фінську, десь і не прийшов. Він не вернувся, брат, з фінської, не вернувся. Без вісти. У [*сестри батькової, тьоті Марусі*] у неї чоловік учитель був, без ноги. Матєматіку читав, Степан Сергійович.

Володимир Кирилович: При школі по-моєму кимсь робила.

Олександра Володимирівна: Да. І жили так. Школьна хата, оце так, по Володарській, де десята школа, оце там. А тоді аж на станції. Вистроїли таку времяночку маленьку. Старший син у їх десь у Дніпропетровську, помер уже. А цей, Валєнтін, і дочечка вмерли, тут поховані, на кладбищі. А одна, в колхозі робила, тьотя Саша моя. І сестра, тут ось на Тельмана переулку, тоже. Ні тих, ні тих. В кого давлєніє. Ми нічого, глаз удаляли як раз...

Володимир Кирилович: У войну люди виїхали в Махачкалу, з заводом. [*Я не поїхав*], того шо я не боявсь нічого. Шо буде... Шо людям, – те й туди. В кузні робив я. Кузня називалася...

Олександра Володимирівна: І земля в нас була, як за елєватор. Було ше дві коняки у нас. Зайчик і Матрос. Я полінкувала. Оце жарко, оце понатираю, дєвочки, ноги, страшне, зверху сидю, оце управляю усе, у рядки заходю. А він ходе за полілкой. Так я втекла. Наздогнали мене на коні. [Сміється]. Назад забрали. Землю, землю оце. Так. І була корова. Тоді вже конів не було. Все. Корова була, і була бричка така верштаками. Їхали з мамкою ми оце косить буркун, косили, тоже з мамою. А її чи шо вкусило, ой. Я сидю, уже немає ні боків, нічого, дєвочки, і, в сапетки, така плетена, і, бутиль такий, води оце брали ж ми. Уже все. Потєряний, і мамку загубила, і не знаю – кричу, її, Ірма було звать цю... Корова як нас поносила. І загубила мамку, і сапетку. Вона поки і вмерла, боліли в неї вуха, все, оце так побита була. А вже люди накосили, гарбою їхали, коровами везли, остановили нас оце. Так понесла корова. Оце таке було, дєвочки. Хазяйнували, косили, буркун кріпкий, косою і я косила. І ото і мололи ж, все. Пережила. А тоді, в сорок сідьмом году, кончила сім класів, а папка вже ж в заводі був. А там розів багато. Оце, як откриють проходну. Ходила торгувать, хліб пекла. Підрізала. Оце диньки садили колхозниці. Оце. І корова в нас уже була. Носила до заводу, робочим міряла. На стакан, рабочі виходили, оце, і купляли й диньки хто, ряженку. Оце таке, все. І тоді вже поступила в завод. Мамка купила мені верблюжу светерок, дівчатка. Колючий такий! Знаєте, така шерсть колюча оце все, а я не знаю... чи кофточки не було. Так я дєвочки… Тоді був ой, отдєл кадров, весь день сиділа, поки мене на работу ж принімають, на завод. І ото я в три смєни пішла. В тій кофті жарко все, як ото, знаєте... Комарі покусали. Вся була... Таке. Запомнила, як я поступала в завод, оце таке. Ну, і с папкой. І він уже ж у заводі був. Мамка нам гарбуза наваре, літрову баночку. А він тоді у модельному цехі работав. Я прийду, оце поїмо. Карточки були. Де "Красний" магазин був, оце, був, у том, видавали нам продукти. Америка нам помагала, як-то оце, видавали. І видали рибу. А вона, видно, була некачественна. І я ж получила. В обіден перерив прибігла, і хліба там, чи по скіки нам на душу давали оце все. Получила, і поїла. Отравилася. Ото мене, в заводі, промивали мені. Марганцем, як помню оце. Три каструля наколотили, оце, як помню. Таке було дєвочки... [*Магазин чому "Красний"*]? Я не знаю, там ви знаєте, була і горуправа оце. Горуправа. Німці, брали, оце, в Німеччину, оце людей, оце таке. І мамину племенницю тоже брали, її вже нема. Як ви знаєте, у Дом бита, Гейжа Люда. Вона парихмахер дамський. Робе прически, оце. Це її мамка. А це маминої рідної сестри дочка була. Оце, взяли її. Мамка ж, як тьотка, понесла туди ж. І мамку [нерозбірливо]. Мамка. Були такі, шо і наші там, управляли там, оце ж в горуправі секретарями, чи регістраторами. Проситься. Ніякого вніманія, нічого. А німець стояв, мама падає, просе, шо "В мене дітки ж (оце, ми, я і брат, оце все). Я, пустіть мене". І мамку закрили. Все. І він… Мамка... Чи знав, чи як. Отпустив нас. Мама, ото, Карла Лібнехта, вулиця. Там, переліваніє крові зараз. А там був

сінагог. Там вистроєне. Так мама ото туди. Нада було іти по Совєтській, а вона туди... утекла. Шоб чи не завернули її, од радості. Так маму і кровотєчєніє открилось, вона там і багато крові потєряла. Оце, шо маму випустили, оце шо вона дому. Оце таке було нам. Все. І вже це і племенничка вмерла. Ногу одрізали, сахарний діабед. Вже в заводі робила, і чоловік вмер...

[*Синагога*] вона стара вже була. В сінагогу? Нє, [*ніхто не ходив*]. Воно вже розбилось, в войну, бомбили, там оце все таке. Іще отуто, де кладбіще центральне, там тоже, було оце комора, хліб, там, оце таке. Якраз оце площадь, оце, де останавлюється, біля того. Це був тоже таке. Храніліще. Оце я знаю. Оце таке.

Володимир Кирилович: [*Синагога*]? Був, єврейське церква. Сінагога. Єврейська церква була. Була з паленої цегли. Величенька була. [*Коли строїли*], оце вже не скажу я.

Олександра Володимирівна: Ну, в войну розбили її...

Володимир Кирилович: Ну, хіба я знаю, по якій причині її. Розграбили, на плитки, на печі додому люди.

Олександра Володимирівна: Ну, [*німецькі*] колонії були. Оце німецькі, оце Грушовка. Отам, як на Бердянськ їхать, тоді совхоз "Кірова", там оце німецькі колонії були, їх видно такі були [запис перервано]...

...до Мостової вулиці. І оце рама літає оце, а нас тут скіки ховалося. Як тіки пробомблять – діти вибігають же, оце все, а рама оце. Смалили, в нас тут бомбів. Отут на причілку магар був, корові готовили все, тут бомбів стіки падало, а в нас пєчка лопнула, оце і мамина крьосниця вдушилася. У погребі. Крьосна. Оце. А дєдушка, отуто, через два. Через дом. Не ховався, дєд Мизин. Ну, йому казали, шо ми тут ховаємося, він не ховався, той дєд. І він оце откидав. Ми були прикидані тут, і откида, і ото тоді вже люди вилізли, і хто куди, оце таке.

[*Як німці прийшли*]? Ну, конешно ж, дєтка. Помню так. Знаєш, воно як во сні вже. Оце таке все. Я тридцять первого года, Толік менший, оце таке все. А тоді ше, при німцях, оцеж як стояли, і румини в їх були оце все. А румини, ой, не дай Бог. Ні, на їх ні кальсон не було, оце, таке нічого. Оце, верхня одєжда. Воші, страшне, дівчатка. Було оце все. А тоді, пройшов німець. В нас же коровка була, оце все. А ходили оце все. А папку ми заховали в погріб. Да. А воно ж чуть, шо оце пустота все. Він пройшов, і написав букву "Зет", оце. Оце, шо корову забрать, оце все. Да. А вони ж і по дворах стояли, оце все. А прийшла мамина сестра, її нема вже взагалі, умерла тьотя Дуся, а вона вчила німецький язик. Оце ж таке, все. Ні, ми взяли й витерли, оце, шоб не забрали корову. Просили, просили, а, вони сказали, шо заберуть оце все. Шо ж, корови немає, і оце ж таке все. І взяли і витерли той "Зет", шоб не отмічено, шо заберуть у нас. А тоді сказали так, поубивають вас, оце таке все... А прийшла мамина сестра, написала тою букву. Оце ото тоді, конєшно, забрали нашу коровку, все. І ті, оте

таке. Стояли ж по хатах. У нас був, я помню, шо в нас уже стояли, наші, як увійшли, оце таке. І довго нам пісьма писався, і де він, хто його знає. А німці в нас не стояли. У нас. У сусідів... Так блізько я не знаю. Я знаю, шо румини в нас були. Трохи. Оце таке. Румини в нас були, оце таке. [*Батька ховали*], шоб не забрали ж німці. Оце як отступали ж, оце, так ми, шоб батька сохранить, так ми його у погріб сховали. [*А як прийшли*], ну, не забрали, нічого. Оце таке. Трудились оце на землі. Оце, нічого.

[*Голод у війну*]? Ну як же, оце ж дєвочки. Трудно було, ходили міняли. Мамка колись пішла мінять, оце Красногорка десь, оце балками, все. Яку одежу вимінять, кажуть там було більше хліба. А кажуть, побили людей, коли мамка наутро вернулася оце таке. Дівчатки. Оце таке.

Мамка [*як заміж виходила*]? Розказувала. Ну, дружили ж, ходили на проспєкт, оце ж вона служила. З бідної сім'ї, це дєдушка, заворот, по дорогі помер. Це менші сестри були, це дружили ж із папкой. Туди іде – босіком, а там шоб довше хранилась обув, вбувалися. Як по проспєкту походили – розбувалися, шоб надовше обув була, ото таке. І менші сестри, удівала вона їх, оце таке. Служила [*де вона*]? Ви знаєте, оце, служила, Синиця був такий на Королєнко. А його син – в тєхнікумє преподаватєлєм. От. Оце. Й була в них дочка, вмерла вже. Ну, мама як служила, в його хазяйство було, оце, вичищала. Так не було отієї карєти, шоб вичищать навоз, а сапеткою. І як холодно, обмерзала оце все. А один там дядько казав йому, оцьому, як його було звать, я не знаю. "Хіба, – каже, – у тебе дітей не буде, шо ти оце отак іздєваєшся, оце?" От. Нема такої приспособленої тачки, як вичищать. У людей було, а мамка сапеткою то вичищала. Помацки ходила. [*Синиця*]? Ну оце, жив там. Він, протів, школа була, її вже немає, інтернат був після войни. Оце таке все. І він жив. Оце будка, як їдеш на Королєнко, він отам другий домик. І в горисполкомі, не в горисполкомі, Ніколай, син його, тоже вмер. І жінка його, дєдушкіна племенниця. Як же служилося? Оце так же служилося, за шо вона там, за копійки. Чи шо він їй платив, оце мама. Ну, оце, поки вичисте. Хазяйство в його було, оце. І навоз по їй. Все. І обмерзала, оце така. Мамка [*була*] сідьмого [*году*]. Папа шестого, а мама сідьмого.

Як познайомилися [*вони*]... Ну, я такого й не питала, но.. Па! А як ти з мамкою познайомився, де ти познакомився?

Володимир Кирилович: Базарь тоді був, город був, базарь. Дерев'яні лавки були, на лавках продавали і гарбузи, і насіння. [*На танці*], ну, конєшно, ж ходили. Люди йшли, значить і ти йшов, не одставав од людей.

Олександра Володимирівна: Мамка красіва була. [*Її батьків знала*] бабусю, а дєдушку – ні. Дєдушка ото по дорогі помер, не довезли до врача. Заворотки, помер. Ходила до бабусі. Оце ж по Тельмана, через річку і прямо – бабушка моя там жила. Магазін там. І оце прямо по нашій вулиці, чуть-чуть, і до бабусі. Ганна Мусіївна. Пасевин.

Володимир Кирилович: А батько – Григорович.

Олександра Володимирівна: [*Хата їхня*] вона і досі є! Та хата. І досі та хата стоїть, отак. Доглядала уже дочкиной... Дочки син. Оце і невістка, робила у нас у поліклініки на ренгені. Пасьовин Валєнтіна Міхайловна. Оце вона їх усих похоронила і доглянула. І їй одписали. [*Вулиця*] Королєнко. Королєнко, ой, чи сто семсят восемь. Пасьовін... Вони вистроїли. Син вистроїв вище, чуть, а хата до річки. Черепицею вкрита, тіки слижики маленькі такі, оце все. Да, там сама черепиця лежить. І все. Тіки ця поддєржку робе, оце все. Хотіли шо продать – як на неї оце все. Кажуть, шо один двір – покупатєля і немає. Все. І вона в неї як за сарай. Оце все таке. Служе, там она, як за огородом.

Бабуся, бабуся мене дуже любила. Коровку она держала. Оце таке все. Пряла бабушка. І оце, сидить пряде, а як нада до коровки піти – а я до бабушки часто бігала. В мене дуже коса велика була. А вона: "Моя внучечка, – поцілує, – я тобі вже, – каже, – вже молочка спарила". Оце кухлик молочка мені дає. А в нас тоді чи не було корови... Тоді в нас не було, мабуть, коровки. А бабуся держала. Оно, берег, у їх там пасти де було. Оце бабушка. Оце таке все, дєвочки. І бабуся до церкви дуже любила ходить. Ну, як дома робе, це в неї один темний фартук. А другий... ну да. Чистий такий. Вона акуратна бабуся була така. А зверху темне, як управляється. І пряла. Оце їй жарко, вона маленька така була, як от це в мене дочка. Ми в честь бабушки її і назвали. І оце кінці позакида отак, я думаю: "Ага, це ж воно помага прясти". Бабушка це пряде. Поки бабушка там пішла, я сяду ж, і собі оце ж, начинаю. Як нарву бабушкі оце не той, накрутю там. Вона: "Моя внучечка, ти пряла?" Кажу: "Пряла, ба". Вона: "Ну нічого, я перероблю оце таке". Бабушка мене дуже любила. Бабуся не вишивала. Оце. Дочки вишивали оце. Одна робила в школі, тєхнічкой, та в заводі, бухалтерії. А одна тим, дєвочки, тєлєграфісткою робила. Оце таке.

Онучок, тієї дочки, шо вже її немає, Женя, той любив рисовать. І була в їх така у спальнічки лежаночка, а так він оце все рисував. Мама ругала, она в заводі робила: "Шо ти ото робиш?" А бабушка каже: "Нехай, я забілю". Він художником і був. Умер. Оце таке. Оце. І дуже галушки любив. Бабуся йому всігда хоть жменьку, а зробе. Для всих ні, а бабушка зробе йому. А він підійде, ше й фартуком витреться оце у бабушки. Оце таке. Це отаке я помню. Всьо. І ото ми ховалися, як оце нас прикидало отуда, у Луговку. Там клуб був. Оце. Може там була і церква, оце німці молилися? Мєсні німці. Оце таке вони, оце таке, дєтка. І, на вечір ми вертаємось, бабуся нам міленької картошечки така макітерка. Одваре, начисте. Помасте оце, і оце ми вертались. А тоді оп'ять ховались. Там не так бомбили. Оце все. А в нас отут смалили. І оце ж багато людей побито було, дівчатка оце. Бо, ото їх так похоронили, а тоді вивозили вже. А німець же бомбив оце, люди от радості пособиралися і все оце на [нерозбірливо]. І багато побито було. Оце всьо. А тоді вже, як тут, вивозили. Ну вже знає-

те як, зав'язували, все, і розхоронили оце. Там єсть у нас пам'ятник оце. На центральному кладбищі.

[*Простуду*] самі лічили. Ну оце, травами, молочком. Розтирали оце так. Кєросином. Оце таке. От так лічили. Оце таке.

[*Шептухи та ворожки*]? Бабушка лічно, оце у нас таким не владіла. І в неї оце дочки, це ж мама, це замужем, старша сестра, шо ото я кажу Люда, умерла, двоє діток осталося. Все. Була як же, ше сестричка там, тоже, вмерла. А оце шо мама, Марфуша, Таня й Дуся, Катя вмерла, от. І Саня була ще дочка. І... два брата. Оце, померли тоже. Так бабушка. Ну і оце ж, тоді, вже дітки от ж так, як повиходили, а мама, оце, після той сестри, та раньше вийшла. А мамка ото служила. І заробляла, ото ж, і цих сестрів одівала, оце, оце так.

[*Мати казала*], свекір, свекруха харашо прийняли, все. А мені тоді видавалося, тоже якось по талону новорождєнним там пельонки, і шось таке, для дєток оце видавалося, все. А папина сестра, та шо, нема вже, та собіралась замуж, чи шо, не знаю там, побрала оті мої пельонки, пошила собі шоб заміж вийти, наволки шоб було, тоже, це ж таке було, все. Ну і обіжала вона мамку мою. Та хвалилася, шо це як підведе, тоді полів не було, долівки були, підведе – вона: не так, пообшкрібає оце все. І дєдушка оце ж робив, була в його кожанка, чоботи хромові, – це він казав. І оце, купили тут хатку. Із спічок коробок був, за столика. Оце так вони, оце так.

Як хазяйнували [самі]? Мамка канєшно. Я тридцять первого года рождєнія. Мама шила. Сама з себе. Вона шила і мужське, і дамське, і польта, і костюми. Оце і нас нянчила, і шила. Люди, хто скільки платив оце, мама. Мама казала, сестри уже як на пенсію пішли, а вона ж каже: "Якби я знала, так я б пішла тоже на роботу, і я б пенсію получала, оце таке все". І це як уже як лежала тут коєчка, і вона плакала. І дивилась тєлєвізор, як ото Брєжнєв вмер, об'явили, оце все. Она почула, і каже: "Коли Брежнєв умер, і я умру". Оце все таке. [*Пенсію не платили*] мамі, ні. Вона ж не робила на проізводствє. Вона людей обслужувала. І по хазяйству.

А я, кажуть, так родилась, десь, оце, не в больниці вроді так. Повивалки були тоді, бабки, тоді оце. А Толік уже в больниці. Толік родився, був ото обпутаний пуповиною. Да, це я помню, мамка розказувала. І вона оце дивиться тєлік, каже: "Як би я, – каже, оце, – в те, так б я тіки туди поступила, де тєлєвізори, я б", – оце таке було, каже вона. Дуже важко робила все, плоха. І ніколи лічиться, та болєзнь… не спасли.

Папка як одійшов, продав свою куртку кожану. Ту, шо заробив він в кузнєчном, чи там. Оце. І купив оцю ж хату. Скляри тут жили…

Володимир Кирилович: [*Тут жив*] Єрьоменко Василь був... Бондарь. Бочки робив. Нада було й заказував. Чо він продавав хату? А відкіль... Купив, сім'я прибавилась, йому нада було більше хату. А у мене маненька сім'я була, я купив оцю хату за п'ятсот... за п'ятдесят рублів. Чи за п'ятсот, чи за п'ятдесят [запис перервано].

[*Жінка моя*] була у наймах. У врачихи служила. Руднєвша була, врачиха. Вона в неї убирала в хаті, мазала там, стірала. Нянчила там, дітей нянчила.

Олександра Володимирівна: Нянчила, нянчила… Бач, я забула, дєвочки. І ше одна мене вчила в школі, учителька, Антоніна Івановна, німецький язик читала. Отуто, у школі, в десятій, як я ходила. Мама її сина нянчила, о. А Руднєви, вони поховані ось на цим кладбіщі. Од мами недалеко. Оце, бачите, я й забула.

Володимир Кирилович: За найми [*як платили*]? Як договориться, так і платили. Ну як, як мені вигодно було, так я хазяїнові казав. Даси отакі гроші – буду робить, не даси – я піду до другого.

Олександра Володимирівна: Це вона баришнею ще…

Володимир Кирилович: Відкіль я знаю, скіки жінці давали. Жінка ото у Руднів ше послужила, а тоді дома була. [*Врачиха жила*] де Коган жив, коло Когана, коло, Шевченко жив.

Олександра Володимирівна: Коган, Коган, такий був у нас, Коган був і продавець. Оце да, у городі я помню. Коган. У його.

Володимир Кирилович: [*Врачиха*], ну, купила хату і жила ж. Вона ж врачиха була, в неї гроші були, ходила, лічила людей, вони ж їй платили. Вона ж багатша була, як ми. Нє, чоловіка не, не було в неї, і не знаю я. Чи був у неї чоловік, чи не був…

Олександра Володимирівна: А оце шо мама у вчительки, у нас була, дєвочки, ви не знаєте, така, ухогорлонос, малєнька така женщіна, за Міхайловським вона була.

Володимир Кирилович: Ми вам нарозказували, менше як знали [запис перервано].

[*В найми багато ходили*]. Шо загадували хазяйни [*те й робили*]. І пололи, і молотили. У степу соняшники, кукурузку пололи. Баштан пололи. А в домі... на току молотили. Настилали пшеницю. Коні запрягали і котком молотили, перевертали, віяли, шоб зерно чисте було. Діти [*в найми*]? Нє, [*не ходили*]. [*Жінці було вже*] годів було п’ятнадцять, може восемнадцать. Мати з бідних була. А врачиха багата була. В неї, вона і держала собі работницю. Потому шо вона ходила по домах по людях лічить людей. А вона должна їсти наготовить, поприбирать, помазать.

[*У нас старший брат за худобою дивився*]. Ну як, як нада, так кормив. Чистив. Купав. На річку водив купать. Че... такі гребінки були, чистили їх, шоб не свербіло в їх шкура. У річку водили купать.

Гражданська война була. Забрали [його]. Гражданська война як забрали, так він попав до, в Австрію в плєн, і там три годи жив у хазяїна. [*Потім*] дома був, а потом же ж война началась, забрали, у в армію. І з армії не вернувся, де він дівся? Білі [*забрали*]. Кадєти називалися. Кадєтів красні вигнали, а він був у білих, і не вернувся відтіля.

Олександра Володимирівна: А не казали, як Ви воювали? Поїдуть на степ, то заберуть його, то отпустять. Як Ви воювали, Вас як забирали? Як, поїдете в степ, Вас то білі заберуть, а тоді як Вас освобождали?

Володимир Кирилович: [*Білі тоді забрали*] не тіки мого брата. Год той шо мобілізували, армію пополняли. Кому було дев'ятнадцять год, усих позабирали. Є тікали. Є не тікали. Є не повертались, так як і мій брат не вернувся. Де він дівся, Бог його спроси. А один, брат проказували, шо в Бєлгії є, менший, тринадцятого году. Но він не признається. Не пише додому пісем. Бо він женатий. Дома сім'я є. Видно, стидно являться додому. А як там, у Бельгії, видно оженився, і живе. [*Він*] був у армії. У Красній армії був. Навєрно ж воював. На те ж брали його, шоб воював. А може й не воював, може в обозі був. Хто зна. Женатий був, як з армії прийшов, жінка, сімня в його є, тут живе. Та, невістка, чи, чи дочка, Нінка? Дочка. Василь, син, да? Діти в його є вже, взрослі. А він не являється додому. Василь розказував, шо він у Бельгії з ним балакав. А я ж його не бачив. Забрали ж його в армію, видно в плєн попав. Чи він воював, чи не воював. Ну, в Бєлгії він там на стройкі робив. Строїли ж бельгійці. Плєнними одбивалися, де важча робота. Роботу загадували.

Книжки [*в школі*]? Аякже, були книжки. Книжків стіки нада, стіки й було. Була книгарня у городі у нас. Продавали книжки та і підручники, й задачники. І книжки такі: "Крестьянські дєті" книжка називалася. Шо нада було, було. Для школи було. Батьки купляли, [*самі*]. А чоб же я ішов, якшо батько знає, яку мені книжку нада. Учителька написала записку, яку книжку шоб пішов купив. Приніс я записку, батько пішов, купив. Були книжки [*дома*]. Батько любив читать стародавні книжки. Як раньше люди жили. Читав, вечером, при лампі – читає. Спать не давав – рано. [*Книжки*] купляв навєрно ж. Читав у голос, шоб слухали. Хто слуха, слуха, поки й засне. Вечір. Слухав і я. Конєшно. Спать захотів заснуть, та й... І кончилось слухання. [*Про що читав*]? А це вже, сложне діло. Про шо там було. Це помнить не можна. [*Мої книжки*] які нужні були, ті в мене були книжки. Задачник був. Потом ше... "Сєльська книжка". "Крестьянские дети" були.

Батюшка конем їздив, у батюшки урок був. Учили "Закон божий". "Отче наш" учили. "Вєрую" учили. "Достойно єсть" учили [запис перервано]…

Володимир Кирилович: [*Старі кладовища в Токмаці*] були, конєшно. З, із батьками ходили. Нада було. Там батьківські якісь родичі були. Або знакомі. Як мати йде – за спідницю взявсь, як батько – за штани.

Олександра Володимирівна: Пап! А оцю ож, от тут-то, де оце Дуня Остапенчиха живе, де Сімоненки. І оце, де, Максименки. Де Вітька...

Володимир Кирилович: Там було кладбіще. І кладбище було, де зараз базарь, кладбище. Це на кладбищі базарь вистроїли. Воно давнє було, вже гроби позападали. Закопали ями і там базарь устроїли.

Олександра Володимирівна: І тут люди повистраювали.

Володимир Кирилович: Тоді ж пам'ятників не було, дерев'яні хрести були. Попалили люди.

Олександра Володимирівна: Оце так.

Володимир Кирилович: Кам'яні [*хрести*]? Не було. Були баби кам'яні. Такі, фігура баби. На, коло гроба стояли. А Бог його зна [*що то за могили*], откуда я знаю, хто там ставив. Це вже, та, год двісті, як кладбище було на базарі.

[*Батьки на кладовищі*], ну, як же ото приберають, так і тоді прибирали. Дерево садили, цвіти садили. [*Ходили*] на Проводи. Проводи називається, після Паски через тиждень Проводи. Там на гробки увесь народ іде значить, поминали. Їсти готовили там. Батюшка приїжжав з пєвчими. Кладбище обходив. Співали хором.

Олександра Володимирівна: Дєвочки, ше ж готовили так: садовили в якійсь хаті, а, на кладбищах, поминать. Це так було на проводах. В нас тут була бабушка Анюта, оце так, готовили, і все виносили. І в бабусі там якраз на кладбищі є різка така виход і там оце дівчатка, і з дворів, шо наготовлять, все несли і там люди поминали, общіє поминки були такі. А зараз, тепер так: в каждого столик, оце там: свої, рідні, приходять і поминають. По кладбищах, ну і я розносю, у сумочкі там.

Володимир Кирилович: А зараз кладбища вбирають, цвіти садять, дерево садять. Перед Проводами гроби підчищають. Як хто вмре, проводить, провели покойника і ходили на гробки. Покойник як вмре, хіба тіки, батьки йшли, багато сусідів йшло, знакомих.

[*Біля Токмака*] є могила [*велика*], як на Очеретувату їхать, могила є. Три могили. Ну, насипана земля, піднята високо, а шо там... Хто його зна, шо там. Може там який купець захований.

Олександра Володимирівна: Отут у нас по Калініна, отак є кладбіще в кінець, там воїни наші, в войну багато поховано, і так оце єсть. Там тоже є. Де четверта школа там, во врем'я войни там оце там, в дворах...

Володимир Кирилович: [*На входини в нову хату*] батюшку приглашали, діякона приглашали, і матушку приглашали. Кабана зарізали, шоб було шо на стіл поставить. Випивку купували у магазині, шоб було шо наливать. Знакомі були, куми, родичі. [*Вони*], конєшно, ж приносили [*гостинці*]. Шо з собою приносили: гостинця якогось приносили, кульок канхфетів, або кульок пряників. Із пустими руками не йшли.

Олександра Володимирівна: А, [нерозбірливо] така була в нас. З лози зв'язана, книжки там, це ж я в школу і брат ходив. І ото таке, трава пушиста, да? Якось чи, трава загорілась, як батюшка ото, та на кадило, шось те. Пожар був. Нада по-новому осящать. Бо стіки горя і в цім домі, і в мене тоже. І чоловік ногами не ходе, і я оце така.

Володимир Кирилович: [*Святять хату*] шоб лукавий у хату не заходив. Так, так дражнять, лукавий. Його ніхто не бачив, а називають лука-

вий, шоб він ноччю не заходив у хату. На це хату святили. І я святив оцю хату.

[*Погода раніше*]? І сніги були, й морози, й дощі, і, разна погода була. Нормальної ніколи не було одинаково. Як не дощ, так сніг, так мороз. Ніколи опредєльонної погоди не було.

Олександра Володимирівна: А сніги які раньше були, дєвочки. Шо закидає і заборів немає, оце таке страшне. А тепер же. Ось, я не знаю, коли був сніг. А то ж мало. Змінилася погода дуже рєзко. Це вже я запоминаю дєвчата... Як оце на зарево красне, оце як сонце сідає, це вітер.

Володимир Кирилович: Каже, у того ухо засвербіло, а у того ніс, дощ, каже, буде…

ЗЕЛЕНА ГАННА ІВАНІВНА, 1910 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

[Опитування не з початку]

…То був на роботі [нерозбірливо] робота така була. А...

[*На город кого робить наймали*]? Ну, мене, просять: “Підеш? Зробиш?” Зроблю, значить, зроблю. Не зроблю: “Нє, не можу”. Він і согласиться. Ну, так і... Наймали, наймали вони і даже із города оце, шо [нерозбірливо]... давали. Там чи картошка, чи подсолнухи, чи кукуруза. Ше і мені і отділять, і заплатять. [*І гроші*] платили, да. Так я оце два городи, зібрала цим же ж полностью, вони мені давали тоже. А цей город – нічого не платили, а вже ж це хароше, тіки везти. А мені ці кажуть: “Не смій, забирай веди додому. Це своє. Ти обробила. Сама садила своє, в тебе своє. Не давай”. І я не дала. [*Садили*] картошку, кукурузу, подсолнухи.

[*Чому не заплатили*]? Ну не було в їх: “Ми тобі заплатим. Запла...” А не платили. Ні разу. І я забрала, і ніхто й не писнув. Забрала все додому. Да. [*Як платили*]? Як врожай буде. Ну, гроші вони платили, за те, шо я прополю, оце. [*Домовлялись*] стіки-то платить за той кусочок, вже й забула. Платили мені, за те шо посадила, за те шо. А це – ні. Ні за шо. Посадила, пополола, все зробила, мені ні копійки не заплатили. А ці – два, ці харашо платили. Ну, наймали просто. А я знаю, чого вони [самі] не робили. Отак, кажуть, вони все врем’я. А хто привезе, він обіща заплатить, як уже збереш, він привезе – він не платить нічого. І так чоловік поробив – і даром. От. Так шо були такі. Но, ні-ні-ні. Я забрала все.

А, хазяїни [*робили*] на заводі, чи де. Була ж робота. Де хто робив. Ті двоє на заводі, а та... Чи десь в санстанції робила, чи де вона робила та, шо мене наймала, шо не платила. А ці в заводі робили. А ті довольні були,

[1] Опитування проведено Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко

куди там, вони мені, мене не обідили, дала й плаття мені таке, мені і кофточку дала, і дітям дала по трусикам, і по такій рубашечкі хлопцям дала. Такі, хароші люди, бачили шо... Ну, я ж їм і привезла. Врожай же ж тоді багатенько теж. Тоді соняшники, насіння, завбільшки голови, отакі.

[*Жуки колорадські*]? Та, це кинули жуки, не знаю, скіки год. Із самольота тут. Да… Тіки кинули, і тут пішло по радіо: "І не пийте води, і руки не пачкайте, і ото таке случилося, як на городі будуть". Шоб руки мили, отаке страшне кинули, якісь жуки, у нас у Токмаці. Да. Може ще де, а у нас у Токмаці самольотом. Пакетик. Летів. І це распостранили, де воно набралося, зараза. Його вік тепер не виведеш. Воно у землю лізе два метри. Лізе в землю. А тоді вилазе – картошка зійшла, вже є. І немає вже картошки.

[*Раніше жуків*] не було, но вони єсть на помідорах, на синенькі лізуть. Синенькі вони сажають і помідори. Вони сажають. Це ж ця аранжева картошка, шо, те, об'їдають. А мої вже приловчились, у мене ось картошка ось, скіки тут городу того, я посадила три відра. А де... [запис перервано].

[*Готувати вчилась*] сама. Ну, у нас мама готовила харашо. Я сама якось прислушувалась, якось оце і наблюдала, як вкусніше, як не вкусніше. Шо його добавить. Сама оце все придумувала… [запис перервано].

[*Мама готувала*] ну все, раньше шо, раньше. Раньше ніяких отаких видумків. Раньше – борщ, суп, галушки. Оце раньше така була піца. Ну, напримєр, ну шо ж. Я не знаю шо. Вареники там. З сиром, з картошкою. Це то, шо часто готовили. Із сиром вареники дуже у мами вкусні. І я оце як привчилась, і так Люба. Оце позавчора понесла, і точно шо... [запис перервано]. Вареник. Як обично ліпиться. З творогом. Яєчко б'ється у творог, у тісто кидаю яїчко одно, у творог. Ліплю їх, варю, розстелю. Прохолонуть. Я тоді у кастрюльку, на низ, масла й сметанки. На середину, масла, й сметанки. Наверх – масла й сметанки. Півлітри молока, і ставлю в духовку. І оце як прокипить – снімать не надо. Візьмеш вареничок – красивий. І так в рот – розтанув в роті. Отакі вкусні вареники. Хе, приїхав... [запис перервано] та взявся водою [запис перервано].

[Співає, нерозбірливо]... а тоді...[нерозбірливо] топчать кіньми, ой то й не кіньми, то вдовочка з дітьми... Ото пісня така. Ой, це пісня отака інтєрєсна. [Співає].

"Ой, тягни, кіньми, ой тягни, кіньми.

А то вдовочка з дітьми".

А дальше... Ой, хароша це пісня. А ше які пісні були. Оце нові, оце... [запис перервано] Оце старі.

[Нерозбірливо] "...як на тебе [нерозбірливо]. Чи коня не мав, чи стежки не знав, чи мать не пускала?" "І коня я мав. І стежку я знав, мати не пускала. Найменша сестра, бодай не зросла, сідельце сховала. А старша сестра сідельце знайшла, коня осідлала". "Їжай братику, до дівчиноньки, котра тебе ждала". Тіче річенька, невеличенька. Скочу-перескочу. "Отдай

же мене, моя матенько, за кого я схочу". [Коментує]: А мати отвічає: "Отдавала я... пита... та й питала я, в гостях не ходити. Ой як прийдеш ти, моя донечко, то вижену з хати. Ой як прийдеш ти, моя донечко, то вижену з хати". Ну, ще вона якось. Нічо не помню, забула. Хароша пісня. [Співає] "Несе Галя воду, коромисло гнеться. За нею Іванко як барвінок в'ється" [запис перервано]. "Тридцать три жени имєєт он [нерозбірливо] считається". [Коментує] І все. [Співає] "Як найду як те кубельце, де курка несеться..." і конці... пісня, така тоже, пісня. Ну, це начало...

[Співає]:

"Оляно, Оляно, хто ходить блудить, навєрно, ти, Оляно, Оляно.
Ой, [нерозбірливо]... як би не любила, то б я не ходила.
Через твоєго сина Василя, бистру річку брила.
Брила, брила річку, та й не замочила.
Ой, я Василя любила, любила, та й не налюбила.
Ой за яром, яром, Василь сіно косить,
А за ним же Оляна, Оляна, ой, мале дитя носить.
Мале дитя носить, той Василя косить.
"Ой, Василю, Василю, Василю.
Ой, возьми ж ти дитину.
Не возьмеш Василю, мою дитину,
На покістя покину дитину, а сама в город двіну.
Сама в город двіну громаду ззивати.
Сама в город я двіну, да двіну, ой, громаду збирати".

[Коментує]: Це, громаду – міліція. А вона ж у город двине, жалуваться, він же не взяв дитину. Це така пісня, а що ж мені робить, яку ж мені ще пісню. Яку ж мені. Це ж, ну це…

[Співає]:

"Усі гори, усі гори, зеленіють,
Усі гори, ой, зеленіють, одна гора тільки чорна.
Одна гора тіки чорна".

Ну, це не все. Усі гори, повинні буть, чорна хмара наступає. Ні.

[Співає] "Усі..." не тягну.

"Усі гори [нерозбірливо],
Одна гора тільки чорна,
Десь сіяла бідна вдова.
Чорна хмара…"

А… [продовжує співати]:

"Де, сіяла, волочила, де сіяла, волочила.
Слізоньками примочила.
Чорна хмара наступає, чорна хмара наступає.
Сестра брату розмовляє.
"Ой, братейку, соколоньку, ой братейку-сокілоньку.
Возьми ж мене на дімоньку.

Буду ш тобі догождати, буду ш тобі догождати.
Дітей з хати виганяти.
Сідай дядько, обідати".

[Кашляє]. А дядина сидить [ладена ?], [кашляє]. Поки дядько пообідав, поки дядько пообідав, діти батька одвідали.

"Вставай тату, вставай з гроба.
Вставай тату, вставай з гроба.
Гірко жив ти коло роду.
Вставай тату, вставай з ями.
Вставай тату, вставай з ями.
Гірко жити коло мами". Оце така пісня.

[*Ще щось*] та ж ось я й не надумаю [запис перервано].

[Розказує пісню]:

"...Сніжок та й на обідок.
Та й взявся водою.
Взявся водою, бідно жити, гірко жити вдовою.
Ой, кругом хати... Кругом хати топчать... кіньми.
Ой, то ж не кіньми, то вдова з дітьми".

А дальше... Дальше нічо. Оце така. Це називається "Снєжок". Пісня, "Снєжок" [нерозбірливо]. "Та й взявся водою. Ой то не сніжок, то..." Ну, забула.

[Співає]:

"…Ой ти хмелю, хмелю,
Де ж ти зімувався, зімувався,
В лузі й на калині, та й не розіймався.
Зімувався, в лузі й на калині,
Та й не розіймався.
Зіму..."

Ну диви, все путається [продовжує співати]:

"Зіму... Ой, ти сину, сину, ти моя дитина,
Де ж ти нічку, нічку ночував же, тай не роздівався.
Ночував я нічку, ночував я нічку,
У тієй вдовиці, ночував у тієй вдовиці,
Та й не роздівався, ночував у тієй вдовиці, та й не роздівався.
А в тієй вдовиці..."

А дальше... шось є [запис перервано].

Шоб начинать? [Прокашлюється].

"Ой, Ліля, ай Ліля, босоні йти,
Ой настав, добрий вечір дівчино,
Бо я ще, бо я ще й не спав.
Добрий вечір дівчино.
Ой, я ще, ой я ще й не спав, ой, не спав.
Ай, не спав, та й не буду спать.

Ой дай мені дівчино повечеряти.
Ой, дай мені дівчино повечеряти".
"Єсть у мене гусочка жарена.
Задля тебе серденько приго, приготовила, задля тебе приготовила,
Задля тебе серденько, пригото... приготовила…"
По-моєму, всьо…

ІЛЯКОВА СОФІЯ МИХАЙЛІВНА, 1917 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Я родилась в Токмаке. [*Жили*] по Революционной улице, дом номер тридцать шесть. [*Родители были*] хлебопашцы. [*Звали*] Михаил Иванович и Ольга Ивановна. [*Бабушка, дедушка*] занимались посевами. [*Родители были местные*]. [*У меня*] брат есть, Иван Михалович. [*В семье*] нас было четверо, но две девочки умерли.

[*Хозяйство у родителей*]? Два дома у нас было тут, где магазин сечас подарочный, один. И рядом был другой дом. Пара лошадей было. И весь инвентарь был, который нужен для крестьянина. Ну, брычка, косарка, веялка, фухты [?], типа веялки, букар, плуг, тачанка была, я знаю. Все хазяйство было. [*Родители были*] середняки. Одна была корова. Овец не было, а свиньи всегда были.

[*Дом большой*]? Нет. В одном доме была половина кухня, половина сдавали квартирантам. А другой дом – на две половины. В одной половине мы жили, а в другой тоже квартиранты. [*Квартиранты*] помню токо, где работали – не знаю.

[*Отец*], он всегда на степи был. Сеял, убирал. Тут, туда за Червонку. Там земля наша была. [*Отец работал*], конечно, много. На него вся работа держалась. [*Мама*] – домохазяйка. Нянчила детей. Дома по хазяйству управлялась. Еду готовила, все. [*Моя работа*] Ну, я еще… Мне… маленькая была. [*Потом*] ходила в школу, помагала сестру нянчить. Брат совсем маленький был. Он родился в тридцатом году. Уже отец сдал весь инвентарь в колхоз.

По Революционной, ну вы не знаете, где дом подарок, магазин подарков? В конце базара наш был дом. А раньше там было кладбище. Я еще помню, как выкапывали. Кто был более зажиточный, переносили своих родственников на другое кладбище. Я помню.

У мамы был брат. Работал киномехаником у частного, ну, кино содерживал. Он работал там. А сестер не было у мамы. [*Брат мамы*], он последнее время жил в Ростове. Последнее время жил в Ялте. Там и умер, я

[1] Опитування проводили І. Савченко та Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко.

ездила на похороны. [*Звали его*] Шура. Александр. [*Двоюродная у меня*] была сестра Тамара. Щас я не знаю, где она. Они ж не жили в Токмаке. [*Мамин брат*], он уехал. По разным городам жил. Брат мамын. Последних, не знаю скоко лет, уже остепинел, уже в Ялте жил. Все время.

[*Подружки в детстве*] Ну, как же ж, шоб не было подружек... [запис перервано].

…Отец ихний, они зажиточные были, чем занималися даже не знаю. [*Подружки*] были девочки с улицы Шевченко. Вера и Шура. [*Родители у них*] мать домохазяйка, знаю, а отец работал, не помню где. Короче говоря, не знаю, даже где. Но был он рабочий, не крестьянин. [*Познакомились*], нет, не помню как. Знаю, шо дружили. Бегали одни к другим часто. Они на Шевченко улице жили, а я на Революционной. Наши огороды… Впритык были.

[*Гуляли как*]? Знаете, мы так жили, что особо гулять, наверно, некогда было. Во дворе вечно полно работы. Дети... [*К речке*], нет, не ходили. Далеко из дому я нигде не ходила. Наверно, не с кем было и некогда. Я даже если в школу хожу, а уже начинается работа, так мама договаривается с учительницей, чтоб меня отпускают уже раньше на каникулы. [*В школу*] я сама ходила. Школа недалеко была. Я жила здесь. А где сейчас милиция, знаете? В левую сторону улица. В левую сторону улица, там школа была. Там и милиция была. Рядом с милицией школа. [*Закончила*] я сем классов. Знаю, шо где сейчас магазин "Ласточка" там мукомольный завод был. Мельница Письмена. Письмин – это хозяин мельницы. А рядом жил Медведев. Держал амбар, де принимал от населения пшеницу. Это тоже по Революционной, недалеко от нас. А де сейчас поликлиника, поликлиника, и корпуса больницы, там был летний сад. В саду был летний театр. Красиво было в саду очень. Каждый вечер играла музыка духовая. И слышно на весь район было. Но грязь была непролазимая. Никакого асфальта, никаких плиточек нигде не было. От это самый центр и грязь такая, что от соседей до соседей не перейдешь. Так, такая была грязь тогда. Дожди шли. Та какие там калоши, в сапогах нада переходить было дорогу. Знаю, шо отец через дорогу пролаживал остатки корма. Смастерили через дорогу дорожку, иначе не перейдешь было. Такая была грязь. Завод "Кирова" сейчас, его держали два немца. Там у нас даже была картина, сфотографированы два цеха, и квартира ихняя, они там и жили. [*Немцы*] они жили на заводе прямо. От это помещение, где сейчас, ну, контора там, это были ихние там дома.

[*Магазинов*] от по Революционной не было, а там где милиция, и был торговый ряд. Так этот торговый ряд и раньше и был. Частные, частные магазины были. Магазины всякие были. И промтоварные, и продовольственные, и рыбные. Церковь была очень красивая, обнесена красивой оградой. А за церковью был базарь. Там стояли подводы. Хто с лошадьми, хто быками. Полно… И полки были для продажи сельскохозяйственных

продуктов. [*Родители*] в магазинах, конечно, покупали. И материал, обувь. Помню, как весна, отец идет, я, и меньшая сестра в магазин, там предлагают красивую обувь детскую. И такие ж товары. Магазины тканей были. Где швейная фабрика сечас, [звертаючись до сусідки] Рая, она трехэтажная, чи двух?

Сусідка: Трех.

Софія Михайлівна: Трехэтажный был магазин очень красивый. Туда зазывали покупателей. Ребята, лет шестнадцати, красиво одетые были, и кто идет мимо магазина, он зазывает, просто тянет за руку в магазин. Хехе [сміється]. [*У отца*], у его был знакомый, который торговал обувью. Так мы как подходили до магазина, так он сам выходил. Обувь с отцом ходили покупать всегда. Ну, смотря шо покупали. Если ткани, мама ходила. Я особенно не помню даже.

[*По улице Шевченко*], там ни одного кирпичного дома не было, все. Обыкновенные хаты одноэтажные. Вся улица. И [по] Революционной тоже ж не было этажных домов. Это в тридцатом году, в двадцать девятом году, первый этажный дом строили, нас сняли. Не знаю, каким образом, платили нам за дома, или нет, я не знаю. Знаю, шо отец записался в колхоз, весь инвентарь отвез туда. Ну, и начал строить дом там, в селе, и заболел и умер. [*Это*] в тридцатом году. [*Село*] Садовое. [*Почему так*]? Не знаю, разве я знаю, почему это было.

[*Решения родители*], по-моему, они оба, обоюдно принимали. [*А мое мнение*] Не… [*Обувь отец выбирал*]. Один раз, помню, такой эпизод был. Пошли мы с отцом покупать обувь, и его зазвал знакомый, шо с обувью здесь торгует. И посадили меня на прилавок. Он усю обувь нам положил. Начали примерять. Он говорит: “Михаил Иванович, берите, от эти туфли очень красивые, называется “груша”. Фасон такой”. Отец спросил, скоко стоит, он ответил, шо три рубля. Отец: “Вы што, такие дорогие, не я не могу располагать такими деньгами на обувь”. Забрал меня, пошли в другой магазин, купили сандалии. [*За сколько*] – не помню, намного ж дешевле, наверно, раз отец взял сандалии. [*Одежду мама*], ну, она шила сама. В основном платьица были. Зимнее пальто было. Помню, шо чорного цвета. С воротничком. Платки я носила. За шапку не помню, были шапки или нет. [*Платки*] покупали. [*Пальто у мамы*] я не помню. Не помню. Вечер – по-домашнему одета. А было пальто? Наверно, было.

По гостям мы не ходили нигде, а ездили к дедушке и к бабушке. Тачанку отец запрягал и ездили в гости всегда к бабушке. На край Токмака она жила. [*У них*], да, свой дом был возле речки. [*В хозяйстве*] нет, ничего они не держали, ни лошадей, ни… по хазяйству корова была. Жили. Сад был хароший. [*На жизнь*], наверно ж хватало, раз жили. [*Бабушку звали*] Евгения. [*Дедушку*] Иван. [*Фамилия*] Лобурь. Они приехали... Я так, мельком слыхала, шо они приехали с Харькова сюда. Давно, конечно же. Я родилась в семнадцатом. Значить это было до семнадцатого года. [*Гостинцы*

давали], ну а как же. В гости раньше ж как ездили: на Рождество, на Пасху, на большие праздники. Обмен продуктами делали. Та ничего я вам интересного не росскажу, потому шо ничего не помню [запис перервано].

[*Мама*] каждую субботу пекла пироги. На целую неделю.

Бывали дни такие праздничные, шо приезжали из сел в гости целыми семьями, и мама готовила много продуктов. Это были праздники божественные какие-то. [*Приезжали*], по-моему, это были харошие знакомые, я не знаю толком. Ну, не родственники. Так шо я вам ничего интересного… бо сама не знаю

[*Праздники отмечали*]? Дома сидели. Готовила мама много закусок. Разговаривали. Пели. Просто так гостей принимали, без музыки.

[*Родители говорили на украинском*], да. [*И в школе я училась*] на украинском. Для школы – и обувь покупали, платьице. И пальто шили новое. У школу харашо проважали нас. [*Школа*] это было по одной улице. А, наверно, первый раз отводили, я не помню. [*Проверяла уроки*] мама. Вникала. Смотрела. Отец не касался этого у нас. Он в поле проводил, был в работе.

[*Книги дома*]? Не. [*Родители*] не занимались чтением. Работы всегда было много. [*Родители и*] отдыхали. Отец в церковь ходил. Каждую субботу. [*А в парк*] нет. Хоть сад был рядом, это тогда сад был. Городской. Хоть он был рядом, но в сад они не ходили никогда. Работы много было.

[*Мама*] Ну, как отдыхала? Пока все поделает, и конец дня уже. Отец всегда был на степи. Она дома. По хазяйству. Хазяйство харошее было. Работать было над чем. [*Родители рано вставали, а дети*] нет, конечно. Че ж мы будем вставать в такую рань…

[*Возле дома*] немного было фруктовых деревьев. И огород был. Сажали, наверно. Я не помню, шо сажали даже. Но был участок при доме. [*Садом и огородом родители занимались*], наверно оба, я не помню. [*На огороде я не работала*], нет, я была еще не большая. Так, если отец и мать уезжают на степь, я нянчу младшую сестру. И дома. Ну, хозяйка дома была.

[*Коллективизация*], я не знаю, как было, кому шо хто говорил, знаю, што отец увесь инвентарь увез в Садовое, в этот, в колхоз. Увесь инвентарь [*там сдал*], ну, а как же, в колхоз же ж [запис перервано].

[*Голод*] В тридцать третьем году я уже занималась на рабфаке. Так шо помню... Ну мы лично не голодали. У нас... Мама ж переехала в село после смерти отца. Держали корову. Огород садили. А потом, бывшие наши квартиранты купили себе домик, и мужчина работал на пекарне. Мама носила им молоко, а они давали хлеба. Так шо мы не шикарно жили, но не голодали. [*Другие люди*] были шо ничего, а были шо голодали. Бо пухлые ходили. Ну как-то, сильного голода не было. Как-то прошел этот год и все наладилось. [*Где другие семьи продукты доставали*] не знаю, конечно. Ну как где… У кого какая была возможность. Большинство обходилися тем,

что было в доме. Ну, в кого кукуруза была, в кого пшеница. Макуху доставали. [*А в городе*], ну, сильного голода не было. Были голодные люди.

[*Войну*], конечно, помню, я ж была на оккупированной территории. Я в ночной смене работала в типографии. И пришла домой ночью. Мы на квартире с подругой жили. А когда я проснулася, хозяин квартиры сообщил: "Софа, а ты знаешь, что война?" На меня это как бы… Я восприняла это как-то, ну, безразлично? Ну, не знаю. Или то шо спросоня, не понимала. [*А другие*], ну кто как, откуда я знаю. Мы как-то, типография продолжали работать, как будто и ничего не произошло. Еще несколько дней работали. А потом, заранье типографную редакцию не эвакуировали. Начали эвакуироваться, я пошла домой, до мамы собраться. А когда вернулася, уже они уехали. Но они далеко не доехали. До Пологˆ. И немцы уже их накрыли там [нерозбірливо], что типография едет. Там на глазах у наших расстреляли. А, эвакуировался начальник цеха. Так он где-то закопал все шрифты. А когда кончилась война, он вот эти все шрифты возвратил в типографию. [*Паника в городе*]? Я не знаю. Как-то каждый своими проблемами был занят. Не видела я паники.

[*В войну*] я же в селе жила. [*Немцы*] они не приходили в село. Долго-долго не приходили. [*А потом*] я пошла в город до своих знакомых, до тех девочек, шо ездили, шо отступать хотели. И тогда увидела немцев, шо по городу ходили. Тогда начали брать на учет комсомольцев, молодежь. И типографные, кассирша Рая была. И ее забрали на учет. И в конечном итоге начальник полиции женился на ней. А тогда не по доброй воле она вышла замуж, заставил. [*Начальник полиции*] не знаю, немец какой-то. Не токмацкий.

В городе не знаю я никого, хто был полицаем, а в селе был молодой человек, женатый уже. Потом был еще один. Тот не женат. Толька его звать. Ничего они плохого не делали, не вредили, ничего. [*Они*] местные. Когда немцы отступали, я не знаю куда они девались. Ну, в конечном итоге один женился на начальниковой дочке и жил в Москве. Приезжал в гости до матери иногда с женой. И до сих пор... Не знаю, если он живой, так он в Москве живет.

[*Как советские войска пришли*]? Сегодня, например, вечером шли немцы селом и поджигали дома. А нас предупреждали: "Собирайтесь, завтра будем эвакуировать вас". [*Куда*]? А я знаю… Они сами не знали, шо с ними будет. Я жила у свекрови. Делала тесто, я пекла на дорогу коржики, на плитке возле дома. Когда зашел немец, у черном костюме, и кричит мне: "Век, век". Шоб я отошла от печки. Я отошла. Он бросил в колодец шарики, взрывчатку. И взорвал дом. А мы, на огороде выкапаный был окоп, попрятались туда. Уже было часа два или три ночи, мы слышим шум какой-то. Вышли на улицу, когда идут военные. Прямо через поля, на село к нам. А мы спугались, думали, что это переоделися власовцы. Хотели удирать. Они подошли, говорят: "Мы освободили уже". И эти немцы, ко-

торые хотели нас эвакуировать, уже попали к ним в плен. Если б они не пришли, вот утром рано, нас бы немцы… Ну, я знаю, куда они, выганяли. Так прошла встреча. А за Токмак, говорят, были бои, и какая-то женщина предала разведку. Советскую. Ну, немцы еще были здесь, а разведка прошла Токмаком, не знаю, меня не было, но говорили. И очень много погибло.

[*После войны голода*], мне кажется, шо не было. Была недостатки из продуктов, а шоб такой, от, голод, повальный, я не помню такого.

[*Раньше улица*] Революционная так и называлась. [*Улица*] Шевченко… Я не помню, не знаю. Я со своей улицы никуда не ходила. Разве шо на той улице. [*Торговое место*] – торговый ряд, так и называли. Там же частные торговали.

[*Пасху отмечали*] обизательно. Мама пекла паски, очень харошие, большие. И когда сажали в печку паски, детворе пригрозили – не бегайте, не хряпайте дверями, паски сидят. Яиц очень много. Отец был верующий у меня. Ходил святить на всю ночь. И когда после свячения всегда приводил пару человек, ну, вроде как нищих, и угощали их. Колбаской, холодец варили. Всякие блюда готовили. И от этим всем угощали. А потом ехали до бабушки в гости. Бабушка жила поскромнее наших. Всегда ехали к ним с гостинцами: паска и мясное возили все. Всем угощали, что было у нас в доме. Мама не ходила в церковь всегда. У нас четверо детей было, я самая старшая. Так она из-за детей не ходила в церковь. [*Мама*] была верующей. Ходила только, как ото говорят, говеть. Ото раз в год. А так она не ходила в церковь. [*Говела*], ну, перед Пасхой исповедуются, это они рассказывают священнику. Вечером исповедуются, в субботу, а в воскресенье днем идут говеть. Батюшка с ложечки дает вино с просворкой, называется говеть.

[*На Троицу*] всегда ветками украшали квартиру. Траву косили. Траву ложили только в коридоре. В комнатах не ложили травы. Ну, в комнатах дорожки были. А у кухню, в коридоре насыпали траву. Отец отпиливал, в огороде были такие деревья, декоративные, большущие ветки и возле порога их сажал на время Троицы. Шоб зелень была возле порога. Праздновали Троицу… [*А на стол*], ну, как всегда, в праздничные дни.

[*Рождество праздновали*], да, конешно. Ну, тоже готовили, напекали печенья, булочек, пирожков. Так же свиню резали к Рождеству обязательно. [*Колядовать*] ходили, бегали с девчонками с соседней, с немецкими девочками. Там была Эля и Оля. Эля такая ростом как я, а Оля как моя меньшая сестра. И со мной дружили. Так мы вместе бегали. Та по знакомым по своим. Та родственников у нас в городе и не было. К знакомым.

[*На Рождество*] мама шила новое платье обязательно. [*У немцев Рождество*], нет, они двадцать пятого, у них раньше Рождество было, двадцать пятого. [*Но с нами колядовали*] девочки, да. Это ихний отец был, мукомольная мельница у него. [*Гостинцы*] давали, а как же. Мы вместе были. Денежки давали. Печенье давали, канфетки там. Мы не нуждалися,

шоб там, но это было как праздник и как интерес для детей. Ну, дети, мы собрались у нас колядовали, потом к ним пошли [*к немцам*]. [*Встречали они нас*] обыкновенно, как и все родители. Угощали.

[*Девочкам дни рождения*] отмечали. И мы приходили. И соседские дети. Помню, мне подарили цветной карандаш. Были большие карандаши. С одной стороны красный, а с другой стороны зеленый. И тетрадки. Ну, я была така рада этому карандашу, как будто я так его ждала. Мне очень понравился. Это мальчик соседский подарил мне этот карандаш. [*На день рождения*] сразу угостили. Я уже конкретно и не помню. Но знаю, что отмечали. [*У того мальчика родители*] они немцы были. И мальчик немец был. Жили наискось нас. Близко, соседи были. Но чем они занималися, не могу сказать. Не знаю такого. [*И к Эле и Оле на дни рождения*] ходили, конечно. Знаю, что ходили, что угощали. Как мы ходили, так одни мы и девочки. И все.

[*Родители с этими немцами*] шоб было в гости одни к другим, такого не было. Когда, если, надо было отцу, он ходил, а если им, они приходили. Из соседями жили мирно, харашо.

[*Играли во что*]? Вот эта подруга, которой усадьба препадала до сада. Она года на два старше меня была. И, две девочки, близнята у них были, поменьше. И я с сестрой. Устраивали сцены, занавесы. Артистов играли. Кода приезжали в Токмак артисты, так это была целая сенсация. Все на них смотрели. Были красивые, красиво одетые. Мужчины в цилиндрах, и обизательно с тростью. А женщины с зонтиками. Мы даже не знали, шо такое зонтик, для чего его носят. На улице видели, как они ходили. В театр же нас никто не пустит. [*А в театр*] не, туда не пробирались. [*В артистов играли*], ну, не знаю, из своих соображений. Знаю, что сцену строили. Занавес вешали – одеяло, или платок большой. [*Строили*] у этой подруги. В летней кухне. Ну, такое, помещение. Деревянное. Большое. У них там, не знаю, что у них там было. [*Ее звали*] Дуня. [*Родители*], знаю, шо отец на бирже тачанкой выезжал. Такси, теперь же такси? А раньше такси не было. А выезжали частные лица. Мой отец тоже иногда выезжал. Когда управлялся с степными работами. А он имел тачанку красивую. Тоже выезжал. [*А так*] собирались дома. Баловались. Ну, бегали. В ловитки играли. По двое встают, по двое. Одна, третья лишняя. До кого она станет, тот третий, получается лишний, должен убигать. Если не успеет убигать, его, ну, веточкой там пробьют. Та, простая игра. Детская.

[*На речку*]? Прожила я на своей улице одиннадцать лет, не была ни возле речки, ни в другом месте. А потому шо всегда в доме была работа, и за детьми смотреть, за курьми или еще что-нибудь. Родители уезжают в степь, а я остаюся на хозяйстве старшая. Дома всегда сидела. А то до подружки вечером бегала.

[*Мать с отцом в степь ездили*], та часто конечно. Когда подсолнухи выростали и кукуруза, их машинковали. Нада обизательно было лошадь

кому-то водить было. Один за машинкой, а один ведет лошадь. [*Детей*] не, на поле никогда нас не брали.

[*Огородом возле дома занимался кто*]? От сказать стыдно, шо не знаю. Наверно ж мама, в основном. Ну, садили они, наверно, вдвоем. Я не помню.

[*В детстве болела*]? У меня и сечас шрам есть во здесь. Чего не знаю, была рана у меня на голове. Так отец возил меня у Молочанск. Там было два немца, хорошие хирурги, сумели. Ото на перевязку меня возил, отец, туда, до этого врача. Вот это я помню. [*А простуда*] – то домашними способами. [*А то*] не знаю. Помню только, как делали оспу, и шо после оспы, у меня нормально прошло, а в сестренки были нарывы. Наверно, инфекцию занесли. Долго лечили. Но прошло.

Чумаки? Ну, чумаки, это те люди, которые едут с товаром с одного города в другой, из села в село. Они называ… Я думаю, шо их называли чумаки. Слыхала я такое, ну, конкретно я ниче не знаю. Может быть, и видела, так не знала, что они – чумаки.

[*Кто в город товары привозил*]? Не, подробностей я не помню. Я знаю, шо с Бердянска ехали подводами. И отец мой ехал. Ну, частник, который держал магазин, едет у Бердянск за рыбой. Нанимает моего отца или другого, и лошадьми привозят товар. Соль привозят. Товар. От эти, езжали, знаю, чумаки. Соль привозили. Ну, так же ж, ткани, за тех я не знаю, бо с этим не касалася, не. Но один привозил богатый, товаром забитый. [*Как торговцы договаривались*]? Ну, Токмак же. Это считайте как село. Все один одного знает. Приходит и договаривается, куда ехать. [*И с отцом договаривались*], было.

[*Как с мужем познакомилась*]? А че ж не помню? Я при немцах замуж выходила, когда начали брать у Германию молодежь. У Садовом староста, один дедушка Красной… Забыла, как теперь называется это село… [Червоногірка]. Хороший человек. И сказал, предупредил нас, что будешь женатый – в Германию брать не будем. И я быстренько вышла замуж. А мы знакомы вже. Гуляли вже. Выходили ж гулять. Там же у селе, как гуляют? Ну, мы собирались на углу, музыканты, молодежь, и танцуют, и поют. Ну, где... перекресток у селе. На углу. Ну, в селе как знакомятся? Приходят на гулянку, один одного знает: “Здравствуй”. а“Здравствуй”. И все. Такое вот знакомство. Он был питнадцатого года. А я семнадцатого. [*Ухаживал*], ну, естественно. Провожал домой, как подобает молодому человеку. [*Подарки*] не дарил, потому шо денег никаких не было. Это ж при немцах. Торговать нечем. А на подарки денег не хватало.

Ну, когда он сказал, шо прийдет свататься, я сказала маме. Мама приготовилась. А его мать пришла со знакомым харошим. Они все угощались там, договаривались. А мы ушли гулять. В компанию. И все. Расписывались в сельсовете. И небольшая свадьба была, конечно. Молодежь

пригласили. У нас посидели, потом у них, поехали к нему. Там посидели. Это была осень. На дворе тепло было, так шо на дворе гуляли.

[*Муж откуда*]? Он сам… Не знаю, с какого года, его отец на шахте работал десятником и заболел легкими. Врачи сказали, шоб он немедленно с Донбасса уехал. Каким образом они сюда приехали, не знаю. Но когда мама приехала в село, они уже жили там. Но отец уже умер. У матери было пятеро. Мать занималася торговлей. Такая женщина была. Разбитная. Шо везет на Донбасс, шо с Донбасса везет. И таким образом купили домик. Ну, есть такие – тюхти, что ни то, ни се. А она такая – ни одного дня в школу не ходила, а деньги имела всегда. И шо характерно, не помню с какого года они там живут, и пока умерла, не разговаривала по-украински, только по-русски. [*В селе не смеялись*], не. Ну, не знаю, она по-русски разговаривала, и все. Дружила с украинками. У нее подруга была очень верная. Старуха. Но все равно, та по-своему говорит, а та по-своему. Они понимали друг друга.

[*На свадьбу одела*], ну, белое платьице было шелковое. Чисто белое. И коротенькая фата такая. [*Платье*] шили.

[*Когда в Токмаке учились, гулять ходили*]? С подругой мы жили вдвоем на квартире, с подругой. И вместе ходили гулять. С подругой. В сквер ходили. Кино посещали. У парк ходили. Дома не сидели. На танцплощадку приходили, но не танцевали. Не знаю, почему. [*Танцевать*] та вроде умели, но, посмотрим, хулиганят на площадке хлопцы. Так мы гуляли просто по парку. Ну, хулиганы всегда есть, и сегодня, пойдите на дискотеку, в любой вечер, и обизательно, обизательно резня, бойня.

[*Со свекровью жили*] мы очень харашо, у меня была золовка, и свекровь, я с ними никогда не сорилася. Вместе делали, вместе. Харашо мы жили.

[*В Токмаке нищие ходили*]. Было такое, нищие во все времена года ходят. Это и раньше, и теперь. [*Подавали*] обизательно. Кто был дома, тот и подавал. Яички давали, яблоки. Булочку если есть, печеную. Или пирожки. Деньги тоже подавали. Медь. Ну да, медяшки. Ну, небольшие, серебро это уже большая сумма.

[*Как в типографию попала*]? Я когда закончила рабфак, не поехала. Надо было токо ехать в пединститут. А я не поехала. Не знаю, почему. Даже поехала, и даже ходила немного на занятия. А потом бросила. Подруга написала письмо, ой, как мы харашо проводим время. Не надо ни учить уроки, ничего не надо. Так я собрала свои вещи и приехала. А документы и до сих пор там. Ну, приехала ж, надо куда-то деваться. Почитала в газете объявление, надо шо требуются рабочие в типографию. Я пошла и поступила. С самого начала наборщиком я была. Буквы составляла. А потом на заказах работала. Кандидатом партии там продвинули меня. Шо такое заказы? Бланки разного размера. От организации работают, и шоб бланки. Бланки разного размера. Завод Кирова засыпал работой.

[*Дома*] были большие и красивые иконы. На одной, на самой большой, сидел священник посредине, и по бокам еще двое. А одна картина, там немножко меньше этой, не картина, а икона – “Матерь божья”. И картины были. “Распятие Иисуса Христа” – очень красивое. Вот эти все люди, которые его распинали, были в красивом одеянии. Еще были меньшие иконы.

[*В церковь ходила*], да, отец меня брал с собой, когда паску святили. Я там уснула. Мама еще была. Зачем меня водил… Я не помню, чи в школу ходила, еще не ходила. А потом праздник шел, шо свечи зажигают. Ну, перед Пасхой праздник бывает. Ис церкови выходят, и все с зажжеными свечами идут домой. Тоже всегда он меня брал. А сам систематически ходил. У субботу. Обизательно. А в воскресенье не помню. И когда идет с церкови, обизательно несет гостинцы. [*По дороге покупал*], да, магазины ж работали. Он их в магазинах покупал. Раньше ж яблоки. Это теперь яблоки круглый год свежие. А раньше яблок почти не было зимой. А он или свежие яблоки принесет, или конфеты, завернутые, красивые. Такое, такие сладости как рахат-лукум, изюм, инжир [нерозбірливо] с меленькими зернышками. Называлося инжир.

[*Игрушек в детстве*] было немного. Обизательно куклы, в каждой [*сестры*] своя кукла. Помню как на Рождество ставили тарелки, шоб Дед Мороз принес. Дед Мороз принес мне маленькую, но очень красивую куклу. А сестрам побольше, и спящие. Так, моя сестра залезла в зале под стол, и выдрала глаза ей, узнала, как это делается. Даже никто и не додумался до такого. А потом мама [нерозбірливо]. Кукольные наборы у нас были, плита, металлическая, цветная, разливные ложки, чашечки с блюдечками такие миниатюрные [нерозбірливо].

[*В семье за шалости*] у нас не принято было детей бить. Не наказывали никогда. Бить, как у других, у нас нет, не принято было. Ну, пойдешь до подруги до какой-нибудь, мать рассердилася шо-то на нее, тряпкой или веником шлепает, ругает. У нас такого не было, не принято было. [*В семьях*] у наших, украинских.

[*Родители говорили*] на украинском.

[*В Садовом в колхозе работала*] мама. Дояркой. [*Платили ей*], а как же ж. Трудодни. Зерно выдавали. Раньше в колхозах почти ничего не платили, налогами облагали колхозников так шо, там не тошо… и свое отдаш. Облагали яичками, молоком, мясом. От, например, говорят, двести яиц со двора надо сдать, сорок килограмм мяса. Где хочеш, там и бери. Держали кролей специально, шоб мясо заплатить. Молока стоко-то литров. [*Брали все это*] дома, выращивали. Я ж говорю, шо держали кролей, корова была. [*Кур*] немного, но, налоги платили.

КОЛОТУХІНА РАЇСА ДМИТРІВНА, 1910 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Та я де родилась... Чорти, де я родилась? Не знаю. [*Батько*], ой господи, там нет, ни. Они как рабочий. Сегодня работает тут, завтра в другой город поедет. Да я родилась? В Ротфронте. Ну, Токмацький район, все равно ж. Ротфронт, як же воно тэпэр, как же воно называеться, там Балашовка, чи, ой, Балкове, десь отак воно называеться.

Мы в Токмаке живем уже… в сорок седьмом году. С сорок седьмого году. Мы приехали сюда в сорок седьмом году.

[*Отец*] я ш говорю: плотником. Столяром. Столяр. [*Мама*] домохазяйка. Детей воспитывала. Марина мама. А папу – Дмитрий. Андреевич. Дмитрий Андреевич. Отец. А мама. А мама, чорти…

[*Деда и бабушку*]? Ой, Боже. Я их не видела в жизни. И не помню. [*Что про них рассказывали*]? Кому было слушать, тода. А кто будет слушать? Ну че мы слушали? А хотя и слушали – не помню.

[*Отец*] веялки делал. Для сельское хазяйствие. Потом, и все, все... И мебель делал. Усе, шо может. Теперь сразу все вспомнить. Я сама забуваюся. Не знаю, шо... Шо говорить еще. Он остался сиротой в двенадцать лет, на Севере, приехал сюда, и де-то поступил до немца. И у его работал, и научился плотником. Как это, я знаю как [запис перервано]. Седня работает, завтра в другой город едет. Де хороший зароботок, там и работу.

[*В Ротфронте на квартире жили*], конечно. Де рабочие живут? На квартире. У их своеи хаты нема. Они сегодня работают здесь, завтра там. Де харашо работают, там и работают. А мама воспитывала детей. Нас было пятеро… ага, четверо. Она нигде не работала.

[*Матери помогала*]? Ну, посуду помыть там. Так это большое дело. Разве это помощь. [*А сестры*]? Откуда я знаю, шо они. Кто работал, кто так, я знаю. В колхозе работали.

[*С соседями отношения*] харошие конечно, всегда харашо были. Никогда не ссорилися.

[*Отец был*] ну как, как щас грамотный. Какая может быть грамота, когда сирота остался? Сирота, у двенадцать, двенадцать лет было как… учиться. Я ш вам говорю: поехал в двенадцать лет в село, и там у немцев работал и учился. [*Мама читать-писать*] умела. [*Училась где*]? А я знаю...

[*Я в школе училась*]? А как же. Конечно училась, дураком же не была. [*Классов*] пьять или шесть. Та, мало... А потом работать пошла. Работала в “Комунаре”. [*В школу ходила*] у Ротфронти. А потом, когда поедем,

[1] Опитування проводила І. Савченко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

опять занимаешся в школе. Поступал... Как папа приежал, и нас за собой берет.

КОНОНЕНКО ОЛЕКСАНДР КУЗЬМИЧ, 1915 року народження, КОНОНЕНКО КАТЕРИНА СТЕПАНІВНА, 1922 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Кононенко Олександр Кузьмич: [*Родился в Токмаке*], да. Улица Ленина. Но, уже тода она иначе называлась, до революции. Я не помню... Я уже помню как улицу Ленина. Ну, эта, ну, Вы знаете, де улица Ленина? Отам. Отец – Кузьма Васильевич, рожденный, город, в Крыму, щас это город – Белогорск, а тогда был – Карасу-Базар. Выходец он с Полтавской области. Их тогда еще Екатерина Вторая переселяла. В Крым тода. Заселяла Крым русскими, украинцами. Мать тоже симферопольская. Вот... Ну, а жили мы здесь. Там де ото щас этот, магазин, [звертаючись до дружини], как он, Катя? "Жовтнэвый", что ли? Магазин "Жовтнэвый", там был наш домик. Не наш, мы арендовали домик. А там жила та, хозяин был Томарин. Домовладелец. От... Там я родился в питнадцатом году. Проживали, мы, потом, в двадцать втором году, в Крыму. Были, поехали в Крым, жили в Симферополе, потом в Карасу-Базаре с дедушкой. Потом обратно в двадцать втором году переехали сюда, в Токмак. И по сей день. Ну дальше, шо меняться, пять лет было, мы ехали. Мы сразу приехали, мне пять лет было. Приехали сюда, в двадцать втором году, там сильный голод был в Крыму. Приехали сюда и проживали все время. Здесь. Вот... Щас, там де "Быткомбинат", тож владелец был Томарин, был домовладелец. Там на углу [нерозбірливо] было, щас там какой-то филиал банковский. Там я работал. Там был… Дом пионэров был, вот. В тридцять, в двадцять дивятом году нас, уже юношей, на четырнадцати, питнадцатилетии в комсомол принимали. Тода ш было. Октябрята. Потом пионэр, а потом комсомол. Вот. Тогда комсомол воспринимали. Хорошее... А до революции там было, это папа рассказывал, там был дом реме… как это "Клуб ремесленников". Вот. До революции. В том доме был "Клуб ремесленников". Потом там были магазины. А потом это был Дом пионэров, познее даже был исполком, райком, це все те, райисполком. На втором этаже когда-то, когда хозяин там жил, там у них игральный дом был. Еще до революции. Вот. А, в двадцать втором году, кода голод был, там де щас эта проходная, то есть эта, де, завода Кирова, этот, выписывают пропуска, там на углу было под это, детей подкармливали, шо голод был. Было "АРА" так называлось. Американско-российское общество. Там на углу была столовая, кормили,

[1] Опитування проводила І. Савченко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

да. Ну, шо там давали, помню, помню. Значить. Давали рисовую кашу. Потом давали это... меня с Борисом, с братом водили туда. Да... Нина, тетя Нина водила. Щекина. То папина сестра у нас жила. Там когда родители умерли, ее забрали сюда. Так, какао давали, и белый хлеб с маслом. “АРО”, “АРО”, это американцы. А напротив нас… пекарня, де выпекали хлеб. Папа работал, в пекарне работал. Да. А потом было, когда уже период нэпа стал, папа работал с турками. Папа владел харашо турецким, татарским, языком, отец. Была турецкая пекарня, так называемая. Это де щас, вечерняя школа, на углу там. Где кода-то, там же было, м-м, завода Кирова.

Дружина, Катерина Степанівна: Завода Кірова…

Олександр Кузьмич: Ну там же был этот, горком этот, завод Кирова. Там завод Кирова…

Катерина Степанівна: Кінотеатер...

Олександр Кузьмич: Та нет, завод Кирова был, там де это щас, де музыкальная школа, там был пекарня, там было, завода Кирова коммунальное хозяйство. Там де ото. Жилотдел завода Кирова ж там был. А завод Кирова. Я ото ж был, мой папа там тоже немножко работал. А вже в турецкой пекарне был. В двадцать девятом году, когда нэп начали розганять, они все поздавали, пришли в исполком, дома поздавали, товары. “Вот вам дома мои, все”. И вообще, все, кода нэп разогнали… Это были порядошные люди. Не такое, как щас это, горлохваты. Содержали они детские дома. Тут детский дом был. Детские дома содержали. Значить, папа был председателем этого, школьного совета. Жили мы харашо, да, значить, какой-нибудь праздник, или так далее, значить, собирали деньги для бедных. Купить кому там брючки, там рубашечку. В общем... Бывало идешь, в школу, тебе дадут в ранец, ну, кушать. Еще мама говорит: “Шурик, возьми еще, будет там, бедным дитяткам будешь угощать”. Ну, а потом, значить, тридцать чет... В сорок первом году, завод Кирова когда эвакуировался, я работал на заводе Кирова старшим бухгалтером цеха, там второго, де собирали торпеды, да. Меня потом. Меня пригласил главный. Значить, нужно эвакуироваться, у меня большая семья была, Вол был, Александр Евгеньевич, главный бухгалтер завода Кирова, еврей по национальности. “Я буду уежать”, и меня назначили самым главным бухгалтером завода. На период эвакуации. Эвакуировали все. На заводе ниче не осталось. Бывало идешь по нашим цехам – какой завод был, какие клумбы. Какие там цветы были. Это просто был как парк! Завод Кирова. Вот. Я эвакуиро... я выехал отсюда с четвертого на пятое октября. Когда вже немец был тут, под Молочанском. В пути следования меня… Потом поехал в Махачкалу… Там забрали в армию. Сразу в действующую, в Ростовскую, на Ростовский фронт забрали. Вот. Так шо... Токмак, конечно, был как бы такой маленький купеческий городок. От. Дружный народ. Та, шо там говорить. Потом я после войны попал туда, в этот же. В Баку. В Азейбеджан. Прие-

хал, забрал жену. А получилось так шо, она была, на последнем месяце ходила, вот. И когда дочка родилася старшенькая. Ей уже шиисят. Шиисят три Лиде будет, да?

Катерина Степанівна: Да.

Олександр Кузьмич: Шиисят три года будет ей. Вот. Приехали мы там побыли, и она была уже со второй дочкой беременная, приехали обратно в Токмак. И стал же куда? Ну, меня ж тут все знали. Работать начал. Так, ну шо. Токмак был, конечно, город хароший. Но я токо знаю своих друзей, которые у меня были до войны, остались считанные. Вот. А так уже другой раз смотришь… Мать расстреляли. И сестру расстреляли. У меня мать – еврейка. А отец – украинец. Вот... Ну, в сорок третьем году их расстреляли. Не дождались освобождения. А сестра, сестренка двадцать пятого года была. Токо восемнадцать лет было. Такие дела. Шо там еще было в Токмаке? Сказать… Парк Кирова был, это какой парк! Мы ж его строили, комсомольцы, пионэры. А там, де это, щас, рынок, это был колхозный рынок, там было кладбище. После… Там были даже захоронения эти, крымска… турецкая война кода была. Мы помню, на рынке там, провалилася, обнаружилось, эти, турков, могилы. Потом было там футбольное поле. Футб... это было от к двадцатым годам, футбольное поле было. От. Потом был летний парк, де щас этот, больничный городок, там был летний парк. В тридца...

Катерина Степанівна: Качелі були. Ми ще туда бігали.

Олександр Кузьмич: Да. В тридцать третьем году. В тридцать втором, был же голо... в тридцать третьем году был же голод, в тридцать втором. Приехал к нам секретарь ЦК КПУ Косиор. Тода у нас столица была Харьков. Вот. Косиор уехал. Собралось комсомольское: “Ребята, нада спасать это, урожай”. Люди поумирали в селах. Мы, комсомольцы, поехали туда. Меня, [нерозбірливо] …знали грамотного такого. Наши, запорожские “коммунаровцы” там. Комбайны. В тридцатом году уже они были выпущены. Первый комбайн. “Коммунар” назывался. Я был за пультом. Урожай был – исключительный. Мы не успевали разгружать. Ну, ребята у нас комсомольцы, много послали. В тридцать третьем году. Урожай был. Хлеб. И тогда еще из Донецка прислали нам. Шахтеров на уборку. Потом з сел туды. Ильченково, Новопрокопьевка поприслали. Куринь построили соломенный. И мы де... круглые сутки молотили. Да. Четыре… четыре столба, летучие мыши, освещали, и вывозили на элеватор. Тут в Токмаке элеватор был, кто-то приватизировал, не знаю. От. После этого. Ну, меня тода направили работать, а де птицефабрика, то был земсовхоз в Кирова. В Молочанске [нерозбірливо], он для нас был полугород. Гальбштат. Там немцы жили. Это был земсовхоз “Карла Либнехта”. Вот. Я там работал еще и в политотделе там. На там када, страшные тридцатые годы. Вы это по истории должны знать. Вот. И репрессии были, шо там говорить.

Я работал в политотделе. Получали мы, тода ж не было политбюро, было… Мы получали протоколы ЦК Коммунистической партии. ВКП(б) тода была. Вот. Ну, там борьба была, в те годы тридцатые. С одной стороны значить, так: был Каменев, Зиновьев… Каменев, Зиновьев. Потом этот, ой, Бухарин, это теоретик Коммунистической партии. И еще кто… А с другой стороны – Сталин, Ворошилов, Буденный, Молотов, Каганович. Борьба была. Это все под сикретом, фельдсвязь нам привозила. Эти протоколы… Начальник политотдела был… Сначала один был, а потом отозвали – и с концами. Как тода делалось... Потом был Буловисский. Забыл я его имя отчество, когда это было, тридцать... семсят лет тому назад. Он бывало говорит: "Ну, – говорит, – Кононенко, в партию будешь поступать?" "Да Вы шо, шо с партией щас твориться. Борьба такая. Не-не, не надо. Хватит, шо я комсомолец". Восемнадцать лет мне, юноша. Потом я приболел немножко, думаю, нада тикать, у нас комсомольцы языкатые были. Нас это возмущало все. Вот. Тридцать восьмой год, служу в армии, в авиации я служил два года. В Кировограде. Потом в Умани кончал службу. Репрессии начались в этом, воинской части. Командира дивизии посадили, начальника штаба посадили. Да. Приехали в Умань, нас встретили там, я был старшей команды. Младшие командиры на… мы школу военную кончили. Школу кончили полковую. Приезжаю. Да, ну. Пришли мы в часть, привезли нас. "Ну, Кононенко, – говорит, – Вы как старший так далее, начальник радиостанции, принимайте взвод". "Как взвод? Я начальник радиостанции, я радист". "Ну, знаете, так получилось шо уволили командира этого взвода". Ну, нада принимать, так принимать. Я перед наших молодых ребят, приехали, там – всех такие. Отакое там творилось. Шо тут творилось в Кировограде, тоже самое творилось в этом. Тридцать первого мая. Тыщу... дивятсот... тридцать седьмого года, да. Нас вызывали Ленуголок. Да, обнаружено мол, заговор военный, и начинают. Так. [Нерозбірливо] застрелился. Начальник политуправления. Арестовали Тухачевского. Якир, Тухачевский был, начальником штаба, штаба Красной армии. Якир был командующий Киевским военным округом. Уборевич – был командующим белорусским военным округом. Ну там. Потом это, Дибенко потом был, герой гражданской войны. Словом, короче, те все, Егоров. Начальник штаба был, полковник царской армии. Та, много их... Короче, их тогда одиннадцать человек. Двена… Или тринадцать человек. Арестовали. Одиннадцатого июня был суд. А двенадцатого их расстреляли всех. Объявляли. А мы возмущаемся. Мы же знаем, что это герои гражданской войны. Командующие, и так далее. "Молчите отак, и все". Ну, молчат, то и молчат. Тода меня и Жученко Степана, агитируют: оставайся на сверхурочную, потому что в Киев... [нерозбірливо]. В акадэмию". Я – ни-ни. "Я, – говорю, – гражданский человек". Приехал домой. Так-то так, значить, значить в тридцать третьем году был урожай, и потом, в тридцать четвертом году слет колхозников был. Первый слет. И там де был летний

сад, де был летний сад, то шо щас больничный городок, там слет был. Тридцать первого января тридцать второго года отменили карточную систему. И всего было до самой войны – отак. Та, жизнь прекрасная была, шо там говорить. Молодые были… отакое дело. Жили хорошо. И потом мы тода приехали, я приехал. Когда мы приехали из Баку, в сорок шестом?

Катерина Степанівна: Да.

Олександр Кузьмич: Да. Я работал начальником сна, отдела снабжения. [Нерозбірливо] мы оставили завод Кирова. Значить, уже в сорок восьмом году выпускали продукцию на уровне довоенной. Четыре тысячи шестьсот человек уже работало на заводе Кирова. Потом до десяти человек тысяч дошло. Вот. Токо Токмак процветал. Жизнь была харошая в Токмаке. Шо там говорить. Вот это скверик городской. Да. Там всегда. Это ж мы тоже, пионэры и комсомольцы насаживали, все делали. Тода ж как было. Комсомол – вперед, и давай. Какие люди были. Скоко пересадили в заводе Кирова. Потом их реабилитировали. В тридцать седьмом, тридцать шестом. Самые страшные тридцатые годы. Тода ж весь цвет уничтожили. Армии. Интеллегенция. Пришивали дела как хотели. И на заводе Кирова тоже бывало там. Тоже, скоко людей по… Та я уже позабывал. Лично их знал. Та уже и забыл, их стоко забирали. Потом их освободили. [Нерозбірливо] невинного, потом [нерозбірливо], и потом Якубовский. Потом они был в этом… Они были в этом... Днепропетровске, а потом их освободили. Разобрались. Начали немножко освобождать. Люди молчали. Тогда не так слово сказал – десять лет. Агитатор. [*Между собой*] ну, обсуждали. Старались не обсуждать. Скоко рибят…

Катерина Степанівна: За анєгдот…

Олександр Кузьмич: За анегдот – десять лет. Десять лет – пиисят восьмая, дисятая. Пришивали – автор анегдота, и все. Вот такое время было. На нашу долю. Страшное время прошло. Двадцатые годы. Шо такое двадцатый век? Это век революции, век войн. Империалистическая война. Гражданская война. А потом восстановительный период. А люди работали… Народ был такой, дружный. Выручали один одного. Парк, а, какой парк завода Кирова. Он и щас есть, это ж парк какой был. Всегда там.

Катерина Степанівна: Там і вимітали, і садили, і

Олександр Кузьмич:Там это вот. В том парке всегда играл это…

Катерина Степанівна: Духовой…

Олександр Кузьмич: Духовой оркестр. Тода ж не было этого. Духовой оркестр, там площадка была. Там с женой познакомился. В тридцать… дивятом году. Двадцать дивятого синтября. В сороковом мы поженилися. Моложе меня на семь лет. Тоже восемсят два года. А мне уже во... дивиностый... С первого мая пошел дивиностый год. Вот. Ну, у нас канешно, вот это где, сичас же эта вичерняя школа, это было домовладелец был, или Задикянц, ну, не русский. А на углу, там был, еще в тридцать четвертом году… ресторан открыли. Это где торговый ряд. Тридцать чет-

вертом ресторан открыли. Тут дальше – была столовая. Там, папа заведующий этой столовой был.

Катерина Степанівна: Де швейна фабрика…

Олександр Кузьмич: А де швейная фабрика, высокое. Там была поликлиника. А до революции там было, “Торговый дом”. Там, забыл фамилию, Пекарь, по-моему. Там, значит так, если на пиисят рублей набирал, покупал, еще и подарок давали. В рассрочку тоже давали. Потом все это. Все побросали и уехали. Кода начали, этот, в двадцать дивятом году... Владимир Ильич Ленин говорил, шо “нэп не надолго”. Благодаря нэпу восстанавливали хозяйство. Разрушенное. После революции. Ну, конечно, пригла... тода ш. В основном непманы были те, шо владели чем-то еще до революции. Ну, и дали. На селе ото тода, я ш помню. На селе ж, перед тем как начали организовывать колхозы, там же были зажиточные, и бедняки были. И я от это в тридцать первом году кончил семилетку, и там же, нима тех рибят, уже никого. Приехали рибята: “Ой, ой, Шура”. “Шо такое?” Приходит домой: отца нету, матери нету. Выселили. Шо такое? Не захотели в колхоз идти. На Север их. В тридцать втором году, выселили на Север. Всиго тринадцать миллионов с лишних. Из Токмака повыселяли, раскулачивание было. [Нерозбірливо] – кулак. Там десять десятин имели. Вот. А в Молочанске, немцы там. Им населял еще, Екатерина Вторая населила... По пиисят десятин давали. Она их лет на тридцать освобождала от уплаты всяких налогов. Часто в Молочанск ездили. Там у нас были, эти, извозчики так называемые. Нанимаем сани, едим. В Молочанск. Это в тридцать четвертом, в тридцать пятом. Ну, те... Двадцатые, тридцатые годы. Уже ж по-взрослому. Уже ж работали. В тридцать втором году работал, уже мне было шестнадцать лет. Я уже работал. [*В Гальбштат*] ездили гулять туда. Там… там впервые открыли ресторан. Мы ж работаем уже, работаем, зарабатываем. Шо, если пиво туда ездили пить. Пешком ходили даже. Все, собиремся в выходной, выйдем, с рибятами пособираемся: “Ну, пошли, пиво пить в Молочанск”. Двинадцать километров. Щас, а щас одну остановку – не могут идти, только ехать.

Катерина Степанівна: Мій дядько тоже в Молочанскє робив. Робили й пішки ходили туди.

Олександр Кузьмич: Там хороший кирпичный завод был. Там пивзавод сильнейший был. Там самая лучшая мельница была и выпускала “Голубую нольку”. Муку. Теперь от это по улице Ленина, там де это масла… бойка, да? Там када-то был шикарный…

Катерина Степанівна: Мєльніца.

Олександр Кузьмич: Папа там работал. Хазяин Рубан был. Значить, там мельница, выпускал сахар… “Голубую нольку”. Четыре ноля. Это тридцатипроцентная мука. Вот. И хозяин всегда к празднику давал им по кулю муки. Папа работал там, на мельнице тоже.

Катерина Степанівна: Мій батько заробив гроші, получив. Тоді мама каже, а папа купив "нольку".

Олександр Кузьмич: "Галубая нолька".

Катерина Степанівна: А потом получив получку, і купив…

Олександр Кузьмич: Мой отец, ну, мы в Крыму жили, у деда были барашки, ну шо, виноградники. Тут бывало так: папа пойдет на базар, купит за пять рублей барана. Здорового. Ото сам зарежет, сам его, из шкуры, обработает, из шкуры выжмет. А мы жили как раз, ото, де щас же, уже потом жили братья Лурье. Домовладелец был. Там де ото щас вечерняя школа, наверху. Там же пекарня, мы жили там. И бывало турки говорят: "Кузьма, поехали в Турцию. Ты уже владеешь турецким, татарским языком". Свободно говорил отец. Да. Ну шо еще рассказать. Эти дома, когда, значит, в двадцатом году, отам де ото "Жовтнэвый" магазин, ото в том доме мы арендовали, Томарина. Папа прачечную-красильню занимался. И вот как раз через Токмак отступал Врангель. Значит, папа говорит: "Сынок, смотри, он видишь, впереди едет на белой лошади, сутулый, высокий? Это Врангель". А за ним все. Ездили сюда на Молочанск, на полугород. Там, на поезда и в Крым отступали. Тоже чрез Токмак ишли. Там де сичас ото, памятник этим, афганцам, да? Там был памятник Ленину. А до этого памятник Олександру второму. Кода Махно вошел в Токмак, так так: на станции красные были, – в городе Махно. Значит пришел, говорят: "Щас будем взрывать памятник Александру". Махно. Да. Шоб позакрывали все ставни, все. Он же рядом. Скоко там, метров двести. Как рвануло, так и шибки повылетали, и эти... Шо закрывали двери ж, эти… окна закрывали, ставнями. Это я помню, пять лет уже было! Там был потом памятник этому… Ленину. В двадцать четвертом году, кода Ленин умер, тут же был митинг такой. Значит, шо такое. Пошли мы с папой. Папа: "Идем, сынок, дедушку будут хоронить". Шо я там понимал. Ленин... Я нашего дедушку не хоронил. Да, и мы там снег был, помню, снег был. Мне ж уже девять лет было. Уже в школу ходил. Да, в двадцать четвертом году пошел в школу я. Ну, а в школе училися… Уже тех школ давно нету. У нас в школе в первом классе были такие шо восемь лет, и шо питнадцать лет. Ну, было во время революции ш [кашляє]… Там де школа была, там де щас районо, эту школу кончал. Там была школа. Там де около милиции, рядом милиция была. Бандитизм был до двадцать седьмого года. В двадцать седьмом году тут банда Рассохи была. Значить когда их разгромили... по Ленина их возили отож. Мы ж большими были. Да. Значить, три гарбы, и они были прикованы к этим… гарба, и гнали куды, в Мелитополь. И пулимет, ценное, в гарбе. Та шо там говорить... Ну, уже ж мальчишки, двенадцать лет. Куда там. Уже ж помощники были. Вот эту банд... банда Рассохи. А скрывалась она там на Бабакивке, там, в тех плантажах. Вот такие дела были. А вот это на углу был там, был сад, а то магазин. Ну, а крестьяне молоко носили – копейка стакан. Питнадцать копеек глечик. Знаєш, шо такое гле-

чик? Да, три литра. Питнадцать копеек глечик. В субботу рассчитывались. Ходили в магазин, покупали ситец. Тода аршины были. Девять копеек аршин. А сатин стоил двенадцать. Сатин "Либерти", такой, блестящий, стоил дороже. Та цены были... Конечно, и заработки были, но цены были. Каждю субо… в этой пека… где турецкая пекарня, там постоянно были эти… покупатели у нас. Папа сам загатавливал зерно, сам и отвозил на мельницу, и сам продавал хлеб. Значить, в набор хлеб давали. В субботу приходили рассчитывать с завода Кирова. Каждую субботу получали зарплату. Приходили в субботу рассчитывали. Сем копеек стоил фунт белый хлеб, пять копеек житний стоил.

Катерина Степанівна: Він записував.

Олександр Кузьмич: А в нього файл, он записывал, каждый имел свой щет. Он записывал.

Катерина Степанівна: І приносили.

Олександр Кузьмич: И хлеб десятифунтовый был, пятифунтовый был.

Катерина Степанівна: І подовой.

Олександр Кузьмич: Да, подовой хлеб. Не было формы, такая. Подовой хлеб. Форсунками грели это. Потом вытирали это, под... И на большой лопатке шестиметровой, туды засовывали. Выпекли хлеб, вытрясли с сажи, посадили на стуло. Сваху такая специальная была. Садился это, самый тижелый. Сел, устал, как поднялся – значит, хлеб готовый. Десятифунтовый – отакая булка, ой, отакой вышины. "Ну, – говорит, – теперь уже хлеб можна продавать". В субботу. Рабочий же день был в субботу. До часу, до часу работали. Приходит, уже заранее знали – хлеб брали, больше какой хлеб брали. Булочки брали. Они там все копейки стоили. Пирожное стоило, самое харошее стоило пять-шесть-сем копеек штука. Да. Интересно было. Там же были… Значит так, это, пойдем к нему, пирожные сделает. Обрезки это самое, от кондитера: "Ну, детвора, нападай". Там масляные были, торговали. Значит, фунт хлеба стоил двена… фунт мяса стоил двенадцать копеек. Да, дальше. Колбасу продавали. Значить, колбасные обрэзки стоили пять копеек значить. Там же нима, такого не было, как щас, тебе нарежут, и тада туда. Отрезали кусок – свежее. Шобы обрэзки были – дешевле продавали. Бедняки обрезки брали – пять копеек фунт. А так, та… правда, и зароботки были такие – тридцать рублей – большая зарплата. Это ж были деньги. Корова стоила тридцать рублей. И золотые деньги ходили еще. Вот это, де там хата у нас была старая, это уже я построил дом. Купили за сто тридцать золотых. Ище купчая до сих пор есть [запис перервано].

Читаю, читаю газету… шостого декабря тридцять шостого года было… Первые выборы были в тридцять седьмом году двенадцатого декабря, я в армии тода служил. А это, значит, сперва Конституцию приняли шостого декабря, тридцять шестого года. Ее называли Сталинской Кон-

ституцией. А готовил[и] эту Конституцию: Бухарин, Радек, а их там было тридцать человек. [Нерозбірливо] стали, значить, когда Конституцию обнародовать, значить, сперва, залаживал Бухарин, Радек залаживал там еще, Рыков. Вот. Тридцать, тридцать и вот Сталин был тридцать первый. Ну, под его, значить его председатель комиссии, после принятия Конституции двадцать человек расстреляли. Участников этой Конституции. Знаю. У меня есть, я ж историю знаю харашо. Читал. После двадцатого съезда ш.

Катерина Степанівна: У нас кнігі**.**

Олександр Кузьмич: После двадцатого съезда. От. Нас описывали. [Запис перервано]. А, когда это было, этих ребят никого нет. В Бердянск приехал самолетом, прилетел. Я работал. Тода самолет ходил. Токмак-Бердянск. Сорок минут до Бердянска. Это было уже, та после войны. В каком-то... Иду встречать одного парня. Я говорю: "[Сазонов]? – ты?" "Я". "Ой, Кононенко!" "Шо, какие наши ребята?" "В военкомат едь, там Це[плаков]? Николай, шо с нами вместе служил. Ище есть". Там приехал, встретил его в военкомат. Я говорю: "Хто здесь?" "[Нерозбірливо], Колька Заярин". Он мне дал адрес, поехали там, посидели. Уже там через год, через два года приехал, встретил невестку. От уже нима Николая. Поумирали вже... [Запис перервано].

Катерина Степанівна: Еті, гамаши зверху. Я кажу, приходе. Грязь.

Олександр Кузьмич: Зимой, грязь. Тогда ж не было понятия, ото обувь. Так, скать.

Катерина Степанівна: Галоши.

Олександр Кузьмич: Туфли. Галоши й гамаши. Отак одевались, шоб...

Катерина Степанівна: Шоб снєг туда не залітав.

Олександр Кузьмич: Гамаши, и такие фетровые. Придешь, и оденешь туфли…

Катерина Степанівна: Іщьо мать спічьот...

Олександр Кузьмич: Заходиш как человек.

Катерина Степанівна: Іщьо мать спєчьот етот, бісквіт. Він приносе кажний раз мені бісквіт. "Это мама тебе передала, это мама".

Олександр Кузьмич: Я ш как...

Катерина Степанівна: А я як пішла уже до їх, його не було. Так мама, пока я встану, она вже і пільонки постірає, і: "Уставайтє вже, я вже яічки пожаріла, ету картошку". Он покушаєт і картошку. Єму било [нерозбірливо]. Я вже встаю, она: "Ой, снег идет, берьом Ліду, і пошлі гулять. По снєгу. Прійдьот Даша, убірьот, всьо сдєлаєт, я єй заплачу". Ета, ну ходіла, доморработніца, знакомая іхняя. Оні хлеб ей давалі, єйо кормілі, державлі. "Даша прідьот, сдєлаєт". По-ошлі гулять. І ото по снєгу. То она немножко носіт Ліду, то я. Потом я її, кашне було таке, бєлое, я помню, от, і я

її закрутила ноги, як прийшли, а там ето. “Что ж ти ето сдєлала ребьонку, что ж ти ето сдєлала. Ти ж перетягала йий ноги” [запис перервано].

Олександр Кузьмич: Позор для семьи, и для всего [*аборты*]. Да. У нас тогда запрещали аборты делать. А потом разрешили. Потому шо уже начали делать такие подпольные, пиисят процентов смертность. В тридцатые… Не, это после войны запретили аборты.

Катерина Степанівна: Ну, я ж зробила, а чуть не вмерла. Тоже. Ой... Ой, Боже мой. Та ше й він обратився к другу, а вона врач, а она говоріт ні в какую – “Судят січас”, ні в какую. Но она ше жива, а він уже вмер.

Олександр Кузьмич: Я пошел: “Сделайте жене моей аборт”. “Та Вы что, – говорит, – штоб меня посадили, что ли”. Так тот шо сделал, так она чуть кровью не сошла.

[*Почему решились*]? Ну, уже ж двое было. Ну, такая ситуация была.

Катерина Степанівна: А тоді б уже і були дєті, но уже не стали... єслі б войни не було, конєшно билі б дєти, война, пять год войни не було, їх би й четверо було [запис перервано].

Олександр Кузьмич: А, в сороковом году. Поехали мы ночью купаться. В Алуште, в Алуште.

Катерина Степанівна: [Вказуючи на фотографію] Там написано.

Олександр Кузьмич: Крым, Алушта, сороковый год. Поехали мы купаться. Валя была. Ленинградская. А там такая, в Алуште кто был, “Национальном пляже”, там такой, камень высокий. И пошли купаться, мы ж не знали, шо ночью нельзя купаться, а мы ж после отбоя пошли купаться. Мы с ней залезли на камни. А одна наша комната была, мужская, ихняя, рядом, на третьем этаже. Да. Кода свисток. Ту-ду. Шо такое? Охрана береговая. И всех за што, внизу, и арестовали. Я говорю: “Лежи молчи”. Они ушли, мы собралися потихоньку. Через гору. Приходим: в нашей комнате пустая, и в ее комнате пустая. Потом: “Шурик, шо такое?” Я говорю: “Тихо”. А если спросит, скажите: “Мы, не знаю, может те рано ушли, мы еще спали”. Да. Кода их на другой день приводят, допрос сняли, как, што чего. И там была одна с Ленинграда, ее отец был генералом. Репрессированный. Так ее еще питнадацать дней еще держ… Она писала, шо меня питнадцать, уже мы уеха... еще держали, допрашивали, запрашивали. Не хотели они в Турцию удрать. Нам нужна Турция? Вот какие время было! Так она потом прислала. Так, и так, держали. Пока запросили, за что, шо, че. А потом отца реабилитировали. Понимаете? Страшное время было. А мы ж не знали, шо низя купаться ночью. А там катера подходили с Турции. Ночью, ну шо там Турции. Там щас эта, летают в Турцию, самолетом сорок минут. Отож. Ну то, щитай, турецкая морская граница была. Эта, а мы ж не знали. А тут эта, морячки, патруль. Шо там говорить. [Запис перервано].

…Тридцять девятый, сороковый…

Катерина Степанівна: Посилали мене в Бердянськ, шоб я окрєпла: “Катя, поєдєш”. Я норміровщикам писала вєдомости, триста рублєй мнє за

вєдомость давали, у меня красивий почєрк. Я купіла бєлий платок с кістями, так модно било. Снег идет, а я упала. Ой, Боже. Як вспомню. Нормировщики мене уважали. Грушевський. Ну, він недавно умер, Грушевський. Григорій.

Олександр Кузьмич: Шо там говорить...

Катерина Степанівна: Я сидю, а оні: "Катя, іді вже домой. Тєбє нільзя столько работать. Катя, іді домой". "Та я ще покрутю арифмометр". Мене на арифмометрі учили.

Олександр Кузьмич: Теперь компъютер. Я в уме скорее посчитаю, чем они в компъютере [запис перервано]… В двадцатом году, это уже Махна разогнали. Мы поехали в Крым. До родителей. Жили в Симферополе. Де мама жила, за Симферополем. Папа в Симферополе работал. Они. Вот я поехал. Приежаем до деда. В Карасу-Базар. Да. Дед наливает вина и мне льет. Мама го[во]рит: "Шо Вы делаете?" "Ничего. Вино харошее и полезное". Ну, полезное так полезное. Вот. Бывало дед говорит: "Кто с молоду не пьет, тот на старости пьяницей будет". Ой, дед был... А дед был чуть выше меня, а бабушка на голову выше его была. Вот мы жили – Карасу-Базар, от Симферополя сорок километров. Вот берет нас с Борисом на плечи и несет. Тада ж не ходили. Тада токо тачанки ходили. Бывало, выезжаем на реку Салгир в Симферополе. Брали с собой самовар. Люди иначе жили.

Катерина Степанівна: Ти хоч кого тут запомнив, де ти робив, з оцим колєктівом, а?

Олександр Кузьмич: Та чорт його знає, их уже никого вже…

Катерина Степанівна: Кірпічного цеха.

Олександр Кузьмич: [*На Салгир*] там выежали, люди на берег реки, готовили там кушать. С чай. И гуляли, провожали время. С знакомыми, а как же. Знакомых же много было у папы. Папа, он такой был, общественный мужик. Помнишь, Катя, в Адлере мы с тобой? [Запис перервано].

Катерина Степанівна: [*Отец как пекарем стал*]? А тут же приїхали оті, скажи, турки.

Олександр Кузьмич: Турки.

Катерина Степанівна: Турки приїхали. І він начав з ними робить.

Олександр Кузьмич: Ой, в двадцатом году, в каком-то. Тут и турки, и татары, и кого тут, и греки, кого тут токо не было. Как-то мы с пап, папа – он заведующий столовой, этой, общественной, там де хозмагазин был, ну, это где, торговый ряд. Щас же там ниче нет. Стоим мы с ним. Идут татары. И говорят: "Где б тут покушать?" А папа им по-татарски отвечает, в глаза им смотрит: "Заходите сюда". Они там приехали гарбами, привезли виноград продать в Крым. С Крыма гарбами привезли продавать виноград в Токмак. Ярмарка, тут была ярмарка. Ну, как вам объяснить, де. Ярмарка, знаете, бывала. Ну, щас, шо там щас, я даже не знаю. По улице Ленина пустырь там есть, с правой стороны, как идти по улице Ленина, за

этим, за магазином. Там всегда ярмарка была. Карусель там ставили. Ну, там было, на углу была.

Катерина Степанівна: Ну, де карусель єсть?

Олександр Кузьмич: Не. Там же на углу, на углу там была частный, это поликлиника "Красного…"

Катерина Степанівна: "Красного креста".

Олександр Кузьмич: А потом там был обще… Это, дирекция "Смешторга". И сразу за ними пустырь. Не доходя олейницы. Впереди олейница, и там, там была ярмарка, там. Там карусель ставили. И отот – садимся на лошадей и катаемся.

Катерина Степанівна: Тиш ото... [запис перервано].

Олександр Кузьмич: [*Татарина пригласил покушать*], а, они [нерозбірливо] он ищет, де покушать. Он: "Заходите сюда". А, те, вылезли глаза, он по-татарски, значить, харашо знает по-татарски, он и пел по-татарски, папа. Тот, как что. Он го[во]рит: "Та я с Карасу-Базара, сам крымский. Разговорилися. Такие друзья, куда там. Земляка нашли. Они дружные были, татары. А щас они переродились тоже. Это ж третье поколение их. То ж были порядошные, вообще. То поколение было более порядошное. Та и наше поколение было. Скоко я проработал. Сорок шесть лет стажа у меня.

[*Татары*], они уехали. Они приехали, проторговали и уехали в Крым. А с турками он работал. Уже они, турки, по-русски ничего. Он бывало: "Сынок", – говорит. Я как ходил, я не помню, в какой я класс ходил уже. Токо ось начали по-русскому говорить. Я немножко понимал, а потом все это забыл. [*Понимал*] ну, немножко, так, чуть-чуть. Они плохо говорили по-русски. Я их учил русскому, а они меня - турецкому. Ничего, шо мне было тода двенадцать лет. Или одиннадцать. Я уже не помню. [*Ко мне относились*] хорошо. Я бывало, маме, День рожденья, отакой торт спекут, и обизательно в торт или колечко. Шо такое? Оно тода золото в старые времена стоило копейки. А женщины не носили эти, часы на руках. На цепочке носили. Золотая цепочка и…

Катерина Степанівна: І на груді, да?

Олександр Кузьмич: Да, и часики тут. [*У мамы были такие*], да. И потом еще мама носила хороший перстень, а в середину вставлены были чисы. Когда был "Торгсин", отам ще на углу, там Гопан торговал. Там в тридцать втором, тридцать третьем, это еще "Торгсин" был… торговля с иностранцами. "Торгсин". Значить, там на золото, там было что хочешь в магазине. Доллары, марки и золото. Мама здала брошку, взяла, взяли мы продукты тода и мне на костюм. Тройку мне пошили костюм. В тридцать четвертом, по-моему, или в тридцать третьем, в те годы.

Катерина Степанівна: В тридцять третєм, Шура, мама понесла кольцо, і сєрьги, і…

Олександр Кузьмич: Ну, когда голод был.

Катерина Степанівна: Перловки, пшона взяла, і сахарю. Я помню, она принесла.

Олександр Кузьмич: Та да, оно ж копейки тода стоило, набрала, мама тоже тогда, набрала. Еще мне на костюм. Я се пошил тройку. Тогда тройки носили.

Катерина Степанівна: От ета, кума, нада було Ліді моїй старшій…

Олександр Кузьмич: От это шо [запис перервано]. "Торгсин" был. Это было тридцать третий год.

Катерина Степанівна: Отака кума**.** Тепер таких людей нема.

Олександр Кузьмич: "Торгсин". Там шо хочешь было. Значить, немцы получали марки. От эти, молочанские. Они их продавали, марки, по тридцать рублей штуку. Доллары. А в нас была доморaботница. Она получала доллары с Америки. Забыл я уже, давно уже не было… У нее родычи были в Америке. Еще до революции уехали. Что… в тридцать четвертом была золотая компания. Скоко пересадили людей. Шо, токо валюту шоб сдавали. Ну, взяли всех бывших торгашей, начали они золото несть. А десятка, золотая была пятьорка, десятка и питнадцать. После революции, значить, были советские тоже золотые. И сереб... значить, в двадцать втором году, вышли новые сове... деньги советские. Значить, пидисят копеек, восемь, там девять грамм було, серебра, и рубли, у меня еще есть эти деньги. Я их храню, как, шоб показать дитям, вот смотри, какая была нищая советская власть, после революции, и какие деньги выпускали. И вся эта мелочь, вся серебряная была. Раньше как было. Добыли тонну золота, на них выпускают валюту бумажную. И десять рублей золотом. Прямо на бумагах было.

Катерина Степанівна: Я купувала…

Олександр Кузьмич: У меня была, у меня была целая, эта, целая коллекция этих денег. Бумажный рубиль. А деньги у меня, я их храню. У меня есть пиисят копеек двадцать второго года, и двадцать четвертого рублевые есть. Восемнадцать грамм чистого золота, серебра.

Катерина Степанівна: Ні, серебра.

Олександр Кузьмич: Это деньги. Мне хто-то просили их сдать, я думаю, может, хай лутше хранятся, память. Да...

Катерина Степанівна: А я мєняла в банке дєньги, мене пригласив управляющий банка, так я ш принесла, які тобі?

Олександр Кузьмич: Рубель ты принесла серебряный.

Катерина Степанівна: Сєрєбряний.

Олександр Кузьмич: Кто-то здавал. Меняли, один к десяти кода.

Катерина Степанівна: От він мене оставляв у банкі. Як він мене оставляв?

Олександр Кузьмич: В шиисят втором году обменяли один к десяти. Цены поменяли, магазины тогда в десять раз, и деньги один к десяти.

Катерина Степанівна: І були красниє тридцаткі. І у мєханіческом технікуме бухгалтер міняв. І приніс таку коробочку алюмінєву, і в коробочке по тридцять рублів, пять тисяч, чи шо дєнєг. Я їх узяла, а вони сипаться.

Олександр Кузьмич: Они рассыпались.

Катерина Степанівна: Я тоді до Триволь. Триволь же?

Олександр Кузьмич: Триволь, да.

Катерина Степанівна: Я тоді до Триволя. Кажу: отак і отак. А он говоріт: "Пригласіте той, шо принес їх". Він пригласив ту женщину, а вона каже: "Вони закопані були в зємлє". І они потрухли. А тоді с завода менє Ніколай Магнюк приносе. Считаю дєньги. Шиісят рублей не хватає. Я звоню: "Коля, нєту шестідесяти…" [запис перервано].

Олександр Кузьмич: [*В "Торгсине" часто покупали*]? Та какой там часто. Ото поменяли и все.

Катерина Степанівна: І не було більше. Ото поскидали. Цепку поскидала мати, і еті, сірьожки. Поміняли потому шо голод, пухлі були. Тридцять вторий на тридцять третій. Вона принесла пшона і ми по стаканчику варили в день суп. Ой... У матері начали пухнуть, ноги, начали пухнуть, тут корова.

Олександр Кузьмич: Ми не голодали. Папа работал.

Катерина Степанівна: Він луче жив. А ми голодали.

Олександр Кузьмич: Папа работал тода, по-моему в этом, в пекарне ж работал.

Катерина Степанівна: Я пішла.

Олександр Кузьмич: А мама варила мамалигу… [запис перервано]… Ну, ти любиш говорить багато. Да, "Торгсин", золотая компания. Скоко тогда пересадили всех этих бувших нэпманов. "Давайте золото, и только чеканку. Золотую. Иначе…" Другое золото не признавали. Золотую чеканку. Ну, было у людей. Тогда можна было так: пойти в банк, здать золотую бумажку и получить золотую деньгу. Это было до революции, и после революции. Значить, корова стоила три десятки. Корова стоила три десятка золотых. Тридцать рублей. На деньгах писали: "Десять рублей золотом". То есть они, эти деньги, соответствовали золотому запасу. А потом, а потом, перед, после, революции советская прыгнула стоко, кто хотел, тот деньги, значить. Были деньги такие даже, предприятия выпускали свои деньги, и на них, значить, снабжали людей. Токо мог покупать на предприятии, там, имели свои магазины, свои эти, столовые, и так далее. И там принимали. И давали в счет зарплаты. И их там принимали. У меня де-то есть, деньги Советского Союза. У меня все это есть. Де-то сшито, сшито, я берегу все это. Какие порядочные люди были. Значить, кода там, значить, когда, после революции, долг Советского Союза за границей был шиисят два миллиарда золотых рублей. [Нерозбірливо] Чичерина, министра иностранных дел тогда. Когда-то у нас были миллионы. Значить,

коробка спичек стоила миллион. [*Помню*], ну, че я не помню. Папа ишо тогда торговал. Принесет мешок денег. И давай их сортировать. Сортировали, шо Вы, уже ш тринадцать это, двадцать третий год же ш, двадцать четвертый, мужиками сем-восем лет? [*Отец доверял*], ну, што. Мать набивала эти…

Катерина Степанівна: Папіроси.

Олександр Кузьмич: Папиросы. Приходит, это типерь, тода, приносять пачку гильз, и на эту пачку гильз, стоко табаку надо. Приносит. Она набивает, а мы эти кончики обрезаем, а потом обратно, она их шоб добивает. В семьи у нас девочки не было, родилась в двадцать пятом году. Так мы с Борисом по очереди мыли полы, мыли посуду, все это.

Отец нас отец всегда пальцем, он боялся, пальцем тронуть. У него было силы, как вдаре – убил бы с одного раза. А мама приучала к труду. И папа приучал, и мама. Сами с детства, маме двенадцать лет было – она на табачной фабрике в Симферополе работала. Тода же, до революции тоже не баловали детей. “Идите работать и зарабатывать себе на хлеб”.

[*Мама не из зажиточной семьи*], не. По-моему дед, чи то ли сапожник был, шо-то такое. Ну, кустарь был. [*Бабушку звали*] Оля, что ли, Ольга ее [нерозбірливо]?

Катерина Степанівна: [Нерозбірливо].

Олександр Кузьмич: [Нерозбірливо]. [*Из Крыма*], да, там, в Крыму рожденные. [*Родители познакомились*] там, в Крыму, рассказываю... Ну, она красивая была. Она еврейка, он русский. Ой, скоко там было. Трагедий скоко было. Значить, как это. Во-первых, нельзя было тода ш, надо веру принимать. Да. Так они, мне как-то рассказывал, папа с мамой поехали в Севас.., этот, Константинополь. Ну, щас это Стамбул. Потому шо, Константинополь, в Турции. И там работал с ней. Потом здесь работали. Была эта, прачешная-красильня. Папа красил, и стирали там, и мама работала.

Катерина Степанівна: І мамі нада було, ето, вєру ету прийнять.

Олександр Кузьмич: [*Познакомились*], ну, я знаю как, в Симферополе познакомились. Понравилась папе, и все. А бабушка говорит, бабушка говорит: “Ну, как же так, ты ж еврейка, выходишь за русского?” Чи за украинца… Он вообще сам с Полтащины. Ну, а что. А потом самый дорогой зять был. Папа харoший был. Здаровый мужчина. Ай... И брат был, брат был сто восемь… не, сто девяносто рост у него был. Сорок пятый размер обуви носил. И папа здоровый был. А я в маму. А в папы был брат и Костя, и Митя, а это я за своего брата говорю. У него сто девяносто рост был. Помню, кода в тридцать шестом году был карнавал в Токмаке, все были костюмированы. И наш Борис, и Борис подошел, одели, в трусах вишел. А он высокий, а тот был маленький, еще меньше меня. Он папе [нерозбірливо], папе подошел [нерозбірливо] артисты, от папе было, они появилися. Публика падает. А мы все в костюмах. Я в цыганском костюме

был. Ну, все ребята. А потом, это, Кирова, э-э завод, у нас был клуб Кирова, щас там территория завода. Так там каждый год был бал-маскарад. Только пускали в этих, в масках и в костюмах. Ну, хотя бы это, токо на глаза одеть и все.

Катерина Степанівна: [*Це ми вже*] жонаті були.

Олександр Кузьмич: Не, нет мы тогда, Новый год последний встречали, был бал-маскарад. Сорок первый год встречали мы.

Катерина Степанівна: В винограді було даже…

Олександр Кузьмич: Да. Мы тогда встречали. А то те годы. Тридцатые годы. Завод Кирова был на первом месте, всегда премии получали. Накрывали полы, э, столы бесплатно. Та же паюсная икра была. Шекалады, шо хочешь. Мы соберемся, пиво в бутылках подавали, мы коньяк возьмем, или вино хорошее, крымское. Тода ж модно было так: мужчины водку пьют, или коньяк, женщины вино. Причем крымское вино. А, какие вина. Портвейн розовый. Портвейн красный. А, шо там говорить. Бывало, выйдешь… А там, де, в сквере, да? Там был павильон, "Лагерь Шмидта", он назывался. Когда-то челюскинцы погибли, да? Когда ото их высадили на льдине. Значить. И они ш так. А тут открыли павильон, "Лагерь Шмидта". И вот мы бывало, с девочками соберемся, и идем туда. Таки да… Ну, угощаемся, такое. Да. Денег было. Да, выходит, запомнил шо-то, такие. Приехал наш товарищ один, в армии служил, Саша. Двенадцатого, или одиннадцатого года, уже не помню. Заболел туберкулезом, приехал, умер тут. После похорон пошли, помянули. Кажу: "Пошли в "Лагерь Шмидта". Сели: дивчатка, хлопцы. Ну, одеты все, конечно, прилично были. Я вообще прилично одевался. Фасонный костюмчик. Бо... эта, бобочка такая, как оттянешь. Одеты, да куда там.

Катерина Степанівна: Щас не та молодежь...

Олександр Кузьмич: Да це не та молодежь! Они, ну… Раньше лезли все из кожи, шобы платье показать. Теперь лезут все из платья, шобы кожу показать. Точно также, когда наши моды новые. Та й ще й до войны были даже кое-кто. Я помню, мамочка… Мама еще, моя мама еще носила тоже. Это было ей тода, лет тридцать наверно, больше, или тридцать пять. Тоже носила такую юбочку до колен. Одевалась мама хорошо, любила одеваться. Манто шелковое. Платье такое. Тода панбархат носили. Это ш была мода. Одевалась. И папа прилично одевался. А мама вообще модница была. Так она одевала и нас, детей.

Катерина Степанівна: [*Мама покрестилась*], да.

Олександр Кузьмич: Они тода бы... они ж венчались в церкви. Да. Двенадцать тачанок, их, в пути этой. Я когда с старшей дочкой бывало ходил…

Катерина Степанівна: Лукінічна, чи як її? Була тоді вже?

Олександр Кузьмич: Лукавый был кресный, ее ж покрестили, потом их расписали. Венчали в церкви. В этой, шо в сквере. Кино. Шо там

щас, кино же нету там уже ж? Обратно церкву восстановили. Ота церква была. Там крестились мы все. И я, и сестренка, и брат. [*Крестные мамины*] а тут где-то жили, их уже нету давно.

Катерина Степанівна: Кавун. Фамілія Кавун, Лука…

Олександр Кузьмич: Нет, Кавуны.

Катерина Степанівна: Кавуни.

Олександр Кузьмич: Та их никого давно там нету. Они уже такие же ж, с того столетия, с дивитнадцатого. Ну, знакомые папины были. А папа че-то, еще то того как в Токмаке, а как он попал в Токмак, не знаю. В тринадцатом году жили. Приехали сюда, в Токмак. В тринадцатом поженились, а его на империалистическую войну забрали, мама осталась со мной беременная. Та, жила. Работала, да и жила. Тода все трудились. Они все трудилися. Она и гадала харашо. Значить так. Мы жили там, де, это, де "Жовтнэвый" магазин, отам же мы жили в этом дворе. Мы жили в этом, двухэтажном, где быткомбинат.

Катерина Степанівна: Дом піонеров.

Олександр Кузьмич: Мы внизу там жили. Да. Ну, а тода после революции, знаете, што? Приходили: "О, пойдем до той цыганки". Она погадает. Помню, как-то раз. Это я помню харашо. Вже это було двадцатые годы. После революции по пять, по шесть лет те… Да. Пришла одна гадать. З Бабакивки. Ну, а там ш были плантажи. Там же де от это Ленинский мост, там же было село. Оттуда и молоко нам носили. Она, да, пришла гадать на чоловика. Она говорит: "Иди домой, тебя гость ждет". Привозит в воскресенье, встречает брычка. Продукты подвозили [сміється]. Муж приехал. И пошло. "Иди он до той цыганки, хай погадает". Называли ее цыганкой, цыгане ж гадали. Она черная, думали, шо цыганка. Они, крымские евреи, все, черные. Караимы, или черти, как их там называли. А караимы – это смесь евреев с этими, с татарами. Ну, я знаю. Здесь знали: "А, та это крымская еврейка". Это гадала. "Нагадайте на жениха". Все, хватит. А то ж гадали, это после войны, после революции. Война ж, революция. Отакое творилось. "Погадайте". Нагадала она. Всякое было. [*Гадала*] на карты. Да. Я говорю: "Мамка, погадай мне". "Не-не-не. Своим гадать не буду". "Не надо, говорит". А щас это вже не в моде. Я как-то пришел, день рожденья был [звертаючись до дружини], да, в сороковом?. День рожденья праздновали ее, ее две подруги пошли, мои ребята. Мама наготовила день рожденья отмечать. Я говорю: "Ну, мама". А мне уже слава Богу: в сороковом году двадцать пять лет. Первого мая. Я го[во]рю: "Мама, я привез, невесту привел". А она так: зырк-зырк, а их, дивчата одна луче другой. Да. "Шурик, иди помоги". Пошел я. Я говорю: "Вот эта шо". "Так она еще молоденькая". Я говорю: "А зачем мне старуха?" Да, ну так было, помните [звертаючись до дружини]? Пришел я сюда.

Катерина Степанівна: Каже: "Ти стань коло нейо, я посмотрю".

Олександр Кузьмич: Вот этот. “Нет, – говорит, – ты мне уже надоел, ты уже сто раз мне, сто невест приводил, сто раз женисся. И Валя была, и Маргарита была, и черт его знает кто там”. “Та то так было”. А ее подруга. Щас она в Мариуполе. Приходит, я уже ухаживал за ней. Приходит подружка: “Екатерина Борисовна, познакомьте меня с Вашим сыном”. Она говорит: “У него невеста есть”. “Ну и что”. Да. Леля. Щас она... Так. “Как так?” Я: “Та отак просто, Вы шо, не знаете как?”

Катерина Степанівна: Мене батько не пускав гулять. Мене батько не пускав гулять. Він прийшов і каже: “Степан Якович, я за Вашою дочер, дочкою буду ухажувать, шоб Ви нє бєспокоілісь, дє она”. Таке раньше було. [*Отпустил потом*], ну, отєц же ш. Він уже ш став ходить. Мать... мать вареников наваре.

Олександр Кузьмич: Сядем випьем с тестем. Будущим тестем.

Катерина Степанівна: Раков наловит, пива принесет, бутылек. А потом мы поженылыся. А, шо, привел, значит. Мать говорила: “Прийдет хто в двор твой, это твой. Хто пришел, хто тебя знае, то твой”.

Олександр Кузьмич: Отак. Не то шо – сватов засылайте. У них вже было по-современному. Пришел сват: “Я буду женится и все”. Он глянул на меня. Я одетый, с иголочки. Да. [*Не сказал*] ничего, ничего. Ну... Они: “Как, как Катя?” Она: “Я согласна”. Ну, все. И все сватовство.

Катерина Степанівна: И свадьб таких не было, как сичас.

Олександр Кузьмич: А как-то, мне вже ж было, а мама была: “Шурик, кода ты женишся? Тебе вже ж двадцать пять лет”. Так я уже армию отслужил. Ну, говорили шо так. Бывало, мама говорит: “Нада, шоб и вы были молодые, и дети вже были взрослые”. А как же? Пра[ви]льно. Шо там говорить. Мы иначе жили. И родители наши смотрели на это дело. Нравится, любишь – женись. А не так, когда я пошел в армию, Валя ш ходила к нам домой. “Шурик, шо ты на ней не женишся?” А я помню, к ней мама приехали, они жили в сквере, я взял тачанку, встретил. А мать говорит ей: “Валя, это твоя судьба”. Не получилось. А я сказал так: “До армии не собираюсь жениться”. Я знаю, шо такое. В армии были ребята женаты. То пишет, жена загуляла. То еще шо-то пишет. А мы молодые, холостяки. Как увольнительная, пошли гулять. Дивчат много в Кировограде. Красивые дивчата. Уже мы токо выходим с воин... с это, с части в увольнительную, уже дивчата там в скверике ждут. Идем гулять. Сад “Мара”. Или идем на танцы, или в кино идем. А знал, там папа приехал, там меня проведать. В Кировограде, там были знакомые харошие. Пошли на квартиру. У них красивая дочка была. Папа: “Ну, как?” Я горю: “Не-не, – го[во]рю, – папа, все. Пока не кончу службу, даже разговоров быть не может”. Тоже, окончил армию. Двадцать три года с половиной. Да, че жениться. Хоч погулять немножко надо. А потом так – полтора года после армии, я, два года, после армии я погулял. Пойдем в парк, на танцы, о-ой... Все же знали: “О, Сашка пришел Кононенко”.

Катерина Степанівна: Танцор.

Олександр Кузьмич: Танцор. О-о... И так, и вальс, и вальс-бостон. И этот. Самый тижелый, конечно, танец, это вальс. Фокстрот. Фокстрот, танго, это вообще красота. [*Танцевать*] училися. У нас тут была школа такая. А так училися. На домах училися. Были такие, шо умели. Мама моя могла танцевать. Ото я че, любил, кабардинку танцевал. И эту, и, цыганочку. Как отобьешь цыганку, аш все от так вот. Еще с этими выкрутасами. Это в каком году я был? Уже ш года два-три тому назад. Пошли мы, на День Победы, это, де …

Катерина Степанівна: А тут, Молотов в Берлине…

Олександр Кузьмич: А... Вот это. Двадцать второго началась война, двадцать первого мы пошли в кино. Значит, "Молотов в Берлине". А потом утром мы пришли, но я...

Катерина Степанівна: Выходим, темно.

Олександр Кузьмич: Темно.

Катерина Степанівна: Света нет. Шо такое? Война.

Олександр Кузьмич: А отец уже, двадцать второго числа утром. Я просыпаюсь че-то на диване, лег в постель токо шо. Сидит. "Па, че ты плачешь?" "Война". "Какая война?"

Катерина Степанівна: Объявили войну.

Олександр Кузьмич: Пошли мы вечером же послушать. Подходит ко мне: "Олександр Кузьмич, собирайте свою гвардию, надо увольнять людей. На фронт". Я говорю: "Какие, шас? Де я возьму, чем я буду ехать?" "Ну, завтра..." Значить, я им дал адреса. Утром пришло: "Давай, сто человек увольнять". Рас, нада ш еще выписать, подсчитать, начислить компенсацию. А-ай... Пошел, а военкомат там жил, был военкомат. Щас там че? Не знаю. А щас территория завода. Плач, слезы, представляете.

Катерина Степанівна: Тода, я родила, он везет меня на дрожках.

Олександр Кузьмич: А тут, понимаешь ли, ее надо отправлять в роддом.

Катерина Степанівна: Солдати йдуть.

Олександр Кузьмич: Да, солдаты. А я ее везу на этой, линейке. "Бросай это грязное дело, пошли воевать!"

Катерина Степанівна: Кричать, кричать воєнні.

Олександр Кузьмич: Хто думал, што так будет война, затянется?

Катерина Степанівна: І как пошол, і пять лєт єго не було. Та його пять лет не було.

Олександр Кузьмич: Почти шо пять. Ну, пять. После войны попал же в Баку, в Азербиджан.

Катерина Степанівна: Прішол, Ліда до його не підходе: "Ето чужой дядя, я пойду до сосєда, он меня на, катаєт, и на плечах", і всьо, і побігла, і всьо. Нікакого папи нєт. Пока она прівикла.

Олександр Кузьмич: А поехали, там в Сумгаите дали комнату. Там нас харашо приняли азейбаржанци. Харошие люди. Комнату дали. Рядом море. Жили там мы харашо. Я работал, начальником главного отдела, конторы снабжения. В сорок шестом. Сорок шестом. Начальник снабжения конторы, начальником этого, планового отдела конторы снабжения треста. И у управляющего треста каждый день был на приеме, шо за день поступило, все это мне, и где што делалось. Он: "Куда ты едешь, там же разруха".

Катерина Степанівна: Голод.

Олександр Кузьмич: "Дадим тебе и коттеджи, и шо хочешь". Нет, токо домой. А она уже на шестом месяце. Доехали до Ростова. И малярия. Да. "Достань пива". Да, бегай, Ростове. Ростова побежал, достал пива, выпил пива, легше стало ей. Приехали в Токмак – и прекратилась малярия. А тут еще она, обпа… пришлося, каструлю с водою, обпарилася, ой. Дали мне больничный за уходой за женой.

Катерина Степанівна: Какие люди, были, да?

Олександр Кузьмич: Приезжаем мы в Сумгаит. Подходит этот с Башкирии. Я говорю: "Де ш транспорт, я ш уже с симней приехал". "Транспорт поданный". Подогнал паравоз с платформой, ну? Там и там еще ребята, сели, подвезли. А уже брычка ждала. В Сумгаит. Это в Сумгаите было. Комнату, все. Я говорю: "[Нерозбірливо] дай ключи". "Не дам". "Как не даш?" Пошел до управляющего: "[Осипов]? отдай ключи ему". Пока я ходил, за, привезли эти, американские эти, как их, одеяла, потом эти матрасы. Получали с Америки сюда. И повезли, продуктов понавезли, полный комнату.

Катерина Степанівна: І це ж чужі люди.

Олександр Кузьмич: Вечером пришли ребята, сели, выпили, а, шо там говорить. От, как харашо нас встретили. Пришли ребята, мы выпили, закусили харашо. Поздравили нас с новосельем. Было время. Люди были какие. Ну шо мне азирбаджанцы? Я еще бы немножко и…

Катерина Степанівна: І армяни, і азєрбаджани.

Олександр Кузьмич: Там и армянские да, эти, женщины, магазины. Одна армянка, одна азирбаджанка. Шо там говорить. Стоко повидали всего.

Катерина Степанівна: А рыбы сколько...

Олександр Кузьмич: Абаджи, абаджи. Свежая рыба. Отакая рыбина, килограм пять, да? [Звертаючись до дружини]. Питнадцать рублей. И какая риба, красная риба там. Каспийская риба вообще прикра… А сельди те? Каспийская сельдь. Когда, пока донесешь – пол сумки в жиру. Не, там меня, там уважали меня. [*В Токмак вернулись*] в сорок шестом году. Она уже на шестом месяце была со второй дочкой. Поехали, рожать надо. Де бы ни был, тянет на родину. Приехали. Тут рожать, а тут дожди, ни прой-

дешь. Пока я бегал за машиной, она родила дома. Бабку какую-то приглас… [запис перервано].

…Высылает. Ну, и слава Богу, вас высылает. Высылали немцев туда. Немцев выселяли, они ж… шоб не было такого. Выселили всех немцев с Молочанска. С Молочанска, с Токмака. А шо я могу помнить, выселили, и все. Погрузили на Север. Так они, де-то там и прижилися. Потом, конечно, и в Поволжье их отправили.

Катерина Степанівна: Потом и возвращались. Некоторые и возвращались.

Олександр Кузьмич: Их же немцев, у немцев в Поволжье была республика. Немецкая нация. Поселили немцев в Поволжье [нерозбірливо]. Мой дед [*чем занимался*]? Сельским хозяйством. [*Про хозяйство*] я уже не помню. Та, шо держали. Свиней кормили на мыло. Потому шо выгодней было мыло варить. Папа и мыло варил. Потом резали проволочкой и продавали. Ну, кормили. Виноградник у него был. Ну, сельское хозяйство. Индивидуальное. Им тогда ж наделяли. В Крыму. Когда Екатерина Вторая заселяла их. В Крым заселяла. Украинцами, и русскими. С Полтавской области. Та держали все, наверно.

Катерина Степанівна: Больше овец.

Олександр Кузьмич: А более овец, в основном овцы. Там как, выходили, с наши, со двора, сразу горы начинались. Там и овцы паслися. [*Дедушка был не зажиточный*], не. Обыкновенный, рядовой. [*Дом у него был*] с ракушки. Там же, Крым же, Балаклава, ракушки. [*Жил*] в Карасу-Базар. Там же караимы в основном жили. Я уже после войны не был там. [*А до войны*] та шо я мог помнить, шо мне было там. Я когда, [нерозбірливо] уехали оттудава, я больше там не был. [Нерозбірливо] в Карасу-Базаре. Знаю, шо там жили, шо караимы. Да, там… В Карасу-Базаре сами караимы. Да. Те же татары. [*Возле дедушки*] жили, тетя Нина. Они умерли. А тетю Нину, папа как самый старший, забрал ее к нам. [*Умерли дедушка с бабушкой*] в двадцать втором году. Когда голод был. В Крыму был страшный голод. Страшный. Ну, мы ж уехали оттуда, еще токо. А они не захотели ехать. "Шо я буду бросать. Переживем". А в Крыму был голод страшный. После Врангельщины. Кошек, собак ели, и все шо хочеш. [*Отец потому и в Токмак переехал*], да, из-за этого мы в Токмаке, тут знакомые были. [Запис перервано].

[*О пекарнях*]. Девятое, деревянное корыто. Потом, значить, они вешали, и ложили, эти, эти, как они, не сапеточки, а [нерозбірливо] такие. [*Это турки*], да. Они так просто, она подходило, от это, тесто, как же оно назывались эти… Вроде, такие, не соломенные были. Из лозы. Я уже не помню, из чего они были плетенные. Ох, как же их называли. Наподобие сапэтки, отакая, только маленькая. Оно там подходило. Потом на лопату, и, загоняли в плитку, в печь. А печь... Тода были та, натапливали дровами, а потом уже форсункой, смалили эти, нефть, нагревали. И когда уже ви-

дят: под уже красный, значить, взяли, вымывали, и прямо лопата, шестиметровая лопата…

Катерина Степанівна: [Нерозбірливо] Шо-то постелено было…

Олександр Кузьмич: Вот. Ну, а они ш не так просто.

Катерина Степанівна: Подовое.

Олександр Кузьмич: Это сичас они крутят тесто, в формочку кинули, не так шо, а оно там подходило, когда подошло, тода, значить уже… Ну, здоровое, представь, вымесить, корыта были деревянные, корыто как вымесить, руками ж надо. Тижелый труд был, шо там говорить. [*Пекарни почему турецкие*]? Ну, турки, видно.

Катерина Степанівна: Таких же заводов нема, не було.

Олександр Кузьмич: Назвали, потому шо там турки работали. Считали, шо турецкая пекарня. Она была в центре. На самом углу. И самый лучший хлеб и кондитерские изделия были в этой пекарне. И самый лучший хлеб, такой хлеб никто не выпекал. А було в Токмаке четыре частных пекарни. Ринковского… тех я уже забыл. А мельница была, Письменного мельница, Рубана мельница была. Торговля… в основном занимались евреи здесь. У них все было. [*В магазины*]? Че я не ходил. Ходил, с мамой. Ходили ж покупали, нам обувь покупали там. Костюмчики покупали. [*Отец в магазины*]? Отец не любитель был. А мама да, модница ж была. Одевала по моде. Все по моде было. И нас одевала. Костюмчики морские такие. Одевала харашо. Оно дешево все стоило, папа харашо зарабатывал. Та, наверно, рублей сто с лишним. Ну, своя пекарня ж была. Это пекарня турецкая, а то своя, он же как тоже, считался как компаньон. Но он ведал всем там. Сам заготавливал, закупал, на мельницу возил, и сам, сам и торговал. Он продавал, он сам не, не месил. Они работали, он продавал, все один, не было ни бухгалтерии, ниче [сміється]. Ни началь… он один был. Сам закупал, сам на мельницу возил, сам муку завозил, все сам. [*Как компаньоном стал*]? Не знаю, просто они его пригласили, так как он, владел харашо турецким языком. [*А до того*] все время такой был где-то, хотя, одно было, в кооперации служил он, кооператив тут был. Где-то были даже профсоюзные билеты, с пятого года. Потом с двадцат… двадцать второго года была кооперация, в какой-то кооперации он тоже работал. Кооперативная была. Потом была кооперативная пекарня. А потом была государственная пекарня. Ну, уже как знали его. Он всегда заведовал пекарнями. Столовой заведовал.

[*Как выучился*]? Он? Сам же не работал, он токо руководил. А сам он. А сам он это вот, имея, это он же имел прачечную-красильню до революции. Прачечная-красильня была, там де "Жовтнэвый", там был домик, когда-то снимали. Он же, он и работал. Он красил харашо. И гладил сам, и красил, и стирал. Я знаю, как погладит, так у него рука была – сплошной мозоль. Тода-тода, еще до революции. До революции он не работал в пекарни. Красильная и прачечная. И отож, а только период нэпа, приходит:

“Кузьма Василич, товар не идет. Нада перекрасить”. Сто, сто пиисят аршин.

Тода ж аршины были. Покрасил, высушил, погладил – на расхват. Бывало так: это сичас – такие еще, и тода, эти, допустим, рубахи, на заказ шили. И вот видишь, полиняла рубаха. Щас взял и вибросил – перекрашивали, как новая была. Скромно жили. Харашо одевалися, но очень скромные были. Не так как, посмотришь щас [запис перервано]… на заказ себе шить. Рубашки, три четыре, пять, пошьют. Это уже в двадцатые, уже в тридцатые годы. Тода вже после… Во-первых каждая рубашка – три воротничка. Потому шо получается так – воротник замазал – рубаха-то чистая. Воротничок надел – чистенький, и все в порядке. Собачку прицепил – и порядок, и фраер идешь. Кум королю. Пижон. [*Рубашки как шили*]? Были белошвейки, так назывались, частные. Назывались они белошвейки, женщины. Костюмы тоже шили на заказ у частника, нэпмана этого, или как они. Ну, они считались частные. И обувь шили на заказ у частника. Он пошьет тебе с белым рантом. Шевровый туфель. С белым рантом. А брюки носили “чарльстон” – отакой ширины, отакой длины, и пиджачок отакой, шо токо прикрывал это, пояс. “Чарльстон” называли. Потом эти носили, как их, с наброссом брюки, как же их называли, уже забыл, на ризиночке там. Потом была мода, значить, вильветовые костюмы носили. Брюки, на выпуск и брюки с пуговичками под сапоги. И, пиджачок, вильветовый. Всякое носили. Бастон, кавэркот, [нерозбірливо]. Отак, скомкаешь, брюки, кавэркотовые, и гладить не надо. “Бастон” это название – стопроцентная шерсть. “Бастон”. А женщины носили шелковые. Потом носили крепдешин, файдешин, крепдешин, креп-жоржет. Креп-жоржет. Прозрачное. Надо было хорошо, хорошую комбинацию одевать. [*Нижнее белье*], ой, навалом, всего было. Вот, торговый ряд де был, там был магазин. Шивет там. Сем рублей метр стоил. Шивет, шо может быть красивей шивета. Я как-то, мне де-то. А ото, помнишь [звертаючись до дружини], шо блестящий, я, как он, креп-сатин. Ой, какой, я ей купил паль… такое платье привез ей, отрез, креп-сатин, еще и дочка с него. Де-то валяется, наверно.

Катерина Степанівна: Та забрали.

Олександр Кузьмич: Чи забрали… А какая, какое красивое. И действительно. Во-первых, это не подделка. Как щас это возят все это, химию. [*Креп-сатин покупали*]? Катя, я те это привез после войны, да? Из Запорожья?

Катерина Степанівна: Ну, после войны.

Олександр Кузьмич: Где-то после войны, в сороковом году, каком-то.

[*До войны*] носили шерстя… эти, шелковые платья носили. Потом эти, шерстяные, как они называли, я же не помню. [Нерозбірливо] не носили. Стекло, не носили. Вообще, мо… все наше отечественное было иск-

лючительное. Оденешь костюмчик или оденет платье, приятно посмотреть. И женское, помните, костюм пошила, да? Прелесть было смотреть. Одета, как-то солидно, понимаешь. Придавалось вид, женщине.

[*Про портных откуда знали*]? Ну, как, в Токмаке жить и не знать. Всех знали. Они имели патенты, носили и платили налоги. Ну, это женщины этим занимались, эти, шили рубахи. А портные носили. Шили костюмы, польта. [*Женщины*] были, шили, а в основном, конечно, мужчины были. Уже их нету никого, я их фамилии позабывал. Я-то особо и не шил. Задикянц ее фамилия что ли была? У нее дочка была красивая такая. Вот. Жил? Как идти на Салган. Ну, там, де ото, завод Кирова, де ото у них, отам он жил, против, де завод Кирова. Де у них ото, это, шо писать пропуска, бюро. Он напротив, там был, у него домик был отам. И, уже ниче там, тех… Там же те дома, Кирова стоят. А портные жили и по Ленина. Потом Рабинович, или где Рабинович? Против нас по Шевченко, да? Рабинович был хороший портной. Пичериков.

Катерина Степанівна: [Нерозбірливо], а это да.

Олександр Кузьмич: Тогда так: одел, пошил костюм. Сядешь в скверике и смотрит, как он на тебе лежит. Он скажет: "Иди сюда". "Что?" "Мне не нравится как вставлен этот, м-м, рукав. Нада немножко подправить". Вот такая марка была. "Кто те шил костюм?" Мы создавали протекции. "Кто?" "Такой-то шил". "Я пойду шить". [*Дорого*]? Не… Тогда деньги были здесь в цене.

Катерина Степанівна: [*Портные в основном*] евреи.

Олександр Кузьмич: Евреи были, и русские были. Разные были. А белошвейки особо русские были. Женщины. Ну, если она ш была, как говорят, не разбирались в нации. Скоко тех браков было. Ну, после войны это уже не было никаких проблем. Никто не спрашивал: кто вы, что вы. От у нашей Рогозы, у ней все, все…

Катерина Степанівна: Тетки.

Олександр Кузьмич: …не тетки, у нее все сестры были замужем за русскими. И Маня, и эта, шо мы жили у ней в Севастополе, останавливались. [*Замуж выходили*] уже после войны. И до войны… Да, после войны, до войны уже ходили, после революции. У Фиры был муж… [запис перервано]. [Нерозбірливо] щас дома, да? Ахрамеевка… Там жили сам немцы. Они работали, когда завод Фокса был, они на этом заводе и работали. А и после революции они работали. Потом когда начались, начали потихоньку выгонять с завода. Ну, Форт, как его, Данилыч, немец был. Зам главного бухгалтера завода. Он тоже.

Катерина Степанівна: А, Эффе.

Олександр Кузьмич: Эффе, Эффе был этот, как его, шо потом был бургомистром чи?

Катерина Степанівна: Да. Эффе был при немцах.

Олександр Кузьмич: [*Дома у них*]? Не. Обыкновенные.

Катерина Степанівна: По-моему, в квартире.

Олександр Кузьмич: Дома были... Нет, нет, там были дома. Кирпичные все. Улица, Немецкая, ее называли ее. Отам же, по Пролетарской. Там все немцы жили. У всех были дома, хорошие, добротные. Кирпичные дома. [*Мальчишкой*], конечно, бегал. У меня ж там, эта, жили ж как их, шо мой крестный. Крестный отец. Та, шо он врач. Он приежал. Как его фамилия?

Катерина Степанівна: На "З"… забыла.

Олександр Кузьмич: Я уже и не помню. О… Сын у него был такой как я, питнадцатого года. Мама еще ревновала к ней.

Катерина Степанівна: То куми були.

Олександр Кузьмич: Кума… Ну, ну кто. Разные женщины есть. Ревнуют. Шо припишешь, шо хочешь. [*Мама*] та так, просто. "Шо ты много, часто туди ходишь". Забыл как ихняя фамилия, ну, как их?

Катерина Степанівна: Забула.

Олександр Кузьмич: А крестная была, и это, у меня, тоже русская, м-м, как же ее фам… Шо потом Юрка ухаживал за ее дочкой. Забыл я. [*Выбирали крестных*]? Ну, знакомые были, и все. Нас же окунали. Я помню, когда мы внучек, кого мы… а, Нину, да [звертаючись до дружини]? Крестили Нину [запис перервано].

[*Крестные приходили*], ну, а как же. А, че, она рядом, недалеко жили. Как какой праздник, на Рождество, на Паску, обизательно собирался. Пиво. Вина харошие. Привозили из этого, с Крыма. "Белый камень". [*Отец привозил*], да. Был этот, винный подвальчик, и Шаломы торговали. Там, де торговый дом, был подвальчик. Бочки стояли с вином. Начиная "Бирезка" и до самых высших сортов, этих, портвейн там. "Пятый", "Дисятый", "Питнадцатый", марка. Какие вина, ай-йя… Мед! [*Отец покупал*]? Не-е. А кода ж ему, с человеком мы ходили покупали, бутыль вина стоил двадцать рублей. Трехлитровый. Это все было в тридцатых годах. Уже взрослые были. Мы, тогда, когда, Степана у нас провожали в армию, Шевченка, мы ж тода накупили вина… водки. И коньяки были. Коньяк был дорогой всегда. А после войны, уже, после, это в последние годы уже, та после войны. Уже, в такие годы, ну, с дивяностые, восьмидисятые, там был завод [запис перервано].

[*Отец участвовал в войне*], в империалистической, да. [*Рассказывал*]? Та нет, никогда. Он был раненый там. Рука. У него правая рука была покалечена. Ну, так это. Не так, шоб сильно была. Их травили газами. Он лысый же был отец. Так лысый и был. Я го[во]рю: "Че ты лысый?". "А, – кажет, – умная голова". Меня еще до сих пор волос есть. А он же лысый был.

Катерина Степанівна: Земляная.

Олександр Кузьмич: А, Земляные были, моя крестная. А, он крестный, а, Земляной. Он же был [нерозбірливо]… уже он на пенсии был. "Ку-

да идете?" "Та пойти нада, получить пенсию". "Ну, зайдем, я тебя угощу". Там был пивной бар. Де щас, не знаю, там, шо там щас. Де, ото щас музей, да? Там райком партии наверху, райком комсомола. А внизу была эта… м-м, аптека! Это было в тридцатых годах. А там дивчата, эти, с Днепропетровского инс… института. Как они называют, ну, там где готовят этих, фармацевтов. От. Знакомы были. Оля. А вторую я забыл, как звать. Так, приходим. У них всегда спирта было. Виноградный. "Привет, девочки". Все в порядке, записали. Рецепт. [Звертаючись до дружини] Соня, ота что вышла замуж за мясника. Шо она тебе говорила. Я с ней тоже, встречался с ней. А другую звали Оля. Ну, когда они учились. Мы когда поехали с Давидом в командировку, в Днепропетровск, и их проведывали в институте… [запис перервано].

[*Мама отцу помогала*]? Ну, это когда еще было, до революции. И то, она дома работала, она и шила хорошо. У нас машинка была "Зингера". Ножная. Шила. И папиросы набивала. Она ж у нас до революции работала на этой, на фабрике, на этой…

Катерина Степанівна: Табачной.

Олександр Кузьмич: Табачной фабрике. Наверно, тогда не было держать домработница. Она так, сама зарабатывала. Ну, они, в нас, домработницы, они в нас и жили. И за одним столом, все. Одевали, обували. Не так, как это. Шо приходили, уходили. Это было в двадцатые годы. Тода почти… чуть-чуть семья более-менее, были домработницы, держали. Значить, они стирали, убирали, кушать не готовили. Ну, мама ш старшая. Она сама будет, шо она сама будет делать. И так хватило. С нами с хло … гуляла. С… я когда-то работал на [нерозбірливо] заводе главным бухгалтером, подходит одна старушка: "А я ж у вас служила. С Вами гуляла". До революции еще, да. До революции она служила. Работали. Все работали. Не ра… шо-то, чем-то занимались. Уже, конечно, последнее время один папа работал, хватало. Раньше мужчина работал – женщины дома сидели ш.

Это, было, Костя самый старший. Папин брат. Тот и в революцию пропал. [*Рассказывал*]? Та нет. Так, как-то забрали его, на войну, так они и, и после войны они не встретились. А дядя Митя, тот самый младший был. Самая младшая была тетя Нина. Мы ее забрали, и воспитали, и замуж отдали. Тоже работала на мельнице, мешки сшивала. Тода все зарабатывали. [*Когда забрали*] ей было шестнадцать лет. Она шестого года, в двадцать втором году мы ее забрали. Ей было шестнадцать лет, красивая. Уже умерла тоже. Мы справляли золотую свадьбу, ее сынок… [запис перервано] …Якубовский.

[*Комсомольцами были*], да. да. ЧОН, тогда был ЧОН – часть особого назначения, борьба была с этим, с бандитизмом. Тода ЧОН. Комсомольцы были в ЧОНе все. Ну, они работали, и, занимались этим, борьбой с бандитизмом. Последняя банда была Рассоха. Помню, как сичас, их везли по

Ленина, значить, в гарбах, и этих, в этим, штабелям, да? Привязаны руки. И посередине пулемет стоял. Мимо нас везли. В [нерозбірливо] году, мне двенадцать лет было. как раз мимо того, где ото "Жовтневый", где ото двохэтажный дом, где быт… бытовые это, был. Щас там не знаю шо там. Щас все тоже приватизировал, там. То ли закусочная, то ли банк, то ли черт его знает. Это сичас это, де, музей, трехэтажный, да? Там же был райком партии, в том, а до этого там была школа. Школа была, там учился Дроздов. Он и Дроздов. Он был и заведующий школой, и она преподавала, его жена. У них было два сына. Щас видумывают, что это там. А вот это, как бы он…

Щас, в те годы, мы все кончали украинскую школу. Русских школ не было. Это уже русские школы появилися, питнадцатая, от это наша, и третья, русские школы. А то были все украинские токо школы.

Катерина Степанівна: [*Учебники*] на украинском…

Олександр Кузьмич: На украинском языке училися. Тижило было. Дома говорим по-русски, а в школе по-украински. А потом еще это, немецкие уроки, не… немецкий изучали. И по-немецки надо было и говорить. Елена Михайловна у нас была, Михельсон. Да. Преподавала немецкий язык. Как, как говорили: "Лена-полено", шо-то на нее говорили. А это, там де ото, за этим домом, [нерозбірливо] там де Гофман, Гофман, это, сзади ш там была тоже школа, я там учился. И там, де ото против синагоги.

Катерина Степанівна: П'ятая.

Олександр Кузьмич: Щас, де щас это, м-м, переливание крови, да? То ж синагога была. Большая синагога. А через дорогу – была маленькая синагога. Значить. А там была, напротив синагоги была школа. Я то в ней учился. И значить так – а там в этом, маленькой синагоге, там резник был. Тода ж евреям не разрешали, они ж дома не резали, они носили туда, в синагогу резать. Красивая синагога была, ай, красивая. Ну не разре… ну такой был у них, я знаю.

Катерина Степанівна: Закон.

Олександр Кузьмич: Вот. Ну, мы ж ходили смотреть, чего. Значить так, тода ж говорили, шо, мол, кода мацу, они ж мацу пекут. Вот. Говорят, шо, мол, они, ловят детей, русских, высасывают с них кровь. Так, папа, папа мой, вот эта пекарня, шо меня… Папа, выпекал, шоб не было разговоров, выпекал на заказ мацу.

Катерина Степанівна: На Паску єврейську.

Олександр Кузьмич: Евреи зна… на еврейскую Паску, у нас паски пекут, а у них мацу. Так он выпекал, заказ давали там, три, четыре пуда. [*Мы мацу ели*]? А че не ели?

Катерина Степанівна: У нас и сечас есть маца, я могу вас угостить. Нам офис дае еврейський.

Олександр Кузьмич: Значить, на Паску. Значить так, эту мацу, долбали, такие специальные были эти, как они назывались…

Катерина Степанівна: Ступки.

Олександр Кузьмич: Ступки. Значить, превращали в муку и потом выпекали, и, любые печенья, все шо хочешь. А потом, значить, ище, мак. Мак обизательно. Маковки варили. Сами дома. Выливали, резали. И потом начиняли пирожки с маком. А щас это считают опиум. И пирожки, и рулет, – токо с маком делали. И так же эти булочки посыпали. В пекарне.

Катерина Степанівна: В пікарні, з маком вони шоб… Приносе сюда нам…

Олександр Кузьмич: [*На православную Паску пекли*] Да. У нас мама пекла. У нас это, делали, вот это самое, де щас, это "Жовтнэвый", мы в том дворе жили, мы занимали, от это, шо над улицей щас стоит, такой двухэтажный, да? Мы там внизу занимали полдома (четыре комнаты). А в другом помещении – жили баптисты, молельщик, да. И там у нас была летняя кухня, и во дворе была у нас настоящая русская печка. Мама пекла паски, вот такие вот. По четыре, по шесть килограмм. И мы стояли в окнах, кто красивее паску [нерозбірливо]. Мама у нас была руко… во-о, на все руки мастер. Пекла. Варила. Луче пасок никто не пек, чем у нас была. Ото выставляем в окно – окна ж высокие. Ходят, все смотрят. Отакая большая паска, сверху еще посыпана этим, цветным этим, как… Вот. Кодато ж была церковь. Носили ж свитить паски туда. Ну, и там же оставляли небольшие паски. А потом поп, попы кормили свиней ими. Да. Их стоко, по насво… Понабирают, и оставляют же все. Все носят святить и оставляют.

Катерина Степанівна: Мама все луче. Каже, ето сестри, муж, все луче. Так он гарбу привозе – бричками. І кому? Кому? Роздайот. І ніколи… [запис перервано].

Олександр Кузьмич: служил у этих, немцев, что эти, хазяйва, завода Кирова. Потом у нас был "Красный прогресс". Самый первый трактор в Украине вышел с нашего завода Кирова. И отправили Ленину в подарок, в Москву. А щас приходят историки, шо они знают за Токмака? У нас на пьедестале трактор стоял.

Катерина Степанівна: И от она в немцев работала, да? У немцев. Работала. И до Покровы. Это такой, она нанималась. А потом зима. А потом они зимой вязали. Рукавички. Носки. Зимой не гуляли. Усе занимался. Там где она работала. Там он ветеринар был. Приводили коров туда. И это. Он лечил. А они все занимались, пряли. Вовну, это, прядка. И вот это вязали.

Олександр Кузьмич: Ну, прялки ш были?

Катерина Степанівна: Да. Это, и вьязали, все времья, вьязали эти...

Олександр Кузьмич: Рукавички, и носки, и кофточки. Мама сама вязала. И кофточки, и носки, и рукавички. Мама все могла. Их с детства приучали дома.

Катерина Степанівна: У мене дочка, Ніна, вона…

Олександр Кузьмич: Приучали с детства работать. Я ш говорю, шо мы, полы мыли. Всигда, девочки у нас не было, с Борисом. Посуду всегда мыли после еды. Значить, тода сами себе кашу варил. Я варил кашу. Молочную кашу, с пшеном, или с еще с чем-то. Ну, мама говорит: “Сварите себе каши”. А шо я, не могу? Сварили. А вообще, у нас часто плов, как барашка – так плов, чебуреки. Мама делала чебуреки, ото такое, наделает. Нина приходила. В Крыму-то чебуреки – первая еда. Сядем, Вася, этот, дядя, ну, как он нам? Зять приходил[ся], да? Вася.

Катерина Степанівна: Да, ну, Нинын муж..

Олександр Кузьмич: Нины. А мы, тетю Нину – не называли тетя. Они, папа, мама говорят – и мы Нина. Она шестого года, я – питнадцатого, Борис – симнадцатого. Нина й Нина, Нина й Нина. Уже кода взрослые. Приходи к нам они всида. Нина и Нина. Еще, Вася (мужа), называл на имя – Вася. Учили все, дитей приучали, с детства всему. [*С братом*] мы по очереди, полы мыли. Ну, мама ж не будет нагинаться. Ото когда запретили эти, доморaботницы иметь, мы все это делали. Та, наверно, интересно было. А шо такое помыть пол? Зато когда в армии служить – полы мыть, я уже привычный был. Мы в армии служили, сами ж полы мыли. Какая армия, как харашо было служить. Токо шо было, нас сразу как токо приехали, приняли присягу. А присяга кончалася: “Служу трудовому народу”. А щас кому присягу принимать? Де тот трудовой народ? Какие уважение было со стороны офи… этих, командиров. Он солдату на “ты” никогда не скажет. Ото в баню нас погонят купаца. Привезли нас. Ну, приехали, все – городские ребята. Все с образованьми. Не меньше десяти классов. Я еще в техникуме два года проучился. Потом техникум ликвидировали, я не поехал. Часть – в Бердянск перевели. Часть – в Запорожье. Это ж, де щас техникум, он щас техникум, да? Это ж была гуральня. Спирто… спиртзавода. До революции. Его отстроили. Я ж там учился. На первом, на втором курсе, а потом его likви… и распустили шо-то.

Катерина Степанівна: В Бердянск.

Олександр Кузьмич: В Бердянск перевели, часть в Запорожье. И я потом заочно стала. Папа: “Куда ты поедешь, – (голод, в тридцать втором году), – куда ты поедешь? Сиди дома”. Я пошел работать.

[*В армии*]? Я помню, шо такие командиры были, все эти бывшие участники гражданской войны. Это были воспитанные, культурные люди. Он на “Вы”, солдату “Вы”, “ты” не скажет. “Эй, ты!” А сичас офицер. То ему… [запис перервано]. А мы приехали, все такие, с образованием, комсомольцы. Да, послали… Повели нас в баню. Покупали там, переодели, сразу в советскую форму. Ну, я, мне подобрали, одна шинель такая, а Степан Ужиченко, одинако… а ему отак она. Пришли, как глянул командир части. Вызвал старши[ну]: “Шо это такое? Щас переодеть! По росту”. Мы идем, еще и эти дали, не сапоги. А эти, как их…

Катерина Степанівна: Обмотки.

Олександр Кузьмич: Обмотки. Накрутишь обмотку. А были обмотки зелененные, коротенькие отакие, а были, эти, черные. Идешь, размотался. "Эй, солдат! Он пиленка сзади тянутся". Каже: "Молоди рекруты появилися". А я запевал, речевку в роте. Я запевал. Как идем, мостовая, цок-цок. "Саш, а ну, запевайте!" Не запоешь – будет гонять, пока не запоем. Паршивый, вредный был такой старшина. Да. Ну, шо ж. Я запел. Мне ребята: "Ну, Кононенко, давай, Сашка, запой!". Я как (голос хароший был), и как де… чувствуется, что рота идет. Так, остановил. "Кругом! Кононенко, [нерозбірливо], выносим благодарность". За харошую песню. Сколо этих благодарностей было, ой, Боже. Значит так, кончили школу в Кировограде, и нас в Умань направили. Я с старшей команды. Нас едет – двенадцать молодых командиров. Я – старший. Приехали станцию Знаменка. Ну… Кода – я, пошли мы так. Ребята разошлися, там в сквере, там дивчата гуляют. Ну, мы ждем – пересадка там. Кода объя… комендант станции: "Кто у вас тут старший?" "Та он там, невысокого роста, старший сержант". Я го[во]рю: "Я". "Ваши ребята (напилися, мол) и безобразничают". Я: "Не может быть! Это не наши". Короче: "Я их всех задержал". Да. Ну, когда подошел поезд, сели. Он мне говорит: "Приедете в часть, доложите, шо в пути следования, безобра… ". Так. Приежаем. Станцию Христиновка (восемнадцать километров от Умани). Встречает нас командир. Это, политкомандир части, Олиненко, политрук – Лацман [кашляє]. Я доложиваю: "Товарищ старший лейтенант, команда младших командиров в составе двенадцати человек прибыла в Ваше распоряжение для продолжения службы. Да. В путешествии никаких происшествий не было". Ну, привезли, значит, в часть. А я: "Где же ваша рота?" Надо их искать. Они в лесу как раз жили, еще летние лагеря. Нема никого! Давай, нас разбили, ото мне взвод, радиовзвод. Давай же… а те хлопцы почти киевские, такие, городские. Да ну, приехали, [нерозбірливо]. Ну, там быстро навели порядок. И шо Вы думаете? Проходит месяца два-три, вызывает меня командир части. И стоит же ж комиссар, или политрук. "Шо ж Вы, товарищ Кононенко, не доложили правильно?" "Как так?" "А от пришел один, фамилия его была Шевченково. Шо вам, шо отакое было на станции Знаменка". Я: "Кто Вам сказал? Такого не было". "Ваш, кто с Вами, с Вами ехал?" [нерозбірливо]. Через два дня его не стало в части. Отправили его в это, в такую, войсковую часть. Никто не любил доносчиков. Мы: "Ах, ты, сволочь такая! Мы с тобой вместе служили, пошел и ляпнул такое!" [*Он*] промолчал. "Да ты-ты-ты". "Че ты-ты?" В морду бить же не станешь – под трибунал пойдешь. Ну, ребята, все сказали: "Какой ты подлец!" А мы когда жили в этих… Лето, выходили, жили в этих, палатках. Такие, палатка настоящая. От хорошая. Да. И тут как раз лес. Идем в увольнительную. Запаздывает. Так. А ребята свои ш дижурят. Там разденешься. Под это, под руки одежу – и бац, и в палатку проскочили. Все. А, харошие ребята были. С Бердянска, с Токмака нас. Потом еще там были те, местные. Ну,

мы там быстро порядок навели. Нас приучили здесь. Я го[во] рю: "Где же рота?" "Нада их искать". Я тогда поехал в командировку, в Киев. Заехал да… как же его фамилия? Поляк по национальности. К нему на квартиру. Игорь… как же его фамилия зовут? Проведать его домой. Значить, вышла такая мама, видно еще, с тех еще, дореволюционных, женщина. Да. "Ну, как там наш Игорек?" И пришла ж его невеста, и баришня. Чернецкая ее фамилия была. Ох, и Игорь. Мы пока с ним поработали, приучили к дисциплине. "Как, не баламутит там?" А мама, интересная такая. Ну, видно, выхоленная такая, еще с дворянской семьи. Ну, короче го[во]ря. Тода ж тоже люди жили зажиточно, ну, воспитывали их. Их иначе воспитывали. А эта, такая красивая девочка! "Как там мой Игорек? Я, – говорит, – скоро приеду. А че Вы его с собой не захва… [запис перервано]".

Если там [нерозбірливо] был, так, там же у него, кто-то не был, уже чи внучка, чи… дочка. А воощe она – Параскева, потому шо была [нерозбірливо] Васильевичем, ее фамилия, ее… а… Жанна… Кирилловна, Евгения Кирилловна. Параскева. Они живут здесь. На Вокзальной, что ли. Въежаешь на этот, Комариевский мост, а этот, Ленинский мост. Там де ото, площадь Ленина, да? Вы знаете? Когда-то была площадь Троцкого. Ну, я же знаю, я же ж тут жил. Тода еще. А потом, когда разоблачили троцкизм, переименовали – площадь Ленина.

[*Купец Параскев*], та он не купец был, я не, а може, я уже не помню. Я не знаю, как его звали. На подносике носил эти, папиросы. Так-от. На шее подносик. А так он не торговал, токо. А торговал, в кооперативном торговал, в киосках. А де, отам де церковь, там же был базар. Там были киоски. И на весь базар было двое или трое весов. А потому шо не было тогда весов. А у него в будке были весы. [*Взвешивать к нему ходили*], да. А так он торговал токо в пекарне. Пекарня, столовая, он был заведующий, все время он был на таких, на руководящих. Заведующий столовой. Член правления кооператива, потому шо это [нерозбірливо] кооператив, да? Это был кооператив пищевиков. Объединял он пекарни, мельницы, ну, кустарные. Это кооператив. Там они объединились в кооператив. Был кооператив извощиков. Кооператив этих, пекарень. Ну, все, все кустари объединялись в кооперативы. Потому что их государственные предприятия.. в конце-концов, почему нэп ликвидировался? Потому что государственные предприятия их задушили экономически. Как сичас вопрос стоит, так [запис перервано].

[*Отец сигаретами торговал*], ой… Это было в двадцать втором году. Мы приехали с Крыма. Мама делала, папиросы набивала, а он ходил там, ходил, пара, месяц, и того нет. Шо было, шо привезли с Крыма, распродали все. А потом он работал, все время работал, и слесарем работал на завод. По специальности слесарь. Ну, это в заводе Кирова, в двадцатых годах работал. В двадцать третьем, в двадцать четвертом. А потом кода уже разогнали, от эти кооперативы, и частные, кода ликвидировали нэп,

он обратно на завод пошел. Работал на станке. Он сам и обувь, и дома, делал мебель всю сам. И стулья. И шкафчики. Он на все руки был. Специалист.

[*Друзья отца*], бог его знает, я уже и забыл. Он со всеми дружил. Тут много было людей, их уже нету никого, я уже щас не помню. Когда это было. Уже пошло восемьсят с лишним лет [запис перервано]… Они родились в революцию. Их щитали – дети революции. И поздравляли каждый год. От, мы ее [*Рогоза Ида Израилевна*] принимали в пионэры, [нерозбірливо] де Дом пионэров был, против этого, – отам ее в пионэры принимали. Ну, мы ж постарше на два года. А учились мы в одном. Я, с ее старшей сестрой, с Мирой, в одном классе учился. Тогда. У меня есть фотография, одна. То шо взяли фотографию за тридцать пятый год. Там она тоже есть. Они все были дети кустарей. Ну, в основном, тода ж. Тогда ж было после революции тоже частное. Так, на селе ж землю пораздавали помещичью. Потом стали кулаки. Им власть дала землю, потом их раскулачивали. Страшное дело, шо творилось. Я ж это все помню харашо. Приходит, плачет, шо: “Батька загнали в колхоз, он не хочет. На висилку”. Тода в селах школ не было, так они учились в нашем. Со мной училися, со с сел. В одном классе училися. Хорошие ребята были. И потом у нас только одно учебное заведение было после семилетки – техникум. Больше некуда было учиться. [*А если нет*] – работать. [*В другой город учиться*]? Ой, за што. Это ж совсем другое ж время было. Это уже после этого, когда уже, в те годы, к концу двадцатых, в начале тридцатых, ездили учиться, и в Москву, и в Ленинград, куда… У нас токо было семи… семилетние образование. А потом я семь классов закончил в тридцать первом и пошел в техникум. Два года проучился в техникуме – распустили и техникум. Ликвидировали, перевели его в Бердянск, в Запорожье. Пошел в вечернюю ж – десятилетку закончил. После поехал в Киев поступать в институт милиоративный. Но мне там не понравилось. Я уехал. Пошел сразу же работать. В тридцать [нерозбірливо] я ушел работать. Ну, как-то считалося… Ну както, пойти к родите… Пойти з барышней в кино, пойти у родителей деньги, просить, что ли? Рано пошли работать. Работал помощником бухгалтэра и в швэйной фабрике.

[*Чувствовалось, что мама еврейка*]? Не, не. Мы придерживались всех православных праздников. [*От родителей ей*] ничего не досталось. Она поехала, в чем была. Папа привез. Ну, мы тогда не думали о наследстве, ниче. Сами все наживали. Она сама обшивала, и нас даже. И вязала. Все, все могла делать.

[*Игры детские*]? Как обычно, баскетбол. Это была наш… я отам жил, де я ото Вам рассказывал, де шас “Жовтнэвый”, я в том дворе жил, двор был большой. Так мы, там у нас и трапеция стояла, шо выжимайся. Сделали. Потом, ворота поставили. Потом в “чурки” играли. Вот. В мячики играли. Шо мяч бьеш, этим. И там у нас были ворота в гандбол играли.

И в футбол. Ну, как пацаны все. Ну, смотрели, как старшие. Так и научились. Я голубятник, занимался голубят… у меня голубятник был. Занимался голубятами. В нас были вертуны такие, ото свистишь – они летают. Потом вот так крутятся... Потом были эти – вертуны. То вертуны. Потом были эти, красивые, белые, такими, распускали, каких их называли, уже… У меня много было голубей. Как-то сидят на крыше. Как посмотришь, и летает. [*Покупал*] на базаре. Да. Тода занимались люди этим. Занимались. Канареек продавали. Голубей продавали. Этих, попугайчиков продавали.

[*Попугаи у нас*]? Та были. Попугаев у нас не было. А вот, у зятя, этого, младшего. Он тода, у него тогда был попугай, шо он и говорил даже. Маленький такой. Ну, маленький, то ж попугаи большие, шо все говорят. Передражнивают тогда. А это маленький. И щас у него где-то попугайчик есть. [*Зять*] Нины. Младшей дочки. Завтра они придут, завтра День освобождения Токмака.

[*Нине в приданое*] шифанэр купили, и все. Постельное может, я уже не помню. Во всяком с[лу]чае они обижены не были. Я ж харашо зарабатывал. Работал уже бухгалтэром. [*Деньги в приданое*]? Та не, купить шото, шоб купили такое. И деньги давали. Мы с мамой ездили, в нас деньги никогда не держались. Мы себе ни в чем ни отказывали. Бывало, о, придет, ск[ажет]: "Опять, зачем? Мало ли что с тобой может завтра случиться". Я говорю: "Шо есть, нада все… [нерозбірливо]". Потом ото когда старшая дочка, они же у нас жили, два [нерозбірливо] зятем. Ну, шо, постели там, подушки, такое давали. Она ж работала тода микробиологом, а он же директором этого завода был [нерозбірливо]. Оце консервный завод, ну, Вы знаете, где он? Это когда-то там было ФЗУ – фабрично-заводское училище, от завода Кирова. От. Готовились специалистов. Слесарей, токарей, ну, все. Специалистов. Тогда был престиж. Работать на заводе Кирова – это считался престиж. Самое большое предприятие. Зарплату там хорошую платили. Я работал старшим бухгалтером цеха. А в тридцать восьмом [нерозбірливо]. А специалисты эти, шо у нас была [нерозбірливо] первый – до трех сот заганяли. [*А я 750*], да. Ну, они ж работали, они и нас содержали. Я всегда считал как, говорю: "Девочки, культурными будьте и обращайтесь с каждым рабочим отдельно. Объясните, как, что. И не вздумайте грубить. Потому шо если их не будет, нам тут нечего делать". Даже если сборщики – получали больше начальник цеха. Они [ни]когда претензий не предъявляли. Культу… куда там! Придет, каждый рабочий имеет свою папочку, слаживает туда наряды. Подсчитывали. Записывали, обисняли. Щас компютер наломает дров, вот когда вот я… [запис перервано].

[*Отец отдыхал*], ездил в Бердянск, по путевкам, на две недели. В начале двадцатых годов? А воскресенье – дома проводил с нами, с детьми, ходил гулять. Он еще, на речку с ним ходили. Отам, де, этот, площадь. Там же хорошая река была. Мы там купались, и плавали, и пригали. В воду с этого, с берега. Я хорошо плавал. В тридцатые, да, то, по[мню], в пи-

онэрский лагерь ехали. Заплывешь, бывало, за полтора километра от берега – и назад.

[*Как нас мать лечила*]? Я уже и не помню. Мне ж были чуть ноги не отрезали. Я горячий пар – облил. И мне отут – пятерню отрезать. И мама сказала: "Пусть луче он умрет, но токо, он шоб нас не проклинал. Всю жизнь". Потом какая-то старуха сказала, шо сделает, и этим, гусиным смальцем. Таким, [нерозбірливо]. И сошло все. Но шрамы до сих пор есть. [*Старуха*], ну, посоветовал, шо надо делать. Оно ж гнило все. [*Старуха*], такая, обыкновенная. Ну, как же, детей да принимали, эти? Как их называли. Тода ж не, в роддом не отправляли.

[*Отправлять в роддом начали*]? Уже делал в двадцатых годах, в конце двадцатых годов. Тода ж были фельдшеры. Фельдшеры – большое дело. Оце када, лечили, кода, Катя моя родила, перв… ребенка, это ж война же шла. Фельдшер приехал, забрал, поместили их. Тут бомбежка. Их спускают в подвал, вниз. Обратно подымают. Я ж пришел же. Родила, на, показывает в окошко.

[*Ворожки*]? Были. И щас есть. Мы ими не пользовались. Мама, бывало, все умела делать сама. Мама гадала так, это. А вообще она, мы… или кода кашель, или что-то такое, сама она припарки делала. Сама смазывала. [*Травы собирала*]? Да нет, в аптеке все брали. Аптеки, те шо были в аптеке, как их, провизоры, чи как они? Вот, они как и лекари были. Они знали, для какой болезни шо дать. Шо для кашель, для бронхита. Я помню, болел этой, и оспой болел, и скарлатиной болел. Тода никуда не пускали, я в отдельной комнате лежал. Шо, а там надо было только вылежать. Шо скарлатина, шо оспа – ветреная оспа. Не такая, черная, а ветреная. Эта моя, де… ну, наша, сестренка, она со мной переболела скарлатиной. Все нормально было. Щас дети балованные. А мы что? Шо от нас учителя имели. Тоже были такие. И кричали, и шумели, и в угол ставили нас. Ну, нарушали дисциплину, шум. Харошие были. Лазили по плантажам, по чужим садам. Своего не хватало? Хватало. Нет, интересно было залезть в плантаж. Ну, это там, как ото, де ото площадь, Ленин щас, как на, ото, ленинский мост, там же были сплошные плантажи частные. Отуды ходили. Пойдем в сад, нарвем полный, в пазуху. Идем. Остановили нас. Витрусят все. Еще и запишет. Я ж думаю: "Шо он там натворил?" Папа нас… "Те шо, дома не хватает? Он, пожалуйста". Бывало так от, приежает. Кавуны привозили брычками. Два копэйки – кавун отакой. А потом уже не продал – выгрузил на базаре и уехал. Шоб не видел. Разбирают дети. Жизнь была интересной. На то время для нас была интересной. А сичас… [запис перервано].

[*Тридцатые годы*] Не… Ну что Вы… Качество все время было харошее [нерозбірливо]. Наш консервный завод. Он же выпускал какую продукцию, высокого качества. Отправляли в все концы Советского Союза. Вагонами отправляли.

[*В магазинах*] там все было. Вообще, вещи вообще дешево были. Получали. С Ива… [нерозбірливо]. Вот получали, и с Москвы, и с Ленинграда. Закупали эти… Потом, там в Ива… Ну, все, со всех других республик завозили и продавали. Построили фабрики, заключали договора с фабрикой. Фабрики, фабрики были колоссальные. В Советском Союзе. Все качественное продавали. Мануфак... [запис перервано].

[*В Токмаке*] и греки были, и татары были. И болгар много было. [*Жили*] в городе, в центре. И тут от нас высокой… школа была, и там преподе… де… болгарин был. Заведующий школой. Они там недалеко и жили. [*Болгары занимались*] огородами. [*Греки*] и торговали, и работали. Работа… на заводе работали и греки, и немцы. И, любые нации работали. Евреев много работало. На заводе Кирова.

[*Дома у татар*], а вот такие как же у всех. И по селам были, и в центре были. [*Занимались*], я уже не помню… Тоже шо-то… Вообще они трудолюбивые. Я же жил в [нерозбірливо] их. Они землей занимались. А потом они... тоже торговали – чебуреки, шашлык, – это ихнее. Хобби, как говорят. [*И в Токмаке*], и тут. Была и чебуречная, шашлычная. Там де торговый ряд, там был это… наподобие закусочноя. Привозили вино. С этого, с Крыма. Там же и закуска была, в подвале. Тут очень много евреев жило в Токмаке. [*Жили*] по улице Нансена, по Шевченко. Работали. И станочников было на заводе много. И в бухгалтерии, бухгалтеров много было. [*В двадцатые*] кустарничали. Ну, что они кустарничали? Портные, сапожники, отакие. И торговали. Ну, как, когда нэп был, ездили на села, скупали, потом в магазины продавали. Мясники были. На базаре торговали, резали скот. Торговали там, вешали, рубали. Это тоже надо уметь.

[*Вербовщиков в Токмаке*] не помню. По-моему нет. Каждый сразу на месте. А не ездить. А вербовщик, вербовщик всегда были. Ну, сейчас же вербуют? В России скоко украинцев вербуют. [*В двадцатые-тридцатые*] было. На шахты. Приходили, вербовали. Кулаки бросали свои хазяйства и уезжали на шахты. Да, шоб и там их нихто не трогал. В двадцатые, когда раскулачивание началось. Они бросали землю и уезжали. Просто, знаю, шо уезжали. Так эти нэпманы. Когда начали их разгонять. За сем, за сем лет нэпа, население увеличилось на двадцать один миллион. Прирост был, каждый год было три миллиона прироста населения.

[*Нэп как сворачивали*]? Та так, оно и незаметно и прошло. Пришло время – и наше время уже кончилось. А вообще это был сильно – как они подняли. Это, промышленность, уровень жизненный подняли. Это были специалисты. Папа, когда с турками работал. Они его пригласили, потому что, во-первых, он владел. Во-вторых, он все знал. Он сам закупал, он сам мог на молотьбу возил, сам привозил. И сам торговал. Книжку взял, учет. И все. И налогами обложили, и налоги платили.

[*Отец*] вроде, до революции ездил де-то, в Константинополь. Та, там рассказал. Шо, ездил туды, смотреть как там жизнь. [*Переехать*]? Не.

Он никогда. Крым. Крым был богатый край. Там был сильный, было хлебопашество, виноградники. Винные больше заводы. Винные… та, шо там говорить. И, в основном там, это, занимались овцеводством. Ходили целые табуны баранов.

[*Здесь выращивали*] пшеницу, выращивали пшеницы. А потом откормка свиней, скота, птицы. Щас же не одной птицефабрики нету [запис перервано].

В тридцатые годы, в сороковые годы… Держали по тридцать, по сорок, по питдесят голов курей, гусей, утей. Да. Коров держали. Они ж, тода, колхозы, были, выделяли. Колхозникам, шо на трудодни им давали зерно. Шо выделяли им пастбища. Покосы давали. Шоб косили корове на зиму [нерозбірливо] в селах быть.

[*Чумаки*]? Были такие. [*В Токмаке*] я не знаю. По-моему, привозили. По-моему, татары привозили. С этого, Сиваша. Я знаю, шо соль поставляли с Крыма. Ездили люди. И привозили. А нас не интересовало тода. Нас не интересовало. [*Чумаков*] не видел. Может, я знаю, шо они чумаки? Я знаю, шо виноград привозили гарбами. Гарбами возили виноград с Крыма. Нас двое суток ехали туды. На харошей лошади были. А потом же ж железнодорожная была. Токмак. До Токмак ходили вже поезда. И вагоны. Тогда у лю[дей] понятия не имели, шо так, сичас, скажем, в каждом доме – виноград. Понятия не имели. Это считалось, значит, уже, после войны заниматься виноградом. У нас тут никогда виноград не рос. [*Деревья здесь*] яблоки, груши, абрикос. Слива. Вишня [запис перервано].

[*Отец дом строить не хотел*], нет. Это уже я, и то, простроил этот… все слажи… [запис перервано].

[*Украшения у мамы*] были. Браслеты, кольца. Я уже не помню за… Потом не в моде ж было. Считали – мещанство. Все такое. Уже, в конце двадцатых, тридцатых. Перестали носить. Шо отут браслеты носили, тут, тут носили. На локте, да, отут. Браслеты носили. Кольца носили. Сережки носили. Из золота. А щас золото [нерозбірливо].

[*Мама*], по-моему, она никогда не красилась. Ото губки токо подкрашивает и все. А так она косметикой не пользовалась. [*А другие*] так понак… нашпаклюется. Потом пока отойдет. Оно ж выедает. Оно ж выедает лицо и все. От моя жена ник… никогда… [запис перервано].

Я каждый день дома не брился. В парикмахерской. Поброют, сделают компресс горячий. Потом еще помажут чем-то. Самый лучий, духами. И раз в две недели делали бесцветный маникюр. Подрезал эти, ногти. Шоб порядок был. У нас была одна, тут, в парикмахерской, маникюрша была. Ну, там же дивчата маникюр делали. Разные там разноцветные. А мы уже мужики, когда подрезать, где что есть, какая заусеница. Там же отак: почистят. [*В тридцатые*], да. В сороковые. В тридцатые, в сороковые. [*И в двадцатые*] были.

[*А отец маникюр не делал*], не, не. Никода. Делали шестимесячные завивки. Ну, завивки делали женщины. Я себе сделал завивку шестимесячную, перед тем как ехать в армию. Эта, Варя, шо моя дивчина была. Када. А тут нада стриться. В военкомате. Так она отрезала мне и положила, эта, в конвертик. Потом не знаю, куда она дела… чи маме отдала. Тоже мне, за мной смотрели. Шоб чистенько было. Придешь на танцы. Побритый. Наадекалоненый. Были одеколоны такие, многолетней этой… в ванной эта бутылочка нескоко лет пахла. “Красная роза”, “Крымская роза” была, самая лучая. Ай, какой, ц-ц… [*Покупали*] в магазине. У нас же тут были из [нерозбірливо] были, они эти… как в совхозы, колхозы, выращивали розу. Шоб делали, с нее делали эту... масло розовое. А потом там разбавляли спиртом, – одеколон, духи.

[*Вопросы решали*] были сельсоветы. Те, в двадцатые годы. Ну, они решали там, где, что устроить, где, что. Какие, собирали эти, воскресники устраивали. Там, убирали. Вскапывали клумбы. Насаживали, это. Шевченко [*улица*] насаженные. Ленинская насаженная была. Деревья… такие, декоративные. Ну, собиралися. Щас же тоже есть уличные комитеты. [*И отец ходил*], ну, а как же. Мужчины в основном. А выходили же благоустраивать все. И дети. Привыкали. Ну, насаждения ж делали. [*Главный кто*]? Ну так, они между собою выбирали. Голосованием, наверно.

[*Махно*] он сам – гуляйпольский. А тут они… они против всех воевали. И против немцев, и против красных. Грабили, погромы устраивали. Я помню. Папы не было, куда-то он уехал, мы отам жили, в той самой, жили тода. Ото де “Жовтнэвый”, там, в домике своем жили. Они ворвалися. Забрали все. Шо на… шо было. Ну, махновцы зашли. И все забирали. [*Выглядели*] как люди обыкновенные.

[*Еще в Токмаке*] это была банда Расоха, Расохи. Здесь убивали, в Токмаке. Коммунистов убивали.

[*Голод*]? Сорок седьмой год? Че ж не помню. Сорок седьмой. После войны? Я тогда работал [нерозбірливо] управление, СНК, Ленинградского, Ленинграда. Завод отстраивали. Да, харашо зарабатывал я там. Все получали с России. С России шел лес, у нас были изготовители. В России изготавливали там лес, [нерозбірливо]... распиливали. Строили эти, квартиры, где Рогоза, живет, тож. Тож до войны дома. Строили в тридцатых годах. Сороковой. До войны строили. Все деревянное. Все было там с дерева. И полы деревянные. Линолеум – тогда ш не имели понятия. И балки, кровля – все было деревянное. Я после войны [нерозбірливо] …на кирпичном заводе главным бухгалтером. [запис перервано].

[*Голод*]? Да. Но, мы, мы его не ощущали, мы жили… А, приехали, [нерозбірливо] когда мы жили в Баку, в Самгаите. Он говорит: “Куда ты едешь? – говорит. – Там еще голод”. А мы, я в сорок шестом году мы приехали сюда, я тут посеял пшеницу. У меня тут был огород, в три раза, в четыре раза больше. Полгектара. Посеяли пшеницу. Мы ее покосили, в

сорок седьмом году. Ну, мы паек получали хароший. Было то шо и голодали. Мы тогда привезли из Баку много кой-чего. Я когда приехал, семью забирать, дочку, жену с дочкой, я привез много кой-чего. Я им посылки слал. А там больше была жизнь. Там понятия не имели, шо такое голод. В Азибиджане [нерозбірливо] …в сорок седьмом году, [нерозбірливо] каждый год было снижение цен. Уже наше сельское хозяйство… [нерозбірливо] в войну. Булка хлеба сто пиисят рублей стоила. Кило сахару – двести рублей.

Кое-кто нажился во время войны. Оказалось, шо обмен денег, (там тоже ограничивали). Во время войны, как говорят: “Кому война, а кому мать родна”. Такая поговорка есть.

[*Кто нажился*]? Черт его знает, я уже приехал сюда… Я знаю, шо, когда мы жили в Баку, так там миллионэры были. Они хорошо… эвакуированные были там…

Папа никогда не ходил ни в церковь. И мама в синагогу никогда не ходила. Не, мы не ходили. Соседи ходили. Мы им заранее там, свитили паски, да? Дать. Мы праздновали все праздники. И собирались все соседи, соберуться.

[*Отмечал в семье*] Новый год, именины. Ну, так, как обычно. Тридцать первого декабря, ночью, – Новый год. А потом уже кода, считай, сразу, или после даже? Ну, после кода мы перешли на исчисление по Западу, и Рождество. Двадцать пятого, что ли, декабря праздновали Рождество. Советское Рождество называлось, Советское Рождество. А эти села, – отмечали восьмого января. По старому. Вседа – подарки на Новый год. Справляли на Новый год. На май справляли. На Паску. Паски всегда мы пекли. Ну, так, праздновали, пекли. В церковь не ходили. Папа говорит: “Я не признаю, – бывало. – Та, это такие брехуны, шо дальше некуда”. Ну, от так он относился.

[*Подарки под елку на Новый год*] ложили. [*В Деда Мороза верили*], да. Ходили ж Дед Морозы. Сосед какой-нибудь придет. Бороду такую, еще с бородой, придет. Дружили мы, дружба была больше, чем сичас. Один другому не завидывал. Бедна… придет бедняк, накормим, еще и дорогу дадим.

[*Нищие*] приходили. [*Местные*]? Не-не, не мест… местные были. Местные в основном были. Ну, придет. Накормим, еще и в дорогу дадим. Ну, шо кушать. Хлеба, или кусок колбасы. Мы ш тода колбасы… Що она стоила та колбаса… А потом уже сами делали колбасы, начиняли. Да. И тут мы делали колбасы. Украинскую колбасу. Сами ж делали. Кишки промывали. На мясорубку одевали, фарш. И завязали, отварили. Потом прикоптили. Свиней резали. В нас тут была коптилка, свою сделали. И сами… [запис перервано]… сорокового года. И тут я когда уже тут жил, так коптили. И после войны коптил всегда сам. У меня коптилка была. Окорок выкоптили. А то еще помню кода-то, лет десять назад, кабан…

[*Ремесленный клуб*]? А это был... Это до революции, там де ото шестое управление, шо я рассказывал, де был клуб, там до революции был "Клуб ремесленников". Ну, там приходили, там танцевали, там музыка играла. Сопровжд… Тогда были немые фильмы. Сопровождало пион… пианино и скрипка. Скрипач. [*Содержали клуб*], ну, за счет сбора. Тода были, тут был так: украинский театр, русский театр, и еврейский. И потом, за этот клуб, это… завода Кирва. Да, там всида артисты приезжие были. Даже с Москвы приезжали, Мерхольда. Такие вещи харошие ставили, мы ж ходили. Уже женатый был: "Мам, ану с тобой пойдем". Папа не любитель был. Мама ходила. Проводили время мы харашо. И в кино ходили. Ни одного фильма не пропускали. Ну, фильмы были харошие. А когда стали ото уже… То ж были фильмы немые, а сзади там пляшут, танцуют. Ну, там шоб показать вид. Они ж там пишут. Они ж не говорят там. Там же все время писали. На экране. Там писать, покажут: они поют. А сзади эти песни поют. За этой, за занавес. Лошадь у меня была. Я верьхом еду мимо кинотеатра там, де ото горисполком, там бил кинотеатр, "Красный факел". Еду, верьхом на лошади. Приезжаю. Папа работал в кооперативе, у них был свой конный двор там. Заеду. Я говорю: "Пап, поставь лошадь, да накорми ее. Я утром буду ехать, верьхом поеду". Раз приехал – ехал в лужу попал, через голову перевернулся. Приехал – весь в грязи! Ой! А у нас был фордик. А начальник политотдела жил в том же дворе, шо и я. Иногда, когда он едет домой – меня с собой брал, мы выежали. С ним, тогда диковинка была. Показывал, какая у него машина – это диковина была. Фордик маленький такой, как ото, запорожец. Там пере[ез]жать через железную дорогу, выйдем, подтолкнем, так и перевалил. А так, обычно, линейки были, тачанки. Ну, это такая, тоже. Низенькая такая. Линейка. Тоже, с лошадьми, двое лошадей запрягается. И там, такое еще, это, скаме… ступенечки. То сидишь, ноги на ступени. А у нас на заводе Кирова тачанки были выездные. Одна машина на весь завод. Знакомый парень был [запис перервано].

КОСТЮК ФЕДІР АНТОНОВИЧ, 1911 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

[Опитування не з початку].

…Я розкажу. Я [нерозбірливо] ото, хлопці, ці, махновці. Стоять і чистять пулємьот. Пулємьот. Пулємьот і... а коні їхні, тут ідуть красні. Це ж махновці, а це ж красні. Не дають, то, шоб уб... убралися. Цей, цей приходе, махновець, в жопу, коліном. "Іди, шоб я тебе не бачив, – каже, –

[1] Опитування проводила І. Савченко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

тут". Вони і кажуть: "Харашо". От. Тепер приходе Махно. Махно... Я приходю додому. Кажу: "А хто був?" – мамаші. Мамаша: "А це якісь партізани. Ну, якісь, люди не свої", – каже. "А чо?" "А це, – каже, – чи не вірують, чи в Бога не вірь, чи шо". Я і кажу: "А шо таке?" "Та. Нічого". Тоді приходим, коли ж Махно. Оце ж приїхали, вони, об'їхали, узяли мене на руки, усе... "А це. Оце хто?" – на мене. "А це, – кажуть, – хазяїн самий старший". На мене. "А це, – каже, – ото, мати, а це син. А шо таке?" Та нічого. "А шо, він їх обідив?" "Ні, не обідив". Ну, не обіжали. Хароші люди. Ну раз, ну. Ну приїжа, він проїхав селом. Сюди-туди. А це ж бач, Махно. "Хто, Махно? Та. Шо?" – я кажу. Вроді нічого не знаю. Коли приїжають, це ж, махновці. Приїхали вони. Він приїхав, Махно. Все обнаружив, усе. "Ну, давайте, їхать". "І я поїду". Плачу. "І я поїду з вами". "Ні, нізя. Ми, ми воюєм". Я плачу, і я кажу... "Це ні-ні. Ми воюєм", – каже. Ну, і заплакав я. Ну, нічого. Хай хароший чи пагано, Махно нічо мені. Я шо-шо знаю, но я за Махна знаю, як він мене на руки брав, як він мене катав, як він мене усе. Так шо... Я і хлопців-махновців, і... А, прийшли красні – так це бандіти. І коней забрали, і все позабирали. Все. Де, лошада, де... І, забрали тих, коней, забрали, і все. Не було нічого. А вони ше хотіли забрать. І сахарь, так їм так як дав... махновець [нерозбірливо]. Так шо... Махно був парень для... я не знаю, я його [нерозбірливо] він обідивсь. Нічого. Був як, як чоловік. Як він брав мене на руки. Як я – в губу. А як уже ті стали, комуністи... ті. А тепер од нам і кажуть, значить, женщина. "Ви, – каже, – шо Ви так?". "А ми, – каже, – ті, красні". А вона і каже, та, жінка: "А мій мужик тож красних ожидає". "А де він?" "Он". Пришли, забрали, одвезли [нерозбірливо] і розстріляли. Сама продала чоловіка. Так шо... Оце таке діло. Діло. Шо ми не називали, ні, нічого. Нічого. Ніхто не був, і царь був, і де я був, де не був, я так і був при, при часті, і при, оце тепер.

[*Про Махна й*] люди розказували. Люди розказували. А я сам бачив, на руках він мене. Носив, іше. Це, це він. Ну, люди розказували, шо він і такий був, і такий... А я знаю, шо він мене не обіжав. Так шо... Шо я, дочко, ні, не буду казать, шо він поганий, чи він хороший. І як з чоловіком. Поїхав батько Махно, справка, поїхав і я. І поїхали. І всьо. А вони забрали. Коней вивели, на гору, вивели до орудій, і вони, полопались, поло ну… Вони ж не були такої учені. Ну і полопались. Вони коли приїжають, відтіль. "Шо таке?" А вони, а вони і кажуть: "Ваших уже коней нема". Так шо... І тот. А шось… тот. Я кажу: "Держи там". А жив я, те, у тому кого… Був я, дочко, кругом. Так шо красні люди були – не хароші. Я… от. А, махновці були – як махновці. Я був, у тому, у Пологах. Там тож ні... нічого.

[*Про громадянську*], ну, знаю, як, я ж тот, як я, вони, жили, ті, отступили, красні. А, не красні, общем. Махн... махновці. Пошли, а вони осталися, ці, красні. Вони, жили, красні, у нас жили. І… почитать – почитали. Мамаша їм і їсти варила – і все. Красним. Ну шо... Шо ж сказать. Вони... Ага. Сидять вони. А вона, оце, млини, і там була та, старуха. Ох, Господи.

Свята Спасочка, прости мене, шо вона у Спасенку їла там, м’ясо. У Спасенку. Тоді ж не положено. Ночу... ночували, ті, ко... комуністи. Комуністи. І я ж кажу, розстріляли тих. І тих, як махновці були. Красні були. Вони нікому ні плохого не зробили, ні хорошого. Ну, я знаю, шо вони люди, як обступили, дуже погані були. Туда да... далі були. Так шо. Я за їх не буду казать. У тридцять... якому...

[*Бої у громадянську тут*] були. І крєпкі були. Бої були так. Я тобі розкажу. Ті уступають. А ті наступають. Прийшов я. Приїхала: “В чем дело?” Коли вони їх наступають. Коли вони поховались і вони і: “Шо таке?”. А вони і кажуть: “Під те, ну, під столом”. Ну і я приходю. Ага. “Шо таке?” А вони кажуть: “А-а. Це син попа”, – кажуть. На мене. Я кажу: “Не син попа, а син махновця”. Як? А вони, знаєш, ці, шо я по тому не за їх. Кажу: “Син махновця”. Да. Кажу: “В мене то, а це махновці, – кажу, – випустіть. А я, – кажу, – сам махновець”. “А, де, а де, батько Махно?” – вони кажуть. А я кажу: “Батько Махно немає. Батька Махна”, – кажу. – Ну те, розстріляв”. Ну, Махно був нічо, не буду казать. І махновці. А вже наші, вже наші ішли против совєтской власті. Ну, наші, як увійшли. Ну, й забирали все.

[*Голод двадцять першого*]? Колоски собирали. Молотили. У голод. І, напримєр, на своїм шматку я собирав колоски і молотили. Це були маленькі, оці хлопчики. Де на фотокарточкі... Це шо знаю. І хлєб молотили. Собирали, лузали і їли, і все. Шо було, то було. Так шо, в двадцять первом году. На шо двадцять первий, коли, ось.

Це було так... Колєктівізація. Це заїжджі приїжають, а це ж члени партії там, комуністи, самі ті. Як їх… підожди… В колхозі-то не робив. Ага. Робили. Робив братуха мій. Робив племінник, один, другий. Брат двоюрідний робив, Антон. Це було колективізація. Вони не йшли в колхоз, а їх насилу. Ну насилу. Ти не йдеш. А тобі сказали: “Іди! Іди у колхоз”. А ти кажеш: “А я, не піду”. “А я тобі кажу, шо йди”. Ці ж. Комуністи. “Іди”. Ага, тот. Він і каже: “Не піду”. “А я тебе говорю, шо іди”. В Садовому де і жінка була ж. Вона ж тож у ній жила, а при комуністах, вони, це ж, були такі. Прєдсєдатель колхоза був. І всі такі були ротаті. Ротаті. Шо волі по неволі тебе: “Іди, іди бабо. Іди жінко.” “Шо таке?” “Та он те”. “Іди бабо, записуйся в колхоз! Чого ти не хочеш?” А вона і каже: “Шо таке?” “Іди у колхоз. В колхоз”. “А шо в колхоз, плохо?” “Ні, не плохо, а, кажуть, значить”. Вони кажуть, значить, плохо. Насилу. Насиловали, і всьо. Не, не йшли самі. А, іди. Заставляв.

Розкуркулювали. Воз, вивозили. Розкуркулювали, я тобі розкажу, за шо, розкуркулювали. Брали, розкулачували, на підводу їх. Коні. Четверо коней. Бричка. І увезли на те, на вокзал. А з вокзала на Урал. Туди. Тому шо ти ж не йшов, не йшла у те, у колхоз. Отак шо. Ішли усі. Так шо. І, оце, ноги поспускали, по четверо, отак, по бричках, і везуть їх, у те, на вокзал. З вокзала, аш на северні землі, туди. А тоді відділь везуть назад. Так шо. Шо везли, хто не хотів. Багато не хотіло в колхоз іти. Багато. Ага. Так шо.

А вивозили, вивозили цих кулаків, шо, хто йшли, хто йшли протів. У брички. В брички їх. По четверо коней. І пашов. Шо таке? А я і кажу, і кажу. "Шо таке?" А це, це кажуть, шо не йшли в колхоз. Робили по первах крепко. Насилу, і бабу, і оце ж, і, була ж, баба, мати була, вона у колхозі. Вони, значить, оцей: "Скидай!" Стягали з баби юбку. Спідницю. "А ти ж комуністка! Чо ти не йдеш у колхоз? Чо ти не йдеш?" І вивозили їх. От. Ну, бабу не вивезли, потому, вона ш бідняк. От. А, вона не бідняк, вообще. А сирідняк. А, юбку у баби зняли, оцю, шиту. Шо з [нерозбірливо]. Ну і шо таке? А тоді мати її найшла подушку. А подушка пухова. Так вона як розірве. І всього. Чого ж. Атамана, їхнього, комуніста, у те, у пір'я. А тоді вони хотіли бить. А мужики кажуть: "Ану тронь. Так ми тебе тронем. Вона правильно зробила. Чо ти за ней? То ж її дочка". "Ну, а..." "Ну і шо. І шо?" А вони ж хотіли, значить, шо, за те, і, за [нерозбірливо], і тот, як бандіти. Так шо, бери. А їх вивозили. Коні. На, на Сибір, і пашло. Так шо.

[*В колгосп*] що здавали? Шо у кого, здавав хто. А хто забирав самі. Хто забирав самі. Вони. Комуністи. Комуністи. [*Здавали*] коней, корів, усе. Коней, корів. Забирали брички. Усе. Хто не давали, так, забирали самі. Самі забирали. Потому шо ти не даєш – всьо. Таке ото баба як розірвала, вони хотіли бабу, за, жінкину мати. Вони кажуть: "А ну тіко, – каже, – ті ж, ну, хлопці, – попробуйте. Вона правильно зробила. Чо ти поліз, каже, до дочки?" Вона дочка, каже: "Шо ти хотів, юбку взять?" А вона, юбку, отакі, порисови... була. Так шо, шо, все, хто шо хотів, те і робив".

[*Голод*]? Тридцять третій? Не скажу. Якось воно мені, не йде. Голод був, хто шо міг, їли, і коней їли, і тих, як їх… як його, ну, так, виряжуться… Були, голод, крєпкий голод. Крєпкий. І хто шо хотів, те і робив. Хто шо хотів, те і робив. Хто шо хотів, те і казав. Так шо сорок, цей, тридцять третій год, дуже трудний був. І крєпко трудний. Так шо, ті жили, які добре, той на [нерозбірливо] лазили. А ці, а шо, прийде, ага, плаче, і те, ми, о, пішли на шаузики... ага. І – нічого. Тридцять, тридцять третій год, трудний, і крєпко трудний був. Так шо, учасники цієї колєктівізації, вони, не могли. Так шо. Як тобі і сказать. Так робить як, вони самі, дочко, голод зробили. Не, не власть зробила, а самі жителі зробили. Самі, оце, комуністи. Ну, як. Ну, вони не хотіли, щас я… [*Батько жінки*] ішов. Він ішов. Він ішов, хату, ото, хату, хата в його, недостроєна. І де магазин був, де магазин був. І вони нічого хорошого не ожидали. А зробили самі комуністи, о. Самі зробили. Ніхто не зробив, а самі зробили. Так як торби, той пристьобувались, як, ось, при, як його, вобще, як же сумки. Сумки вже носили, як при кому… при за... при кому… Оце я шо. Оце так. Носили ті, сумочки. Носили, ти ж це знаєш? Ну. Оце, оце ж, оце вони і зробили. Оце, оце, ото, отак.

[*Як вижили*]? Ну, я тобі кажу: собирали колоски, мняли діти, мяли. Собирали по шляху. Оце де шлях, зерно собирали. І у те, приносять: "Ма-

мо, на". Так шо. Шо ми собирали. Ото тіки. Я тобі кажу. Собирали, рвали, усе. Собирали і матері носили. Ніхто матір не обіжав. Комуністи...

[*Садок у нас*] на селі був. Деревами [*хто займався*]? У-усі займались. Наймали чоловіка і чоловік його ухажував. Ну, а те, шо, шо він знав. Знав. Я не знаю, коли обрізкувать дерево. Чим обрізкувать. [*Як дерева вибирали*]? А учитель у нас стояв. Учитель жив. І учитель нам казав, шо купить, шо хароше, шо погане. Ну, мені казав, матері казав, братам казав. Брату Колі. Оце, ж, шо, Коля. А потому шо ми коло нього [вчителя], через дві хати жили. І вони ж брали в нас молоко. Корови брали. І те брали, і те. І мати з ним, то, мати там, піде, виліче, пошепче у їх, ми туди казали. Ми туди не казали, і вони, як кажуть, не. А голод тіко зробив…

[*Дерева які*]? Яблука, черешні, яблука садили, ті, в зиму. Тірорку [?] садили. Тоді сливу білу, виноградівку. Тоді садили, то як його. Шо учитель казав, так ми і садили. В ра[нерозбірливо] землю ми сажали [нерозбірливо]. Тоді у цю ра[нерозбірливо] землю ми кидали успід. Те, шоб, шоб уродило. А оце, шо спідню, це вже наверх. Спідня, сама, це ми вже у те, наверх кидаєм. Учитель приходив, занімався. [*А ями копали*], ну, самі ми. Ну, хлопці, дівчат… Ну, більше, ми. Садили, той, копали, ями. Скаже учитель, шо, оце туди, це оце туди. Ми, викопали, сказали, всьо. Сказав учитель: бери те дерево, бери те, беріть [нерозбірливо], беріть. Шо скаже, те ми і купували.

[*Хати як будували*]? Ну, як. Брали фундамент. Це, вперед. Покойна мамаша поставить туалєт. Да. Знаєш, шо це за… [нерозбірливо]… так нада десь сідать? Ну, ото, значить, і сіда, вистроє, а тоді вже начали тот. Тут уже був фундамент закопаний. Уже. Тоді ми начали ото загат держать. Ага. Зробили, і пішли далі. І начали сам… А, строїли тіко, із того, с туалєта. Строїли? У сорок, сорок, сорок, сорок… той. Підожди. До войни, да. До войни.

Я [*для чого хату строїв*]? А потому шо діти, сини. Сини, сім'я. Потому шо я на роботі день і ніч пошти. А баба сама. А баба, і худоба було, кролі, в мене кролі були, по сто піісят штук. До войни. Я жив отут, коло автостанції. Отам, на том, отам же ж. А тоді рішив будувать хату. Діти малі. І все...

[*Як весілля гуляли у двадцятих роках*]? Ну як. Свайба є свайба. Є, напрімєр, свайба, ти – бідна, я – багатий. Значить, це виходе, шо ти – багатий, ти можеш і найнять, і все. А як я бідний – я не можу і свайбу згулять. Поняла? Свайбу як згуляли, бачили там мати, він багатий. Куркулі, кажуть, жили. А куркулі – ето твой труженик. Крєпко труженик. Так як ти оце зараз, ходиш, трудишся, от, так і раньше – труженик. Раньше куркуль, кажуть – "Він – куркуль". Він труженик. Шо я могу сказать, коли я сам трудився, по четирє, по пять смєн не виходив із заводу. Як же я можу куркуль? Значить я не куркуль? А – труженік. Крєпко труженік. Так шо і тоді. Я не щитаю, шо він – куркуль.

Свайби, були, наймали, той …упряж. Наймали тачанку там, коней наймали. У кого не було. Так шо ми коли жили – ти найняла, свайбу зіграла. Усе. А як я вже бідний, я нічого не буду. Шо було може тебе за руку взять і привести додому. А як уже я багатий, я і найму підвод, найму, і все. І мені все підчиняється. [*Грали*] і в молодої, і в молодого.

Як [*молодих зустрічали*]? Приходили, батько, мати виходила. Виходили, виносили, той, казав, по фартухи, і в фартухах там опсипали. Чим? Ну, була, зерно було там. І, канхвети, гроші, були, обсипали. Ти собирала, піймала, от. Оце тоді обсипали, ті куркулі. Так шо, от. Не, не йшов нічого. А, жили, хто багатий був. Той, той і обсипав. Ага, як свайбу, ага. "Добре, твоя там стіки і моя". Половина там. І, ми йдемо, і, грає свайбу. Ми зійдем до церкву, вінчаться. От. Ми, ми ні на чом не їздили, ми не вінчалися. [*А куркулі*] на тачанках. [*Украшали тачанки*], ну, обчіпляли їх. От. Ну, так як оце машина, як машина. Такі раньше було. Він чистий, і то, ага. Ідеш, ага. Убрався. І іде. Як ти бідний – узяв я тебе – і ідьом. А як ти багатий – я тебе не заберу. Так і за… Я тіко….

[*Хто на вінчання*] їхали? А їхали – батько, мати. Ті, жителі. Тачанкою їдуть, і туди вінчають. А, батько-мати дома. Туди не їздять. А тоді вони, в основном оце, як туди приїхали, обсипать. Обсипають. Гроші там. І, там, зерно яке. Поняла? Хто їхав… Підожди… Молоді. Так? Хто там, дядько, чи тітка, там напевні, такі, шо... А їхали, їхали тіко молоді. Ніхто не їхав. Наймали коней, наймали там тачанку, упряж. Ну, в нас було, упряж, хароша. До нас приходили наймать. А дід і каже: "А ти будеш?" Например, така погода як оце, грязь, дощ. Ага. "А я, – каже, – не буде, онук, – каже, – чистить, упряж". Так шо, той. Той. Куркулі, їм ніхто був не нада, самі, самі їздили, самі, возили. Так шо, ніхто, ні… [запис перервано].

[*Сватав як*]? Брав хлібину, ішов, брав, двох, старосту, і ще двох. І молодий, я ж молодий? А ше два беруть. Ну, і, присватали, хлібину оставляй. От. А як не присватали – забирають хлібину, – іди к Божій матері. Оце так було. Отак. Як. А, ну й би я ш... [*А дівчина*] раньше було, як вона – чесна, понятно? Так вона носе красне, юбку, все. А як вона вже проштрафилась, так вона вже не носе, а носе там таке, ну, одежу, якусь... А як, а як вона не проштрафилась, вона, значить, ше живе, і у тому, у своїх, шо, от, напри... А як вона вже шо, значить, я вже той казав, коли, ми, погуляли коли, свадьбу коли гуляли, так я пішов уже. Шо ж гулять, коли, уже, дочка. Вже йде мати із пузом. А як проштрафилась – нема, нічого не несе. Ну, з собой, уже, уже ні, ні юбку там, чи, шо положено. [*Як проштрафилась все одно*] дають придане, все. А тіко вже, не в тих віщах. От, напримєр, у сумкі, а не в сумкі. А вже я пішов. Узяв її, кажу: "Катю, чи там Марія, – чи, шо – ідьом". І пішли. Так шо, коли на на, тому, я вже присватали, прийшли. Так ми вже прийшли, воно, воно, вже нічого нам там робить. Понятно? [Запис перервано].

…У, у свій двір. Тож я був на Садовому? Напримєр. У неї. А це я прийшов вже до себе. Уже ж мати там готове їсти, оце. Ага. Прийшли в сєльсовєт, і всьо. Приходь там, Марія, чи хто. А ми в сільсовєті взяли ту, куму. Кума була в нас, у сільсовєті. Оце, ця, Вікторовна. Матері понаравилась. Бабі Каті. [*А чого*] я вже й і не питав. І не питав. Знаю, шо прийшла. “Шо таке?” “А я в сєльсовєті узяла секретаршу”. “Ну, взяла, хай буде, хай буде по-твоєму”. Понятно? “Хай буде по-твоєму”. Не по-моєму, а по-твоєму. Раз ти взяла. Так шо. Я нічим, я ни думав. Так і прийшов, ага, я, те шо жінка каже, те я і робив. Як каже, ну, в мене так получилось.

[*Дружина як вагітна була*] працювала в школі. У школі. Вона працювала на саду. На саду. Кругом, куди її посилали, туди вона ходила. І волочила, і городи. І пахала, і все. Так шо... А тоді вже як родили, тоді жили, ото у куми... і перехрестили, значить, ходили, ходили. І Катька ходила. Жінка. Вони ходили туди зімой. Я вже не ходив туди. І не дєйствував. Куди вона ходила, шо вона ходила – я вже ні. Так шо. Ото таке діло. Ну, і пришли, шо мати. Кажу: “Пішов я”. “Шо ти хочеш?” Я кажу: “Ти іх бери”. І ото вона взяла в сільсовєті, оцю ж матір, крьосну.

[*Вуличні прізвиська*]? А, називали, Кам’янські називали. Кам’янські. [*А чого*] не знаю. Хто як хотів, так і називав. Той так називав. Ті – Кучуки кажуть. А ті – кажуть ті.

МОРОЗ ІВАН ТИМОФІЙОВИЧ, 1911 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

[*Родился*] в Токмаке, да. Отца с четырнадцатого году нет, не было. Ушел, во время революции и не вернувся. Да мы и не знаем, жив он, или не жив. Это мне, для мене… Ну, скоко мне было, три года. Откуда я знаю. До двенадцать лет не было. Значить, ну, з матирью удвох булы. Мать двенадцать лет никуда не уходила. Ни, замуж не ходила. Не, тринадцатый год, то какой-то клиент пришел к матери, нашли общий язык. Ты поняла? От. Ну, так и существовали. Я його, конечно, не называв отцом, потому шо он мне не по душам был, от как тебе пояснить. Не по душам он. И последнее время он с матерью плохо жил, шо называется плохо. Я все время матери говорил: “Выгони его. Выгони. Я тебе заберу”. “Да не, сынок, знаешь, старость, пятый десяток, не надо позориться, выгнала, то”. Ну от, мать померла раньше, от. Он же, года, мабуть, тры или четыре пожил, без матэри, от. Дом. Отец строил, мать строила, ну мне то он на шо? Мать начислила мне третью часть дома. Это, конешно, незаконно. Я подавал в суд, а суд: “Вы опоздали”. То, другое, и как же я мог… [запис перервано].

[1] Опитування проводила І. Савченко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

[*Мать*] Пелагея [?] Антоновна. [*Отец*] Тимохфей Хомич.

Дедушку, бабушку помню. Дедушка в двадцять первом году помер. Материн отец. Мать [нерозбірливо]… всю дорогу. Помогал нам дедушка. А потом уже дедушка помер. Все. Братья. Братья есть братья. От такое дело. Бабушку я еще. Ну, пока ше жила…

Дедушка Антон, а по-отчеству не скажу. [Бабушку] – Оксана. Тоже, по-отчеству не скажу. Оксана.

[*Отец*] родной. Колесник был. Колеса делал.

[*Жили мы*] – Мостовая улица, Токмак. Мастєрська була у його. Отако. Как от это. Помещение от это. Все выбрось. Это була у нього мастерська. От так, дочко.

[*Он делал*] деревянные колеса. Полностью у його было инструмент. Он же.. Их було три клиенты, кузнець, и маляр, и от это они, значит, совместно связывались, делали брички, й торгували, й я знаю, куда. Шо это, могу знать. Порошно, был маляр, Григорий, а по-батькови не знаю. А кузнэць – Сичура Николай, Николай, забыл.

[*Работали*] каждый себе. Он по дереву был, а тот кузнэць, в його була мастерська там.

[*Отчим*] работал на заводе. Строгольщиком [*на заводе Кирова*].

[*Чем занималась*] бабушка? Ничем. [*Мама*] ничем не занималась, мама. Домохазяйка была.

[*Сестер и братьев*] не было. Сестра была, в детстве померла. Как ее звали… Дуся. [*Отчего умерла*] – вот этого я уже не знаю, не скажу тебе. Не скажу. Это ж я не в курсе дела. Ну, скоко ей там було. Чи два, чи полтора года. Точно я тебе не скажу. От.

[*Дом был*] большой. Глинобитный. Значить, так. Две комнаты было. Конюшня была, потом мастерська. Ну, метров шистнадцять было дома. Дом большой. Дом был на квартал. Я тебе должен сказать, багатый дом был. Сам специалист [нерозбірливо]. Какой-то дедушка, дед делал, а он ему колеса поделал. Кокой там у них. Як воны договарюються, шо другой.

[*Отец учился*], были специалисты, он у их учился. [*Платил*]? А этого я уже не знаю. Не знаю. Два братья у его было. У батька. В отца. Один помер, значить, на восимсят первом году, второй дивяносто два или три. Помер. Один жил у Красной горке, а один в Токмаку. [*Звали их*] Иван Фомич и Герасим Фомич. [*А отца*] – Тимофей.

[*Брат*] меньший був. Це еще помню, в Красний горки в колхози работал. А цей на заводи работал. Второй. На Кирова. Отак от.

[*Занимались*] крестьянством все. Да. Тода ж колхозов не было. Совхозов не было. Мать – домохазяйка, он на работе. Корову держали, ничего больше не было.

Соседка напереди, ничем не занималась. Тоже, мужа не было, трое детей у нее было. От. Задний, за домом, там было шесть или пятеро детей, тоже, хазяин погиб, у революцию.

Вона з дітьми жила. Син єйо, Іван, Іван, Іван, як же по-отчеству, забув, він один був, а дівчат п'ять ілі чєтирє. От, он работал на Кірова, а потом переїхав в Запорожжя. В Зелену, на Зелену, там участки видєлілі билі. І он там построівся, іше билі у єго, послє войни, у єго, ілі во время войни ето було, глаз нєт, одного, і рукі нєт. Іван… [запис перервано]. Сестра його, от ето, Івана Охрименко, Маруська. Я, тєбє, дочка, не скажу, чим она була. Но она в молодості уєхала, в Запорожьє. То там робе, то у хазяїв работала. Точно я тобі не скажу. Ето тоді, знаєшь, я пацан був, воно мені надо було, знаю, шо, Мариська, кажуть, у Запорожжі. Пріжала, вона, правда. А от етого, Івана Охримєнко отец, тоже погіб у революцію. От такиє-то дєла.

[*Главный в семье*], ну а кто... Навєрно ж он прінімал рєшенія. А кто ж, мать? Шо там, щас, может бить, жена, старше, а тода, мужик. А щас, хто старший неізвєстно. Чи муж, чи жена. В общем, таких стариків не надо, вітчимів не надо таких, нікому не совітую. Он безалаборний. А єму нічего нє надо, он буквально во дворе нічо нє дєлал. Ні забора, ні садка, ні убрать, ні прібрать. Жил как чурбак, тєбє должен сказать, развє ето мужик? Ето нє мужик. Ти должен буть хазяін во дворє. Должен буть порядок. От ето я считаю.

[*Мать*] та терпіла, я ж говорю, шо тєрпєла. Я говоріл, когда я уже поднялся, я говорю: "Выгони его". "Да не сынок, знаешь, неудобно". "Ну, – кажу, – смотри". Отаки-то дєла, дєвочка. А шо я могу тєбє ішо сказать? [запис перервано]

…В армію, до арміі, ну, пацан я бил, уже колхози начались, то, другоє, куда? На работу не приймають. Я поступив в поліклініку. Врачів возить. На лошаді. Там пол-год поработав, ага, уже мені года сповнились, я взяв справку, пошорував на Кірова. Там начав работать на Кірова. Потом в армію пошов, вот. З арміі прийшов, обратно пошол на завод, ну куда? Надо ж жить. Надо і тряпка шоб била. Маладой. Удіться надо, вбуться надо.

С кем я дружил? Сімонєнко Ніколай Пєтрович бил у мєня товаріщ. Нєдавно он помер. Мого году. А потом уже, кода подрос, много било рєбят, знакомих, ну, нєт слов. Ну тє, тєх я тібє не скажу. Єслі мєнє било дєсять лєт, я жил у бабушкі, в дєдушкі, ето, большинство. То прийду до матері, там у мене біля матері друзєй нє било, там де я у школу. О, школу я походив усно полтора года. Революция. В школу прийдемо, а Іван Бенедиктович бил, учитель, інвалід, правда, ноги в нєго нє било, на дєрєвяшкє ходіл, хороший вчитель був. Два, три урока прошло, кода нє: "Ребята, по домам". Война ж, революция. От отакі дела.

[*Революцию в Токмаке*] ну аякже, як і нє помню, тачанки літали, тут, воєнні, кавалерія. Отак дом стоял, як от етот, я був у бабушки, в дєдушки, а, кажуть: "Махновці!" Які махновці? А я знаю, шо за махновці. А там, іззаду дома, Іван був, як же його фамілія, ой, забув. Залетіли во двор, ми в окно смотримо, залєтєлі во двор, тачанка.

Пулємьоти, троє лошадей, розпряглися, сюда-туда. А шо ми, пацани [нерозбірливо]? Бабушка: "Кончайте, і закриє бабушка вікно". Все уже, не смотрім. На второй день, бачу: обратно запрягають лошаді, і куда вони, й шо, це для мене не ізвєстно. Куда они. Вот така.

[*Махно не видел*], ні. Говорілі, малєнькій такой, большой, а чьорт єго знает. Ну, россказивалі, конєчно. Ну, шо он, он сам учитєль как-будто би бил, я вже точно не знаю, разговор шол: "Учитель был", то другой. Ну а, нічего [нерозбірливо]. Не бачив, не чув, а шо можна болтать язиком?

Ну, кода войска нємєцкіє билі, мать оштрафували на сто рублєй. Собака у матері бил, кого-то там укусив, я знаю, і мать оштрафовали на сто рублей. А тода било сто рублей, знаєшь? Як вона виплуталася, я вже не знаю.

[*Как Красные приходили*]? Хто приходив, спроси мене, я знаю, шо сьогодня Дєнь Побєди. Отак.

[*У бабушки с дедушкой*] чого я жив? А мать жила з сєстрой. З меншою. Матері помогала сестра мазать, а я там у школу ходив. Ето врєменно, врєменний.

[*Детьми куда бегали*] – ну, развє помниш, куда. Ну, куда? Де? Ну, там я, в мене був Василь, Василь Сорока, щас його, не знаю, де он, піду до його. А школа була тринадцята, щас я знаю, через п'ять домов, ну, ото ми там, біля школи, погуляли, розбіглись, а так. Ну. Там же било більше друзей. Той відтіль. Той відтіль. Отак. [*На речку*], нє. [*В центр*] не ходили, нє. Мєнє нє било надобності.

Ну, в м'ча іграли, щас футбол, а тода в м'яча іграли. Ну как, [нерозбірливо]. Тє оттуда, тє оттуда, і ото так. Ну шо. Больш нічого. Собралися, погуляли, покричали, побігали, і на том кончили. Зімой? Нікакіх. Ну, на коньках. [*Катались*] де било, як піду до бабушки, до дєдушки, там було разлів, там на разліви. Вода сходила, там замерзало. Очистимо. І ото ми там. Большинство я був дома, с матєрью. [*Коньки*] мєталліческие в магазінє гдє-то бралі. Я знаю "Снєгуркі" називалися. Прочіє там.

[*Дома с матерью был*]. А куда мнє, куда мнє йти? По улиці болтаться? Хе-хе, нє. Мать не розрішала. Там, говоріт, тєбє нєчего дєлать. Строгая мать била. Ну ш… Я тобі должен сказать, щас нема тих матєрєй, шо билі. Бо іх не признають. А щас... Тода било, совєсний народ, совєсний. А щас, молодьожь… Я сяду на лавочке, там посмотрю, это нє молодьожь. Вона нікого не признає. Нікакой совєсти нема, ні страма.

Та нікакіх ігр нє било. Тогда організувалися досвітки, разниє, прочіє. Тода от час до двєнадцаті, всьо, кончілось, разогналі, разошлісь, все, по домам. [*Досвитки*], ну шо там. Находілі такіх людей, по бєдності жилі. Той дров принесе, той там топки якой принесе, там ото хтось карасину принесе, лампа горить одна или двє, і пустиє дома билі, там жилі люді по бєдності, і ото називалися досвітки. Ну шо, гармошка грала, танцювали, співали, а шо ми, шо там можна дєлать?

[*Песни*] нє помню. Нє помню. Ну, друзя ж приходили. З одной вулиці, і з другой.

[*Танцевали*]? А как же в молодості і нє танцевать. Ну, полька, це абично було, назималося "Двадцять третяя". Ну, так назималось, "Полька двадцять третій". Ну, шо там, гопак, самі мущини танцюють. Дивися і дєвка якась уплуталась. Дєвки. Отакі-то дєла, дівко. А щас годі, і опєрацію [запис перервано].

[*Одевали на досвитки*] шо, у кого шо було. То й надівав. А в кого не було, так, льогко приходив. По сосєдству. Тода насчот етіх тряпок трудно било. Ну, шо я одівав, мені материн брат пошив піджак, із шинелі. І ото я одівав. І в школу в йому ходив, а потом, коли вітчим став, правда, купили мені жикєт. Заказав з воротніком. Так це ж большоє дєло било. А потом вже я пошол на роботу, я нє стал з ним звязиваться. На досвітках не ухаживал. Когда вже з арміі прішол, тогда досвітків нє било. Ну, скоко било мєнє, восємнадцать, сємнадцать. [*Девушки на досвитки ходили*] тоже такіє годи. Такі года.

[*Больше*] ні, нікуда не ходили. Ну, вечером прийдеш, до двєнадцаті, больше нєт. В двєнадцать розганяли. Ну, нє знаю, такий порядок, навєрно, був. [*Устанавливал порядок*], навєрно, ж хозяін. Хто там в домє був. Чи женщина, чи мущина, ну, хто там, ну, порядок устанавлівали. Ну, шо, ладно…

[*Мама утром*] і в п'ять, і трі часа вставала. А, собирається там, чи стірать, чи шо, а воду гріє, п'яте-десяте. Готове на завтрак. На роботу ж він ітиме. От. В самий рань, когда надо. А іногда й позно вставала. Во сколько... В виходной дєнь вона спокійно себе чувствовала: на роботу не йдуть. Вона отдихала. [*Отчим*], он раньше нє вставал шесті часов. Раньше нє вставал. У нього режим був. Ну, какой – в одно время вставать. Раньше не встане. [*Во сколько ложились*] – да разве я вспомню, як я пішов з дома гулять і до товариша пішов? Откуда я знаю, во скоко оні ложились? Чи в десять ілі в одинадцять?

Я вставав, ну, шоб успіть. На работу уж я пішов. [*А маленьким*], ну, спал скоко надо. Малєнький. Шо я буду вставать. Он, прийшов внук [запис перервано]… і на том кончилось, ну, на роботу ходить. Мучить. Коллективізация [запис перервано].

[*На столяра учил*], ну, хазяін. У хазяіна билі рабочіє. Три мущини било взрослих. Показивал: "Вот это так делать, вот это так делать". Вот. Вот ето ми і учились. За ученіє? Двадцять пять рублей на год. [*Деньги*] мать давала мені. Так шо ж, я тіки три, ілі чотири місяці поучився.

[*Потом*] пошол колхоз. Той – колективізация. Розтягли, розтребушили. Розкуркулили іх, собственно говоря, розтянули. Пошол в колхоз. Женщина тут, ее муж, занімався, хазяін бил етого дома, это по Советській тот дом, там сороковий магазін єсть, за сороковим магазином. Там мастєрська була, і оні там жилі. Так она получила чи три мілліона, от ето, ну,

були от етіх… в ето время... в колхоз, кто в колхоз, а кто, кто куда. Кто сєбє тянув. Куда-то тряпки. Торги откривали. Тепер розкуркулили. Собрали шмотки. Ага. Нєгодяя якогось поставили, нєгодяя. Семь рублей. Пять рублей, десять рублей. Тут нєгодяй один жив. Подох. Нищий був. Назначили предсєдатєлєм колхоза. Ай... Для сміху. Он недостойний бил етого. Недостойний бил моім імущєством распоряжаться. То труженики билі. Труженіки. Не лодирі. І не куркулі. А труженіки.

Щас немає не тружеників. Всі трудяться. І тоді трудились. Мого дядька розкуркулили. Пара лошадєй, корова, і дві дочки. Розкуркулили. Дом забрали, лошаді забрали і корову забрали. Развє ето порядок бил? Ето насмєшка била. Коллєктівізация, у колхоз всьо забрали. Ето такі руководітєлі були… Снєг, дощ, ожеледиця. Лошадьми, по чотирі лошаді, завезли в степ, вибросили із такими дітьми. Тружеників. Ето правильно чи не правильно? Він – куркуль. Чого він куркуль? Шо він рано вставав. Беспокоівся. Не хочу я балакать.

[*Паску праздновали*], а как же. Ну как... Яічки красять. Паску печуть. Паску обізатєльно.

МОРОЗ КАТЕРИНА ЛУКІВНА, 1912 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Де я народилась? Дніпропетровська область. Дніпропетровська область. Ну, там. [*Село*] Алексеєвка. Кам'янка там недалеко. Апостолове недалеко. Кам'янка. А це село, Алексеєвка, де ми жили. Була, родилась.

З якого я тут живу? Із тридцять. Не помню. [Запис перервано]. Ото тоді я сюди попала в Токмак. Тут брат був мій. Так я до його приїхала. Жили ми так, бєдствовали. [*Брат сюди*] приїхав, і на роботу тут устроїли його. Він там у нашом селі секретарем був у сільраді. І йому дали справки хароші, все, і він поїхав, і встроївся на роботу, і тут робив. І харошу роботу йому дали.

У Токмаку? Отут він жив. Це ми жили. Мої батьки купили хату. Оцю, розваляну. Так та квартіра хароша була. Хазяїн там жив. А тут у його кватиранти жили. Так отакево, розвалять, страшне, зайти не можна було. І оце ми тут, брат, батя, ага, мати приїхала, там хату продала. Як розкуркулили вони, без нічого, батька у Харьков, у Харькові десять год, шоб сидів. А він три годи там у Харькові побув і його пустили. "Їдьте, дєдушка, і живіть, як Ви жили, ніхто Вас не троне". А ми тут… Він приїхав, а мати до його поїхала. Ходила, ходила, нема куда діться. І поїхала в Харь-

[1] Опитування проводила Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

ков. І там дали місто, дали комнату їм, і там вони жили, батько робив, і їй якусь роботу дали. І три годи тіки побули, пустили їх. "Їдьте і живіть, як жили, ніхто вас не троне". Вони не схотіли. А поїхали в єврейське село, і євреї дали їм квартіри і дали роботу, і вони там жили. А тут у селі, сусіда, хароший він такий був, і він у наших усіх брав, у батьків брав коні, брав підводу, строїв хату. А бєдность така була. А батько йому все давав, шо він не хо… не прийде, чого не прийде, усе. Так він узнав, шо вони в селі у євреїв. І прийшов туди, найшов їх і каже: "Лука Карпович, я хочу Вам шо сказать: їдьте в мою хату і живіть. Ніхто вже вас не троне, нічого. А його хата була так: наша, ми жили, а він на нижнім ряду. Через дві хати, третя його. І ото він як строївся, батько йому все давав. І він пожалів батька, і луче б він не жалів. Пожалів. І батько переїхали в село, сюда. Шось йому заплатили, ще за ту хату, шо в їх там було. І так жили. Ну, вдруг приходять. Увечері пізно. Ага, мати ще спать не лягала. А батько лежав на печі: "А Лука Карпович те, лежить". "Будіть!" Мати збудила батька. А батько хотів передіться, той. "Не надо нічого, Ви зараз і прийдете додому". І забрали їх. І як забрали, і нема. Мати бідна, де тіки не ходила, в район пішки пішла, в Апостолово, а там двадцять два кілометра. Ага. А як оце ж, оце було розкуркулювання, так уполномочені їздили з района, з Апостолової. Це наш район. І вони те, забули, трошки… І он, кругом, як це так, прийшли, темно, пізно, з вечора, і забрали діда і нема. "Не ходіть, бабушка, не шукайте, прийде дєд". Пішли вони на квартіру до цього уполномоченого, шо жив у нас, уполномочений, і був у наше село. І пішли вони до його. А він мамі й каже: "Не ходіть нікуди й не шукайте, їх немає. Їх ноччю отправили аж у в Архангельськ". Прийшла мати: "Шо робить?" А ми в Токмаці з братом. Більше нема нікого в нас. А самий старший, жонатий, жінка й діти. Так його посадили та сидів. Чуть воші не з'їли. Страшне. Десь у подвалі, преступників винуватих, а він ніякий нє преступник, нє винуват ні в чому. Ну і сидів, мабуть, місяців два воші кормив. А тоді таке ж найшли правоту, шо він прав, і пустили його додому. Пустили додому. А він тіки прийшов у свою хату, пара коней було в його, і корова. Одна чи дві. Дві корови мать було. Не знаю. Бросив усе, жінку й дітей забрав, і поїхав у Токмак. А тут у Токмаці жінкині сестри дві було. Ну і так вони там пожили трошки, квартіру десь. Там і остановились. У Токмаці. Устроївся на роботу. А він грамотний був. І на роботі уже менший брат, цей, робе там, а він устроївся на лучу роботу. Він грамотний, гімназію кончив. Раньше ж було так. І жили ото в Токмаці.

[*У Токмак*] як я приїхала? Мене отправили ше, батько ше дома був, ше батька не судили. А, цей брат шо у Токмаці, мене одвіз на станцію на Жовту Кам'янку і я поїхала у Кривий Ріг. Там шахти, а там на шахті, двоюрідна сестра. А в неї мати умерла, а моя мати її крьосна мати. І вона до нас прийшла жить, як матері не стало. Батько женився, другі діти пішли, там совсім. І вона жила в нас. А тоді вже як оце таке стало, вона пішла

од нас, от шахти к больниця. І вона там робила, у тій больниці, робила. І не помню, як вона була.

[*Токмак*] який був? Та такий, пустий Токмак був. Ну, я не знаю, чого так пагано, пагано було. Тепер-то хороший він став, бо багато построїли [запис перервано].

[*Заміж*] коли я вийшла… У восемнадцать, мать, було. Адже я у брата так жила. [*Чоловік*] із села. З Остриковки. З Остриковки. А його батько жив в Остриковкі з матер'ю. А оце мій чоловік їхній син. Один у їх був. А тоді батька як-то, батько був грамотний, без руки, правої руки не було. Як Махно був і він воював якось на коні, на коні їздив. І йому руку зрубали. А як уже так стало, так йому уже кругом привєлєгія, шо він потіряв руку. І його послали судьою в Березанський район, Адеська область.

[*Воював*] з Махном. Нє, я не знаю, чи він був в армії. Це ж, армія до цього. А це після цього. Він без руки став. І женився. На мого чоловіка матері. І жили вони троє, дітей більш не було. І його послали, А він остався тут на заводі, встроївся работать. Ше батько був тут. Квартіра тутечки. А в селі хату бросили. Ні, він, це як вони стали тут жить у Токмаці, він пішов у завод робить. А так він од їх не ходив нікуди. А тоді вони їх забрали, а брат мій, у тім домі квартіру дали йому. Одну комнатку. І ото ми там жили. А він сюда переїхав, батько його цей… Його посилають в Адеську область, Березанський район, судьою. І він поїхав, а син тут остався. У квартірі, де. І ми там, і він там. І ото тамочки я і вийшла заміж.

[*Як заміж вийшла жили*] на квартірі. Жили в брата трохи, а то на квартірі. А то поїхали в село, батько приїжав, та каже: "Вам луче в село переїхати та в селі. Там хата своя, город хароший". Ну, ми дураки, взяли та й послухали. А воно як раз голод був. У селі нема ніде нічого. Так ми більше году перемучились. Чоловіка то в командіровку пошли то туди, то туди. А я одна. Не дай Бог. Шо тіки нада [запис перервано]. А брат, старший мій брат, той шо послє переїхав, та жив у Токмаці тоже. Та їздив сюда, у той, у Остриковку, у кантору їздив по дєлам. І ото побачив, як ми живем. Ні топить, ні їсти, нема нічо. Голодний край. Голодний голод. Каже: "Хіба можна так жить?" Так він у Токмак як приїхав, та до цього брата пішов, та й сказав: "Ти знаєш, як Катя живе? Ні топить, ні варить нема нічого". А зіма холодна. А він каже: "А з колхоза не пустять їх. Ну, надо якось, – каже, – зробить, так шоб пустили". А мій чоловік із того, із колхозу посилалися командіровки, то туди, то туди. І посилали в команді… і якраз послали у командіровку скот получать, воно ж голодний край був. Так і скот повирізали і шо хоч. А тоді вже начинають поповнять трохи. Так приїхали, привезли молодняка. І йому премія дали. Тьолку. І він приїхав, і йому дали, і забірай. Ну, сарай у нас був, корму там трошки було. А то доставав. Та й кормили. А літо, весна прийшла, на пашу пішла. А тоді вже ми, брат цей старший, виклопотав, шо пустили, на время пустили. Та

як пустили на время. Ми більш і не вернулись. А тьолка була вже корова у Токмаці, уже корова була, уже доїлась.

[*Остриковка голодувала*] вся. Всі люди голодували. І в Токмаці голодували. І там голодували. Ну, в Токмаці хоть пайок получали. А там же пайка нема ніякого. А з колхоза там отходів якихсь випишуть кілограм десять і їж. Пополам з тим, з реп'яхами. Пополам з реп'яхами. Ту, березка, березка, так березку ше можна їсти. А те так. І ото так мучились.

[*Птиця вдома*] у нас? Та де воно там буде! Треба курча кормить. А сам голодний. Нє, не було нічого.

Город був хороший. А то... Мати жила у брата тутечки, в Токмаці. Батька ж то в Архангельськ отправили. І не знали, де він і шо. Так, було, лушпайок нам привезуть. Тут мати назбирає. Та ще шо-нібудь таке. Та й приїде, та й побуде. Та подивиться на наше горювання. Брат то жив тут, пайок получали, та й так доставав. На такій роботі був. Ну й ото старший брат, задумав тіки забрать нас. А відтіля нікого не пускали, а нас пустили. Забрали, на гарбу, колхоз дав, на гарбу склали барахло все. І вже дитина в мене була. І я з маленькою дитиною на гарбу вилазила. Здумала. І сіно було. Сіно на гарбу наложили. На спід склали барахло, а тоді сіно. І переїхали до брата, до цього, до меншого. А він уже жив, квартіра хароша, здрова. А тіки часна квартіра була. Перевіз нас. Коні і гарбу отправив. Тьолку привіз. Тільна вже скоро буде. Так привів сам. І ото ми жили в брата, а тоді брат устроїв його на роботу. Учиться учиником на шофера. Так він учився і робив. І так ото ми жили. Став робить, став получать. Купили. Мати тут ходила по Токмаці, поки купила оце хату, бо не було добре за шо. Та дорога, а там не гожа, а тутечки оце шо... [запис перервано].

[*До батьків чоловіка*] і мати поїхала А він оставсь. У заводі робив. І ми... І ото він женивсь. А в його було, оставили вони і кровать, і стіл, ну, і стулля, все у квартірі шо було... Усе вони, нічого не брали. А тоді як батько приїхав, так сказав у село, так забрали усе. Та й поїхали в село. Тай й там коє-шо ще було. І стягли до кучі, та так і прожили. А вже як їхали з села сюда, тоді вже забрали відтіля все, рєшили більш не вернуться. І так і не вертали. А тоді шо… Мати розійшлась із чоловіком, батько найшов свою подругу, ту шо у його секретарем робила, а тоді в його жінкою стала. Ну, і мати там без, без чоловіка жила трохи, а тоді приїхала. До нас, з нами жила.

[*Свекруха*] клята була. Така клята була, така сердита була, така ненависна була. Ой, моя... [запис перервано]. Ну така природа, така, і чоловік не жив. Мучився, мучився, а йому дали секретаря, якусь… І він з нею став жить, а матір бросив. А мати тоді у столовій робила кухаркою, та ще там пожила мать, год-два, десь, бліз його. Ми й не знали, шо вона не живе. А тоді приїхала. До нас, а ми на квартірі.

[*Свекруха*] на роботу ходила, на мельниці робила. Брат мій робив на такій роботі, шо мог устроїть на роботу. Та прислав жінку свою. Прийшла.

“Катя, Ваня сказав, шоб ти йшла до нього у кантору. Він работу тобі дасть”. А я ж така рада, піду. А раньше ж було все неграмотні. А я грамотненька трохи була небагато. Думаю, ладно. “Я прийду, я ж ось постіраю”. Дєтське, той. І пішла, і устроїв він мене, устроїв мене. А, а мати мене не пустила. “Твої діти – нянч, а я піду робить. Я не привишня з дітьми і не буду”. Пішла мати на роботу. Робота хароша. І муки харошої достане, і крупи достане. Через мельницю воно все йде. І всього їй дають, і всього випишуть. І нам привезе, і собі. Уже мати найшла квартіру, і в квартіру вибралась. “Я піду, діти, од вас, шоб вам не мішать”. І пішла на квартіру. А то вже як моя мати купила хату тутечки, то ми прийшли, та й вона прийшла. Помагала строїться.

[*Батьки чоловіка*] нічого жили вони, харашо. У селі вони харашо жили. І корова була, і кабана кормили вони, як їхали туда, так усього понабірали. У Адессу.

[*Старший брат*], ну ким він робив, як його не стало, як його вбило. Брат же пострадав. Не своєю смертю, а хтозна чого. Він робив у райпотребсоюзі, і по селах скот брали, і все, і виписував із городів товари, тоді не було ш нічого. А він начав виписувать, усього. Відтіль получа те, відтіль те, та вже розбагатілись. Тай мені попадає. Шо-нібудь та й виділе. Ой. [На] хорошій роботі робив. Грамотний був. А самий старший. Гімназію кончив. Ото і судили, батька. Шо сильней, такі, грамотні. А їм досталось харашо. Шо вони грамотні, та і робили по грамоті.

[*Я на роботу*] не ходила, діти малі. А садіка не було. А куда їх діть? А був син. Старшому чотирі годи, а меншому ще году не було. Куди мені йти роботу? Я з дітьми. А мати ж пішла. Брат мене встроїв на роботу, шо мати буде дома, з дітьми, а я шоб робила. А воно наоборот получилось. Мати пішла. Каже брат: “Я перелякавсь. Прийшла мати в кантору до мене. А я, – каже, – дивлюсь, шо мені їм казать, син”. Ну шо, ж. Треба оформлять матір. Оформили. І вона робила.

[*У Токмаку жили*], ой, хіба можна вспомнить. Це ж давнє… Дуже давно. Уже дітям, уже моєму… [запис перервано]. І корова ж у нас була. Молочко дітям хоть було. А брат і хліба, в отой кіоск підеш, а тоді в отой кіоск підеш, тим, продавцям, скаже, шо, як прийде сестра моя, шоб хлібину дали. Так я ото піду хлібину, а хліб отакий, здоровий був. Хлібину принесу. І ще шо-нібудь оте. І так, ото ми пережили.

Птиця? Ні, не було нічого ж. Не було тоді нічого. І города не було, ми на квартірі. Це вже як цю хату. Моя мати. Приїхала купила цю хату, тоді ми перейшли в свою хату, тоді вже начала і курочку держать, і кабанчика держать, шоб було дітям шо їсти. Та й нас троє. То брат заріже кабана, нам дасть, ми заріжем, їм дамо, та й ділимось.

[*На базар*] ходила, ходила. Коли-коли шо куплю. А то більше так. [*Купляли*] по своїм грошам. А, дуже мала торговля була. Мало привозили, мало [запис перервано].

Ой... У войну тоже прийшлось. Як тіки война началась, його забрали. А в мене на руках дитина, з больниці привезли, тіки родила. Валєнтіна. Уже три годи ось скоро [запис перервано].

[*Війна почалася*] як же в мене та дитина була маленька. Той Валік, шо умер. Ой... Оно бідненьке, більше всих пережило [нерозбірливо]. Сіли за стіл. Їм шо – випивали, там те. Мало. Мало водки. Пішов у магазин, магазин тут недалеко був. Оце перевулок, на перекрьосткі там, на вуглу магазин був. Пішов він по водку. Приходе бєз водки. "Война началась, передали". І так і не догуляли, бросили. А на другий день його забрали. Машини не брали. А шохферов усих забрали. А я з больниці із дитинкою. Та тих двоє, Валя, той, Толя і Славік, а Валік третій. Маненький, на руках. Ніде ні молока стакана не достанеш. У грудях немає. [*Я*] всих дітей, щастя дєтське, груддю кормила. І діти не голодні були. Не нужно було молоко. А де ж, як я не їм, нєрвнічу, і чоловіка забрали, і страшне, бомблять, поминутно, страшне було. Як я мучилась. Дитина кричить криком, їсти хоче, а нема чого дать їй. Ой... Яке горе. Чого він і вмер.

У войну… Ну да, ми ж тут жили. Бо ми тіки кончили ремонт, і його забрали. На другий год. А цей год не кончили ремонт, зіму перезімовали, і война. Чи в зіму, не, не помню. У войну ми вже жили, вже ремонт зробили. Це вже після, після… [запис перервано].

[*Хата*] у селі? Ну яка… Хужа, як тут у нас. Глиняна. Тіки причілки цеглові. Бо на горищі зерно. Клуня була. Погріб хароший, виходний. Виложений. Кухня спереду хати. А хата така мане… невелика. Одна комната, велика, і маненька. І оце таке. І конюшня рядом. А тоді вже конюшню построїли, та не достроїли, розкуркулили. Построїли конюшню, і коні туди, а з конюшні комнату зробили велику тоже. Та й не жили в її. Пішли з тими квартірами.

[*Розкуркулили*] усих на хуторі. Батьків моїх, на хуторі.

ОСТАПЕНКО ІВАН ПЕТРОВИЧ, 1918 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

[*Батьки мої*] Остапенко Пьотр Давидович і Остапенко Марія Васільєвна. Крєстьянє билі. От… А потом перед колективізацією в завод пішли. Батько в заводі работав. До пенсії. Поки шо на пєнсії бил. Мати дома всігда була хазяйкою. І нас було шестеро дітей. Четирі сина і дві дочки. Работали в заводі імені Кірова. Всі четирє наші сини работали. І я работав. Всі работали. І Петро, Федір, і Григорій, і Іван. Потом етот, война началася, етот, на фронт, пішов на фронт старший самий брат. Я, я пішов, пішов

[1] Опитування проводили І. Савченко та Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко.

з тридцять восьмого года в армію пішов. В армії служив. До начала войни. Прослужив я три годи в армії, младшій, як младшій командир. Потом, значить, мєня, значить, етот, била, таке положеніє було, шо, войска, польска война була, нас бросили туди. Ну, там войни не було. Поки ми доїхали, война кончилась. Послє того, я напрімєр, за себе скажу. Послє того, знаєш, я, вернулись ми, була, у той, у Фінляндії война. Тоже наша часть не, не доїхала. З Фінляндії вернулись. Тоді у Бессарабії война когда била. Собрались, война шо била, вже оставалося пять мінут до вистрєла, а Руминія капітуліровалася. Капітуліровалася. Не попав я. А потом, послє того, в Монголії було. Мєня, як луччого командіра, значит, етот, вибєралі войска, кого послать в Монголію. Тут, взяли у Монголію, нас обмундирували повністю, туди поїхали. Война кончилась. Приходе командір часті, політрук. І вистроїв нас у ряд, і говорить: "Кто не ком… не, комсомольці, вийдіть два шага впирьод". Нас два человєка вийшло, я вийшов і ще один парень вийшов. Нас роз, етот, розмандірували, і другі замінили. Вот. Когда, у сорок пєрвом году, война. Нас бросили. Я служив в Дніпропетровську, нас бросили, знаєш, у Бессараб… у тот… часть наша поїхала у Молдавію, а часть, а я бив у госпіталі. З госпіталя приїжає. Поїхав, виписали мене з госпіталя. От. Я приїхав у Молдавію, побув я три дня. От. І война началася. Война началася і я, у нас, всю часть бросили у бой. Часть. А я, покамєсть ше послє больніци должен, госпіталя, должні отправить додому мене. Но так як я бил, держав документи з госпіталя, я остав… оставили мене, в бой не бросили. Не оставили, оставсь я в тилу, тіпа, три-четирє кілометра од передової. От. А потом, знаєш, етот када, када нас тот, война началася, і ми када їхали… під… Ну як вам сказать. Ми, нас бросили не в свою, не в свою часть. Туда. Коли при, при, ми, пішли, було, перед самой войной, пришли мені сказать, часть, шоб наша часть шоб снімалася і нас перебрасують на шістнадцять кілометрів на юг. Це в Молдавії. Шістнадцять кілометрів на юг. А туди зайшла двадцять п'ята Чапаєвська дівізія. І нас перебросили у тот, у… як вам сказать. На юг. Там, а юг і ми держали фронт. Після того, когда нас. Нас бросили туда, бої вели. Рано утром пошли на нас наступлєніє румини, і нємци. Ми отбили ету атаку. Отбили вечером. Тоді рано утром. А на другий день, на ніч, на утро, уже окопалися, ми всьо оце, бистро, скоро било, окопалися, і нам прийшли, і сказали шо ми отступаєм. Потому шо наша часть, вообще, із юга захвачували, знаєш, окружали. І ми, нам був приказ отступить. І ми отступали. Отступали все врем'я, аж до Одеси. У тому, у Бєльцах [?], здається, як її… Щас, де мене ранило… Мєня, мєня раніло. Мєня раніло тоді. Мєня тода в госпіталь отправілі. Отвєзлі в госпіталь. Я бил в арміі до сорок пятого года, октября месяца. Я в арміі служил. Всю войну. Потом мєня пєрєд контролєм меня опять раніло. І рукі раніло. Тут, осколкі, зараз стоять, раніло. І я вернулся домой у сорок пятом октябрє мєсяце. Ну і находілся я дома. Ето я за себя токо расказую. Я приїхав домой, я во время войни. Я двенадцать год ніде не работав. А тоді

мєня із совбеза послали учиться, бо так як я не робив, на часового мастєра. І я виучівся на часового мастєра, і работав у часовой, у часовой мастєрской.

[*Діда й бабу своїх*] пам'ятаю. А шо я могу рассказать… Вони хазяйнували до колєктівізації. А потом дальше пішли в завод. От. У завод пішов батько, і батько, і ми всі пішли, сини, діти підростали тоже, пішли в завод. Батько в заводі работав.

[*Як діда й бабу звали*]? Я їх не помню вже. Це ж коли, я в вісємнадцятом году родився. В вісємнадцятом году. Я їх не бачив. Тіки я своїх бачив. Це ж дуже давно, вони ж уже мої батьки тоже старі були вже. Так шо я не помню тода. Ну, хазяйством тоді було, занімалися.

[*Батько мій*] якого года? Я не помню, якого года. Я знаю, шо вони в восємдесят втором году померли, в восеємсят два года померли. А мати дев'яносто, е… восемдесят померла.

В яком [*році*] батько [*помер*]? Ну хіба це я зараз запомню. Треба принести документи. Уже я з войни прийшов. З войни прийшов. Вони померли. Та, года… знаєш, у піісят третьому, знаєш, так, піісят, в отих годах. Я вже й не помню. Другий син в армії, самий менший був в армії, а так.

[*Батьки*] бідні, бідні були. Ну, пара конячок були. От. Пара конів були. Дві десятини землі. У батька було. Вот. І, с етім, і він же пішов тоді работать в заводє. Завод, груз возили, і всьо, і з станції, мотори отправляли на станції. Тоді ж там і не було тієї станції ше, заводської, на заводі. Тоді, мотори випускав завод, і ті мотори одвозились на завод, на завод. А, мені було тоді, може бить, до десяти год тіко було. Може було. А я, работав, тоді отут ФЗУ, я у ФЗУ пішов, і с пятого класа пішов в ФЗУ, виучивсь. Так шо… Я не помню.

[*Батьки жили*] а ось оцьо, сзаді. Оце мій брат живе, а це я, [*по Карла Лібнехта*]. Це старе названіє. [*У батьків що було*]? Ну, шо… Шо куплять, шось продадуть, свиню куплять. Овець не було тоді. Їх не було й держать ніде. Цим не занімалися. Кури були, коли там корова була, це теля, як вобше в хазяйстві. Дві десятини, цим і пользовались тода. Тоді ж давали дуже мало тоді. На чоловіка давали. Не знаю як чого, ну дуже мало давали. Ну да, не вистачало, бідно жили. Бідно жили. Так шо я тоді. Шо я могу сказать. Я знаю, шо я… І голод бил, тридцять второй год бил, і сорок, і там два раза, я сам переживав. Лазив скрізь по тому, доставали на вокзалі, і скрізь, по вагонах тоді. Як голод бил. Бідно жили, і всьо. Було знаєш, обуваться нічого, одно ботінки ілі там шо. Так шо бєдность… Не було даже той, це ж я змалку учивсь, вони неграмотниє батьки були якісь. Я ж кажу, до заводу на полі працював. Землю держали, по хазяйству. Тоді пішли то завод.

[*Мати*] була домохазяйка, ніде не працювала, дома вона була. При мені, поки я живий був. Вона була дома.

[*Я*] в школі учився, в школі, а тоді я пішов в ФЗУ учиться. В ФЗУ, работав ето, учиником, модельником по дереву. А потом, значить, після того як окончив, пішов я в завод работать. ФЗУ кончив, і відтіля я в армію пішов, в тридцять восьмом году пішов в армію.

[*Вдома що малим робив*]? Ну, шо Ви можете робить, як хазяйнує батько. Шо батько, заставе, те й я і робив. Ну, по домашньому, яке там хазяйство єсть. Шо я могу розказати, бо я щас уже не помню цього.

[*Брати мої*] уже щитаєте, шо у нас усі були нежонаті. Поки я і в армію пішов. Один пішов армію нежонатий, і другий пішов в армії. Одного убили, у Венгрії, убили, в Будапешті, самого старшого. Один десь, погиб на переправі десь, тоже погиб. А то оставсь я і мій брат один остався. Шо я могу по дому робить, як я, сім'я, шо по-домашньому ото робиш. Вчиться, я вчився в школі. От. Када кончив, я ж кажу, шість класов, тоді ж бєдность була, я пішов у завод. У ФЗУ.

[*Школа*] а от тут, на другій вулиці. Школа тут. Десята школа. До шестого класа, а тоді я [запис перервано]. Семи класів я не кончив, шість тіко. Мене взяли до ФЗУ – фабрично-заводське училище. Три місяці я проучився, дополнітєльно. А тоді іспитаніє у нас було, екзамен, взяли і мене прийняли у ФЗУ.

[*Раніше за всіх*] батько та мати вставали. Тоді ми вставали. Ми, менші брати. Самий старший брат був з тринадцятого года. А другі с чотирнадцятого года. Отак. Я тоді ше менший був. Шо я робив, у школу собирався йти, або по-домашньому. Тоді все, всі на роботу ми не ходили. Хазяйство, ну, яке там хазяйство було у нас. Шо ж, мені восємсят сім год, сідьмой год уже. Шо я могу щас уже помнить...

Хто головний був [*у сім'ї*]... Як обично, то мати була старша. Батько тут слабенький був, такий, всьо. Із войни тоже приїхав батько відтіля. Болів. Батько прийшов. В те врем'я, я інвалідом прийшов з армії, і досі, той.

[*Батько*] в гражданську войну воював. Ну, коли б це він це розказував, єслі дуже давно було, більше там розказував, хіба то запомниш, ті года уже. Його поранило, тоді він попав у плєн, а він з плєну біжав. Оце я знаю, шо розказував, з плєну біжав. Знаю шо… А де поранили, де воювали, як раз вони... Та тоді ж хто, в гражданську войну, нємци воювали? То німецька тоді вже армія, нєт?..

[*Садок був*], от, який це, скіки було, пітнадцать соток землі. Тут, в городі. [*У батьків*] не було. Оце двор, де ми живемо, оце тут я, оце тут построївся на це батьківськім дворі. Оце де… Ззаді брат живе. А це я тут. Щас уже нарізали багато, на цім дворі. Ну, було, пітнадцять соток. А в то врем'я, яке те дерево, як там, тік нада, шоб молотить, коні. Тік був. Пошти заняте все було. Уже послє, як ми підросли, двадять год, тоді ми понасажували дерева. Раньше акація тут сама була. Більше не сад… Ми, тепер пітомники, отак, оце стоїть каліроване дерево, і все. А тоді не було, то акація, тоді, межа, і всьо, акація була. Понасажували. Це вже почали садок

уже так, прімєрно в тридцятих годах. Садочок, да, садили. Ну, воно ж не такий, спеціально, ну, дерево понасажували, і всьо.

[*Яка хата була*]? Стара хата. Солом'яна була хата. Глинобитная, солома, і хата була. [*Кімнат*] скіко?.. Як оце у мене, ось-осьо чуть кімната, от ето кімната, так і там було. Ну, сзаді хата, ну а тепер уже син, ето… [*Три-чотири кімнати*], та менше не було. Чо менше... Тіко більші хати були. Як построїлися, я інвалід, так в мене грошей не було, ні за шо…

[*Кімнат було*] ну, чотири, були на п'ять були, якшо так, комната, більша. Так метра чотири було, було ж так, так було. Шестиметрова хата шириною. От щитайте, які вони. Одна зала була большая. А тоді дві, дві менші були. Хіба це заповниш, і спеціально знатимеш, яка хата? Слушай, шесть, сєм, восєм душ було, і батько, й мати, і тот. Хіба нікому жить було? Дітей було… Було, а нежонаті всі були. Самі холопці були, ні однієї дівчини. Шо ж воно, в одной комнаті батько й мати, і то, і діти будуть? По, по спальнях же... В спальні меншій, одній.

[*Спали на чому*]? Кодрина, була, значить. Як той, ось єсть тряпка порвана на той, пошита, а тоді кодрини були. От. Хорошої не було, то стидно росказувать даже. Така сім'я здорова, і тот, шо були діти, то, дітей багато, а вони, спеціальності нема, а жили дуже бідно. Піл, е-е, стол, піл такий, е-е, тот, як тобі сказать. Ну, з досок, постелені доски і оце на досках спали. І там же постєль іщо. Не на кроваті. Дивани старенькі такі дивани, зроблені. Багато чого робилось, я ж не могу це все запомнить.

[*У великій кімнаті*] диванчик дерев'яний. Сундук, сундук назививався такий. Шо з кришкою, шо накривається. Сундук. От ето. Столи. Стол так стояв. Шо іщо могу сказать. Табуретки були. У хаті. Бухвети, старенькі бухфетики були, могли достать – достали ми. Шо стояло, шо я… Шо може в сім'ї стоять, шо можить стоять? Шо буде? В такій, в бідній сім'ї. Нічого балакати, сім'я була бідная.

[*Батько*] та й мати малограмотні були. То вже не до учоби. [*Діти*] ну, сємилєтку кончали, от ето і всьо, сім класів кончали і більше ніде не вчилися. Сестра тоже. Восімдесят год її, зараз живе. Ніде, не… Ото кончали семілєтку там. І ото кончали і работали. Ішли на роботу.

[*Малими гуляли*], гуляли, всі діти як обично гуляють. Так і ми в дитинстві гуляли. Чим занімались… У тюрмах не сиділи, ніхто. Ніде не судилися, ніхто. А так, гуляли міжду, міжду собою. І виросли ніде ми не були запятнані. Ні один брат, ні дочка, ні син. Ну, друзі, друзі це... Вони померли. Уманський, і той, Григорій Семенович, той, він в Москві служив, мой товариш, ми, приїхали, послє войни приїхали, помер, [нерозбірливо] помер він. Ну і, тоже був сусіда, я не знаю, на фронт пішов, я ушов рано, вже як в война кончилася, тоже не вернувся, я-то в армії… Гребінь, Григорій. А то Уманський, Григорій. Семенович. Гребінь тут, Василь, бил тоже, немає їх давно, шо ж.

Ну, [*гралися*], то у скраклі… От, допустім. Четирє тот, і, ямка в середині, і тут, цурки називають. І, забивають цурку, і, у ту ямку туда. Укинуть туда. Бувають, цурка така, палочка зачищена, б'єш палкою. По палкі вона летить, іграли. В цурки називались. От таке ви задаєте вопроси, шо воно… Ну, які… Я не знаю, дєтство, які. Шальониє були ігри, гралися. Як обично діти всі граються. Не магу сказать. От, вулиця тут широка була, людей, дітей тут повно, і на вулиці гулялись, довкола гулялись. Ну як, як, де… На річку літом бігали, купалися. Де ми… А куди ше було бігать… Дома, і всьо, де так. Крутились, де хлопці собираются гулять, де хлопці собираються. У то компанію, знаєш, з дітьми, з дітьми. А вже взрослі як стали, на стадіон підеш, подивишся. Туди, куди прибіг парубком би.

[*В центр ходили*]? Який центр? Це ж у нас і центр. [*На Революційну*] ну, ходили, а шо там єсть? В магазіни ходили, канхвета купить. Ну, а шо ше, ше можна бігать. Там нічого було робить. По магазинах походиш, по городу походиш, це в дєтстві. Шо, шо пацан мог купить? А парубок як я вже став, ходили в парк гулять, знаєш, у сквєріку. Сквер, у сквєріку були. Рано, вес… Магазіни були, рядом. Ходили по бульвар все время, не так як тепер, от ходять. А от магазіни рядом. І отут ходять туди-сюди, туди-сюди. І знакомляться, гуляють, ото тоді гульня була. Ну, це в яких, в тридцять… в тридцять восьмом, сєдьмом году були, тридцять п'ятом оце года були.

[*Центр Токмаку який був*]? Ну, от ето ж центр був, оце церква, збоку церкви тут базар бил. Базарь. Ряд тут, магазіни були. Тут прямо магазіни, і так магазіни були ряд. Тут у центрі був базарь. Я помню змалку. Подводи тута були. Насєленія мало в городі. Город не дуже насельонний був. З колхоза, і з сьол прижають на базар і продають усьо, как обично. Шо іще могу вам сказать…

[*На базар ходили*]? А чо його ходить… Я ходив тіко так, з ким, з своїми батьками, і матер'ю там, шоб ходить. А так я не, нє. Не ходив туда. Ходили вони, куплять, і всьо скупляться на базарі. А тоді базарь вже, цей ж ше тот, перевели на шо, на друге місто вже, перевели. То де старий той базарь, ето кладбіще. На кладбіще, там не строїли дома, нічо, там кладбіще. І там базарь тепер зробили. Хм, шо купляли... Які, які в сім'ї продукти нужні, ті купляли. Шо ж купляли. Шо ж можуть куплять. Єслі нужно, муки там, хліба, ілі там шо. Кавуни там, єслі нема в тебе коли, вся городина, все шо тобі нужно, все піде і купляли. [*Землі*] мало було, я ж кажу, дві десятини землі, не дуже там [вирощували].

[*По нашій вулиці*] солом'яні хати були, і так, кірпічних не було. Большинство всі солом'яні, і такі, хати були, глинобитниє, і солом'яні, черпиця була. Із очерету, хати крили очеретом, знаєш. Очерет ето вон на річкі росте. Очерет, знаєте коли? Ото оте очерет ріжуть, буває очерет, з житньої, солома житня, із житньої соломи. Вона високе житнє, в'язали снопи. І крили от етім хати.

[*По вулиці*] хіба я знаю, хто жив… По хазяйству. Кажний жив по хазяйству. Щас хто, хто я знаю, чим живе оце. Так і тоді. Шо ти, інтєрєсовався?

[*Григорія Лебедя батьки*]? Та вони, батько Лебідя того умер рано, умер. Я й не помню, шоби той... Мати жила довго іще, а умерла… Братья в неї були, братья менші, він жив, послє войни вже не стало його. А братья в його були – один в тюрмі був, знаєш, один убився [нерозбірливо] справляв, убивсь старий, самий старший був [нерозбірливо]. У них там, у їх до низу садок великий був. У їх хрукти були. Городи хароші. А так, хто занімались, по хазяйству всі занімались.

[*Григорія Уманського батьки*]? Ну чо я, я не могу це знать… По хазяйство, коні були, тот. В його ото, жили, лучче жили. Сім'я були тіко троє дітей у них. Лучче жив. Це завісило од того, як батьки, в наслєдстві батьки, як старші подарили, помогли, тоді, конєшно. А як своє самі наживи.

[*На вулиці німців або євреїв*] не було. Тут не було ніяких... А я не знаю, де вони й жили… А в городі тіко, євреї тіко в городі жили. В центрі. Не було їх. Вони люблять у магазинах торгувать, скрізь. Нємци як були, так у сьолах були, в сьолах були тут. Наймна, не знаю, там називається. Так то ті німці. А потом як ото в тридцять третьому, було разрєшеніє виїжать їм уже в Америку, дуже багато спродувалися, і уїжали в Америку. Із сьол, із сьол. От мати, і тоді я вже помню, і мати була поїде, виселяють, мебіль купе. І ту візьме, і накупляє мебелів, і привезе, і на базарі продасть. Отаке. Таке тим занімалися. Та хіба тоді не звісно, тоді всі знали, знали всі, шо виселяють. Той, виїжають в Америку. Тоді багато, німецьких колоній багато тоді було.

[*Перепродувать їздили*] хто, у кого єсть, конячка була. Якшо він поїде, то… Мало хто їздив. Той хто знав, то їздив, скуплявся, брав. Вони ж продавали ж мебель подешевше. Їм не нужно. А це таке діло – привезеш, продаси. Заробиш копійку. Оце тоді на чом [нерозбірливо]… Це все вивезуть, і на базарі продадуть і всьо. В їх було, садків не було, поїде туди до німців, там фрукти мати їздила, фрукти. Е-е, уже послє, мати решили конячку, батько вже на заводі робив, конячка, ше одна третя. Вона поїде було, в село, купе. У німців купляла фрукти: яблука, груші такі. В нас тут садів пошти не було. Я ж вам казав, да? А тут в сьолах, у німців, колонії, там німецькі колонії, в їх двори здорові, земля, і фрукти накупляли, фрукти було, отак і жили [нерозбірливо]… В то врем'я дома здорові, і зараз єсть там здорові, у сьолах, познімали ті вже. Попередєлували хати і всьо. Здорові хати були, заможні були ті нємці.

[*Варили що вдома*]? Кашу, галушки, знаєш ето… Галушки зварить, затірку, зварять. Ви знаєта за[тірку]? Розкачуєш шарик там оцей, і галушки, або ножицями, тісто замісе, ножицями ріже, галушки з картошкой. Шо може буть? Хто шо придумає, то і буде. [*На свята*] як обично, жаркоє, м'ясо, як і тепер готують. І пироги, і пиріжки, і пироги, і торти, все пекли.

І гарбузову кашу робили. І начиняли і гарбузом, і фруктом вся, як і тепер роблять. [*На Різдво*] і холодець готувала, і тот, і картошку, значить, вот с м'ясом, вот. І разниє блюда готовились, шо. Такіє вопроси задаєте, шо. Хто знаєте, хто шо приготове?

[*Різдво*] святкували. Як, як… Було раньше, до Рождества не кушають. Пост держуть. Там скіко неділь, не знаю, держуть, шоб. А тоді приходить Рождество, посипали. Як це. Посипали, і ходили, рожествували. Дітвора всігда занімалась. Вичерю носили ми. Приносять, ходять по, ходили по родичам, вечерю носили. Діти, ми, діти, отак. [*І я*] носив, аякже. Як би це я не носив. Було тіко там, було не так дуже, пітнiє не таке як зараз. А тоді було, е-е тот, каждий готовиться. Так тоді було понесеш калача, калач, іспече мати калач, там де, і понесе до сусіда. Другі не беруть, отдають назад калач, і несеш, і з цим же калачом і до других ідеш, потому шо нада до другого йти, і шось тоже нести. Так шо було разне. Шо давали? Подарки давали, гостинці давали. Пряники, канхвети там, всьо тобі надають. Пиріжки, хто шо, хто шо є, у кого той і давали. [*Колядки казали*]:

"Коляд, коляд, колядниця,
Добра з медом паляниця,
А без меду не така,
Дай, дядьку, п'ятака.
Не даси п'ятака,
Возьму вола за рога,
А кобилку за чубринку,
Поведу на могилку,
А з могилки на тічок,
Дай дядьку, п'ятачок!"

Оце тобі, і… Тепер дівчата співають:

"Щедрівочка щедрувала,
До віконця припадала:
"Чи ти тітко напекла, неси до вікна.
А ти дядьку не гуляй та вареники доставай!"

Це, на ріці, а на ріці, єслі от ето, тринадцяте:

"Ой на ріці, на Ярданці,
Там Причиста ризи брала,
Ризи брала, свого сина,
Свого сина сповівала,
А на ялині сколихала.
А де і взялись три янголи,
Узяли Христа під небеса,
Усі небеса растворилися,
Усії святі поклонилися.
Добрий вечір, вечірко".

Оце туди. А тоді Новий год вже:

“А в полі, в полі,
сам Господь ходив, Сам Господь ходив,
Дєва Марія, Дєва Марія їсти носила, їсти носила, Бога просила:
“А вроди-вроди, жито-пшеницю,
Жито-пшеницю, всяко пашницю”.

А потом: “Сєю, вєю, повіваю, з Новим годом поздравляю. С празничком!”

Ну, а Рожество як приходять, ето первий, вечерю вечором несуть, а на утро, на Рождєство, Сочельник, вечерю несуть, а на утром ходять рожествувать. От. Хлопці. Значить, дівчата не ходять, дівчата тот, як ото щедрівочку, тоді співають. А, хлопці, на Рожество. “Рожество твое и се Боже наш, восия мир и свет разума, небо звездою служащие, и звездою лучащися, и тебе вкланяемся сонцу правди. Господи Иисус. Слава”. Ну, бачиш ти, забуваєш. Це Рождєство співають. Ну, шо я могу ше вам сказать таке…

[*Співать*] всі участься, тоді дітвора, знаючи один одному всі сходяться. Оце, компанія собирається, компанія хлопців, там, два-три чоловіка. Розучають, еті, пісні, а потом вони ходять, єсть у нас двох, єсть три, чотирі компанія пацани ходять. І ходять і співають. Один одного вчили. А учили старі, старші, батьки наші. А то знають старші, старші отходять вже, а менші підростають, де старші [*нерозбірливо*]… Менші не собирають.

[*Дворів*] багато обходили. Поки сумку назбираєш [*сміється*]. А [*потім*] каждий сам ділив, каждий з сумкой, а хазяїн дає, тому, тому дає. Каждий в сумку свою. То єслі так, удвох, так в одну сумку кидають, а тоді вже діляться. А то каждий в сумку, і карманах, і сумка на, через плече, сумочка із матерії, знаєш. І, каждий... Гроші дає хто скіки, хто пряника, канфєти дасть. А на вечерю як обично, як і тепер вже, подарки давали, готовлять там шо.

[*З собою брали*], як, тоді як посипали, тоді тіко береш, зерно береш. Пшеницю, ячмінь, всьо набирають. І када ходиш співать, по хатах. Ото, співаєш, і там же в пісні: “Посію, повіваю”, і ото тоді по, посипаєш ото в хаті, і ото посипаєш. А еті, [нерозбірливо] пшеницю, це все [нерозбірливо] на етот, дають курям. Позамітають у хатах, всьо. Пошти всіх запускали. Пошти всіх. Це мало хто скаже тоді, нема шо, другі як пита, просто, нема шо давать. Або можуть сказать: “Вже пізно”. Або, хто в кого яка причина. А большинство то пускали всі. Мало хто так не пускав. Дітвора ж, вони хочуть більше заработать. Або ідуть у два часа, то кажуть: “Рано, це ще рано”. Отак і кажуть: “Ще рано”. Ну от, за, тепер уже, із заводу ідуть, і: “Пашлі позовемо, коляд, от рожествовствать і посипать”. Прямо з заводу заходять і ото співають. А в заводу до часу робили. Мінялися, в двінадцать мінялися, смєна друга заступа, вони мінялися, і прямо з роботи ідуть, і той.

[*Коли хати прикрашають*]? Ну чо, те, хати прикрашають, кода та, кода Храм. Храм єслі єсть, луче Храм, тоді оквітчають зєлєнню, беруть і квітчають вєточками [нерозбірливо], і тот, чіпляють у хаті. На Храм. Оці всі. Храм єсть, от наш, це Храм, церква када строїлася, це понімаєш, Храм, називається. Тоді, тоді. Одно врем'я там, вроді там Храм. От на Бабаківкі, на краю там, тоді Храм. У нас оце отут, в церкві, це Храм був. На тот, церква ось отут була, е…

Рушники [*в хаті*]? Були, аякже. І зараз вони у мене тут є, висять і тут. Отак висіли по углах. Вишиті були, да. Ну, заказували, купляли, і всьо, хто вишивав. Люди тоді, женщіни сиділи, і вміли вишивать, і все. [*мати не вишивала*], нє. Тоді були голі вікна. Тоді ше як бєдность була. Такого не було, знаєш, гардіни.

[*Як на завод пішли*] тоді все тот, в колхоз отдали вже [*землю*]. Тоді вже отдали. Колхози організовались, і ми не пішли в колхоз, даже було, батько записався у нас, у село. Десь хутора. Да, записавсь. А мати як узнала, шо він записавсь, сходка була, а він записався на село. І восемнадцять кілометрів, там Сухий стан, там вода сорок три метри глубини. Вона як почала кричать: "На шо ти, шо ти записався, хто ж буде". А ми, хлопці, ми в село не підемо, нічо. Так вона послала, значить, його, шоб він виписався. Він туди пішов, а тоді як раз були на проводи. Не проводи, а… ой. Ну, хо, холодне врем'я, як зіма з літом, чи як оце. І послала, пішов він туди тепло, а вечором іти, дощі, дощі, сніг і сніг. Він прийшов замерз, обмерз, і те. Ми не [нерозбірливо]. Села строїться [нерозбірливо]… і я ж отак. Це сходка десь була, я не помню, де там батьки, матері. Сходка була, і там записувалися на хутор робить. І хутор тоді називався, і село от ето, запис… троє оце. А ми як були, як то був уже, послє ето. Так навіть там такий барабан здоровий, конем тягали воду ті. Кадку тягнуть, і сорок п'ять метрів глубина води. Взяли, записались туди. Так шо не хотілося.

[*Рибу ловить бігали*] на річку? Та наша річка була, она всігда не дуже риба здорова була. Мєлка така рибка була. Я не занімався. Люди разні, пацани занімались, робили. Раки ловив я тут, ловив раки. У річкі. От. Мост, бил, там де бетонірованниє такіє камні, виложені з бетону, і там дірки, руками залазиш, і то, раки ловили. Раки були. Та шо там продавать, хіба це річка та велика, продавать, я не знаю, хто шо, я не дививсь, хто продає, а каждий сам собі ловив. Я от поїхав сюди скіко кілометров, там Стульнево, там раки ловив. Там ловились раки. Там де я робив. Поки дньом, вони в норах сиділи, вечір, вечір настав, думаю, це ж вони. Вони всі повилазили по річкі уже лазять. Вечером тіки, нада сєтку, і там чипляєш ото. І мяса такого, і шо сєтку береш і підіймаєш, і [нерозбірливо]… там ото раки ловлять, вечером [нерозбірливо]… ноччю.

[*Чим*] ловили рибу... Цими, сітками [нерозбірливо]. Дєлают таку треугольником, от. І ти держиш, а підходе другий, і токо тот, болтун воду, і всьо, і шо вона риба тікає, раків і піднімають. Іскуствєнно так. Ну, відро

можуть наловить, піввідра. Хто скіки. Тут же дуже багато охотників було. Таких же шо ловить, пацани.

[*Сусіди жили*] дружно, каждий по собі жив, як обично. Помагали? Ну, ну, як помагали, візьмеш, позичиш літр, попросиш літр, тобі позичать ілі шо, а як же помагать. Це помагать, тіко родичі можуть помогти. А інші не дуже, цього я не помню. [*В гості до сусідів ходили*]. Та чо не ходили… Сходились тоді. Малий я був, тоді сусіда приходе. Даже тоді соломою, курайом топили в хатах, і ото соломи принесуть в хату, там сапеток дві, три, чотирі, там скіко. Пєчки, пєчі такі були, топлять пєчку, ото сходяться, і посідають, тот, сусіди, тот, три, чотирі там зійдуться. А ми малі через димар такий той, піч, шо ото топиться соломою. А на там, де димарь, не димарь, ну, груба, значить, і через стєнку ми заглядаємо, шо ж вони, шо вони балакають, і тож, дітвора. Всяке розказували, і, можуть сказку розказать, і, можуть убійство розказать, де шо вкрали, як обично. Компанія собереться і розговарюють. І ми слухали. Ну, а шо таке? Вони ж таке не розказують, як єслі шоби там не слухать. Або кричать: “Ану, лягайте спать!”, і всьо. Вони ж вечорами сидять бува довгенько, сусіди поки підуть. Лампа була, керосинова лампа.

[*Бабаківка*], ну це окраїна города, знаю, чо так називають, Бабаківка, я не інтєрєсувася. Ну оце ще Ріжок називалися, це названіє Ріжок, ота, там туди дальше, за церкву Ріжок, на Ріжку кажуть там, Ріжка, [нерозбірливо]… це названіє старе, да. До Ріжка, до етот.

[*Вуличні прізвиська*]? Ну, по-вуличому, ось нас Бакуми називали. Фамілія. От, Уманські, да, їх фамилія, а Харцуни називались. От сзаді Москалі, називаються Москалі, а Блохи. Москалі. От такі названія. Ну, єслі батьки раньше, от давно-давно уже с Баку у нас, от назвали. Харцуни, Лебіді називають. Потому шо бувають, там, Грабар, вони Грабаки, і дали Грабарь, грабарували, споричка, маленька, одна конка, і грабарі. От. Їх і назвали Грабарі. От. “Де Грабарь?” “Он, біля Грабаря”, – кажуть. Не кажуть там по імені, фамілії, а Грабарі. Отаке діло [запис перервано].

[*У батька брати та сестри*] були. Де вони жи… [нерозбірливо]… та брат двоюрідний був. Не рідний, двоюрідний був. Батьків. Як кажуть, то от мати, отам де, хлєбоза… ето, там же. Там жив. А тоді він взяв, знаєш, колєктівізація, вони [нерозбірливо]. Оце я материн брат рідний, дядько [нерозбірливо]…

[*А у матері*], оце ш, це ш, у матері сестра була. Да, сестра була у Червоному, отут село, Червоне. Кохане, Червоне. Сестра, жила там Червоному. Вона у колхозі була. Іще де. Вона померла вже. А, цей, батько, у Донбасі [нерозбірливо]. Це у матері. Я помню. А у батька я не помню братів.

[*З ким родичались*]? Ми ходили, до Червоної ходили, значить, ми там і виросли, можна сказать і виросли. Голод, був такий голод, вони там у селі. Було підем туда у село, і те. Мати, їсти нема чого, дітей багато, нема чого. І поїде в те, мати пішки, пішки, двадцять кілометрів, у Червоне, йде

пішки, і там побуде, шоб поїсти дала. То картошки дасть, то те дасть, то принесе, ми виживали. От. От ето от... Помагала. Садок там, у їх був садочок, садок, садок там, фрукти разні, посажено, гектар городу у них був, хороший садок був. Ми там всі, ми братья там находилися, як трудно було. А цей, шо оце брат її, у Донецьк уїхав. Ми туди рідко приходили, [нерозбірливо]. І ше шо... Ну, там, у той сестри було двоє, двоє-троє дітей було. Один попав в Германію, син, самий старший, [нерозбірливо], дочка [нерозбірливо], а, брат менший, той у Запорожжі. А шо. Поки малі були, ми, родичі, родичалися. А воно всігда, поки батьки живі, поки і то, і дружбу держать [нерозбірливо]. [*Вона там жила, бо*] там хутор, організовувався хутор, і то писалися, на, туди, у Червоне. Вони там записались і там построїлись, з чоловіком. Іван. Іван Васильович. Там, строїли. Кохане й Червоне, там, Розенталь, строїлися там в ті года. Хутора різали. [*Колгоспу тоді*] ні, ше не було. Був колхоз, а тоді як строїлись, то індивідуальниє вони були. А тоді ше як колхоз, тоді всі в колхозі були. Там колхози були. [*У них*] гектар города, шось уроде, а в нас на питнадцать сотих, а сім'я здорова. Так шо не мо, не буде. Без грошей, не то. І в то врем'я, мати розказувала, ботіночки купить, ето гору хліба надо продать. Тоді хліб дешевий був, а крестьяне, обув купить якусь, це надо дуже багато продать хліба.

[*Малими в Червоне ходили*], та літом, то не жить, а літом, як підходе, ідеш туди, хоч недільку побудеш, ілі скіко, тоді додому оп'ять прийдеш. Уже в школу ходили, тоже. Літом туди підеш, там же фрукта, там же ото і яблука, і сливи, і смородина, й малина, всьо там. Городи здорові, посажені. [*Тітка приймала*] харашо. Харашо. Єслі б не вона ми б померли б може [*в голод*]. Другий раз така. Ніде не достать. Туди підеш, і там ото. Шо-то й дасть. А вже як я більше став, в пятом класі, в четвертом, я було, підеш на станцію, ото брат один на заводі робив. А я піду на станцію, там [нерозбірливо] вагони, пшеницю вигружали, то друге, я вагон із щелейназбираю, із щелей пшениця де там шо, і сахарь, там буває. Назбираю, значить, у сумочку, принесу додому, і ото, дома помогає. Було, візьму ось очки, в міліції міліцейська конюшня була, і там корм, для, для скота. Я піду туди, як з кізяками, значить, а там отруби ілі шо-небудь. Візьму вкину у відро тих же отрубів, тієї пшениці, дерті ілі шо-небудь, і зсаді соломи, і кізяками. Наче я кізяки [нерозбірливо]. Доставали де шо можна було так. Брат було на [*літейні*]? робив. Там крейда із мукой [запис перервано].

Я тоді пішов вечором, один раз назбирав в сумочку, е-е, зерна. І пішов на артіль, база там, і дома заховав. Ту пшеницю. В сумочку назбирав оце. І бачу – бінізін і там бутилки. Я взяв ті, ті бутилки в сторону переніс і туди положив у клуню. Положив у клуню, піду на елеватор сюда. Пішов на елеватор я, да, тіко зайшов туди, ззаді, ну, і нікого немає. Та тіко хотів пшениці понабирать. Там зерна ото, нашкрібать. Коли тут сторож. Сторож вискакує: "Хто там?" І мене: "Ану, давай". Повели мене в контору, туди. А я голодний, ледве тот. Вони мене повели, і шо, давай питать мене. І зні-

мать з мене пальто, пускай, а один взнав, брат мій у заводі робив, літєйном. Каже: "Хай брат прийде забере". Шоб, мене значить. Да. І зняли, і снімають із мене, да. А я не даю пальто. Він тоді, не отнімуть як раз. Може й не дуже хотіли, ну, не отнімуть. От єврей там був один. "Давай я, я зніму". Взяв, на коліна поставив руку, і давай ламать. Нажимать. Я здався. Забрали те, в мене пальто, отпустили мене додому. Тоді я не йду брать пальто, а брату переказують: "Прийди, хай пальто забере". Каже: "Хай іде сам забере, – каже, – чо я буду іти". Брат. І пішов я. Пішов брат і каже: "Іди забери пальто. Твоє". Я пішов і забрав. Це один раз. Тоді другий раз… Отпустили мене. Другий раз я пішов тоже так: лазив, лазив, ніде нічого не достанеш. То вечором, а це дньом. Я тіко пішов туди дньом, шоби зерна собрать. І тіко я пішов, е-е, назбирав там у бурті, ну трошки, там планка набита, тут трошки зерна. І я думаю, тіко назбирав, карман був такий, пальто, тут карман був такий, зашитий. Я раз насипав. Тоді: "Хвате, – кажу, – нічого жаднічать, – сам собі кажу, – нізя". І, давай уходить. Тіко став уходить, тіко со двора, а тут виходить: "А ну підожди, – кричить, - а мене, – підожди, а ну йди". Я – хода, знаєш. Через путя, через путя, і там зданіє було пусте таке, розвалене. Я раз – у те зданіє. А він кричить: "Мене підожди". Думаю, може буде гнаться? Утік я. Я доставав другий раз ті. А тоді другий раз їде, це не буду росказувать. Друге розкажу. Їде, чоловік їде. От, сзаді от труби, везе, понімаєш. Ну, корм, для тої, для курей. Я до його підчепився і під'їхать. Коли підняв, подивився, зерно там всяке – а там і свиріпа, і разне зерно із трави, із трав. Я тоді раз, сумку викинув, у мішечок такий, і висить, викинув, да. Тоді взяв, е-е, тот, поїхав він, не оглядається, я взяв, пригнув. Добре, шо додому приніс. Мати взяла, знайшла товку… А тоді було снаряд. Снарядом ото товкли, крупи, шо, снаряд. І натовкла, те, палахти. Взяла, те, коржиків напекла, вони гіркі! Да? Зерно оце. А то ми їмо то кашку. З акації ото кашка, трошки зерна, муки достанеш, замісиш, і ото оладки пекли. Я ш говорю, бєдность була бальшая. Виживали.

[*На вулиці в голод люди*], ой, померли, сім'ями померли. Он сзаді [нерозбірливо] там чоловік п'ять вмерло. Вмерло багато людей. [*Голод чому був*]? Потому шо позабирали все чисто, е-е, колхози, от еті колхози позабирали все, вибирали. На горіще полізуть – глечики [нерозбірливо]. В глечиках де, шо, між хлібами все чисто, знаєш. В мене в батька було п'ятеро. Хотіли в колхоз шоб ішли, а ми не схотіли в колхоз іти, да. Так тоді те, взяли і те. Батько приготовив ото ж, хліб, муки, всьо. Біла мука, і діжка, діжка, бочка так, діжка, муки, натоптана, і всьо. Приготовили. І ото вони прийшли, і забрали ту муку, де горщики позабирали все, пуста хата – все позабирали. І у подвалі, і на горіщі лазили, і скрізь позабирали все. А жить нада. І де доставать? От і робили так шо, хто мог, да. Достав. Я ж кажу, коли крейду принесли, принесли крейду, і муки там, тріщить на зубах, ти їси, виживали. Трудно було. Люди мерли сильно, там де батько,

мати де померли, діти, правда, осталися, то й дівчата [нерозбірливо]. Уманські, тут тоже померли. [*Сусіди допомагали*]? Хто буде помагать, як ми пішли от на тот, на степ пішли, з братом, да? Там, кажуть, скирди, колхоз молотив, скирди, і пішли. І там пшениці багато. Комбайн тоді погано молотив, обмолочував. І там зерна. Ми зерна розгрібали, ми повитрусювали три мішка пшениці. Пішли дома пересіяли, от. І повезли на мельницю змололи. І бачили люди, і бачили шо ми, мука. І ота хата, брата, батько де там жив, як оце в мене, да? І вона посуда там була, у батька, тарілки там, на вікнах стоять. І те. А ми взяли іше, принесли, змололи. І так у нас і столик стояв у тій хаті, як оте. І вагани. І в вагани ми висипали муку. Муку цю висипали ми. А оце перестінок нема, хата длинна як ото той, і, двері там у ту хату. Та половина хати там була друга. І ми, тот, пішли, висипали тут. А там ті, знаружі сторони, крючок, накинули на крючок, от, двері. А тоді ми утром устали, мати встала, а люди кажуть: "Шо то у вас…" А на причілку були туди сірєня, кущі сірєні. Каже: "Шо це у вас посуда стоїть на дворі?" А ті вікна були, откривались на дві половинки. Ми прийшли, глянули: а вони притулились. Вони вікно розкрили, забрали муку, вимели з ваганів. Вагани такі шо вони вмістили всьо, хліб. Забрали, і вимели даже із тих, ваганів. І ото так прикрили. Хтось побачив, шо в кого покрав. А те, ви кажете, чи помагали? Хто тоді помагав, я голодний був.

А [*вступати в колгосп*] ми не хотіли ніхто. Часна собствєнность. Пішли на завод работать, і всьо. Не схотіли. От не знаю, не схотіли, чого. Ми одне, не схотіли йти: [дрило?], пукарь, інвертарь весь отдали. Коні отдали, в колхоз усе отдали. Прийшли, ми отдали. Ну, не схотіли просто йти. Ми сказали, шо ми хлопці, молоді іше. Ше пацани були. Шо, як мені тоді було годів десять. Не схотіли йти.

[*Чому все здали, а до колгоспу не вступили*]? Все одно заберуть. Каждого двору здають, з каждого двору, і всьо. Забирають під чисто, і всьо. І отдали.

[*Чи допомагав завод у голод*]? Хто там буде помагать… Шо заробиш, то й получиш. [*Брати старші заробляли*], ну, по шіісят рублів. Батько я бачу, помню, раз, я, батько тоді вже старший став, на транспорті робив. Я конюхом, старший уже. І тут у нас, де оце зубний кабінет? Оце була, парк, де больниця оте, все, це був парк, городський парк був. Городський парк. В то врем'я. І оце, єслі знаєте, то больниця, городська больниця, то де двор, ето був парк. І туди приїхав Морозов. Морозов. Приїхав Морозов, силач, виступать, і всьо. І в оцьому парку, а батько, мати сказала: "Візьми, тот, хліб, їсти понеси батькові, і, у, на конюшню, де він робить". Я поніс отдав, да. А батько получив получку, там, як раз. І я взяв ті гроші, от. Батько мені отдав. Я ж малий пацан був, взяв. І їду, додому іду. Іду додому. Тоді дивлюсь – повз парк іду. Там забор високий. І – пацанів багато через забор лізли. І, думаю… А Мороз, це виступає Мороз, силач, двадцять копійок перекусює на те, на три часті двадцять копійок. І ці ж хлопці.

"Дай я", – думаю. Пішов, ото переліз туди. І тот, і зайшов. От. Уже от-от буде виступать. Уже виступав даже. І я сіжу сзаді, [нерозбірливо]. А то я сзаді сидів оце. Заліз, і сижу. Коли дивлюся, підходе до мене, бере. А я бачу шо там з того, пацанів збирали, і мені шось каже. Я тоді шо. Він мене бере. Я злякався. У мене тут гроші, я знаю шо будуть лазить по карманах, це ж міліція. І мене схватили і в цілу кучу. Повів в кучу. А нас зібралось чоловік сємдесят. Пацанів оце. Стали виводить, значить, із парку, там же іде все. А де опитні, шух-шух, утекли, да? А нас двоїх... Я не хочу йти, мене схватили за руку, я кричу. Повезли у больницю, чи той, у міліцію привели. І зразу – раз, і в казаматку посадили. Посадили мене в тюрму, це ж темно було, і бачу три женщини, у тому, в цій тюрмі, в кабіні. Вона одна: "Не брат?" Тіко вийшов брат. Він каже: "Нє-нє-нє". До мене дивляться – не я. Тоді вони спитали мене, я кажу: "У парку, забрали з парку". Ну, тоді солома, куча, потерта-потерта, в углу там. І я тоді шо. Я в тій соломі ліг. А гроші узяв, найшов гроші, і взяв брюки в середині зав'язав, карман зав'язав, шо полізе рука, не витягнеш. І заснув. Заснув зразу, да. Утром чую, гукає мене міліціонер, батьки прийшли до міліції, вже визивають [нерозбірливо]… таки є. Визвали. Ото батько й мати. Батько на дворі такий був, [нерозбірливо]. Мати така, ото підійшла, [нерозбірливо]. Він каже: "В тебе гроші цілі?" Да. Я кажу, пощупав, кажу: "Да". І виходе тоді на вулицю. А я в п'ятому, в четвертому, в п'ятому класі був [нерозбірливо]. Вийшли. "Йди додому", – а вони пішли на базар. А мені кажуть, іди додому, шо покушаю і піду в школу [нерозбірливо]. І вони пішли, гроші отдали, забрали, а я тот, пішов додому, в школу. І так ото пройшло. Не знаю. Раз попав у той, у дєтстві. В міліцію, переночувавав, як там ото. А міліція, тюрма була, оце я тут, де, знаєте, недавно тут воєнкомат, де старий воєнкомат, був, ви тоді ше не знаєте, це настроїлись [нерозбірливо]. Тюрма, під землею була, вікна тіко на вулиці, віконця маленькі. А в другій, це, тяжолі такі були. А там, вообще, такі, общиє [нерозбірливо]. Я ото то подивився, побачив, отаке було. В жизні проживеш, [нерозбірливо].

[*З ким вчився*]? Та-а, хіба це, померли вже… Катерина [нерозбірливо], Катерина там. Та, вже й фамілії позабував. В школі вчились. [*В класі*] по сорок було штук. Великі класи були, повні класи, наповнені були. Було по сорок, по тридцять п'ять було. [*Вчителі які*]? Та шо, це, Катерина Степановна мене вчила, її немає. Степан Сидорович був учитель, з нами, да. А так, вони всі. [*Вчителі були*] токмацькі, да. Ну, тіко де саме. Я не знаю. Учитель Іван Сидорович жив у школьній, у школьній квартірі. Комната була. А Катерина Степановна була, у городі жила.

[*З ким дружив у школі*]? Та хоть би і дружив би, я не помню вже їх… [*Балувався*]? Тут ніде ж не, батьків не визивали. Так ні, я балувався, як балувався. Батьків не раз не визивали, нічого. Не прогулював. Опаздувать може опаздаю, опаздаю, бо дома, не те… Це бувало… Шо ше вам нада, більш… [*В школу з собою мати*] і хліба намаже, єслі корова була, мас-

лом хліба намаже, ілі там яічка ілі там шо таке. Пиріжка дасть, отаке. Дома, там столової не було. А так з дому давали. Хто близько жив, біжав до дома, а я тут жив недалеко, та улицю одрізав два городи було, і тут [нерозбірливо]. Тут от через городи із школи бігали додому, додому їсти, як велика переміна.

[*Батько і брати обіди*] брали, обізатєльно. Каждий брав. Ну шо я, то вже, шо, можуть приготовить, то й вона бере. Шо в домі єсть. Ну, це ми ж. Сказать, в баночках, я, я не знаю, чи брали баночки, чи ні, ну, тоже воно, це вже таке діло, шо вже не помниш, шо вона, які вона, шо приготове й дасть.

[*У батьків*] довго, довго була корова. Ну, воно було так: як корова чось десь якась епідемія на скотину, подохне, попробуй зібратися на корову вдруге. Періодами не було ні корови, нічого. Другий раз є, наживеш корову, теличку. Дорогі корови. Коли теля куплять, і тоді годують, вигодують до тьолочки тоді ото. Трудно купить корову. [*Молоко*], воно куховариться, яке ж це молоко як діти, сім’я велика. Єслі сир, то лишнє молоко поставлять, скисле молоко, зцідять, і сир долають, і вареники варили.

[*Коли в ФЗУ вчився*], ну тоді ж Перве мая було. Усі гуляють, і шо, собираються, в кажнім домі. Молодьожь, і всьо. Ну, отаке гуляли. Було таке. Як святкували? На парад піду. З параду прийдеш, було прийду до… Колись до сусіду йшов, там якийсь женатий один, був на квартирі: “Давай, хлопці”. Випили. Вже, вже випивши харашо. Пашов я там, те, погуляли, випили, мало ше. Тоді я ше, він каже: “Давайте ше”. Я не хотів, а вони: “Давай”. Я випив, ше й більше їх. І кажу шо. А в мене ше два братья було. А оце на углі тут була, е, дівчина, там я заходив гулять, ну, сусіди. І там я сидів. Ну, посидів у хаті, а воно жарко у хаті. Мене розморило, я думаю, вийду на двір. “Куди ти?” Кажу: “На двір, мені жарко”, – кажу. Вийшов на вулицю, а біля хати, і на вулиці як раз скамейка. Я взяв і заснув. Тут: “Он ідіть брата гукать. Ідіть зовіть свого брата”. Ну, прийшли вони, мене схватили за руки, тягнуть. Ой, тягнуть, не несуть, а тягнуть, притягнули, вот, а я [нерозбірливо]. Ну, а як. Ну, я не пив, а так ото случилось так. Так шоб я п’яниця, ні.

[*П’яниці на вулиці*] були такі разні тут, і шо пили. От і больниє билі. Осьочки той, шо я ходив сюди, порасказував, шо п’яний був, так вони приїхали, тут же, Гаркавого, Гаркавий бил, Гаркавий. Він бухгалтером був по сьолах [нерозбірливо], їхав додому, їхав додому, ноччю, і те, і машина їхала через міст, їхала через міст, і раз, скочили з машини, і до нього. А він упізнав, одного там, мущину. І поздравствувася до його. А вони, ета банда була. І вони крали, нескоко хат обікрали. І то вже і в машину й товар. Вони його, шоб він не знав, ударили, і з мосту кинули в річку. А річка мілка була. І він відтіля, знаєш, устав [нерозбірливо]. Ну, і потом, після того, взяв і хату продав. І уїхав. А в нього бил син. Він женився на той жінкі, і ото у жінки син, Іван, я знаю. Ну от шо він. Він знаєш, взяв да і остався

тут, а він в технікумі занімався. Остався в технікумі, учителем. А тут [нерозбірливо] магазин назвивався, магазин, а на вєрху школа була. Він в тій школі учивсь, тоді як раз діжурив там. У тій школі, діжурив. І, прийшли туди хлопці, і його упросили, шоб він: "Ми тобі дамо". І шо, упросили, банда. Пробрали ляда, там забита ляда була у потолку, пробили ляду, в магазин спустилися, тоді набрали вєщей, і всьо. Ну, і, і уїхали. Ушли. Він ото [нерозбірливо]. І він шо, це я зараз оце вспомнив. Приходе він тоді до дому, і вузли такі, ботіночки, датські, малесенькі такі, да. Він прийшов до нас, а ми з ними були в харошом состоянії, да. І каже: "Бабушка, візьміть оце, хай постоє оце у вас сутки. А то я їду до батька". Ну, мати, каже: "Положи туди". На стіл положив, чи сундук, сундук, стояв. Положили вони у те. І, а я гуляю, знаєш, день, два, неділю, не йде забирать. Думаю: "На шо воно приніс?". А я, Уманського ото шо було, я ж кажу. А тут сусіда родич був. Гаркавий. І приходе до той, туди до Уманського, і каже: "У вас Іван не був, Гарькавий?" Ми: "Був [нерозбірливо]". А я кажу: "Він у нас заходив, там сумка, узол бросив, і от не йде брать", – кажу. Я сказав. Вони прийшли. Тоді сказали, де я жив, через три хати, сюда. Вони прийшли, стали питать. А мати на те врем'я, як раз, у сундук, взяла, чо воно буде зверху лежатиме, у сундук положила. Вони прийшли. Стали питать. Кажу: "Ось, ось я положила тут, лежало на кришкі, я положила в сундук". Мені хтось поставив. Тоже, так сказать. Ну, і тот, мені тоді було од матері. Каже: "Шо ти сказав". Кажу: "А на шо воно мені. Всьо одно дізнаються. А так я сказав, і всьо". Да, тоді вони мене визивали раза три. Все допрашували. Думає, шо скаже, а ні. Те саме каже. А він, тоді вже послє сказали, він сказав: "Ту женщину не займайте, я, вона нічого не знає, я її обманув, не признався їй, так шо вона нічого не знає. Просто сусідка, і…" А тоді його судили, і дали три года йому. Ну, він отсидів. А тоді я в армію пішов, я не знаю шо з ним було. Отак. Так шо він ото, Гарькавий, то був, случай, шо, пустив ото, пожаднічав.

[*Жебраки по селу ходили*]? Да, було, просили, і мужики, і хлопці. Старці називали їх. Ходили, просили, подати там, кусочок хліба, хто шо дасть. Воно і зараз ходять, спрашують: "Дайте поїсти шо, дайте, значить, картоплину, ілі хліба". У кого чо було. І зараз ходять. Чого ходили? Знач, ніде не робили. Не було шо їсти. Вони ходили. Бєдность була. [*Місцеві*]? Ні. А хто його зна, ходе якийсь, шо питали: "Хто Ви такі, де Ви живете?" Я й не питав.

[*Цигани були в селі*]? Раньше, кода були пацаном були, на річ, річка там, отам отабориться й та [нерозбірливо] компанія їх, бригада їхня та, циганська. Побуде неділі дві десь, неділю, значить, і уїжає. Ходять, гадають, ходять, просять вєчно. Було багато. І обкрадали було. Було й таке шо, прийде, залізе в хату, вєщей, да, набере вєщей собі, да, хазяїна немає. Узлов нав'яже, тіко виходить, а тут хазайка. Хазяйка йде. А вона говорить: "Шо ти тут лазиш?". "Тобі я ось хочу продать, це не нужно тобі, як торго-

вка, ось одєжду?" "Іди к чорту, [нерозбірливо] (це вже розказували), іди!" [нерозбірливо]. "Ну і забирай". І даже викинула своє, понімаєш? Викинула. Це цигани, обдурюють тіки так. Взяла і викинула. А тоді кинулась, шо: "Це ж своє я отдала". До нас не приходили, потому шо ми не багаті були. У нас нічого... Ну, просить то приходили, але це шоб ото ето гадать ілі шо це. Не було.

[*Циган*], ну, як ти будеш виганять, як вона прийшла, там питає тебе шо нужно, ну там. Скажеш: "Іди, не нужно мені", – і всьо. Як би она брала шо-небудь, ілі шо, тоді я б ішо виганяв би. Хто може й погоне, хто може й то. От була у нас тут циганка, така шо вони у нас таборились, тут жила. Жила тут. Вона померла. Була. Жила, гадала. По других уїжає було, десь у других городах, і просе [нерозбірливо], просе, то гадає, то просе. Вона, вона померла. Її було, і син був, і дочки в неї, так шо така була. Її знаєш, не принімали її, гнали шо вона просить, гадать лізе. А син був такий, шо несколько раз женився [нерозбірливо], посадили було.

[*Циганка*] так вона не займалася, я даже у їхній кришу робив, у кухні кришу робив, у цих циган. Вона тоді з чоловіком розійшлась, [нерозбірливо] а вона була, жила вона, вона довго жила, вона померла, годів двадцять як померла. У їх кришу робив. Дочки були, оце ж дочка була, дві дочки, внучка вже ходить [нерозбірливо].

[*Чому вони тут поселились*]? А чорт його знає, купили хату. Тут вони взяли. Це глиняну взяли, [нерозбірливо] за табором, біжав [нерозбірливо]. Зараз дітей було багато у їх, по четверо [нерозбірливо]. Син був. [*Як до неї ставилися у селі*]? Це [нерозбірливо] кому казать. Я туди й не ходив. Єслі той, я іду в город. А туди як другий раз, і не знаю, де хто в хаті. І зараз даже, де в хаті хто виріс, то діти, дівчата, мені й не казали.

[*Дівчата до неї*] ходили, ходили, ворожить. Особєнно такі ходили. Молодьожь, знаєте, такі, і той. А, занімалась ворожбою, і всьо. Даже, слихав я так, шо одна прийшла ворожить, одному вороже. І так ворожила, ворожила: "Я помогу, [нерозбірливо]". Каже: "На тіко, розпишись, шо ти нічого нікому не скажеш. Шо то… Така власть погана, той, про совєтську власть [нерозбірливо]". Вона набалакалася, а та тоді тот, узяла, знаєш, і обворувала її, і ушла. А вона кинулась: вона обворована. Вона тоді стала її казать. Каже їй: "Ти розписалась, шо нє довольна совєтской властю, – каже, – я ось заявлю, тебе зараз заберуть". І вона замовчала. Чоловік прийшов, [нерозбірливо] обібрала вона і всьо. Вони й побоялися. Потому шо дуже судили тоді при совєтській власті. Недовольні були.

[*Хто до неї ходив*] я не слідив. Я знаю, шо ворожила вона, і дівчата бігали. І зараз ото живуть Кінаші, там де Гаркавий живе, вниз, і то зараз бігають. Тут одна була, ворожка зробилася, одна. Она померла тут. Все бігали. Ну це, це такі люди. Знаєш, бігали, шоб вона гадала їм.

[*Знахарів*] тут не було, а було в Ладекопі, там як Калінінська вулиця, там за городом, тоді як іти на вокзал, там була німкеня, так, костоправша.

Вона работала при ста, при, ше в старе врем'я, і врачом, сестрой робила. Так вона була, ото шо лічуть, лічуть-лічуть, переломи, ілі шо, і нічо не полу… Піде до неї, вона внов ламає, і кості составляє, і дуже вона славилася. Вона виставляла людей багато. А вже її дочка, дочка не те було. І дочка вже вмерла. Так шо вона дуже костоправша була. Тіко тоді – і до нємки, до нємки. Вона ото подивиться. Ось у мене палець – ізрісся, отак із боку прирісся. Вона б узяла поламала і поставила палець, ранений, оце в мене рука. Вона ото переламає, на місто поставе, і ото.

Як [*нас малими*] лічили? Єслі вже дуже, то ішли до врачей, а не той самі. Хто студилися – малоко із медом давали, ілі там із смальцем давали молоко, парили. Картошкою парилися. Береш картошку, вариш картошку, знаєте, у лушвейках, тоді дишеш. Примітивно. Ну, це були ж одвари, трав були одвари. Трави. Трави парили. Хто шо як приміняв. Хіба це все мужчина буде знать… [*мати трави*] чи вона купляла, чи вона… хіба вслідиш. Ну, ромашку, ви самі знаєте, ромашку, ілі подорожник, ви знаєте, такі трави, вони лічили. Єсть люди, посовітують, те, те зроби, вони роблять, те…

[*Забор у батьків який*]? Були стовби, і натягнута проволока. Одна проволока натягнута було, ілі дві проволоки, ото натягнуто було. Тоді не було заборів. [*Ворота*]? Ну, воно, де стоять ось два стовби, оце ворота. А тут дальше проволку натягнули, і цю. [*У дворі*] собаки були. І великі, і малі які були собаки. Аякже, без собаки не можна. [*Хати на замок*] закривались. Як-не-як, всі равно закриваться ж нада. Чо не будеш закриваться.

[*По хатам та городам лазили тоді*]? Та й було, ну це всігда й було, й буде воно це таке. [*Чи ловили їх*]? Як таке, той ніхто не хоче заявлять. Ось у мене. В мене самого було. Я робив… [запис пошкожено]… Сіно було, я по колхозах ходив, після войни, [нерозбірливо] їх була. Жили були. Косив сіно з половини там. Ілі одну третю, у їх були. Сіно косив. Загонув скирдочку, да, заготовив, ну, коп'яшок на шесть. А потом тот, осінню підійшло, а було тот, нада було ото нести в підкат, шалашик, коров годувать. Я взявся одрізати од скирди, оце сіно, у ширину, оцю скирду розрізать. І заболів – в мене приступ, в мене почечно-каменна болєзнь. Це с войни самой. І я тот. А мене сусід, оцей верхній, шо я розказував. Здоровий дядько, да. Етот. Прийшов сюди. Сіно красти. А в їх корова була. А у школі – тут городи були, дерев не було, тут все городи були, ото школа. І там уборщиця топила, у п'ять часов вставала і топила класи. А він прийшов сюди, подивився шо то одрізано. Зв'язав канатом, на плечі, і поніс. Поніс він. Я утром устав, і те, дивлюся, сіна немає. А до мене як раз тут Рябуха приходив куплять сіна. Кажу: "Ми не продаємо, нічо не так". Перед етим просив у нас. А тоді утром да – сіна нема. Забрав хто. Я пішов – і слід на город туди, через там, садок, и садком оце. І там школьні огороди. Я пішов по сліду. Отуди, на ту вулицю. Коли кажуть, дівчата, уборщиці, шо, до мене. Кажуть: "Шо ти шукаєш?" "Та, – кажу, – сіно вкрали, од і слід сюди". Каже: "А тут один ішов, – каже, – здоровенний дядько. І, –

каже, – скирду на собі ніс". Ну я пішов тоді, пішов туди, там магазін був на тій вулиці, на углу, оце як наш, а то там магазин. Да. Людей багато вже. Мать, це було часов шесть, сєм. І я тоді відтіля, і по сліду, і сіно дивлюся. Дойшло до угла. До нашого, до оцього. І, думаю, ну, піду ось до Рябухи до цього, він сіна хотів. Я прийшов, став йому казать, шо так і так, ви сіно, сіно ви, достали, чи ні? Каже: "Ні, ми не достали сіно". Кажу: "Та в мене хтось покрав сіно". Каже: "Ні, не брав". Я тоді взяв, іду дальше. На міст. Оцей, до мосту дойшов. Слід, да. За міст зайшов – сліду немає. Сліду немає. Потом, значить, я вернувсь, туда-сюди, коли, понад річкою пішов сюди, собираюсь [нерозбірливо]. А я в міліцію, е, ходив перед етім, казав, шо: "В мене покрали". Каже, скаже, Лебідь, Василь тут, Лебідь, міліціонер був, кажуть: "Піди до його, хай він провіре". Ну, а потом, отож, після того, як я позбирав ето всьо, і пішов в міліцію. Пішов до Лебідя. І да, і да, перед річкою, пішов я, пішов понад річкою, тоді те, в двір один там, Яровий. Я знаю, шо всім кажу: "Слушайте". Женщина вишла, каже: "Шо?" Кажу: "В мене сіно покрали, до вас слід, у то, у двір, сіно, – кажу". Каже: "Можеш провірять, у нас ніде немає нічого". Побалакали, спросив я, вихожу відтіля – дивлюся, дивлюсь в огород – по дереві, він, знаєш, він як ніс, по дереві висить сіно. Я тоді сюди. А тоді пішов сюди, да. І пішов до його в город. І у його в городі, як оце вже заборчик, заборчика слід, сіна, у дворі нема ніде нічого. Поприбирано, да? Я тоді прийшов, і став казать. Його дома немає, значить, і та дочка з зятєм. Тоже в їх двоє дітей було. Пішов – у їх дома нікого нема. Я прийшов. Тут баба стара, стара, той. Я кажу: "Так і так". "Нема, ми не робили". Кажу: "Я хочу провірить, – кажу, – у вас". Поліз на горіще. А воно там, ето вже, криша, і тут багато соломи, там таке. Єсть, сіно от ту то запхнуто. Я підійшов, кажу: "А вот ето шо? – кажу, - Шо вот ето Ви?" Да. Він тоді шо: "Ні, ні". І вона не то. Я до тих пішов. А діти стоять: "Папки нема, папки нема". Малі ше були, менше чим в мене. "Папки нема дома. І мами". Я ото в міліцію пішов. Василя позвав, Василь прийшов, міліціонер. Прийшов з ним, тоже сіно порозбирав, подивись, по вулиці лежить, тоді пішов дот їх. Тут баба плаче, таке горе, знаєш. Він у хату ввійшов. І вона просе. Той. Я подививсь, подививсь, інвалід, больний, сижу, думаю: "Шо я буду сидіть" [нерозбірливо]… "Хай він подавиться тим сіном". І ото так. Крали, бач, близько сусід, кажу. Він тоді до мене прийшов, а то його взнали, шо він сіно крав, на заводі робив, всі сміялися. Його датували, того дядька. Тоді моя як раз мати й батько поїхали в Донецьк, до брата, в Донбас. А я сам, дочка в мене була. Дома, то. Він прийшов, до мене: "Шо ти!" "А шо ти, не брав, – кажу, – ти не брав?" – кажу. "Та я оце зараз тебе задавлю!" – той кричить, нахвалявся мені. Тоді нічого, і пішов. Тоді у скорості він і помер. Рано йде. В кого єсть шо-то ето. Шо я могу ше, нічого не могу сказать.

[*Як в армію йшли*]? Первий брат у мене пішов в армію, у тридцять пятом году вернувся з армії. І рука калічна була [нерозбірливо]… попала.

Поломана була. Його раньше взяли в армію, його раньше і пустили, тридцять п'ятого года уже. Як раз сніг пішов на Перве мая, второго він і розтав. От. А потом ше другий брат пішов позже, був він у тому, це він у танкову попав часть, а це другий, в Казахстані, і шо погранічніком там був, другий брат. А тоді я вже пішов третій. Я третій пішов в армію.

[*Виряжали в армію*] як? Вечір бил. Бил вечір. А тоді, приходять утром, друзья. І всьо, знакомиє, ведуть у воєнкомат, з воєнкомату, е, тоді на станцію буває. Та просто на станцію до поїзда треба провожать [нерозбірливо], поїзда бува. На поїзд садовлять і в'їжають в армію.

[*Як мене виряжали*]? Ну да, мене то, виряжали совсєм іначє. Вот. Я бил призванним, призвали на пітнадцяте сінтября, окт… сінтября, кажеться? На пітнадцяте сінтября їхать у армію. А потом прийшло приказ, шо, оставить на год мене. Тут роблю, роблю, остається знаєш, шас ось мєнє… середа допустим, да? Я на роботу хожу, і всьо, вихожу я з роботи, хлопці кажуть: "Ти повістку получив?" А мені дали, оторочку дали. Я кажу: "Я в армію не йду, мене тот, ослободили". Каже: "Получиш повєстку". Я получу повєстку. Я прихожу на роботу, знаєш, уже, мені кажуть, які діла робить. Утром. Потом дивлюся: я сів, став робить, коли звонять. Явиться в воєнстрой. "Січас или позже?" "Січас, – каже. – Ти уєжаєш у армію". Я пішов, вони одмінили той приказ, забрали мене в армію. Пішов я з дому, кажу: "Мене, я буду в армію їхать". Це як раз була п'ятниця, вечором, а в суботу вже вечір згуляли. Погуляли, утром, знаєш, їздили на станції. Провели аж туди, на станцію. Компанія вся, яка там. Людей багато, молодьожі багато було. Дуже проважали харашо. Сходилися. Я пішов в армію. І воно як не то щастя, не знаю, доля оця, шо, каждого по прощаєшся, плачуть вони, а я сміюся. Вони плачуть. А тоді знаєш я те, поїхав в армію. І от скіко я пробув у армії пройшов, скіко мене не завезло. І от. А тоді ше як я на фронті вже воював, да? І какой – хоть би ранило та не дуже скалічіло. Отак то. Другий – умре, уб'ють, і він там боїться, а якого хоть би ранило, та не дуже скалічило. І воно як ударило мене первий раз. Руку, лоб розкурочило, рот розбило, осколки по тілі, тут рука, тут, і осколок, і тут зараз сидить у мене в нозі, із сорок первого года сидить. І отак так получилось шо я, ну ранило, а все равно, на ногах, не дуже скалічило. Так, тіки ото палець отой.

[*Як виряжали*], ну да, пісні тогда різні співали. І от ету шо співають ж… та хіба зараз вспомниш, які піли. Проводжають. Не вспомню які пісні. Вооообще разние пісні співали, ще і січас співають, і за новобранця якого виряжають, єсть пісня.

[*У нас в сім'ї ніхто не співав*], таланту не має. Не було таланту, шоб хто співав. От нащет работи, от я був учився, не дуже такий був, як сказать, грамотний, шоб я учився. А нащот роботи було – гляну, подивлюся, вже буду робить…

РОГОЗА ІДА ІЗРАЇЛІВНА, 1917 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Здесь, в Токмаке родилась. На Ленина улице. [*Родителей*], ну конешно, да, помню. Так, папа, мама... Мама домохазяйка была. Нас сем человек. Радны... значит, в доме было. Папа был сапожник. Работал, как они тогда назывались эти организации, не знаю, но он не был кустарь как одиночка, а где-то работал. Он прекрасный сапожник. Я Вам щас могу посмотреть на папу и маму [запис перервано].

Десятилетку закончила. Потом пошла работать на завод. В бухалтерию. А потом уже бухалтером все время. До конца. Эвакуировались два раза. Махачкала, а потом Даге… ну это Дагестан, Махачкала. А потом, как называєтся, хотела быстро сказать… Алма-Ата. Как, как, какой-то город. В Алма-Ате тоже была. И там работала. Везде работала. Была инвалидом второй группы. Все время почти што. Вощем, все испытали, все.

Папу звали… Израэль, это я знаю, а отчество я… Мама – Анна Борисовна. [*Своего дедушку и бабушку*]? Так это мои родители, а дедушку и бабушку... ихних родителей? Нет, откуда я. Нет, нет, нет. Не помню я. Я знаю, што папа был сапожником, тоже, но это, но они уже по том, старом режиме жили, а потом были. Папа умер рано, осталось нас семь душ.

[*Отец умер*], ну, когда, я уже не помню, когда. Ну представьте себе, если мне восемьсят семь лет. Да помню, мне было три года. Мне три года было. Нас осталося сем душ детей. [Показуючи фотографію] вот это мама. Все выросли, все выучилися, все, все. А тогда ж это когда было советская власть. Так сразу тоже пенсию нам давали. На всех дитей. Хватало. Я знаю, я была мень… потом старшие пошли работать. Старшие, у нас все девочки, один мальчик токо был. Брата звали Лева. Одну сестру Маня. Другая Фира. Геня, Дора, Мира, я, самая меньшая. Да, уже с моих никого нет с нашей семьи. Абсолютно. Я одна осталась.

Одна работала, Мира, работала на заводе машинисткой. Геня была зоотехник. Фира, как от так называется, де она работала, щас вспомню… Она активистка, комсомолка была, в общем, страшный… Все, они все в партии были. Ну, в общем, семья была очень харошая. Мира училася на... кого она, машинистка она. Все работали. А брат был в этом, в банке. В банке работал инспектором. Он кода умер в Запорожье, так у него такие похороны устраивали, как будто не знаю.

[*Учились как*]? Вот так. Потом были эти как называлися… ФЗУ. И, сестра Маня кончила ВКИЖ. Это Всесоюзный институт журналистики. Она журналистка была. Они учились – никаких денег не платили. Им по-

[1] Опитування проводила І. Савченко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

магали еще. Там де они училися. Там де они учились. Дома нихто не мог ниче помочь, они все сами. Они ходили в магазин красок и ласок, там работали, шоб заработать деньги. Ну, понимаете, каждый искал себе што-то. А потом все повыходили замуж, и все очень харашо жили.

Так они уже были, когда я выросла, так они уже все были, я уже была самая маленькая, они ходили по воду, не то шоб, а так коромыслы, ну Вы тоже это не знаете? Коромысло и два ведра, а в руки еще и кружку, это какой-нибудь чайник возьмут, шоб воду таскать. Работали где только могли, но все учились.

[*У матери братья и сестры*] были, много, но я это, это их я уже ниче не знаю. Когда папа умер, мы вообще, ну представьте, осталася семья, мама и семь душ детей. [*Родственники*] они сами были такие шо… Хуже нас ище жили. Нет, у нас не было никого шоб… Отак сами все. Все выучилися. Все все сами. Я окончила одиннадцать классов. Десять, то есть, тода не было… десять классов.

[*Мама о родственниках*], вы понимаете, может быть и рассказывала, но я ж Вам говорю, жизнь была такая, шо со мной хто мог говорить? Мама была… Без конца не отходила от кухни. Ну, накормить сем душ детей, Вы понимаете, шо это значит? И никого нет. Но пенсию сразу дали. И платили. Мама нигде не работала. Тогда ж не было привычки, шобы жены работали. [*И после смерти отца*] не, та... уже дети пошли все. Я ж говорю, ФЗУ ходили, где только могли. Учились в ФЗУ, это, как это… как это расшифровуется, я забыла. И там они работали. Училися, работали. И там деньги получали.

[*С какого года сестры*]? Ну я Вам щас скажу, если так считать, если Лева был… Старшая Маня, третьего года, так? То Лева может быть пятого, Фира была седьмого, Геня, наверно, десятого, Мира была восемнадцатого, а я семнадцатого. Я самая младшая. Я с семнадцатого года. А Мира восемнадцатого или девятнадцатого. Мы один за другим. Понимаете, как? Семья большая. Мы очень бедно жили, но очень дружно, и все, все как говориться, все делали.

[*Отец*] он работал, в какой-то раньше домашний был сапожник, а потом уже был в кооперативе. И его так все знали, он делал такую обувь, что счас это не знаю как было. Его, когда Махно приходил, это мне уже рассказывали, на окнах висели: "Не трогать!" Мы ж евреи. "Не трогать!" [*Он такой мастер был*], да. Он был, он такие румынки делал, я как вспоминаю, мне, конешно уже не пришлося, но сестры, вот эти старшие две, ходили: прелесть. Вот щас… [запис перервано].

[*Румынки*], ну от такие ботиночки высокие. И тут на шнурках отак от закру… Здесь медные, или какие, железки, и отак от перекручено. Женские. На каблуке. Да. [*У мамы такие были*], а как же. [Показуючи на фотографію] Вы ж видите, как они одеты?

[*Обувь*] мужскую я не помню. Мне запомнилось, эти румынки. Красивые. Но сапожник он был, у него очереди были. Это рассказывали, конешно, откуда бы я знала. А на окнах, как только началась война, висели: "Не трогать!" Потому што тогда ж евреев преследовали,

[*Заказчики*], ну как приходили? Приходили, у него, во-первых были в квартире отдельная комната, де он сидел, и туда приходили. А потом, когда уже советская власть пришла, его сразу забрали в кооператив. И он там работал. Если знали, что там живет сапожник, я прийду, и скажу, и все. Или как от в парихмахэрскую ходят? Ниче, ниче не записывались. Он нигде… Он был сапожником, ну одиночка, потом, только когда уже, ну так он вскоре умер. Мне было три года, когда папа умер. Так шо представьте, шо я могу помнить, и шо я могу знать [запис перервано]. Сестры, одна в Москве [запис перервано]...

[*Когда отец в кооперативе работал*]? Когда я уже начинаю так помнить, да. Так он уже лежал в постели. Он уже… И при мне он умер. Старый наверное. Ну, если я семнадцатого года, представьте себе. И нас сем. Не сем было, а десять, трое еще поумирали. Так што. [*Ему было*], ну, за семьдесят точно. Мама младше его была. Мама умерла уже здесь, в Токмаке. [*В каком году*] не помню. Я ниче... Я щас очень плохо помню. Мы, мы когда с Кононенко [запис перервано].

Ну, папа, если умер, ему было за семьдесят, ну скоко-то может быть лет [запис перервано]. Нас с ней, я была, я уже замужем была, и все, но мужа оставили, а меня забрали туда. Вывезли, это эвакуация. А муж на заводе, не отпустили, ничего. А потом его вывозили отдельно.

Ох, шо там, знаете, как начинаю вспоминать, как мы приехали, негде жить, никого нет, мужа не пустили. Значит, я сама ехала, с мамой. Представляете? А от заводу нужен. Кода уже даже в Алма-Ата, когда он был, и там тоже начали забирать некоторых. Так он пришел, шоб заходить в это, в вагон, его за шиворот, и забрали увезли сразу на машине, шоб. И у сестры второй, она пятая была сестра, тоже муж так, его тоже взяли в армию. Но его как-то иначе освободили. А моего мужа просто забрали, пришли, забрали, и все. И на заводе его не выпускали недели две или три. Не пускали, там он работал, и никто не знал, где. Он энергетик завода был. Да. Старше меня на пятнадцать лет. [*Познакомились*] в компании, такие Кононенками. Мы тогда жили лутше, чем вы, чем сейчас, я Вам скажу. Не то шо лутше, а дружнее. Все были одинаковые, радовались какому-то там, я знаю, платье новое или што. А сейчас же это… Так шо.

У Кононенко, Кононенко на два года старше меня токо. Так шо я его знала. А он моего мужа знал. Он тогда еще не был моим мужем. Ну, так и встретились компанией, начали гулять. Он женился на Кате, мой муж на мне женился, там все так от, [нерозбірливо] все.

Моего мужа звали Зяма… Зиновий Маркович. Рогоза. Я перешла на его имя. Потому што у меня была Пескина имя, фамилия. Ой, как учитель

новый придет, как скажет: “Пескин”. А весь класс кричит: “Пескина!” Я так переживала, ну шо такое. Так шо я сразу перешла на Рогоза.

[*Компании гуляли*] у каждых. То у меня день рождения, то у мужа день рождения, то дети начались. Всегда устраивали праздники. Нас было. Фотографии они [про родину Кононенко] Вам показывали? Да? Отам местные фотографии?

[*В двадцатые-тридцатые гуляли*]? А тода! Тода кода я с мужем встречалась, мне было уже двадцать один год. Ну, вот это все в компании. Компании, бесконечные компании. Мы не ходили так по одиночку. Вот я работала на, на заводе, бухалтэром, да? Так вот это старший бухалтэр, экономист там был, расчетчики, и все там, все дружно были. А потом с этих компаний выростала другая компания. А с Кононенками мы до сих пор как родные.

В парк ходили. И бывало пойдем парк закрытый, постучим, шо это. Сторожа просим: “Посиди там”. Там красивый был парк тода. Он говорит: “Нет, нет”. Ну, начали упрашивать. “Ну, идить тыхесенько и сыдить тыхесенько”. Мы там сидели, мороженое покупали, конфеты ребята покупали. Сидели, кушали, смеялись и гуляли, танцевали, очень харашо. Я даже не могу передать. Как прошла моя молодость.

[*До мужа*] ну, у меня был другой кавалер до него. [*Познакомились*] на заводе. На заводе. Я, там, не помню, у меня был другой совсем. А... Знаю, Николай Заярин. Еще не забыла [сміється]. А он на заводе работал точной механики там. [*Ухаживал*] очень харашо. Он был сам футболист. Часто ж уезжал, или что. Прибегал, сказать что он приехал и придет переодеться. Ну, я же знала, что он должен прийти, на воротах стояла уже. И он курил, и кода идет, и он курит, так я уже вижу, шо он идет. А потом как-то, даже не знаю, как мы разошлися. А потом с армии он мне прислал фотографию, я даже не ответила. Хотела порвать, а потом думаю, а че рвать ее, пусть она. [*Она*] есть где-то, но там стоко, шо. Прислал “Иде от Коли”. Думаю ладно, можеш... А во время войны мы встретились с его братом, я отвернулася сразу. Не хотелось, подумает, шо я за ним падаю, што ли? На шо он мне нужен, когда у меня уже муж есть. И муж... Такую жизнь, как я за ним прожила, можно токо. Я кода вышла замуж, я не могла ни варить, ничего. Он носил с ресторана мне кушать. А потом я варила и пекла, и жарила. И варила компании прям.

Тогда жизнь была дешовая. Мы по ресторанам как ходили? Мы ходили не так, а вот, к примеру, Вы день рождения справляете, дома у Вас негде, так идут в ресторан. Тоже самое как в столовой щас сказать или что. Он за… там говорят, шо они хотят на меню, и мы так и с Кононенками часто ходили.

Де был ресторан? Как его щас... Немного, так и я уже почти. На какой улице? [Нерозбірливо]. От Шурка может быть Вам рассказал. На Ленина. На Ленина. Ресторан, и все. [*Название*] может и было, не знаю, я то-

ко один раз была в ресторане. Мы не ходили. [*Какой ресторан*]? Столики, стулья. Ну, когда мы приходили с компанией, так уже компанию отделяли. Отдельно, там сидели токо свои. И они разносили кушать. [*Чаевые*] – нет. Не знаю, девочки ниче не платили. [*Мужчины*], да Вы што, шоб я пошла куда-то с парнем. Вот в кино мы ходили. Ну, я, например, такая дурочка была, шо даже не соображала, вот когда с Колей была. “Таня, пойдешь?” – “Да”. “Маня, пойдешь?” – “Да”. “Фира, пойдешь?” – “Да”. Соберу шесть человек: “Коля, на шесть билеты”. Ну, хто б это щас делал? А? Хто б это щас делал? [*Коля*] он меня приглашал. А я ж с девочками рядом. Так я даже не соображала, шо это ж неприлично. Так я начинала: “Таня пойдешь, Маня пойдешь”. И говорю: “На шесть билетов”. [*Не возражал*] никогда, и никогда ничего не говорил, а токо счас, ну когда стала уже взрослой, дошло до меня, шо как это так я его накрывала, правильно? [Сміється]. Даже не понимала. От совсем другая жизнь, мы жили совсем при другой жизни. Совсем при другой.

[*Мама контролировала*]? Никогда. У нас девочки были все такие, што. К нам приходили, спрашивали: “У вас еще девочки есть?” Мы смеялися. Сем девочек. Один мальчик. Так шо… Мы, я свою. Сначала бедно жили, или как. Но мене уже было легче, потому что они уже все были, каждый уже работал, понимаете? Де-то, што-то, кода я училася. И я как раз на десять… десятилетку кончала, кода было, десятилетку, потом же одиннадцать сделали.

[*Как сватали*]? Он, пришел, я даже не знала, шо это. Я была дома, у нас никаких разговоров не было. Ну, так мы уже харашо были. Но я была дома. Сидела вышивала, помню. Открывается… Это после наводнения было. Нам дали квартиру. Наш дом провалился. Нам дали квартиру. И, значит, я шью-вышиваю, смотрю, открываются двери, мама заходит, значит, мама слышала, когда он постучал, очевидно. Приходит с ним, и не ко мне, а к маме все обращается и говорит. Я решила, конечно, пойти, потому шо видела: человек изумительный, просто передать Вам не могу. Передать не могу. Я так уже заволновалася, скажем откровенно, шо я уже и не помню [*что говорили*]. Мама очень харашо [к нему]. Мама тоже, от этот муж Вы видите, тоже старше. Она очень харашо.

[*Свадьба какая*]? Пришел, это конец рабочего дня, он же сам на заводе, и я ж на заводе. Ну, он был уже на улице стоял, возле завода, а я вышла. Ну и сразу пошла с ним, говорилось, никаких разговоров не было о замужестве. А мама ему ответила: “Это надо спрашивать ее, а не меня. Вы ж берете в жены себе мою дочку, а не меня”. Ну, я не помню уже, что он сказал, но потом сказал: “Одевайся, мы еще пойдем погуляем”. Ну, я у мамы уже не спрашивалась, значит, стыдно, да, спрашивать: “Можно мне пойти с ним или нет?” Ну а потом, взял меня, мы пошли так. Завод, пять часов гудок – я вышла с завода, и он вышел с завода, и пошли в ЗАГС. И все.

[*Отмечали*] потом… Сразу нет. Мы были очень не состоятельные, представьте себе, папа один работает, и сем душ детей. И мама восьмая. Это тоже благодаря, шо раньше женщины знаете, какие были? Все умели делать. Все. А сечас ходят токо, сшибают этих парней. Ой, шо щас делается. Я не знаю, как там у вас.

Ну, пришли там, горсовет, это ж не такой, шо щас отдельно какой, это горсовет. Мы пришли, я с ним, и девчонка со мной, подружка пришла. Расписалися там, и все, и дали от эту, шо замужем, и все. Никаких ни разговоров, ни расспросов, ничего. Абсолютно. Пришли с работы, туда – расписались и пошли домой.

[*Сестры*] все выходили в Москве почти што. Еще одна сестра в Токмаке. Мира. Она потом в Ригу уехала. Тоже без всяких пышностей. Никаких абсолютно. Ни у кого. А от эта Дора вышла замуж вообще, значит, Маня кончила ВКИЖ, это такой институт, и ее муж кончил, и Фира, сестра, так, с этого института ее муж. И Дорка приехала шо-то, а, может было, они написали домой, што не на чем стирать. Терка, знаете как? Шобы теркой стирали раньше, да? Не помните? Шоб терку прислала мама. А она “Што, я поеду с теркой, ни за што!” Ой, не дай Бог! В общем, зашили ее, шоб не было видно, шо это [сміється]. И она отвезла, и как раз был, это, этот институт, де они учились, ихний курс выпускался. Они взяли ее с собой. Маня и Фира. Значит, Фира уже замужем за этого журналиста. И Маня уже замужем за жу... Они взяли с собой, и познакомили, значит, со своими мужьями. Подходит один к ним: “Здрась...”, тоже с института этого же, из журналистики. “Здрасьте”. – “Здрасьте”. Ну, они, конечно: “Знакомся с нашей сестрой”. И на второй день, он сказа… даже там уже, помоему, он сказал: “А может…”, им же уезжать завтра надо или послезавтра. “Я ее заберу с собой”. Они ее спрашивают: “Хочешь?” Она так подумала, действительно, почему не с Токмака приехать, и поехать уже с таким человеком, который уже журналист, да? Ну, как по-вашему? И он уехал. Она уехала. А потом я к ним ездила в гости. Я везде была, где сестры, там, я весь свет объездила.

[*Мама о замужестве не рассказывала*], нет. Нет. Мама уже мне, когда я уже, я ж Вам говорю, кто со мной говорил? Всем некогда было.

А вообще видела один раз еврейскую свадьбу. Четыре палки. [*Когда*]? Ну, если мне было, примерно, ну, года четыре, может быть, пять. Не больше. Ну, ребенком совсем. Четыре палки, так и так. Белое полотно натягивается. И вот они когда заходят от эти, под палкой становятся. И там они ж по-еврейски так все. Так шо я ж ничего уже не понимала тоже. Очень харашо. Красиво. Одеты красиво. Длинные платья. Какой бы не был бедный. Свадьбу он был. Очень. [*Платья*] белые. Тода все белые. Тода я знаю шо, скоко все в белых платьях. Моя дочь когда выходила тоже в белом. Я видела так, ну, ну шо я видела, как приходят, как поют они песни, как они их обводят вокруг этой. И, как сказать, шо они устроивают.

Ну, четыре палки, и белое полотно. И вот они заходят, их водят по этой… кругу. Ну, и там шо-то начинают говорить, тоже очень стол прекрасный, все. Не знакомые, а мы жили рядом. Просто рядом. Жили.

[*По улице нашей*] и украинцы жили, там большинство, от этот двор, двор целый, хозяин был украинец. А все остальные почти шо были евреи. Вот там, когда я жила, кода была маленькая, большинство токо евреев. А напротив были – Белоцерковец, украинцы. Дружили, я как не знаю, что... Украинская Паска, вот пекут же эти куличи, все, это все принос[или]. Та раньше Вы даже не преставляете себе, как дружно жили. Ну, как, не обходилося, хто, што там. Вот пошел раков поймал много, да. На стол высыпал, позвал всех, и все сидят и кушают. Ну от же, я ж Вам говорю, што щас такого нет. Ну я щас скажу, ну от мы щас живем, никто к нам [запис перервано].

Ну, когда мне было лет восемь, десять, даже двенадцать, устраивают две палки, и потом мячами кидалися. Играли. Ну, так примерно как волейбол. Так все. Ну, тогда не было так, шобы кто-то сидел и… Все дружно. В выходные мы, у нас, у меня лично всегда были друзья. Кода я уже стала взрослой, семнадцать лет это. Вот семнадцать. Без друзей, у меня полно было друзей. Полно.

[*Сколько во дворе*] квартир? Щас Вам скажу. Раз, два, три, четыре, и следующий двор был пять, шесть, сем, восемь квартир. И эти два двора не имели никакого, это, ни, как назвать, ни забора, ничего. Так шо мы были как одна семья. Я любила, например селедку, так там кода покупал кто-то селедку, так кричали, звали меня, махали селедкой, я бежала. Очень дружно, вы даже не представляете, как.

[*Сосед*] этот, один кузнец был, это точно я помню. А вот те я даже не знаю, чем они занимались. Ремесленники, все вообще ремесленники. Это точно. [*Интеллигенция*]? Нет, ну шоб такие интеллигенты, и да? Нет, я б не сказала, тода мы таких не знали.

Белоцерковец жил ну, по Ленина улице, сечас если это. И мы там жили. Во время, кода было наводнение, так у нас же дом провалился, нам дал… Так от я горю, какие раньше были люди. Вот завод, узнал, подумаешь, я пришла ученицей счетовода, да? И узнали, что, значит, у нас рухнула стенка, и все, вода ж была по колено. Мы с этого, с Севастополя приезжали лодочники. Отбирали людей. В каком году… Если я с семнадцатого, мне пусть было, ну наверно, в пятнадцатом, в тринадцатом году. Я была ребе… девочкой уж большой.

Когда было наводнение? Тогда мне было лет семнадцать, восемнадцать, да. Потому што я ш хочу Вам сказать, што когда наводнение, тода пошла я к сестре на четвертый этаж, там они жили. Я пошла туда с мамой. Мы с мамой уже одни осталися. А потом, когда в заводе узнали шо такое ж наводнение, хто пострадал, так я сижу работаю, приходит одна и говорит: “Ты знаешь, у нас сегодня там ремонт делают, и я спросила: “Кого Вы

нам подселяете?”, они го[во]рят: “Бабушку с дочкой, с девочкой”. Ну, я была, мне скоко. Она пришла и говорит: “Это не тебе?” Я говорю: “Не!” Даже, как это, как это шо мне. И вдруг приходит, и да, шо мне комната.

[*Соседи приняли*] очень харашо. Очень харашо приняли. Мы пострадали, это шо ж. Шо. Она: “Ты рано пришла”. Я сразу че-то подумала. Как сказала: “Девочку с мамой”. А я уже работала. Так от нихто не просил никого. Нихто никуда не ходил, да. От нас там поселили, и все. Почему, у них было свои две комнаты, а нам они отдали одну комнату. Отдельная комната совершенно. Совершенно. Вот она говорит, што пришли, у них, она в той комнате не жили уже. Ушли кто-то. Так она приходит и говорит: “Ты знаешь, у нас начали ремонтировать эту комнату, кто-то освободил, это не тебе?” Я говорю: “Не смеши, какие мне”. И вдруг меня вызывают. Да. И подводу дали, и все. [*Мебели*] никакой, а какой мебель может быть? Ну, там это, какая-то, кушетка была. Я, ну... Я даже не помню уже что. Но ничего не было, господи. А кухня общая. Ну, это как от трехкомнатная квартира, и одну комнату мы забираем. Общая. Но недолго, потомушо я вышла замуж. И туда он приходил меня, оттуда забирать. [*Дома такие*] по Революцинной. [*И сейчас*] есть, конешно. Ну, как, от сейчас, каменные дома харошие. Да. Тода уже хорошие квартиры были. Это сечас Вы пойдете по Революционной, вот эти дома. Там уже было харашо, Вы что. Там уже были настоящие, и от оттуда я выходила замуж.

[*Дома были*] каменные. Из самана, или как они назывался, да. И каменные дома, и один хозяин был. Он был частный. Он очень, ну, как вам сказать, все евреи жили, он сам украинец. Он к нам относился: от и до. От и до. [*Праздники*]? Ну, от например, я именинница. Мама приготовит все, а я приглашаю своих приглашенных. Своих подруг, друзей [нерозбірливо]. Наш дом провалился с той стороны, а с той стороны, на той стенке висела мамина шуба. И она плыла по улице. Ужас шо было. Кошмар.

[*Наводнение в сороковом*]? Я ни помню. Страшное было наводнение. Страшное. Но если все посносило. Так шо тогда как-то партийцы, комсомольцы, они может были такие как и все. Но строили с себя уже начальников.

[*Дом какой был*]? Щас Вам скажу. Коридор, с коридора в одну комнату, дверь, а потом с той комнаты еще дверь, три комнаты и кухня. Отакая семья. [*Как помещались*]? Ну, уже ш больше половины не было. Я кода папа умирал, мне было три года, я сидела на печке. Это я запомнила. Печки какие, углем топили. Углем, дровами. [*Мебель*]? Ну, от как я Вам скажу. От у нас была кушетка красивая, очень, знаете, что такое кушетка? Стол, скатерть харошая. Телевизора не было. Часы висели старинные. Но мы считали, считались, мы были бедные. И какие чисы... Я ж говорю, папа зарабатывал, папа тягались, ему не давали отдых. Его почти шо никогда. И мама сама с этими семирыми детьми. А дети ж так. Ну, когда я, сколько мне было, лет шесть, или сем, а сестре уже было, наверно, двенадцать. И

готовились к зиме, клеить окна. Знаете, как клеили? Так, замазкой. Так она сидела, стояла возле стола играла все. Она сама тоже маленькая. И делала всякие вещи, без конца кричала: “Ида, посмотри”. Но я же все-таки не большая. Если мне было даже и пять лет. Значит как я смотрю. Я ж об это взялася, шнурок шо висел там, на, занавесочка. Я ж за нее взялася, да? И конечно, упала на каменный пол. Ну, тут все побилось, все. Так она мне, она так перепугалась, она вышла, начала кричать, шо я, шо я убилася, все збежалися. Все это, и завод, и помощь есть. Нет, ну и я ш говорю, щас. Сичас разве будет какой-то директор, с кем-то. И правда, пришли через два дня и принесли мне это, документ, шо мне квартиру освободили. Я… мама не могла поверить, а я наверно, не могла поверить. А когда уже в эвакуации жили, так от квартира: комната такая, да. Перегорожена на четыре части. Но так: сначала отак, пере… на две, а потому коридор оставили. Потому шо ж ходить же надо, и тут отак, и тут две двери. Предсталяете? И утром выходили на кухню. Друг другу уступали, и, не знаю.

В эвакуации [*с кем были*]? От… Я их уже тоже, они с Алма-Ата были, хто с Казахстана, ведь с, со всего света приезжали туда. Ну, так от я хочу сказать, мы перегородились все тряпками. Так там де… Тут я жила, с мужем, с мамой, а там – значить дочка и мать. Во здесь по дороге ночью ложилися спать. Кто одиночка. А так, тоже перегорожено. Так в одной комнате жил ну, большой начальник, ну, пожарник, как они, не знаю, как. Знакомится: “Ида”. Смотрю: не может это быть Ида. Ида это еврейка. Ну так когда начали жить, познакомилися, я ее спра… Значит, они сидят с мужем, а я говорю: “А как это у вас такое имя?” Он: “Как... Ее Марфа звали. Я сказал, шо это за Марфа, щас не модно такие имена. Давай”. Так я говорю: “А чего Ида?”. “А мне понравилось, где-то была Ида, мне понравилось. И она была Ида. Та вот так ложимся спать, а ночью тут лежат, одиночки. И все дружно, все уходили, никто никого не ругал. Никто, если кого-то наступит ногу, нечаянно. Абсолютно. Тода были совсем другие люди. Совсем другие. Я не знала вражду. И не понимала. [*Продукты*]? ВРП давали. Карточки. Я работала там. Во время войны работала бухалтэром карточного бюро. Так там были и на продукты, и на обувь, на все. Махазины были там. Давали. И на, на все. Вот все были карточки.

В Токмак мы вернулися... Щас я Вам скажу. Сколько... Я уже ш была замужем. Война началась в сорок первом? Ну, считайте, что в сорок четвертом приехали домой [запис перервано].

Помощник бухгалтера цеха. Как он назывался уже… инструментального цеха. Та ну работала все время. Все время. А потом, а потом инвалидность начала. Уже два раза у меня инвалидность была второй группы. И я еще была бы. Я была уже в Токмаке, так я была инва… оттуда я приезжала инвалидом второй группы. А в Токмаке мне уже давали третью группу. Я получала пенсию [*после войны*].

[*Инвалидность*]? У меня сердце плохое. Я очень больная. Да. Я приехала инвалидом [нерозбірливо]. Чего мне так получилося, а потому што заболел, кода мне надо было ехать уже самой, его нельзя было взять с собой, так он начал: "Не езжай, и все. От я не хочу шоб ты ехала. Хай, пропадет инвалидность все, я [нерозбірливо]. Не надо". Ну, я тоже подумала, как оставлять его одного? Да? Ну за инвалидность думаю, ну шо. И я бросила эту инвалидность. А так, все время у меня было. Третьей группы, даже не [нерозбірливо]. И второй группы [нерозбірливо]. А там все время была вторая группа. Я приходила, садилась, от для комиссии, да. Мужики сидят. Вышел один и: "А шо эта девочка?" Я, говорю, была замужем, меня, кроме девочка, ниче не. "А девочка чего сидит?" Я говорю: "На комиссию". Он смотрит и говорит: "Можна я возьму девочку уже отпустю, отпущу, шо это за инвалид?" [запис перервано]. Попал в аварию. Они трансмиссию какую-то делали. А он как главный энергетик пришел проверить. А те энергетики, те, как их называли, электрики, не соображали еще. Он стоял в таком месте, шо туда не надо было лезть… Ну, вообщем, они сделали так шо авария, ему отрезало от это все. А потом уже…

[*В детстве дружили*]? А, мальчики, девочки, мы были, как не знаю… Весь двор, ну, двор, шесть или восемь квартир, во всех дети. Ставили две палки, наводили такую тряпку, и играли, в мяча бросали.

[*Игры*]? Да, было, делали вот такие ямочки, несколько. И катали мяч, куда он попадет. [*Название*] уже забыла. Дочки... И в дочки играли. Черти... Ну, понимаете, я, я стоко пережила, шо я щас говорю, шо я почти шо ничего не помню. От старое еще так вспоминаю. От щас говорю Вам, и все мне там представляется, как. Это, от это был почти шо еврейский двор, а там, дальше, русский. Вот это как русская Паска, все, зовут к себе, несут домой. Я ш говорю, я щас не знаю таких людей. Я не знаю. И не разу не слышала, шоб оскорбили. Шоб кричали там жидовка, шоб. Никогда. [*Играли в*] дочки, от эти шо я Вам сказала, как это, в ямки бросали мячик. Ну, как сейчас в волейбол играют, я знаю. Уже у старших, мы видели, што старшие делали, потом делали. Мы ж видели как они. Очень, сестры были это, в театре, как они назывались, ну театр, не театр. Ну, собирались, драмкружок. О, драмкружок собирал. Там они гуляли, и мы ж туда ж потом тоже лазили. Нет, мы еще были маленькими тода, не бегали. Мы когда уже стали старше, так мы уже начали. Вот сестра приехала на всероссийский какой-то конгресс, и там женщины, мужчины, им давались всем отакие пачки этих, сигарет. А я тода училась в вось… восьмом или в девятом же классе. Ну, а ребята приходили делать, иногда списывать уроки у кого-то. И, они увидели шо там коробка: "А шо это такое?" И я говорю: "Сестре дали". Ану, сняли. "Можно закурить?" "Ну, так курите". Они закурили, я вижу, шо мама идет. Я крикну: "Скорей, мама идет!" Так они так растерялися, те хлопцы, графин сразу воды, а они бросили туда [сміється]. Ну, нет, я говорю, у нас было весело очень. Бросили туда.

[*Мама не ругала*]? Нет, нет. Она знала, шо… У нас не было ни драки, ничего ж никогда, такие дружные. Ну шо сказать. Как увидели: “Ой, идут! Куда?” Потому шо положили коробку. А это они придумали, бросили в графин с водой. Ну, в общем, жизнь, я ж говорю, бедная, но веселая.

Бегали ли мы на речку... Бегали на речку. И ездила, когда взрослая уже стала, ну как взрослая. В школе мы ехали в лагеря. В лагеря нас вывозили, к морю. Я там тонула, меня спасали. Спасли. И объявили, шоб Токмак шоб не знал, не дай Бог. Шо тонула... Ну, это же, они ж понимают, шо родители чужие тоже начнут же волноваться. Ну шо раз такое. Так отдельную комнату мне дали. Врача. И шеколадом кормили. И шо токо не делали. А, сестра на два года старше, она тоже была в лагере. Так она подошла, и ей сказали: “Никому не говори”. Та нихто никому не говорил, на завтра была комиссия. С Токмака приехала. И, меня устроили такое! Я целую неделю там была, в этом отдельной комнате, и, кормили меня, я не знаю. Сестра приходила с подругой, я, я шеколад не любила, говорила: “Нате, меня уже тошнит от него”. Я ш говорю, шо мы весело проводили время. Бедно, но весело. Окончила я одиннадцать классов.

[*Зимой на речку*] нет, зимой нет. Так может там де-то бегали, у нас, возле нас проходила не речка, а уже она была как ручеек, я знаю, как назвать? Молочная была близко. Ну я туда не ходила. Я не ходила. А летом тоже не ходили. Не знаю, почему. Меня не отпускали. А когда маленькая, токо, конечно, в районе наших домов. Мы считались маленькие, и никуда не ходили. От если идет дождик, сидели у окошка, смотрели, как дождь идет. Ни, не делали такие вещи. По улицам мы не бегали. Я лично не бегала. И в нашем дворе нет.

[*До войны Токмак*]? Ой, ну, село, шо Токмак, Токмак был село. Ну, когда начал разростаться? Уже после войны от это началось. Вот это настроили стоко. Как мы приехали, этого ж ничего не было. Это была окраина [*улица Ленина*]. Конешно, там уже речка проходила, такая большая, харошая. Она и сечас еще есть.

[*Играли*] на квартире, в детстве, до замужества? Кода маленькие, ходили. А когда стали уже взрослые, господи, каждый раз в домах мы устраивали такое гуляние, такие… Я Вам даже передать не могу. Я вот это единственное, шо запомнила. Ребята пришли, говорят: “Вот мы будем… Идите в другую комнату, и делайте там, што хотите, а мы Вам будем говорить, што вы делаете, все мы будем знать”. Ну, мы заинтересовались. Пошли девочки туда. Мы стояли, и так крутились, и вот так, и шо мы только не делали. Ну, по-дурному. “Ну, можно открыть двери?” “Можно. Ну как мы?” Как они нам ответили: “Как дураки”. Ну шо они могли… “Ну, – говорит, – шо мы могли знать?” А мы ж поверили. И сказали, дураки, а тогда нам уже было, ну, лет, наверное, по пятнадцать. Ну, от так. [*Знакомые*], ну, уже с завода, то уже такие люди, уже взрослые. Ну от, когда училась даже в школе, какие учителя были, разве как теперь? Ну, от, например,

вышла я в туалет. Пошла. Иду. Иду себе, да? Солнце светит, зима такая красивая, харошая. И хто-то мене глаза закрывает. Ну, я могла подумать, хто, шо это мне учитель закрывает? Нет? Я начала так и так, и уже говорю: "Вот ище дурак, ну хватит уже! Не знаю, хто". Он открывает, я как увидела. Он горит: "Не хвылюйся, – по-украински, – не хвылюйся, це". Я луче буду по-русски: "Это, – говорит, – естественно, откуда ты могла знать, шо учитель будет тебе…" [сміється]. Понимаете, не было такого, я не знаю, как щас сказать. [*Звали*] как? Щас скажу Вам. Тарас Григор… нет. Не Тарас, как… Ой. Не вспомню. Чудный человек. Украинский язык вел. Ну, так тода были учителя другие, понимаете, как, и люди были другие. Вот, чем я запомнила, вот гуляют, перемена, бегают гуляют все, да? И я ж бегаю. А потом надо подыматься на второй этаж, и я уже не могу. Ну, уже сердце, я страдала с детства. Я уже была больная. Сердечница. Так што… Я постучу, так сразу заходят, даже не спрашивают, шо, чего. Всида. Понимаете, какое было внимание?

Вот этот, шо мне глаза закрывал, он украинский язык вел. Украинский язык и украинскую литературу. А был у нас ище учитель музыки. Так вот, собирались на этот урок. Он садился за пианино, а мы, все ученики, вокруг него. Он играл, и все. И как хто-то начнет там шевелиться, или что, он оглянется – все, мертвая тишина. По коридору токо мальчики бегали. И то, потом уже перестали. А так мы все, в кружочек, в кружочек все время. Школа... Вот школа, да? Вот школа, а я живу здесь. Приходили, стояли, молчали, не шевелились. Раньше как-то иначе было.

[*В классе учеников*]? Ой, много, тридцать. Да. Много, очень. А было такое, што немецкий, язык. Ой, мне плохо он давался, не буду врать. Но я записывала русские слова, то есть, то шо мне надо говорить, украинские эти слова. Но я по-русски их писала. И вдруг мне кто-то закрывает глаза. Ох, меня так зло взяло. "Я, – говорю, – та ты идиот какой-то, шо, шо за привычка, – я говорю, – закрывать глаза, кода ходят?" Он открывает глаза, и горит: "Ну ничого, ничого". Все. А потом было немецкий язык. Тоже, никогда не забуду. Но, он парень, шо. Нас потом садили девочка, и мальчик, уже одно время так. Ну, так я ему переводила немецкий. Это так в то время, я его, в это, школьное, я понимала язык. Так я ему русскими словами написала. Токо немецкий разговор. Ну а она ж идет по коридорам. Как от эти школа, да, класс. Идет, и говорит, и делает вид, шо она ничего не видит, а я конешно, не вижу. Идет, и говорит, и говорит. Потом говорит: "Ну, сидайте". И, как-то она к нему обращается: "Тебе – четыре, нет, ему три, а мне пять". "А чого це так?" "Потому шо надо уметь, – говорит, – если такие дела делать, надо уметь. А шо тебе, ты трудился, ты хотел знать, ну хай будет так, а ей, – говорит, – кроме тройки ниче не будет". Мне как-то. Или у нас был один Параскев. Так он суда вставит перо, да? А вот тут парты, и тут парты, а это надо идти по этой линии, и он мне, значит, носком, ну как, по-вашему, если там перо? Я ж крикнула, и… А он

сжался. А учительница поняла. Подошла к нему, говорит: “А ну, встань!” “А чего?” “Встань!” Он встал, и она увидела, что у него тут перо. Так его со шк… класса выгнали, и со школы хотели попереть. Матерей вызывали, родителей. [*Зачем сделали так*]? Ну, они все знали, шо я падала в обморок на улице, де хотите. Так шо меня очень в классе оберегали, не знаю, как. А им – посмеяться. Собралися к нам, учить какой-то язык. Увидели папиросу. Ну, они и дали. А окно раскрыли, как увидели: “Ой, идет, идет там кто-то”. Так они все попугались, и в это бросили, в графин с водой. Ну, когда учительница зашла, она ш видит уже. Так шо. А щас бы эту маму вызывали бы, и папу вызывали бы, да, и шо бы токо не делали с ними.

[*Какой Параскев*]? Вот, не вредный, ну, просто, детство. По пятнадцать лет счас замуж выходят в пятнадцать лет, а тогда мы были дети. В дочки играли. От это перекидывали мячики. А щас разве кто-то это делает? [*Еще дружили*]? Фаня Болотная, Фаня Болотная, так, вторую как звали… Сара Родина, Фаня. Фаня Болотная. Как звали эту… Я была очень общительная. Выступала, меня брали, кода от какое-то там совещание большое, или что, так брали, как пионэр выходил, поздравлял. Понимаете, как? Так я выходила, но мне говорили, чтоб кричать громко. Я надрыв… А потом еще был у нас вечер выпускников. Ой... Это семнадцать лет было, по-моему. Собра... “Ровесников Октября”, во! Собирали. Ровесников Октября, семнадцатого года. И устроили нам такой бал, шо я Вам передать не могу. И выступали, все. А уже когда это все закончилось, уже начали приглашать и ребят, потому шо уже мы ш были большие. Уже были кавалеры, как говорят, да? Так што. Тогда танцы были общие все. А когда кормили там, поздравляли. Были только ровесники Октября. Так шо я там была, выступала. Мне сказали, шо я громко кричала, я кричала. [*Танцевать*]? Нет, в школе не танцевали, не дай Бог. Нет, нет. Тогда запрещалось еще. Тогда что Вы, танцевать.

[*Как за партой сидели*]? Да мальчик и девочка. Иногда садились по два мальчика, и по две девочки. [*Рассаживать*] потом начали, шоб мальчики балуются, а девочки спокойнее. И сидят более спокойно. Я уже не буду с мальчиком там шо-то. А с девочкой ты уже начинаешь шо-то. Ну, если даже учитель украинского языка, как же его звали, такой хороший дядя. Прелесть. Я пошла в туалет. На переменку. Солнце. Снег лежит [запис перервано].

[*Обучение в школе*] на украинском первое, да. Первые семь лет было на украинском. Десятилетка, там уже русский. Очень трудно было [запис перервано]. “Йисты варить, и ишо шо-то, на шо вам ця физыка?..” [*Учитель физики*], ну, так он нас вызывал. Начинает спрашивать. Ну, начинаем отвечать. “Ха! Хвате. Оно вам нужно ця физика. Вам нужно там, – как он говорил, – виnык, о! Вам виnык треба. А не физыка”. А че жаловаться, все дивчата были рады. Он им голову не морочил. А оценки, тройку всегда выводил. Так че ж мы... Так шо. И школы, в каких мы школах учились. А

потом уже в каменной, вот здесь вот, в городе. Тут мы десятилетку кончали.

[*Школа-семилетка*], я уже даже и не знаю, где она и была, сказать откровенно. Там щас так перестроили, шо если я даже щас буду ходить, я не найду дорогу. Ну, район, район, район... Боюсь говорить. Скажу неправду. Ну, вот это, где кинотеатр, знаете, да? Теперь, где был от это, шо новое сделали здание возле кинотеатра, как называется? О, швейная фабрика! В те района где-то. А десятилетка уже в городе была. Ну, как, где. Завод, знаете где? Да? Так вот прямо заводом тогда дорога, а вот с этой стороны, от эта десятилетка.

[*Мы были*] дружные. Никто друг на друга не капал, не заявлял, ни то шо щас делается.

[*Учитель украинского языка*]? Игнат Амростович. А фамилия Недит [запис перервано].

У нас была учительница немецкого языка… Неплохая. Но тоже так. Я переводила, и давала, русскими словами писала [запис перервано]. "…ты знаешь!" "Так, – говорю, – а че ты, ты сам-то, как я тебе, ты сам понял? Ты же знаєш, что она понимает, шо ты не знаєшь. Так ты уже…" Ну, она, наверное, видела, как же мы сидим, шо от так вот. И она ходит, по этим, рядам. "Все", – говорю. Потом подошла, взяла, от это от русское, шо я ему написала. Говорит: "Сидайте". Сели. Ну шо. "Ну как, шо вам ставить?" "Ну шо нам ставить? Все понятно. Ставьте два". В общем... Я очень вспоминаю старое время. А на заводе какие мы дружные были. Или от как мы пошли расписались? Значит, кончился рабочий день. Я взяла, значит, подружку. Как свидетель она. Пошли в горсовет. Расписались. Дали нам эту бумажку. И ушли. И все. А уже потом, кода я уже пожила несколько там, тода мы уже устроили настоящий вечер. А так. А сичас скоко тратить деньги, какие платья, кольца, шо щас делается. [*Колец*] ха-ха [сміється]... У нас, конечно, не было. Ни у кого у наших. Моей семьи, наших, ни у кого не было. В то время. Потом уже, когда мы. А так нет, что Вы. Какие кольца? Мещанка это ты будешь, я не знаю кто. Шоб я была в комсомоле и кольцо одела?

[*Украшение*] у мамы было. У мамы было. Ну, у мамы серьги были, как обычно, и кольца. Тоже не так расфуфыренная, как это. Но, обизательно. Золото все. Это кода ж папа жил, папа умер, я ж Вам говорю, мне было, три года. Ну, так тода все эти кольца, все пошли на, на еду. Куда там. О чем Вы говорите.

[*А когда было мне двадцать*] тода никто не носил золото. Нас бы называли, не знаю, если я была в комсомоле, я бы пришла в золоте, Вы што... Та. Даже нихто понятия не имел.

[*В школе дразнили*]? Нет. Ай, нас дразнили... Кода в младших классах мы были. "Иде Танка-Банка". Иде – это Ида, едет – это Бася, "Иде Танка…" а, Танка – это Таня, а "Иде Танка-Банка", то Бася была. Да. Это мы

были примерно питна… В пятом классе. Так нас так дразнили: “Иде Танка-Банка”. “Иде Танка…” И Бася. Ида, Таня, и Бася. [*Фамилия*] у Баси – Подберезская. У Баси. А у… Таня, Таня, Таня, не... Не вспомню. Я – еврейка, Бася – еврейка, Таня – украинка. [*Дразнили*], ну, свои там. Просто в школе придумали. “Иде Танка-Банка”. [*Не обижались*], не, нихто не… Это ж было все. Понимаете, это ш не то шо, со злости, или как. А это ж все были шутки. Все были шутки. Я ж Вам говорю, как я в школе провела время, это все незабываемо. Так, если шо-то не получалось у кого-то, шо, спрашивали. А так, нет. Ну, вообще организованный, дружный, не оскорбляли друг друга, нет. Ну, совсем другая жизнь...

Когда я жила с мамой, с мамой еще, в детстве, никто ничего не пек. Когда папа, до папы, когда папа умер, от тогда была другая жизнь. А когда папа уже умер, и нас осталось сем душ детей. Так? Лева пошел сразу в банк работать. И пошел он рекламным инспектором банка. Он жил потом в Запорожье. И был... Начинаю вспоминать, и вспоминаю, как все-таки, какие мы были дружные. Какие все дружные. Друг на друга не капали, редко там шоб хто-то.

У нас семье почти шо ниче не праздновали. Ничего. Уже была мама одна, уже, ниче. Ну, вообще, ну, как Вам сказать, когда начала я уже понимать. Мне уже было лет шестнадцать, тогда уже все были взрослые и ничего такого не было. А так, уже в детстве, не знаю.

[*Новый год праздновали*] это уже кода компания была, от тода мы уже праздновали. Своей компанией. От с Кононенко мы не одного праздника не пропускали. У него знакомый, у меня знакомый, у нас компания была целая. И гуляли мы, это не передать и не рассказать, после войны. Именины всегда, когда уже после войны, да. А до войны нет. Да я ш говорю, шо у нас семья была такая. А уже потом гуляли. А уже после войны, кода от это Кононенки, компания большая.

Нужно было что-то писать, меня всегда. [*Почерк был*], ну, неплохой.

[*Махно*]? Может быть и рассказывали [*родители*], но я не. Я помню токо хорошее, понимаете? Я ни, ничего не застала такого, вот до войны, я скажу, да? Когда мы еще были детьми. И бедные, и вот русские, и украинцы, и евреи, это была такая скупченость, ну шоб хто-то кого-то оскорблял, никогда. А хозяин наш, от этого двора. Он, бывало, приходит пьяный, так он же знает шо я девочка, да? Так он мне говорит: “Где мама? Нету? Того нету, никого нету, ну, я посижу подожду”. “Сидите”. Он сидел, поспал, подремал немножко, он же пьяный, попоет песню: “Ну, хорошо, я... ” “Так а шо Вы хотели?” “Я маме скажу, оно тебе не надо”. Он пил. От это все три или четыре дома его. Хозяин таких: раз два, три, четыре, пя… шесть домов. Интересно. Все его боялись, а я его, приходил, все, сядет, поспит немножко… “Я скажу, я скажу маме”. “Не надо говорить, я…” Мама вообще от нас научила, шо, если я кому-то шо-то должна, што сказала, значить приди и скажи, шо нету, от у тебя шо-то задержало. Так луче я у ко-

го-то еще раз, но отдам. У нас все нас любили. Во дворе, вот в окружении, мама ни с кем, нас нихто никогда не обижал. Нихто.

[*Обязанности по дому*] у меня? Не было. Нет. Обязанности в доме, ну нет, когда были эти, старшие, ну, никаких обязанностей у меня не было, не. Ну, мне, меня это почти шо не касалось. Во-первых, я все время болела. Я больная была. Так шо меня все жалели. Мама в доме была. Но когда девочки были еще такие, так они убирали, они стирали, они воду носили, все они. А если они идут, раньше ж как: воду качали, ну так они берут себе на коромысло по два ведра, а мне дают чайничек, шоб я с ними шла. Я хоть. А так, нет. Не досталось мне это, нет. А потом, кода я осталась одна с мамой, так она привыкла, шоб приходили дети, садились кушать. Она, бывало, приготовит, и сидит, и ждет. Я говорю: "Шо здесь?" "Уже все готово". Она ж уже привыкла. Она потом не знаю, как. Она мне забегала всегда. Ну, потому шо я часто очень падала в обморок. Очень слабая была. В школе уже. Но нихто меня никода не дразнил. Никогда. От, вышла к доске, и взялася за от это, да. А учительница, начали кричать шо светло, не видно. Она подошла, немножко подровняла, ну и задела мне руку. И я сразу упала. Ну, так об, меня обзывали, никогда. Нихто. А если брали отак вот, как раньше брали, в колхоз ездить, да? Так меня брали токо тово, потому шо я просила, и я сидела и берегла вещи, кто. Ну, токо так шо и дома у меня тоже, я не могу ниче сказать.

[*Вставала*] мама очень рано, конечно, такую семью... И в пять, и в шесть. Тошо мама это была, просто. Но, потом ее все дети одевали, и не знаю. Дети ее одевали, присылали, и брат, брат, уже во время войны, он был, значит, не далеко от нас, мы в Казахстане были. Махачкала. Так он приехал, ну, не знаю, даже где он. И друг он приехал. В обмотках, ну, ужас. Ну, чего приехал, ну, рассказал. Значит, шахты. Шахты. Он работал. Так таким же, как все, как всех мобилизовали. Ну, и потом вышли, выстроились: "Скажите, кто тут есть грамотный человек. Ну хоть от как-то как-то грамотный, что-нибудь". Он говорит, я подумал, че я буду говорить, скажут: "Еврей" [нерозбірливо]. И он не говорил. Работал. А этот, второй раз они вышли, просто умоляли: "Скажите, кто хоть что-то что-то понимает". И как он сказал, что он в банке работает кредитным инспектором: "Вы что с ума сошли, ка…". А он говорит: "Да, шо шоб меня обзывали?" "Да, – говорит, – обзывает токо тот, кто не понимает ничего. В общем: "Выйти". Он: "Та куда я пойду в таких обмотках". В банке работал, старшим кредитным инспектором. От, он приехал, все что можно было [нерозбірливо]. Зяма приехал, так не знал, шо делать, все отдавать. Я говорю: "Как, обмотки?" Все, мне не страшно, все, отдавай. А он ему и костюм, и рубашку, и ботинки, и туфли, и шапку, все привез, все. А нам привез пшеницу, тоже, шо тода было. В общем, я говорю, семья нас очен, очен и очен хорошая. Между собой сестры, ну, иногда, в особенности, эта, Дора и Мира, те часто между собой. А так… Мира любила одеваться, и

все самое лучшее прятала, шоб никто не одел. А с Доркой было вообще чудо. Она пошла устраиваться на работу, в ФЗУ, собралась, що женщина в заводское училище. Ну и записалася: Дора Израилевна Пецкина. А вывесили: Одарку [сміється]. Так она прибежала домой, мертвая. "Шо случилось? Не взяли тебя, не взяли?" Она не может сказать. "Шо такое?" Пришла в себя: "Та, написано Одарка". Так все… Мама говорит: "И это ты такая больная? За от это шо тебя Одаркою назвали?" "Та какая Одарка, у меня и так некрасивое имя – Дора, так еще и Одарка" [сміється]. Так шо я говорю: у нас было очень весело. Очень. Мы просто… А со мной возилися, конечно, сестры. Кода они выросли, я во всех была, и на Дальнем Востоке.

[*Хозяин домов наш*] все время пил. Приходил пьяный. Те, которые не платили квартиры, за квартиру, страх шо делал. И выгонял, и все. А нам он даже ничего. Когда он бывало прийдет, и пьяный, садится и сидит. Так он мне говорит: "Не бойся, мама твоя ничего не должна". Мама, мама понимала, это он с этого живет. И шоб ко мне не было, шо жидовки, жидовки, и не плотят. Мама платила ему, как не знаю. А он скоко, принесли, мама даст ему денег. "У тебя есть еще?" Останется там. "Ну, если нет, прийдешь, я тебе опять дам". Так шо я ни гонения, никакого ниче не знала. [*Жидовкой маме*], конечно, ей не нравилось, ну шо, это, кому нравится. Ну шо евреи, ниче, нихто ш не скрывает. Очень многие скрывали. Очень же многие переделали. Мы нихто не переделал. Я их не знаю, уже не помню. Очень, да. Есть и фамилию меняли. Ну, даже уже там, когда уже стала советская власть настоящая, так даже ходили просто в милицию меняли имена и фамилии. От он был Арунов, стал Аркадиев. Да. Ну, это можно, меняют и сейчас. Хочешь, иди и меняй. [*Меняли*] шоб звучало. Шоб звучало. В нашем дворе евреи нихто почти што. Осиповых, так это евреи, но фамилия вроде как русская. Но они Осиповы, это мы все знали. Так шо. Нихто ни старался. [*Откуда узнавали*]? Сами говорили. От он был Ароном, он не хотел быть Ароном. Потому што Таня, дочка, Таня Ароновна ей не подходило. Ну, вот. Аркадьевна ж красивее. Татьяна Аркадьевна. Токо из-за красоты. Только з-за красоты. Больше созвучно шоб было. Ну шо я... Ну, как я могла. Ида Израилевна, на шо я поменяю. Та у меня даже и такого помысла не было. Понимаете, у меня не было такого помысла.

[*Не в двадцатых*], нет, попозже меняли. Попозже начали уже менять. Потому шо началось на евреев. Евреи, евреи, евреи. И многие скрывали, шо они евреи. Но я знаю, шо очень многие скрывали. Очень многие. Ну от в нашей бухалтерии был Давид. Как Вы думаете, как он стал? Ну, от, ну кем он мог стать? Я щас вспомню, шо сказать, Даня – о! Даня стал. Ну, вот, это не дурость? Давид, ну шо такое? Стал Даня. Теперь, он был, фамилия его была Перец, он стал Перченко. Видите, это уже все как русское. [*Перец*] это еврейская. Да. Вот она, ха-ха [сміється]... Перченко стал. Так шо... И потом же уже тоже привыкли, Даня, Даня, его все называли Даня. [*Что еврей*], ну, в городе все знали, но потом уже город стал побо-

льше, и больше разростаться, и больше людей, и все это стало… Вот Сара Аркова. Ну, тоже ш не хочется. Аркова красиво, а Сара, еврейское уже. Очень еврейское. Поменяла. Щас как она стала… Она не Сара стала. Забыла. Та меняли. Меняли очень. [*Еще*] может и были, но я уже забыла, щас я. Как же фамилии… Та много, имена в особенности много, фамилии еще редко, а имена меняли в пух и прах.

[*У меня*] вся родословность, еще до маминой родословности, все чистые евреи. Они откуда-то приежжие. Но они не токмакские [запис перервано].

[*Хозяин*] тянет, поет песни. Да. Никого не обижает, знает, шо это ш кругом евреи, никого не обижал. Ничего, ничего. Он мне говорил: "Не бойся, не бойся, я тут посижу, все не надо мне. Я не очень пьяный" [запис перервано].

[*Поменял имя*], да, Янкл – Яша. Ну, я знаю, это у нас во дворе были так. Многие начали менять. От Арон. Симонов Арон. Как его отчество… А он сделался Симонов, не Арон, как я Вам уже говорила, как он, как же он сделался… Как я ш Вам уже говорила, не Арон он стал, а как он… Но он это официально меняли. Это не то шо там. А ходи, платили деньги, меняли. Я никогда не интересовалась, я не собиралась. Очень многие меняли имена. Главное – имена. От Давид Перченко, он стал Даня Перец, он был Давид Перец, фамилия, а он стал Даня, и Перченко. [*Мама*] на это даже не обращала внимания. Она знала, што у нас нихто не поменяет. Нихто не менял. Чего менять?

Дружина онука Іди Ізраїлівни, Тетяна: Сестра ш по-моему, поменяла отчество, шо-то поменяла.

Іда Ізраїлівна: А, какая сестра, Дорка? Нет, она Дорка, а, нет, она Израилевна осталась.

Тетяна: На Измайловну поменяла.

Іда Ізраїлівна: Наверно, поменяла, да. Я уже не помню.

Тетяна: Отчество, Исмайловна.

Іда Ізраїлівна: Как-то, и как она поменяла.

Тетяна: Я не помню, это бабушка говорила, не помню, просто.

Іда Ізраїлівна: Тода – Одарка, мы думали шо она с ума сойдет. Мама говорит... [запис перервано].

[*Фасон держали*]? Были, конечно, были [*люди*]. Ну, от Шурына мама. Шурына мама бывало выйдет, как королева. Как королева. Вы даже не представляете, эти фетровые белые боты, вот такие вот. Белая шляпа, черные перчатки, черное пальто. Та она была... Я Вам даже не могу передать. Очень гостеприимная, очень такая. А Оля любит… Оля нихто, в конце концов. Машинистка этого… как называется, военкомата. Ну, шо такое, шо такое страшное скажите? В чем она такая выше нас? В молодости было как ее фамилия, Кравченко – нет, Кравченко это на работе, замужем. Таня, как Олькина фамилия девичья?

Тетяна: Таню спросили. Я когда-то слышала.

Іда Ізраїлівна: Кравченки. Кравченко. До Кравченко... А когда… Как же его… Нишневич, мама. Как же его фамилия? Ну, Вы начнете с ней говорить, она. Нишневич. Там у них во дворе жили одни… Один Нишневич, второй Нишневич. Как же… Она уже стала не Нишневич, а уже… другое фамилия у них была. [*Родственники*] между собой да. Там двоюродные братья, я знаю шо. Я уже забыла.

[*Дворов*], где селились родственники? Ну, я знаю, токо де от Оля жила. Так два Нишневича, и они третьи, и ее мамы, значит, шо вышла замуж, тоже Нишневич. У них там одни Нишневичи. Он занимался на заводе кем-то как экспедитором, или что-то такое вот. А вообще, щас Нишневичи… [*В двадцатые годы*] эти Нишневичи, были, по-моему, все какие-то дельцы. Дельцы. Имели свое дело, по-моему, каждый шо-то имел. Вот этот Нишневич, от один сын у их редактор нашей газеты. Вот у того, подите к тому, тот расскажет. От я на Нишневича тоже оскорбилась, не знаю, как. Когда открылось еврейское общество. Ну, уже… Нет, ну шо в двадцатые годы, господи, конечно, но я знаю, шо этот, шо щас я сказала, шо от к Оле пойдете, ее папа работал на заводе, где-то там. Шо-то считал. Такой. Один Нишневич. Ну, от в редакции вот этот Нишневич. Ну, они Вам больше скажут. Они наговорят сто бочек арестантов, может быть.

[*Рядом евреи*] там, да, жили. Не, там Веретенниковы жили, сестра моя одно время жила, после войны. Никого. [*Веретенниковы*] русские. Не могу вспомнить [*чем занимались*].

[*Нишевич*] один торговал водой, по-моему, то же ни… Ну, они все кустарники, как Вам сказать, отакие. А Олин папа был на заводе, в отделе, где там какие-то выдавали, што-то такое. Это раньше были, когда еще когда, не было ж ни водопровода в домах, ниче ж не было. А было одно место, где стояла вышка, я знаю, как Вам объяснить, с рукавами. И мы приходили, этими, ведрами, и там качали и набирали воду. Нет, так это, значит, не они торговали водой. Это, торговали как, в ларьках были, ларьки были, уже “Зельтерская” вода называлася. И была, например, такого, сладкая и не сладкая. Ты подходишь, и даешь им скоко, копейку или скоко, они крутят и дают Вам “Зельтерскую” воду.

Ну, этот весь двор, они родычи одни. [*Во дворе*] то шо было посожено, никто во дворе там были такие дворики, шо негде было и развернуться. Если дом от дома от так вот был: от один дом, а вот второй. Там нет. Там жили Веретенниковы. От у них семья была революционная. Ну, от большие патриоты были. Ну, все новшества они воспринимали сразу. Не отбрыкивалися, как говорят. Видите, многим ш пришлося. Начали тоже когда, ну, как, немножко преследовать. Так начали, где работает, и хто, и што. Стали скрывать многие. Это было время, наверно, тридцатые. Преследовали чего-то. Я знаю... шо если я была ребенок. Ну, во-первых, русские на евреев, бесконечно было гонение. От Вы могли идти, и Вам хто-то

кричит: “Жид!” Такое тоже было. А уже позже, нет. А теперь вообще никто никогда. Раньше меняли, от я так Вам скажу: раньше меняли имя на русскую. А теперь многие меняют уже более похожую на еврейскую. Вот так. Ну, как… Как это сказать, Таня? Раньше каждый боялся сказать, шо еврей. Ой, кода... До семнадцатого года, шо не было. А мы еще в семнадцатом тоже, уже тоже понимали, шо такое еврей. Очень многие скрывали фамилии свои. Ольфа Тильсан [?]. Она была хирург, женщина. Но она не поменяла. Но во всяком случае, она очень страдала от своей фамилии. Ну, я Вам луче скажу: я вот Махачкала. Уже, значит, больная, ходила на перекомиссии. Вот я пришла, кончился мне от, моя эта, как она называлась, пенсия, и я прихожу, к ней. Ну, она еврейка. И жили мы рядом почти шо. Ключевич. А мужа сестра с ней дружила. Ну, я пришла и показываю документы, и говорю ш. Она шо мне ответила: “Ой, Вы меня извините, – и так дружила с мужа сестрой, – извините, я не хочу такое делать. Ну, Вы еврейка, я еврейка”. Я ж говорю: “Ну, какое это отношение имеет?” Ну, это ж документ, это я Вам говорю, отдаешь документ. Как начала, думаю, на шо она мне нужна, да? Ушла. И пошла Ключевич. Ну, и начала ей говорить, што. Шо она мне ответила: “Ой, Идочка, Вы меня извините, я не хочу. Идите луче к русским, они Вам будут все. Я не хочу. Все знают, шо я еврейка, и скажут шо это я специально Вам подбираю должность”. Ну, шо я должна сказать? И вот она Голда, она стала Ольга Пейсыховна, она Ольга Пейсыховна, да? А... [звертаючись до Тетяни]. Що там, [нерозбірливо]? Многие скрывали свою фамилию. Очень многие. Переделывали. Ну, от я ж Вам говорю, Ольга Пейсыховна.

От счас многие стремятся восстановить, шо они евреи. Есть такие, шо они всю жизнь скрывали. Ну, клянусь Вам, я говорю истинную правду. Я даже не знала, а шо я скажу, татарка я, или хто? Ну, шо я могу сказать? Это ж надо какой-то, ну потом, какой-то документ представить? От если я говорю, шо я была инвалид, и шо у меня, так у меня ж книжка.

[*Тяжелее евреям было*], от я Вам скажу, после войны. После войны как-то все начали. После первой [*мировой*], наверно. Да. Уже кода мы были вот в эвакуации, да? Там абсолютно все дружные были. Врачи жили, там все. Они ноччю, днем работали, а ноччю возили хлеб продавали. Ну, бедность была такая. Так от, они знали, шо я больная, да? Так они мне всегда привезут, и кусочек хлеба привозили как подарок.

Евреям было плохо всегда. Это шоб Вы знали. Ну, просто кто где жил. От я говорю, мы жили в таком окружении, шо нас хозяин двора, хозяин двора. Двух русских у него в доме жили, во дворе, да. Они не платили деньги, в общем, он их ненавидел. Но он... Но это он прав. А мы, как подходит число, он придет и говорит: “У тебя есть деньги?” Она: “Так шо, щас на[до]?” “Если нет, то не надо, позже немножко”. Понимаете как? Он был уверен, мама как получала пенсию, уже как за кормильца, так она первое што, она платила хозяину. А хозяин шел ей навстречу. Так шо мы

ниче не можем сказать. Он пьяный бывало придет, сидит на приступке, как это называется. И сидит, и поет, пока пьяный свалится, и лежит, но мы его не трогали, он нас не трогал. Он проснется, вспомнит, че он пришел, и спрашивает: “Уже родители пришли?” “Да. Да, – говорю, – мама щас выйдет”. Так шо...

[*Русские подружки*] у меня? Очень много. Ну, от Бася, еврейка, правда. От эта Таня, Таня, как ее, фамилию, Заярина, русская. Та ну, в общем. Потом, кода стала уже взрослой, у меня уже было все. И немцы, все. И этот [Вольденбрандт]? Отто. Отто, был у нас тоже немец. Так мы его дразнили, ласково: Отточка, иди, Отик, сюда. Отик, иди суда.

[*С Таней познакомились*]? А в школе, “Иде Танка-Банка” нас называли. “Иде Танка-Банка”.

[*С Отиком познакомились*]? Та, очень харашо. Та, смиялись тоже. Но они сами: “Ну, иди Отто, сюда” Ну, как это? “Отто, иди сюда”. Получается как идиотик. Хе-хе [сміється]... Это, Вольденбрант, Бруно. Ну, я его называла… Писал Бруно, и Вольденбрант. И когда я поехала к сестре, в… как она называется, возле Запорожья какое-то село, она там работала. И я поехала. Поехала, они меня встречали. И провели туда. Но. Сестра уже была уехала. “Ой, не надо уезжать. Еще день погуляем, все. Нихто знать не будет”. А я ш тоже дурочка. Подумала, ну, правда, шо там будут знать. Но я ш не знала, шо они уже уехали, в Токмаке, и приехали, какой переполох был. А кода я уже сразу, я говорю: “Нет, я не могу”, – так объясняю. В о[б]щем, проводили. И я приехала в Токмак, а тода были брычками, возили, фаэтоны назывались. Ну, я подошла к нему, знала, шо он возит людей, он меня увидел тоже, потому шо часто: “Ты приехала?” Я говорю: “Да”. И так, мнуся. Он: “Шо такое?” Я говорю: “У меня ни копейки нету”. “Ой. Ну, и што? Ты куда едешь, домой? Или в Австралию? Домой я тебя довезу, и деньги мне отдадут”. Все. И сестра как выбежала: “Ой, ой, де ты была?” Я говорю: “Ну мы ждали, ждали [нерозбірливо]”. Так шо. Вот и русские, и украинцы. Та даже сам увидел меня, и говорит: “Ты приехала, или хочешь уехать?” Я говорю: “Нет, приехала”. И так рассказываю. “Та садись и не морочь голову, деньги”.

[*Немцы по-немецки говорили ли*]? Не знаю. Там, у нас в школе они не говорили. Но они ж тоже знали как я. Я еврейский ж тоже ж плохо знаю. Я ж тоже по-еврейски не могу говорить. Потому шо у нас дому уже потом никто не говорил по-еврейски. Нет, уже не с кем было говорить. К маме приехала ее сестра, или не помню какая-то. Ну, родычка [сміється]. И смех разбирает. И, а нас позвали, шо приеха… Она его начала расспрашивать, а он русский. Она его шо-то спрашивет: “А это шо, куртуз?” “Я не понимаю”. Она ш хочет как-то сказать, не знаю, как. А я подошла и говорю: “Шо такое?” Она говорит: “Как сказать?” Я говорю: “Фуражка”. А-а, это куртуз. Так шо очень многие у нас же все евреи вышли, все почти шо. Токо кто, даже уже не помню хто, одна токо семья была еврейская. А от

это Люба [нерозбірливо] и Рая. От это еврейская семья. А так же все русские. Все. [*Не говорили*] и соседи, нет. По-русски уже говорили все.

[*Быт евреев отличался*], да. Есть те которые верили вот в Паску. Щас будете смеяться, в Паску надо коширное кушать. У нас уже никакого коширного не было. И даже понятия не имели, шо то, коширное. А рядом жили евреи, но они уже так верили, как и мы, не верили. Она прибежала и говорит: "Ой, Аня, – Ханой назвала, как Ханой ее звали, – Хана, приезжают с Молочанска, а у меня ш нету каширной посуды". Она: "Так што, щас я те дам каширной посуды, – [сміється]. От они тоже будут… – щас будет коширная. Собрала ей посуду, и пришла. Она: "Где ты так быстро достала?" "Та тут у меня живет одна еврейка недалеко, она меня знает, и я у нее попросила ее коширную посуду". [*Кошерная посуда*]? Ну, это уже называется, если я русская, если я еврейка, и иду с еврейскими словами к русской. Она ж ниче не понимает? Абсолютно нет. Вот так она всем говорила, шо она еврейка, и делала еврейскую еду.

Ну, в быту было, от например, шо, братица, от это от, шо евреи и русские, и то шо семья большая, тоже не мог жениться. Хто захочет бедного еврея, да? Тоже ш это было так. Тоже приходилося скрывать. Вначале очень. Многие скрывали, шо евреи. А потом… А теперь, вот я в Вам скажу… Скрывали, очень скрывали. От, Ольга Петровна, ну как бы я могла. Если я Ида Израилевна, я б подумала, ну как я могу изменить, да я даже и не хотела тода думать, ну шо я, какая я. Если Израилевна, ну как? Ивановна написать.

[*Посуды*], кашерной, от это у нас конешно не было. У тех которые были, они такое, день все делали, как все. Все кушали по-русски, знаешь? Ну, кода знали, шо приедут на Паску родычи, так они приходили, брали у нас посуду. Такую же помытую, как вообще, никто же никакую каширную, не. А она приходила и говорила своим родственникам: "От я у этих евреев взяла каширной посуды". Смех и грех...

[*И верующие евреи*] были такие, конечно. Нет, во дворе у нас не было. От, от это где Ольга жила. От это ее родители были одно время. А так я даже не… От Бася Подберезская, она еврейка, тоже без, без отца жила, с одной мамой, да какой! Хто там будет о каком-то. А вышла замуж за щирого украинца. Даже и потом он. Я даже его считала не знаю, дураком ли. Не знаю, у меня к нему такое. Он по-украински говорил такое, иногда скажет не то шо надо. Мы уже были более культурные, а он. А когда он женился, там, он ей дороги забегает. Даже я не знаю, как сказать. Если б Вы видели, как. И Бася, она осталася Бася. [*Он ухаживал за ней*], да, от он, говорили кугут, от теперь как говорят, кугут, кугут. Но относился он этот кугут к ней относился, луче чем какой-то интеллигент. Это был, я не знаю, шо вам сказать. Вот они уехали. У нее детей не было. Так они взяли уехали с Токмака, и взяли там ребенка и воспитали.

[*В кино, на танцы*]? Я больше уже ходила тода, когда я уже кончила десятилетку. Я тода нет, я тода была очень… девочка, еще сказать, откровенно. Даже если я видела, кто-то смотрит на меня, или что, я боялась, ну, как-то стиснялась. А в школе уже, школе какие только из мероприятий, ото бывало, едут полоть, или што, не хотят меня брать, я прямо, чуть ли не плакала. Но они меня брали всегда уже, знали. И они ходили полоть там поливать, шо-то делать, а стричь шо-то. А я сидела в тени, мне все свои вещи сносили. И все. Ко мне относилися, нихто меня никогда не называл "припадочная", ничего. Потому шо я и у доски могла потерять сознание. Она не видела учительница, я держ[ала]. Доска же так крутится, да? А я взялась там за это, она, хто-то сказал, шо блестит, она взяла и поправила, ну, и по пальцам. И я сразу осунулась. Так все онемели. Нет, я не могу сказать.

[*Одежду в детстве мне*] шили. Мне перешивали от детей. Меня переходило, ну если я была седьмая? Ну, шестая с дочек, считай? Мне переходило… Мама сама шила. Она сошьет с двух каких-то платьев одно мне платье сшила. Мне очень. Зато потом мне стали все сестры все присылать. Я во всех была, во всех.

[*В гости к родственникам*]? Нет. Нет. Я уже очень, уже тода не остались, от этих теть и дядь, понимаете, как? Уже их не было. От у нас еще осталась одна мамина какая-то двоюродная сестра. И она токо по-еврейски говорила, ниче не могла. Приехала, Коля [нерозбірливо], шо щас военный. Ну, и мы пошли сказать, шо приехала тут, дядка. Ну, он пришел. Он не понимает ничего по-еврейски. Ну, он же. А он по-русски ниче не понимает, нет, наоборот, да? Ну, так мы стояли, переводили. От она: "Это Ваш куртуз?". "Шо такое куртуз"? "Шапка". Учат. Все общались очень культурно, от эти родычи когда приезжали, она приходила. Они к ей очень культурно. Знали, шо она не может говорить. Так она немножко побудет, там ей гостинцев дадут, и она пойдет домой. Это родычи были мамины. Какие-то. Как ее звали… Хана. Она была уже старенькая, нет, ничем не угощала. И бедная, одна, мы ее просто опекали. Ну, если мама шо-то сварит, так пойди отнеси. Или она зайдет, так, здесь от зашла, шо-нибудь но нахватала, шо шо-то ей дать. Так шо потом она вскоре умерла, так шо.

[*Мама*] она очень хорошо варила, и очень хорошо пекла. Ну, што. Борщ, супы, жаркое, каши, пекла, коржики. Всякие. Всякие. Так шо, это. Была у меня еще Муся Наркиер, я ж Вам показывала? Ну, так, Муся, тоже мы говорили, шо она не еврейка. Ну, кода они так боялись евреев, Таня. Ну, они прямо, не знаю, как. От они русские, знали, шо мама еврейка.

[*На праздники*] ой, пекли много. Очень много пекли, Таня. Наполены, первое. Наполеон, это было, не знаю што. Коржики сухие пекли, коржики такие, ржаные. Ну, уж, много очень, много. Поэтому потом занималась токо я. Я очень любила кушать варить, и кушать вкусное. А Мира у

нас наоборот. Мира не варит, в чайнике она не варит чай. Я вам говорила, нет? Она воду варила, кипятила воду, а потом разливала в кружки.

[*Голод тридцать третьего*] помню конечно, очень переживали. Ну, так, не могу, но голодали ужасно. Просто голодали, черти-што варили, черти-шо делали, черти-шо мешали, в муку, шоб больше было. Ну, скоко мне было лет. И опять же понимаете, я была самая меньшая, поэтому я меньше все это видела. Все от меня. Все старались мне дать. Каждый старался шо-то мне пхнуть. Ну что, если например, мама отрежет кому-то такой кусок да? Так ище подойдет, оторвет: "На, хочешь?" Я всегда хотела. Оторвет. А мама потом говорила: "Зачем? Ты больше так не делай, не бери. Они есть". Она меня учила: "Шоб ты не брала. Тебе давали". Маленькая, все. Но папа умер, мне было три года. И осталась мама одна, ни грамотная. С такой оравой. Сем душ детей. Ну как?

[*Мама*] она неграмотная была. Какие уроки [*нам проверять*]? О чем Вы говорите. Она научилась, кода уже пошла на пенсию, ей дали, так расписаться. Так я брала ее руку, и это. Мама была неграмотная. Совершенно.

[*Война как началась*]? Ну, война, как, это я уже замужем была, как. Это был такой ужас, шо передать это трудно. Я не могла даже не понять, шо такое война. И мужа, ему надо там дежурить, на заводе, все, он уже дома не был. Так он прислал ко мне тетю его. А тетя старая. И от закроется дверь, у нас, мы жили с соседями. Так она дверь закроет нашу, да? Я говорю, шо я, не помню, как ее звали, хочу в туалет. "Ой, Идочка, не надо". "Ну, как не надо? Я хочу в туалет, а куда мне?". "Ой, я найду, завтра я ведро прио… а сегодня как-нибудь может куда-то в уголок пройдешь?" "Ну, куда, в квартире?" Так я потом когда Зяма пришел с дежурства, я горю: "Зямочка, ну ты как-то забери ее отсюда". Я уже пережила вот этот страх, ну, я буду знать, соседи же есть? Они будут куда-то бежать, и я буду за ними бежать. И все. Ну, я ж уже работала. Я ж уже самостоятельная была. Я ж уже уезжала одна, без, самое... И мне еще дали, сестра отдала девочку с собой [*в эвакуацию*]. Да. Вот я, было двадцать четыре года было мне, да, и мне еще дали ребенка. И я с ней ехала на пароходе. Мы, она, мы лежим все пластом, потому шо всех тошнит, и все. А ходит и хочет писять, то она хочет еще. Я умирала, умирала: "Ира, иди сюда, Ира". Ой, кошмар... Так шо мы пережили, я в особенности, этой войны. Не знаю, шо. И наши вещи. Тут же ш сложили все, и отправляли потом. Мы приехали, наши вещи не нашли. Ничего, ни кровать, ничего. А переслали почти шо все. Даже вот это вот есть, от это. Черт я не знаю, откуда. И Ирка еще такая.

Как мы вернулись [из] эвакуации? Опять же негде жить. Опять же негде жить. Начали давать квартиры. [*Токмак был*] ой, ну, село. Разбито, ну, шо там могло быть? Шо могло быть. Разворованный, во-первых. Те, которые не могли отвезти. Моя сестра дурная такая устроилась в буфет, она снимала все вот эти, как оно называется, от эти отделения, и писала:

Дуброва. От между от этим. От, от тут написала Дуброва. Ну, как по-вашему, когда она приехала уже… [запис перервано].

А мы устроилися не помню где, в общежитии, по-моему, но потом нам дали четвертый этаж. А я уже ходить не могла. Но сказали: “Четвертый этаж. Вам, но сами уже как-то будете носить”. Для того чтоб носить, негде, ничего нет. Но, правда, очень вскоре, нам дали на втором этаже. Очень скоро.

[*В Токмаке*], ну, конешно, все, кто оставил, все разворовали. Ну кто, ну кто останет, вот я говорю, Мира буфет писала, красивый буфет, и то шо она писала, я говорю: “Тут, зачем ты это делаешь? Ты не знаешь, скоко нас не будет”. “Я ниче не знаю, абсолютно”. Шо могла, забрали и все. А от это ж. У нас был очень красивый столик, круглый. Такой красивый. Это, с креслом, качающ… Та даже и не думай спрашивать и ходить и говорить, спра… кому это надо. Я рада, шо приехали домой. Потом… Если б я не была больная в то время, может быть все было иначе. А так что все время. Кода я стала бухгалтером карточного бюро, и ночью, значит, за мной пришли, высыпали эти карточки все, ВГП, ДДП, я знаю, всякое. И надо было раскладывать. Значить есть, хлебные – туда, мясо – суда, все, там было, в общем, все давали, продукты. И одежду. Так все это надо было знать. Та как по-вашему, как было мне? Я сидела, он мне приходит и спрашивает: “Ну, как это тебе? Ты в...” Я говорю: “Что я волнуюся?”. “Как, тебе это ничего?” Я говорю: “А што, – я даже не понимала, я говорю, – а што?” “Я не знаю, – бухалтэр, не признается. – А я, когда пришел сюда бухалтэром, – значит, он был главный бухалтэр, – так я немножко, ну, тушевался”. Ну, шо можно ж снять их. Тебе дают определенную карточку. А он еще чужую, ну, под, ну, полный стол бумаги, на все. Ну, так я не, абсолютно. Я их сидела и так – это суда, это на хлеб, это на мясо, это, так же? Ну, так я делала. Одежду, тоже, платья суда, колготы туда. Так от он никак не мог понять, как это я так. Ну, харашо. И я работала. Ниче не могу сказать. Работала харашо, и меня и премировали. Ну, все, как надо. Но пришел раз, и сказали нам такую новость, эта же девочка тут работала тоже. Она гуляла. Ну, гуляла. Она молодая, она познакомилась с летчиком, она гуляла. И пошла к своей подружке, а подружка тоже здесь работала. Пошла к подружке, шоб она разрешила ей переночевать с ним. Но она, и вдруг она прибежала, как, знаете, я даже не знаю как сказать. Как помешанная. “Я увольняюсь”. “Шо такое?”. “Ой, я пришла к Вале, она нас положила в постель, и не как мы не уляжемся, ну, так, то давит, то, то, ну не могли никак. Он говорит: “Встань, давай мы посмотрим, переложим как удобно.” Как, – она говорит, мы подняли, этот, как называется… Матрас. “И стало, – говорит, – мне темно. Я, он увидел, шо я падаю”. “Што такое?” Ну, потом они разобралися, шо это накраденные. И на одежду, и на питание, на всех, кучей такие от у них, от этих, пакетов. Она пришла и говорит: “Я там и дня не буду”. И уволилась, и уехала, и все. А тут и ток-

макской тоже потом начал работать со мной. Она приходила, ну, думаю, отмечали. Она мне дает календарь свой, кто у нее. Где работал, на чем. И я знала, шо им выдавать. Ну, не знаю, я же смотрю по книжке, написано, шо есть, например, Ольга Кравченко, значить я ей выдаю. Смотрю, шо ей нужно дать, шо ей надо дать то, надо дать это, ну, все даю. Короче говоря, она от с нами пришла, попрощалась, плакала, целовала, говорит: "Отак попалася. А летчик, – говорит, шо он мог сделать мне. Он не мог, он сам… Я куда я буду уезжать? Ну, я оттуда ушла, мне говорят: "Ну как это ты уйдешь?" Я говорю: "Меня так уговаривал бухалтэр". Я говорю: "Я не хочу это. Я не беру, мне достаточно, мне ж дают все это. Мне лично, дают же на все. Так чего я еще красть буду?" Так их арестовали всех. Нашли черти скоко, и кого отправили в тюрьму, а таких уже не очень, так их каждое утро собирали. Там была одна с ребенком. Так ей дали отдельную как сидеть, но, мол, ребенка. А их утром выводили, лопаты в руки давали, и милиция с той стороны, и с этой стороны, и по бокам, и водили, они убирали город. Так десять лет. Потом она приехала сюда и умерла. Вот какие были люди. Я могла, я на такой работе была, шо я могла нажиться, а я приехала без. Да я сказала, как он приходит: "Ну как это тебе, ну как это тебе?" А я говорю: "А што как? Не понимаю. Вы мне объяснили".

[*В сорок седьмом*], ну, голод, не очень, конечно. Ну, так, помнят, голод, шоб, господи, хлеба кусочки. Голод был плохой, я знаю. Но я как самая маленькая, мне все. От мама садила их кушать, да? Все от себя кусочки обрывали и подкладывали мне. Такая у нас была семья...

[*В сорок седьмом*] нет, плохо было жить, но голод, мы голодные не ходили. Мы ж зарабатывали. Ну, конечно, если такой кусочек хлеба, ну, двадцать два рубля, или шо, мы не голодали. Я ш была токо с ним.

[*Как к беременным относились*]? Ну, тоже не знаю. Ну, я знаю, шо им давали отпуск. [*А мужья*], это, я знаю, такие, шо очень берегли, и знаю таких, шо, издевалися над ними. Были и такие. Шо рассказать... Ну, шо могу сказать… Я их фамилии не знаю. А просто как приходили на работу, и каждый рассказывал, да? От это я слушала. Шо ужас… Сам получит паек, да? Самый лучший выберет нажрется, а домой приносит объедки только. Ну, это ж уже ужасно. Вобще мущина всегда оставл… Вобще, надо шоб те дали, принести домой, разделить и отдать, также? Ну, а очень, конечно, такие есть. А мародеры какие были. По квартирам ходили. После войны.

Нищих видела много. Но как-то... К нам почти шо не приходили, потому шо тоже почти шо нечего. Нищий тоже знает, куда ходить… [*Было*] во двор приходил. Ну, если был кусочек хлеба, давали. Так не отпускали. Они, большинство говорили: "Дайте што-нибудь". Понимаете, а этот, кто устанавливает, што ему давать, это уже, что-нибудь.

[*А мародеры*]? Нас тогда ж не было, мы же были в эвакуации. Мы же не были, приехали, очищено все, абсолютно ничего не было. Абсолют-

но. Мы от пришли… Старую кровать, ну, ничего, вот понимаете слово “ничего”? Ничего. Нам дали комнату на четвертом этаже… [запис перервано].

[*Лечили как*]? В детстве говорили: “Слабое сердце”. Никто не понимал, что порок. Слабое сердце, просто берегли. Вот я бывало… Тогда же туалетов во дворе не было, как токо, а сараи, сараи, мама поставила там. Шо-то я ходила туда, и был гвоздик, я там знаю, што. В общем, я гвоздиком попала, куда-там, она ждет меня, ждет, нету. Она прибежала сюда, видит: я лежу. Ну, позвала соседей. Вызвали, приве… врач пришел, и сказал, шо, у нее порок сердца. И что нужно быть очень и очень осторожной. [*Лекарства*], да-да, все, время. [*Выписывали*] врачи. Кода приехала с войны, – врачи. А до войны я такая еще не была. Я в детстве такая еще не была такая больная. Я была больная, например, вот я играла, играла, в тучки играли…

[*От простуды*] горячую воду сразу давали. Ложили. Ноги начинали греть. Они ш не понимали, шо это такое. Я, например, боялась, шоб не “припадочная” называли. Это было ну, очень похоже. А я была ну, просто, когда же в школу собиралась идти на прополку, или что, я умоляла, меня брали.

[*О чумаках*] слышала, но о них ничего сказать не могу. Это которые приезжают? Да, слышла, шо чумаки были. Но это не могу, нет, ниче сказать. [*А на тачанках*], а, это были извозчики. Ну, а шо о них рассказывать? Они занимались… У каждого был свой фаэтон, и знал, все шо там у его номер, он извощик. И я, от каждый выбирал, я к этому, он уже меня знал, я ж говорю, он увидел, шо такое, где ты... “Садись” и все. Он отвез меня и никаких. И там мы платили. Так шо у каждого был свой выбор. Очень много извозчиков было. Очень много. Ну, вот этот, который у нас возил, он уже был как наш прописанный. Уже кто у нас выезжал или приезжал, он возил. Если приезжали с Москвы, допустим он возил, потому шо они его знали. И если мы куда-то ехали, он нас возил. Если я знала, где извозчики... Каждый в Токмаке знал, где извозчик живет. Если он собирается ехать, он идет и говорит извозчику, шо мне на завтра нужен извозчик в такое такое-то время, на такую-то поездку. Он приезжал де-то, днем, ночью, кода это было удобно, к поезду. Тода ж к поезду возили. И они возили. [*По улицам*] может быть и ездили, но мы жили по такой, на такой улице, шо там брычка токо проедет. Она была, это если можно назвать улицей, это если можно так сказать. Брычкой ездили. А так я не видела. [*Улица*] тесная, не вы… ну какая, вот улица, вот там живут так, от такая улица была может быть, от такая вот. И там же… Мы все знали, шо там делать. Как русская Паска, нам несут паски все с той стороны, а кода еврейская, все несут туда. Очень дружно, я говорю, шо никогда не называли никого никаким. И в школе никогда. Никогда.

[*Улицы более зажиточные*]? Извозчики. Отакие, которые зарабатывали и спекулировали. На всем. Больше и золото возили. [*Извозчики*], да. В Токмаке ж были ювелирные магазины. Они дешевое покупали, а такие дураки как мы, шо никогда не видели, так пока желтое это, олово, или шо там желтое, и признает, шо ты, золото. Хто ставил печать, или што? Покупали золото, там одевали, они черные становились. Не, извозчики не… Извозчики нет. Извозчики нет, они возили. [*А спекулянты*], а черт его знает, я тода че-то не знала. А спекулянты как сичас: ездили. Ездили, продавали на другом месте. Вот, например, в конце Токмака, поедут, как-то, шото привезут, и станут посреди где-то улицы. И все бегут, смотреть, шо привез. [*Что привозили*], я не знаю, мы туда никогда не ходили. Мы никода не обращались к ним.

Я в магазины не ходила, но потом, когда стала уже, ну с семнадцати, начала ходить по магазинам. Ну, все очень красиво по тому времени. Очень все красивое. Шапочки вельветовые. Потом были шапки модно эти, не махеровые, как они назывались. От шляпы носила от это Шурына мама. Они были багатые. Так на ней была шляпа, как она называлася… фетровая. Белая фетровая шляпа. Черное шелковое манто. И боты белые, шерстяные, не шерстяные, как только што я говорила. [*Покупали*] я не знаю, де, но это Шурыны родители были такие. [*Токмакские торговые*] ряды помню… Ну как же, стояли так к друг другу. Заходили, одно и тоже. Ну, как, стояли отакие доски, отут заколачивали там какой-то, и, положили какуюто ну, перекладину, и от это уже все. Это было отут как раз в центре гдето. От где сейчас, ты знаешь это, где кино было. Кино, да? Щас же там церковь опять. Вот там это все было. Вот там были и одни, вот эти, там были и магазинчики, там все было.

[*Улицы*] я помню, я была… и Ленина, и Ленина, везде Ленина. Это смешно, везде, куда я приезжала, Ленина. Улица… Как эта улица называлась… Наша всегда была Ленина. Я даже не скажу [нерозбірливо] рассказала бы все. Щас шо там… Там не почта, шо ж там… Там была почта. Потом, шо там еще было такое, шо большое. Почта… Там, там были частные дома красивые, каменные, харошие. Богатые жили. Ну, хто жил… Люди, но они богатые были. В Токмаке тоже были богатые. [*Кто они*] я не знаю, по специальности не знаю. Одни были почта, в почте работали, там были почтальоны. Там были, ну, там тоже уборщицы нужны. А щас там харошая улица. А как называется, не знаю. Революционная, нет... Нет, Шевченко тоже нет. Карла Либкнехта мне больше знакома. Шо-то… Карла Либкнехта. От это, она, наверно, и есть. Там было, там была и школа. На Карла Либкнехта, по-моему школа. Точно не буду, я не буду утверждать, потому шо… А синагога была, щас скажу, две ш синагоги было… Маленькая и большая. Ото, наверное, была Володарского. Наверно... [*В синагогу*] ходила токо по нужде, кода надо было, маму позвать, или что. Позвать. Не позвать, а... От нас был знакомая, Черткова. Сын сбежал с дома и уехал.

Оставил родителей, уехал, и долго его не было. И нихто не знал где он, и што он. И в один прекрасный день он является. Конешно, я его уже не знала так, но он начал рассказывать, спрашивать. Ну, я уже знала, шо он в синагоге работает. Я говорю: "Синагога… А ты мне можешь показать?" "Конечно". Ну, я взяла, по дороге еще мальчики какие-то бегали, и мальчики за мной побежали. И я ж не знаю обычаев никаких. Поднялася, и значит, хочу зайти. "Куда? Куда?" "В синагогу" "Зачем?" "Сюда, во-первых, девочек нет, не пускают". "А мальчиков можна прислать?" "Нет, шо ты хочешь, шо ты?" И вот я ему говорю: "Отакой-отакой приехал, он сбежал давно от родителей, маленький был, а щас от взрослый. И приехал, не знает, никого, нигде". Ну, так он тогда узнал фамилии, и узнал все, и пошел, поднялся, сам этот, который работает в синагоге. Сказал, шо пришел какой-то, значит, мальчик, и сказал, шо приехал Ваш сын. Ну, ты представляешь, шо сделалось? Ему дурно сделалось. И там начали его пока, в общем ели отпоили его, и все, и отпустили домой. И отпустили домой, и он плакал, и извинялся, шо так поступил, с ними, с родителями. И потом… А потом он был каким-то человеком. Шо-то, немаленьким, по-моему. И приехал, а они. А щас, шо они переделали.

Церковь [*была*]? Необыкновенно красивая. Красивая, и все это блестело, все, как я ш не понимала, шо это такое, за металл, или што, но все блестит, заходишь, это, передать нельзя эту чистоту и красоту. Будто ты попал куда-то. И в синагоге очень красиво. Ну, в синагоге как, в синагоге мужчины внизу, значит, на первом этаже, и там они молятся, одевают какие-то белые какие-то балахоны тоже не понимаю, а женщины, красавицы, стоят на верху, на балконах. Все как один, ты не узнаешь, де твоя мама, ни за что. Все они в черных это, драпированных платьях, длинных, и на голове отакая ионовая шаль, черная, так перекинутая, и все стоят. И потом они уже вместе молятся. Они приходили одетые уже, да. Они приходили одетые. Не пускали

[*В церковь зачем ходила*]? Ну, наверно, я ж тода это ничего не понимала. Ну, двадцатые, тридцатые, скоко мне было, если я семнадцатого года рождения? Двадцатые, шо я тогда понимала?

САВОН ЄВДОКІЯ ІВАНІВНА, 1913 року народження, РЕЗНІЧЕНКО ВАЛЕНТИНА ВІКТОРІВНА, 1937 року народження, м. Токмак Запорізької області[1]

Євдокія Іванівна: Євдокія Івановна. Савон. Тринадцятого [*року народження*]. [*Народилася*] в селі Очеретувата. Ну, це двадцять кілометрів

[1] Опитування проводила Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

от Токмака. Да, я там родилась, там мої батьки жили. [*Як батьків*] звали? Чи фамілія? Фамілія – Савон. А звали – отца Іван Данилович. А матір – Горпина Григоровна. Бебешко її фамілія дівоча.

[*Їх батьків*], да, помню. Я вже, материних батьків, я тіки діда помню, бабу – нє. А от батькових, і діда й бабу помню. Ну, в одном селі жили, тіки на другій вулиці. Вони тоже Савон фамілія. Ну, землєдєлієм занімалися.

Дочка, Валентина Вікторівна: Сперва мельниця була, шо ж, ти кажи.

Євдокія Іванівна: У діда, чи шо?

Валентина Вікторівна: У батька твого.

Євдокія Іванівна: Мене за батька не питають.

Валентина Вікторівна: А, за дєда**…**

Євдокія Іванівна: [*Дітей скільки*] у нашого дєдушки? Значить, оце, мій батько, дядя Андрій, дядя Славка, дядя Євдоким. Четирє сина було. Самий старший – дядько Савка. Мій батько не знаю, якого года [*був*]. Воно мені нужно було то… Він умер, ну, якраз у революцію. Якраз махновці були.

Валентина Вікторівна: Повезли батька на кладбище.

Євдокія Іванівна: Бо на дрожках везли труну на кладбище, а в нас лошадь була хароша, а вони забрали, випрягли на дорозі.

Валентина Вікторівна: Випрягли і клячу дали. Вона через три дня здохла.

Євдокія Іванівна: Да, вона через три дня здохла. А харошу махновці забрали. [*До діда в гості*] ходили, канєшно. Перець солила, дід дуже любив борщ з перцем. Так, через день, через два каже: "Мама, понесіть дєдушкі перцю, понесіть дєдушкі перцю". [*Перцю в нас*], ну, розсадник, такий, невеличкий, кадушечку на три…

Валентина Вікторівна: У них було землі багато. На них було чотирі брата, і три сестри, вона і ше дві сестри, а тоді ж землі у них багато було дуже, і вони здавали її Тарасику, да, помєщику? В орєнду здавали. Як оце щас здають в орєнду, і вони здавали. І їм всігда тоже привозили.

Євдокія Іванівна: Нам готове вже привозили.

Валентина Вікторівна: І муку, все готове в двір привозили.

Євдокія Іванівна: Зерно.

Валентина Вікторівна: А потом уже перед революцієй у них була парова мельниця, брати у неї всі були заможні.

Євдокія Іванівна: У нас батько, він не був колхозником, і не був землєдєльцем. Він – специаліст.

Валентина Вікторівна: Рабочий**.**

Євдокія Іванівна: Він мог робить всьо. Шо тіки... І справить і часи, і зробить туди усьо.

Валентина Вікторівна: Всю техніку міг ремонтіровать.

Євдокія Іванівна: І він тоді у куркуля работав.

Валентина Вікторівна: І сєпаратор…

Євдокія Іванівна: Работав. Куркуль ним дорожив, потому шо він був спеціаліст хароший. [*Куркуль*], ну, Осика був. Це у Токмаці. Він у Токмаці був і работав у те, у куркулів.

Валентина Вікторівна: Він тут робив, а вечором його якось так у суботу до двору…

Євдокія Іванівна: Він неділю работав, суботу його привезли до двору.

Валентина Вікторівна: А в понеділок утром приїжали забирали дєда.

Євдокія Іванівна: Приїдуть, заберуть. Опять на роботу. Там усі жили.

Валентина Вікторівна: Ну, а сюда вона перейшла, як уже було чотирнадцять год. Як пішла в рємєслєне, тут кончила рємеслене училище.

Євдокія Іванівна: ФЗУ тоді було.

Валентина Вікторівна: ФЗУ, ну, ремеслєнне, це ж ФЗУ.

Євдокія Іванівна: Це ж у тридцятом году.

Валентина Вікторівна: Работала на заводі, а послє войни, я с тридцять сєдьмого года, сама старша, а тоді вже сорок второго года наш менший брат, нас четверо було. Тоді, не робила во время войни, ета, а потом уже, вже трошки підросли, вже після войни, пішла в яком году?

Євдокія Іванівна: В піісят шестом.

Валентина Вікторівна: В піісят шестом году пішла работать. Сама воспітала нас чотирьох. Батько, він евакуїровався с заводом, і там, був в Махачкалі, а потом він переїхав в Алма-Ату і там заболів тубєркульозом і там умер в сорок шестом году. А ми так і осталися. Оце двор, іще батькових радних, батька, так, оце двір остався? Вже всі по умерали, осталися одна мама і я. Брат один умер у нас, тридцять восьмого года, один брат приїхав, сорок второго года, в Москві живе, і оце сестричка замужем живе в Запорожжі, і я дома з мамой тут живем. Слава Богу, нічого…

Євдокія Іванівна: [*Батько в Токмаці*], ну, він робив, і коло мотора работав, і там до чого часті надаподєлать, все дєлав.

Валентина Вікторівна: Мастєрська була.

Євдокія Іванівна: Да, він у мастєрськой робив. [*У хазяїна його*], в його було, в його було рабочих очень много. Хазяйство велике.

Валентина Вікторівна: Землі в аренду брали. Як помєщики були.

Євдокія Іванівна: Да, як поміщики були.

Валентина Вікторівна: Ну, це ж, навєрно, то часи рємонтіровав, то сєпаратор, кому те, кому машину швейну...

Євдокія Іванівна: Машину швєйну.

Валентина Вікторівна: Кому, де шо, він усе рємонтіровав, він був мастєр. На всі руки, як так. Як от рабочі в нас січас. Він землю нє обрабативав. А в мастєрской у багача.

Євдокія Іванівна: Йому платили гроші хароші. Поміщик платив, за ето дєло. І він посліднє врем'я, купив мелницю парову. [*В селі купив*], да. Це він, купив він її, я знаю, де він її купляв… А в селі поставив.

Валентина Вікторівна: В селі, в дворі. А тоді як началась коліктівізація, двадцать дев'ятий год, ото тридцятий.

Євдокія Іванівна: А вже батька не було.

Валентина Вікторівна: Батька не було, він умер, дєдушка, а тоді вони здали, всі пішли в комсомол, її брати, всі четверо, здали мельницю у колхоз. І до них приїжали перве врем'я в дворі мололи, як начнуть з усіх сел з'їжаться, людей до двору, у дворі, і вони, сказали, шо забирайте, ставте її десь собі. І вони її забрали, колхоз, і поставили, я не знаю, де вони її вже поставили. Мололи. Мій самий старший брат, дядя Гаврило, Гаврило Іванович, работав при цій, на цій паровій мельниці, бо больше ніхто не вмів робить, і ото мололи всьому колхозу, і всім селам кругом. [*Хто навчив*]? Ну, от якось у них, понімаєте, вони як врождьонні спеціалісти, в них оце оно, землю вони не обрабативали, як крестьяне, от як рабочі, сказать би всім, шо вони були, як професіонали, понімаєте? Вони не були забиті всі, як ото п'яниці, а вони були грамотні люди. Грамотні такі, стєпенні, порядочні, вони. А потом брат її став, от уже як ето, послав, десь там на перекваліфікацію. Він начав преподавать в школє мєханізації, работав, Петро Іванович…

Євдокія Іванівна: Преподавав шоферам, комбайнерам.

Валентина Вікторівна: Шоферам, комбайнерам колхоза. Його з міста на місто. Умер він – Днєпропєтровська область, там дє, не помню який район, там щас його син.

Євдокія Іванівна: [*Батько*], я знаю, шо грамотний був. І хлопці всі грамотні були.

Валентина Вікторівна: Всі грамотні.

Євдокія Іванівна: [*В школу*] ходили. Ну, раньше ж не така школа була, як січас. Раньше як чотирі класа кончив, так він стоє академії. А тепер же сувсім не те. Раньше як чотирі класа кончив, це був грамотний. Це був настоящий. [*Школа*] це була в селі, сім кілометрів от нас Новомихайлівка була, там була десятілєтка.

Валентина Вікторівна: Туди ходили.

Євдокія Іванівна: Туди ходили. Я [*в школу ходила*] – да. [*І сестри*] ходили.

Валентина Вікторівна: Ходили. Тьотя Надя, шо вмерла сємсят чотирі года, вона була партєйна. Вона була предсєдателєм калх… [запис перевано].

Євдокія Іванівна: [*Мати з дітьми була*] сама.

Валентина Вікторівна: Сама, хлопці старші були…

Євдокія Іванівна: [*Дітей скільки*]? Самій старшій було, вона четвертого года… второго, второго. Ну... Уже ж взросла була, а ми менші.

Валентина Вікторівна: Друг за другом ухажували.

Євдокія Іванівна: Да, у нас не було чужих людей.

Валентина Вікторівна: Рабочих не було таких, нєт.

Євдокія Іванівна: Семеро, по-мойму, [*дітей*]. Семеро. Була [*земля*]. Була. Тоді ж на каждого була земля.

Валентина Вікторівна: На синів же ж багато давали.

Євдокія Іванівна: Так як у нас хлопців було чотири хлопця, а на хлопцев, на всіх давали, на дівчат же тоді не давали, землі, а тіки на хлопців. У нас було багато землі. Но ми її здавали в ареду. Самі ми не обрабатували, бо ми не в силі були її обрабативать. У нас так не було, ні коней, була корова. А лошадь у нас була тіки така, шо ми запрягали в дрожки, шоб поїхать де-небудь у гості, чи шо. У нас була одна лошадь. І ту забрали махновці.

Валентина Вікторівна: У них був інвентарь, хоч він був по тому времені примітівний, це все, лошаддю, но, у них проблєм не було, бо, орати, вони всі старші за неї, вони всі землю, шо при хаті було, і так вони оставляли в степу собі.

Євдокія Іванівна: Садили кукурузку, соняшник і баштан.

Валентина Вікторівна: Соняшник. І баштан, і ото так огірки, ото все таке на баштані. Поїдуть, була така гарба, гарбою поїдуть, повну гарбу динь, кавунів нагрузять, привезуть. Біля хати був город здоровий, мабуть десь с гектар?

Євдокія Іванівна: Півгектара.

Валентина Вікторівна: Півгектара. Оте садили, все обробляли. Ну, мужики були. Робить було кому. Бідними они не були. Серендняки були. Не бідні, не багаті. А як началась колєктівізація, добровольно,отдали ту мєльніцу парову, шоб не було ніяких нарікань, і всьо. Здали совєтській власті.

Євдокія Іванівна: І пішли. Хлопці всі пішли в колхоз. А на городі шо [*садили*]? Картошка, помідори, буряк.

Валентина Вікторівна: Капуска.

Євдокія Іванівна: Квасоля. Горох. Тіки для себе. Його і ніде було продавать. А Бог його зна, може й приїжали [*куплять*]?

Валентина Вікторівна: Та ну чо ж, приїжали, все собирали.

Євдокія Іванівна: Так у нас те, вот як рибу возять, то це на яїчки міняють її. Грошей у людей немає. Це ж селяни. Які в них гроші. А курей держали багато. І яїчки собирають. Ми раньше не їли яїчок, як от січас ми їмо. А тіки на великий празник. А то за яїчки – копійки, це копійка – яїчки. Чи піти в магазін купить кірасіну, чи купить спічок, чи купить сахарю, це все на яїчки.

Валентина Вікторівна: Солі.

Євдокія Іванівна: Це все на яічки. Грошей не було у нас, у селян. Яічки здамо. Скіки там було на сахарю, чи шо. І по вулиці їде: “Риби, риби”, – гукає, це тіки на яїчки.

Валентина Вікторівна: “Бички, бички”.

Євдокія Іванівна: Бо іде підвода сзаді, де яічки там, підвода де рибу. Візьмеш рибу, це все на яічки. А хто їх зна [*хто возив*], з города привозили. Може, із Токмаку. А рибу разну [*возили*]. І бички, і... разну. [*Риба*] свіжа. Така шо жарить. От я найбільше запомнила шо лещ, і... забула, в неї костєй нема, вона така білувата. Частенько [*брали рибу*]. Жарили. [*Наші рибу не ловили*], ні, рибу нікуди не ходили [*ловить*]. В нас один був, служив, у одного багатого. Ну, в нашім же селі. Був Савченко фамілія. А коло скотини вправлявся, в його було скотини багато. Да, коло скотини, як роботник. [*Чого в найми йшов*]? А шо, гулять? Ми землю здавали, гулять же не можна. А він договорявся, скіки там. Чи то пшеницею йому заплотить, той, багатий. Він в одного дуже багато служив в одного. Пшеницею [*платили*]. На селі грошей не було, у кого це там гроші. Це як вони зберуть урожай, та здадуть пшеницю, то може в їх гроші і були?

Валентина Вікторівна: А як ти служила, як тобі платив отой, грошми?

Євдокія Іванівна: Нє.

Валентина Вікторівна: А як ти юбку набирала, казала. Нянчила дитину кому? А він баришував, ти казала, коньми, лошадями?

Євдокія Іванівна: Да. [*Служила*], а село там, Сорокіно. Кілометра чотирі, навєрно, [*звідси*]. Його сестра була замужем у нашім селі. Ну, і так ми познакомилися. Каже, шо Степанові нада няньку. Дитину нянчить. А мені було, мать, годів десять, не більше. Ну, пішла. Гляділа дитинку, і те, дитинка, засне, як молотять, я коні поганяю. Верхи їздю. Котком же молотили. А більш нічо такого. Ото дитину гляди. Гляділа, і молотили, так я поганяла. Два місяці [*була там*]. А тоді ж у школу нада. А тоді ж у школу забрала мати. [*Як мати відпустила до чужих*]? Так ми були знакомі вже [*з ними*]. У нас через несколько дворів його сестра жила. Я пішла із тьоткою. Я із його сестрою. [*Заплатили*] шось давали трошки грошима.

Валентина Вікторівна: Юбку собирала.

Євдокія Іванівна: На плаття набрала. Сама старша [*сестра моя*] служила. Тіки вона десь далеко ходили, десь далеко ходили найматься. [*Гроші матері віддавали*], аякже. Та ж справляли собі шо. Обуться, одіться.

Валентина Вікторівна: Ну, мати їхня не нуждалася, собствєнно, в дєньгах. Так, було все, вони були хароші, ну як, як діти, вони заботилися, шоб в їх на всю зіму було все в домі. Понімаєте? Нічо вони не купляли. У них курей багато, по сотні вони держали, циплят і більше, і гуси, і індики,

і все у них, і свині були, і корова, все було у них. Хазяйство в них було все.

Євдокія Іванівна: Мама [*хазяйством займалася*]. [*Все встигала*], да, а шо, нічого більш такого не робила.

Валентина Вікторівна: [*Діти*], канешно, помогали. Помогали, в городі, й пололи, все робили.

Євдокія Іванівна: Самий, не самий менший, а за мене шо старший, Ніколай було його звать, він був такий, як мама заболіє, їсти наваре, хліб спече, і все. Ну, а як [*навчився*], як мама робе…

Валентина Вікторівна: Там хоч-не-хоч научишся, це село, не так як щас, хай он ми хлібнули... [запис перервано].

Євдокія Іванівна: В селі базарів не було. Ми, сім кілометрів Новомихайлівка, ми туди ходили на базарь. Утром. П'ятниця, среда, воскрєсєньє. Тіки могли понести продать це: масло, сметану, молоко. Там було много учителів, там було десятілєтка, учітілєй було много, і було кому куплять. А там як той, шось набереш в магазіні. А так, нам нічого не нужно було. Це тіки шо-небудь набрать. На базарь і я ходила, з братом. Я помню, пішла і набрала біле таке, в блискучу полосочку, голубінька така, голубінький цвєточок, і набрала я чотирі метри. І прийшла додому. А мама подивилась та й каже: "Та тиж це ж мало набрала". Так я ше ходила метр добирала. На оборочки. Плаття, плаття. З двома оборочками. А шила в нас, через несколько, через чотири хати, по-моєму, модіска, в неї діти були маленькі. Я піду поглядю їй дітей, а вона пошиє. Мама шила багато, сорочку хлопцям, чи шо таке, шо собі носить мама шила. А так, шоб комусь – ні. Руками, руками [*шила*]. Вишивала. І пряла, і вишивала. Пряла тоже багато. А садили прядиво. У себе в огороді прядиво, садили. Вирвемо. Вяжемо у снопи. І возили, де січас кар'єр, Трудове, а тоді то було Каї-Кулак. Називалося. Да. Село, названіє села. Так називали. Туді ми прядиво мочить. Прядиво помочемо.

Валентина Вікторівна: Оце привезуть, і його там намочать.

Євдокія Іванівна: Да, каміння. Покладем ходили, воно помочиться там, а тоді, через дві неділі поїдемо витягнемо його.

Валентина Вікторівна: І ніхто не трогав, і нікому не нужно було. І людей багато там.

Євдокія Іванівна: І люди знали, шо це помочиться. І ніхто його не троне, ніхто не візьме. Поїхали, витягнем, заберем, привезем додому, посушим, а тоді поб'єм його.

Валентина Вікторівна: І тоді нитки**.**

Євдокія Іванівна: А тоді пряде мама, сама мама. Ну, ми, ми малі були, а одна сама старша була. Ну, помогали мамі, аякже. Бо його нада і ногами м'ять, і шоб воно ж було таке м'якеньке. Шоб можна було прясти його. А потом пряли нитки, а потом отдавали ткать. Рядна. Так не було простинь, не було, таких як січас, а всьо ткані. Всьо ткані, з прядива. Всьо

з прядива. Отдавали ткать у нас по сусідству. Ткач був. Да, станок [був]. Да, скіки той, платили. Чи яїчками. Полотно вони робили. І рядна, кодирі. А кодирі це старе шось рвемо, на стьожечки сшиваємо, клубки.

Валентина Вікторівна: Постилки, як оце.

Євдокія Іванівна: Ткали, да. Ми вкривалися, і підстилали. І, застилали, і кроваті, і все. Мама вишивала рушники. Та так, а то ми шили з полотна. То станочок, це ситцеве, а то полотняне. Так вона то мережки поробе. [*Мереживо плела*], нитки витягала, і нитками, голкою.

Валентина Вікторівна: Витягається нитка, і узорчик іголкою вишивається.

Євдокія Іванівна: Та, [*мати нас*] учили, но забулися. [*Мати вишивали*] дньом.

Валентина Вікторівна: Ну, в основном взімку канєшно, пряли.

Євдокія Іванівна: Да, пряли, це зімой. Так, а зімою ж у школу ходили. У школи ходили, і так же ш скотина. [*Ввечері*] коло скотини вправлялися. І дівчата коло корови. Корові нада разів три чи чотирі дать їсти. Покормить. [*З сусідськими дітьми*] дружили. Ну, як зімою, це, в Панаса. Глаза зав'язуємо… І по хаті. Хто куди.

Валентина Вікторівна: І пиляка стовбом. Бо поли були ж земляні, помазані, да?

Євдокія Іванівна: [*У хаті*] та хоть і в сусідів. І в нас, як мама піде куди.

Валентина Вікторівна: Як нема нікого дома.

Євдокія Іванівна: Мама ж піде в гості. До дєдушки. А ми самі останемося.

Валентина Вікторівна: Чорний пар робили. Та тоді вже в цієї баби, Опанаса.

Євдокія Іванівна: А літом в палички-стукалочки. Ох… Цілий...

Валентина Вікторівна: Цілими днями. Жмурилися.

Євдокія Іванівна: Жмуриться. А ті ховаються. Поховалися, а тоді той іде шукать. А палочкою застукуємо. Знайшов: "Палочка-стукалочка".

Валентина Вікторівна: Всьо, застукав.

Євдокія Іванівна: Будеш жмуриться. [*Іграшки*], були й кукли, і я помню, і домики строїли, й шо кукол було. В мене була подруга з одного боку, сусідка, і з другого подруга була. Оце всі втрьох ми собиремся. І в кукол, і хатки строїли, шо хоч… [*Кукли*] самі робили. Сестра мені робила багато. А з тряпок. [*І в сусідок такі самі*]. А домик... Разних досточок… [*В гості до подружок*], канєшно, ходила, аякже. [*Дітей на вулиці було*], канєшно, багато.

Валентина Вікторівна: Щас ось приїхала внучка із Москви на літо, і немає і сусідів. Ні з ким і гуляться [запис перервано].

Євдокія Іванівна: Були і багаті. Були й бідні. А Бог його зна [*чому бідні*], воно тоді касалося, чого бідні. Вони служили у багатих і з того і

жили, шо служили. Заробляли, і служили. І существовали. Була [*і земля у них*], вони ж її тоже землю здавали. Багаті [*були*], які іміли землі багато, робочих.

Валентина Вікторівна: В аренду брали землю.

Євдокія Іванівна: В аренду землю брали. Багато сіяли, садили. Не у всих одинакові [*хати були*]. В того маненька хата, низенька, соломяна. А в їх були кирпичні, хароші. Дома. Цигани заходили [*в село*]. А цигани оте, де-небудь в бальці окупіруються, і огнище розводять. І там їсти варять. І там все, і по селу мотаються, гадають, дурманять людей. [*До нас*], канєшно, заходили. Ну, ми як: "Давай погадаю". В мене мати була така, шо не дуже. Каже: "Не нада нам гадать". Дасть там чи хліба, чи шо. [*Циган*], ні, не боялися. Вони і нічого не крали. Цигани можуть тіки красти, як хароші лошаді, так могуть, це хто вкрав? Тіки цигани. Більш ніхто не крав тоді. Тоді хіба так, тоді в нас на дворі й корова ночувала. І тьолка ночувала.

Валентина Вікторівна: А тепер не можна, тепер не можна.

Євдокія Іванівна: А тепер не можна його оставлять на дворі. А тоді можна, і ми на дворі спали. А того шо на дворі свіже повітря, спати харашо. [*Простилали*], обізатєльно, аякже. Ліжники були такі, із того, із шерсті, овечой шерсті. Такі товсті, хароші, прямо так. Розстелим. Самі ткали. А вівці держали. Овець штук дві-три, шоб для шерсті. А і чулки в'язали з шерсті.

Валентина Вікторівна: Носки.

Євдокія Іванівна: Носки. Вкриваться ткали з шерсті тьопле на зіму.

Валентина Вікторівна: Одіял не було?

Євдокія Іванівна: Не було, да. У людей, хто багато жив, багато було худоби, і овець, і коров. А хто бідніше, той, той менше. [*Корови*] в череду, обізатєльно. Була [*череда на все село*], да. По селу іде чередник, трубить, коров виганяє. [*Чередник був*] любий. Любий, хто хоче. Йому ж платили от коров.

Валентина Вікторівна: Не один же був чередник, і два і три навєрно.

Євдокія Іванівна: Ну, хто наймається в чередники, він же ж не один, а в його може ше й два сина, сімьой. [*Череда верталася*] вечором. І на обід приганяли. Як дні великі, то на обід приганяли. А як коротші дні… То не пригаяли на обід. [*Виганяли*] недалеко. Толока, де паслась скотина. У нас була така річушка маненька. У селі був берег великий, хароший, берег. Верби були хароші. І там була протьочна така річка. Там була, берег такий вроді як скалистий, скала. І родники були, відтіля вода текла. І ото була протьочна така річечка. А тоді уже послєднє врем'я, оце вже при колхозі, там зробили ставок. Зробили дамбу, загородили. І ставок зробили. Купаться. І риба була. [*Малими на річку*] бігали. Бігали. Купались. Річечка була протьочна і вода чиста чиста. Не глибока. Воно вимило так, по пояс. Пускали [*мати*]. Замерзала [*зимою річка*], каталися, і у нас берег дуже ве-

ликий. Як у нас вода розіллється, замерзне, то там льоду багато. На саночках. Подєлаєм із кізяків такі ті, як сядеш. І з горки.

Валентина Вікторівна: Сідла такі, чи шо?

Євдокія Іванівна: Воно те, обіллєш водою, воно замерзне, скользьке, і летить, хто-зна куди. Каталися на саночках. Катались. У нас було кладбище і там і балка така, по складно ще і гора. Ото з гори. Саночками.

[*Кладбище старе було*], було не дуже велике. А тепер канєшно, навєрно уж більше. У нас усі хрести дерев'яні. Камінного нічо не було. Неяких пам'ятників, нічого. Дерев'яний хрест і всьо. [*Там*] був у мене отєц похоронетий. Ну, а більш, більше в нас ніхто. В нас всє у те, тридцять третім году віддтіля пошти всі пороз'їжались. Їх порозкуркулювали всих.

Валентина Вікторівна: Дядя Андрія, да?

Євдокія Іванівна: Ні, дядя Андрія не розкуркулювали. І дєдушка у нас… Дєдушка умер у тридцятом году. А дядя Андрій ішов у те, у Донєцк. А вони були желудком больні, і вони в дорозі вмерли. А тьотка була с дєтками. Тьотка була пухла. Тьотку підобрали. Забрали в больницю. Ну, отходили її. А дєток забрали в дєтский дом, вона і не знала, куди і шо. Троє. Забрали дєток. І вони були у дєтдомі у Маріуполі. Як воно, тепер іначе називається якось. [*Чому пішки в Донецьк пішов*]? А чого? От голоду. В селі голод був.

Валентина Вікторівна: В селі продрозвьорстку зробили.

Євдокія Іванівна: Їсти нічого було. А в Донєцкому хоча і работать на шахти, работать можна було, работать. Так там же ж і пайок давали харoший людям. Да, отуда він шов [*на роботу*], аж доки у його... Больной, не видержав.

Валентина Вікторівна: І тіф, навєрно, їх скосив уже.

Євдокія Іванівна: Шо хоч [*мати готували*]. Тоді ж не купували хліб, так як тепер, а мама хліб сама пекла. Пиріжків напече. А пиріжки з гарбузом. Та фрукти туди підмішає. І с пасльоном. Ми мішок пасльону насушували. Мама йде до церкви, а нам дасть відро. "Оце, – каже, – поки я прийду, шоб ви відро нарвали. Пасльону". Ми в городі, в самом кінці городу оставляли велику шматку. Кусти пасльону. І, ми його й бистро й наривали. Пока мама прийде з церкви, ми нарвем відро пасльону [запис перервано]… І туди ставили цей пасльон, і він там харашо засихав. Харашо засихав. А тоді засушували тоже, на сонці. І ото мішок насушать… А сушили: і яблука сушили, і сливу, і вишню сушили, і грушу сушили. В нас садок був. Були яблучка хароші, була й семеренка. Батьки вже садили. А я даже не знаю, де, де вони їх брали [*саджениці*]. У Токмак їздили, на базарі купляли. У Токмак. З Очеретуватої у Токмак ми їздили через тиждень, і поїхали, і, шо нада куплять, шо нада набрать, так це ж де? В Токмаці.

А тут були і ярмарки, і магазіни, і базарь же всігда був. Нас не брали. Мама й сама їздила, і з батьком їздила. І батько сам купе, шо нужно.

[*Гостинців привозили*], канєшно. Привезуть раків. В нас було того багато, шпорички, як тепер називають...

Валентина Вікторівна: Смародіна.

Євдокія Іванівна: Смородіна. То була така жовта. Жовта. Ото кажуть: "Нарви, оцю миску смородіни, я продам і куплю раків". Так хоч-нехоч нарвеш, раків то хочеться. І канхвети привозили. Пряники раньше разні були, привозили. Такі, помню, розкрашені, красиві пряники. Ну, [*просили*] якогось гостинця: "Ма, ти ж купиш".

Валентина Вікторівна: Ждали.

Євдокія Іванівна: "Оце зробіть, оце зробіть, то це зробіть, привезу, не зробите – хоч і привезу, не дам". І робили, все, робили. Бо хотіли гостинців. І пополоть [*загадували*], садки здорові, і полоть, і поволочить. І у дворі, і вистругать, і тоже й повиривать, і...

[*Колодязь*] у дворі у нас був. Навєрно ж батько копав. Ну, я, як більша була, то він вже був. А коли він копався, хто його знає. Обложений [*був колодязь*]. [*Колодязі були*] пошти можна сказать, шо в усіх. Тіки вода не однакова була. У кого така шо годилася і варить, і пить. В нас була хароша. А от у сусідів у наших не годилася пить. Вони пить брали у нас. Ну, вона терпка, гірка [*вода була*]. Вони до нас ходили. [*Ми*] нічого не поливали у городі. Ні, це тіки у садку цвіти. Посадим, та поливали. [*Садовили той*], шо тепер називають георгіни. Ми садили їх багато. "Картоплянка". А були красні, були розові. Були такі бордові. А де їх брали, я не знаю, їх розвели, вони в нас були. Ми їх на зиму викопували, ховали в погріб. А весной садили. Були, оце шо тепер астри. І раньше була. Чорнобривці були. Гвоздики, ото шо жовті такі великі були. [*І в хаті були*], і на вікнах стояли. У нас була, у нас був цвіток такий красивий, здоровий, і красивий, такий красивий. "Анютини глазки" мама називала. Дуже красиві були цвіточки на йому. Оце в хаті було. Це на вікні стояло. Та прийшла бабушка Бебещиха. Та як порадувалася, шо такий дуже красивий, він і пропав. І с тих пор, мама каже: "І ніколи бабушкі нічого не кажіть". Бабушка була глазлива. [*Квітами займалася*] мама. Мама й сестра старша була. Бо ці перчики, шо оце січас, шо в нас був, в нас було тоже. Розовим таким цвів. Калачики. Раньше вони були, і тепер вони є. А тоді горшки були красиві, полив'яні, тепер таких і нема. Специально під цвіти. Вони і робилися для цвітів, бо у дні дірочка. Да, не такой форми і у дні дірочка. В Токмак [*за ними їздили*].

[*В хаті ще*] ікони були. Рушники вішали. Оце ж вишивали. І вішали. Ну, і картини тоже були раньше разні. Поїдуть на базарь у Токмак і куплять. А ікони тоже купляли. Батьки купляли. І тоже на базарь же їздили. Тут же видно, хтось-то робив їх. На вікнах шо у нас... Ні, тоді гардін не було. Рушники. Зверху, то, порозпинають, кругом вишите. [*Рушники*] білі. Так вони іначе не можуть, тіки білі…

Валентина Вікторівна: Ви ж все-таки грубу затопили курайом.

Євдокія Іванівна: Ну. У велику ж хату ми не пускали.

Валентина Вікторівна: Це ви в передній хаті топили?

Євдокія Іванівна: Да, да. А в передній шо, рушники вішали чи шо? Нічого. І цвітів у передній хаті не було. У нас було вікно, піч, піл. Ну, там лавочка була, стол, табуретки були, шоб сідать же ж. [*У великій кімнаті*] там було, а там було, була лава така. Красива. У нас батько сам робив. Бухвет був, зроблений красиво. Нижня часть і верхня часть була откривалася для посуди. Ну, а такого нема, не було, як тепер. Були [*кроваті*]. Ну, кроваті, у нас був не кровать, а піл. З досок. Де ми спали. І спали, і гуляли там. Зроблено і положено доски, харашо, плотно. А тоді застелено кодрею. І пожалуста, то ми й спали, і гуляли. І на пічі спали. [*Старші окремо*], конєшно. У нас була й спальня і в спальні дерев'яна кровать була. Там спали хлопці. Мама спала у передній. Оце на цім полу спала мама. Спали й ми там, з нею. Ше нас двоє спало. Ну, в нас не було таких свободних кроватів. В спальні була кровать. Там хлопці спали. Брати. Старші. Старші такі.

Валентина Вікторівна: Де батько спав?

Євдокія Іванівна: Ну, навєрно ж, в кроваті. В великій хаті ше в нас була кровать. Там він же, навєрно, спали. У великій хаті був стол. І у передній хаті, де ми находились, тоже був стол. Ну, у залі красивіший, конєшно, ж був. А тут такий. Хужий. Накритий скатєртю. Було отак: стол, а тоді в уцім углу ікони висіли, рушники на іконах. Лампадка висіла. Як перед празником перед яким, світили лампадку ми на горі. [*Мама*] світила. Заходить туди можна було всігда. Ну, тоді, як гості, та може кому день рождєння, тоді вже там. Там сиділи. А так...

[*Кімнат*] у нас три було. Спальня, передня, і зала. [*Хата була*] не велика. Калідор був. Величенький калідор. С карідора... в нас сарай був великий. С карідора в сарай. [*Хату*] батько строїв. А дід всих синів своїх поодділяв. З дідом жив тіки один дядько. Самий менший тіки жив з дідом. Я тіки знаю, як це, дядько Євдоким строїв хату, оце я знаю. По-сусідськи тоже. Та мені було, може годів восім. Строїли з саману. Як і тепер строять хату. Ну, саман. Саман. [*Накрито*] черепицею. Оце отакою. [*Білили*] обізатєльно. Аякже. Хати білі були.

Євдокія Іванівна: Доливки мазали. Ну, полів не було. У багатих то може, і було. А в бідних...

[*Батько*] за літо, навєрно, [*построївся*]. Бо саман уже був в їх наароблений. Мама білила [*хату*]. [*Діти*] помагали. Я спризбу помажу. Ну, у хти така спризбочка.

Валентина Вікторівна: Із глини навєрно ж?

Євдокія Іванівна: Да. Да. Глиною [*мазали*]. А білила тоже глиною. А тоді возили по селі [*глину*].

Валентина Вікторівна: Возили цигани.

Євдокія Іванівна: Возили по селу. Бричка їде і: "Кому глини, кому глини, кому глини!" – кричить. Виносиш яїчки, і він дає глини. А відкільсь привозили, може вони токмачани, откуда я знаю.

Валентина Вікторівна: Ось у нас недавно возили: "Глина, глина, кому глина". Кажу мамі, довоєнний період.

Євдокія Іванівна: Ну, посуда у нас свої магазини були. І можна було посуду купить, і… А вони ж ці, шо торгують у магазінах вони ж відкілясь їх привозять, навєрно із Токмаку беруть, тут навєрно все? І везуть у свій магазін, а тоді продають. Ну, у нас був магазин Савченко його фамілія. Сам [*торгував*]. [*Жінка*] торгувала ж, наверно, і діти, сини, дочки. [*Ми до нього в магазин*] ходили. [*Там*] все було. Все шо нужно. Чай, кофе, сахар. Ну все, шо нужно, все було. Як і тепер. [*Більше купляли*] чай. Чай купимо, так він у нас тільки для гостей. А то ми самі зерна – пшениця, ячмінь, жито. Пережарили на сковороді, помололи на кофемолку. У нас була кофемолка. Оце припс, так ми його пили. Кажне утро.

[*Снідали*]? Картошечки дрібненької одварять, перечистимо, на сковороду. Піч була у хаті велика, у печі топлять. Перечистила картошечку, сала порізали на сковороду і в піч. Вона зарум'яниться. Хороша. Припс нагріють, шнетків спечуть. А це таке учинять небагато, корж розкачають, порізали. Клиночками попечуть. Ну, і зараз таке робимо. Вони такі укусні. Як хліба другой раз немає. На сковороді жарять.

Утром снідали рано, ще в школу не йдуть. Поснідали і пішли в школу. [*Мати*] обязательно будила. У нас часи були. Були ходики. На стіні. В Токмаці купляли батько. [*У школу*] на восємь часов, по-моєму. У мене два брати ходили в школу. Ну, а я ще тоді не ходила в школу.

[*В школу*] і одіваться, і обуваться купляли в Токмаці. [*Книжки*]? Була як зразу помню, "Родное слово", книга була. Було хлопці учать стіхотворения, а я ж була маненька. Поки вони вивчать, і я вивчу. Такі були стіхотворения хороші.

"Посмотрю, пойду, полюбуюся,
Шо послав Господь за труды людям.
Выше пояса рожь зернистая
Дремлет колосом почти до земли.
Словно глас во все сторони,
Божу дню улибается,
Золотой волной разбегается".
Ой, хорошие стихотворения были.

Я ж уже училася при совєтській власті (з тринадцятого году). [*Книжки*] в школі, наверно, купляли. Школа привозила. Ну, якщо надо купляли і для старших, і для менших. Була торба через плече. Спеціально шили. Торба була. Зошити, чорнильниця, аякже.Чорнильниці були. Порошок такий купляли і робили чорнила. Батьки робили. [*Їсти в школу*], шо там бу-

ло, кусочок хліба візьмеш… В мене там не було, [*в школі*], в мене дома друзя були, по-сусідству.

Був старий учитель. От забула, як його фамілія. Все нас учив співать. І видно сам придумав, бо ніколи не забуду, шо:

"Я ходив на базар,
Купував сахарь там".

Це така пісня була. [*Музики не було*] ніякої. Він же ж нами руководив. [*Додому приходили*] послє обіду вже.

Валентина Вікторівна: Ну, навєрно, часов у четире, в п'ять.

Євдокія Іванівна: Усі вмісті [*обідать сідали*]. [*Мати ждали*] поки прийдуть. Аякже. Всі за стол сідали. Разом. Тарілок не було, миски. Із одной миски їли. [*Стіл накривала*] мама, канєшно. [*Помогать нікому було*], в нас не було дівчат. Одна в мене сестра, вона не дуже дома жила. Вона служила. Вечеряли вже при лампі. Ну, на вечерю так: "Хлопці, зніміть сала з горіща". Гарбуз у калідорі на полиці. Печений. Гарбуз. А іногда і суп варили. А суп варили з картошки. Це була юшка з картошки. А єслі не юшка, то куліш. Засипався трошки пшоном. Картошка й пшоно. Це був куліш. [*А на празники*]? Як на Рожество, то і пряники. А як на Паску, то пекли паски. А на Новий год я і не помню, чи він у нас був, той Новий год. Масляниця була. Це ж після посту мясниці, а після мясниць – масляниця. [*На мясницю*] можна кушать скоромне все. М'ясо, яїчки. Молоко. Сметану. А і піст цього – нельзя було їсти. А зразу послє того, зразу мясниця. Послє Рожества. А тоді після мясниці пост, нє… Ше, після, те, після мясниць масляниця, а тоді пост. А пост разно буває. І п'ять неділь. І три неділі. І сім неділь.

Валентина Вікторівна: На Паску.

Євдокія Іванівна: Да. До Паски, яке число Паска. [*Пости держали*] обізатєльно, аякже. На пости це все постне. З постним маслом готовили все. Риба. Тоже ж. Бери, мама нав'яже вузлик яїчок: "Іди в магазин, купи риби". Яїчки здам. А риби куплю. Риба й сольона була, разна. Не тіки свіжа. [*На Паску*] пиріжки разні пекли. Дні народження [*не справляли*], ні. [*Найбільші празники*] це Рожество й Паска. Це самі більші празники. [*І дарили нам*], аякже, набирали. Тому на платтячко, тому ботінки, тому жикет якийсь. [*Мені*] на плаття наберуть, чи то ботіночки куплять.

[*На Рожество*] вечерю носили родствєннікам, канєшно. Дідові. До діда, до дядька. До батька крьосного, до матері крьосної. До дядьків, було два дядьки. Два брати. До їх носили. А зразу йшли до крьосних... Самим послілнє те, самим посліднім ішли до діда. А в діда, це ж був дядя Андрій. Тьотки Соньки чоловік. Так він нам ше ж і по рюмочкі наллє. Обізатєльно. Вина. Харошого. А я уже не знаю, чи він купляв, чи воно його було. Тоді, раньше самі його не робили. Навєрно ж купляв.

[*На Вечерю несли*] – хлібинка, пряники, канхвети. Кутя. А кутя із етого, із рису і із перловки.

Валентина Вікторівна: І мед, да?

Євдокія Іванівна: Помастять медком. Прийшли: "Добрий вечір. Прислала мама, нате вам вечерю". Вони візьмуть вечерю. Попробують. Перемінять. Візьмуть нашу хлібинку, а другу положать. Бо ми ше ж не в одну хату будем іти. За стіл садовлять. Повечеряєм. В нас тіки брат був, старший, той шо нас водив, мене й Мишку, водив, так казав: "Не роз'їдайтесь і не задержуйтесь. Взяли по ложкі – хвате". Він у нас був поводатарем. А як уже підем до діда, він же самий старший, дядя Андрій наллє йому і пару рюмочек. То він і зап'яніє трохи.

Рожествують… Дівчата не рожествують. Рожествують тіки хлопці. [*Наші*] ходили обізатєльно. Співали Божества.

[Співає]:

"Божество хрести твоє Боже наш,

Восияй свет разума, небо звездой служащитя, и звездой...

И тебе видим сонце правды, с высоты востока,

Господи слава тебе".

"Здраствуйте, з празничком, з Рожеством Христовим". [*Вони*] обикновенно одівались, ну, конєшно ж, у чисту одежу, це ж празник.

Валентина Вікторівна: А як уже взрослі ходили? Тоді ж взрослі ходили?

Євдокія Іванівна: Дньом, це взрослі ходили. Колядують. Дньом. Взрослі. Це ж уже ми не ходили. Тіки взрослі. З звєздою. Робили [*самі*], чи з дерева, чи з чого вони. Ну, вона така, як звізда. А тіки ж держачок. Розукрашена. І колядують. Колядують, співають коляди.

Валентина Вікторівна: Вони красиво співають.

Євдокія Іванівна: Да. Ну вони ж взрослі. Да. Їм виносили чи то кусок сала, чи то хлібину. Їх поки вони поколюдують по селі, та в їх повна бричка хліба. І сала і чого хоч. З підводою їде. Да, підвода їде. Чоловік п'ять, шість [*ходили*]. Чоловіки і жінки. [*Празнічно одівалися*], аякже, конєшно.

А дівчата це… Маланку співать. То співають перед Новим годом. Ну, перед Новим годом щедрують, меланкують. І я ходила. Ходила з подружками.

"Щедрівочка щедрувала,

До віконця припадала,

Чи ти, тітко, наварила,

Чи ти, тітко, напекла.

А ти, бабо, не зівай,

Вареничи роздавай".

Вареничи [*нам виносили*]. Ну, в кого шо є. Пряники винесуть. [*Ходили*] вечором. [*Виносили*], обізатєльно.

[*А посівать*] це на Новий год утром. Тоже хлопці [*ходять*]. Дівчата не ходять посівать. А тіки хлопці. Значить так завєдено. [*Наші хлопці*] ходили. Брали просо, ілі пшеницю, жито. Співали, аякже.

"А в полі в полі сам Господь ходив,
Дєва Марія їсти носила.
Їсти носила, Бога просила,
Шоб Бог уродив жито, пшеницю.
Жито-пшеницю, всяку пашницю.
Сєю-вєю, посіваю, з Новим годом поздравляю".

"Здрастуйте, с празничком". Як є гроші, давали гроші. Нема грошей, прянички, канхвети. [*Пускали до хати*] всігда… У мене, напрімер, два брата ходили. І сусід, і там друг. Багато ходило. В кого є хлопці, всі приходили. Якось до нас чоловік шість приходило, посівать. В цьом году на Новий год [запис перервано]…

[*Гості до нас приходили*]. Ну, шо готовили… Наварили їсти. Спекли шось. Вони більше собрались так: побалакать, сємєчкі полускать. Побалакать. А шоб їсти, не дуже вони, не так як оце щас, компанія собирається. Випивок не було. Ніхто не пив. Не було завєдено такого. Коли водку пили. Од тепер хоронять того, мертвяка, і поминають водкою. А раньше етого не було. На поминках ніякої водки ні у кого не було. [*Було*] як? Варять, шо зварять, лапшу, борщ, там, всьо шо... Ну, тіки без водки.

[*Як на поминки звали*]? Ну, на похорон же приходили, значить і поминать оставалися…

[*На Рожество у гості*] вони не ходили, у них це щитався сімейний празник. Своя сім'я…

САНЬКО ГАННА ОПАНАСІВНА, 1913 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

[*Народилася*] село Каї-Кулак, був за Остриковкою, там ниже. Я не знаю, тепер переіменили його та з'єднали з совхоз "Скалістим", і ото. А ото там я родилася.

[*Батьки*] Афанасій Ємелянович Кузьменко – батько, і Агафія Ерделівна – мати. Ну, батько його там і жив же в Каї-Кулаці, а мати в Остриковкі жила. Служила. В неї рано мати вмерла, і вона сирота, і ото, оце я знаю.

[*Хата була*] у батька ж, при батькові, він самий менший, при батькові жив. При дідові вже, він уже ж дід. А він багато служив в армії. Раз служив. Та тоді світіну, а тоді прийшов, і нажив троє нас дітей. Тоді впять

[1] Опитування проводила Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіозапис та створила транскрипт І. Савченко.

война ж, видно, ота впять його забрали, а тоді ще як-то прийшов, та й ще одно нажив, двоє нажив, а тоді як пішов, та як началася, оце, мать, дійствітєльно вайна, та й не вернувся. Так шо мамка більш удова була, а він все воював. Я ж і ото ж при дідові, це в його батька.

Як же дід… Омелько. Омелько. А бабу я й не знаю. Бабу я пошти не помню. То його друга баба була. І я її пошти й не помню. А воно ж тоді дітей багато було, і у баби, так я, не помню я, і не знаю пошти, хто первий умер, чи дід, чи баба, якось так, не знаю.

[*Хата у діда яка*]? Хе-хе [сміється]. Дванадцять сажнів хати, і яка, солом'яна. Очеретяна. Там, ми жили низько, очерету багато було. Очеретяна. Ото ж така і раньше хата була. Правда, біля баби дід считався куркуль. Землі багато було, хотя і пагана якась, круча, тошо. І клуня здорова. А тоді ж раньше раз таке хазяйство, сам кує, кузня була. А хліба ж тож сіяли багатенько, і раньше мода була шо на три года держать, та амбарь був у діда. Ото він такий був куркуль. Правда, і млин був. І ото ж він сам. Робітників не було в його. А сам кругом. Шо нада, сам робе. Шо нада, сам зробе. Ото таке. І жили раньше люди.

[*Дітей було*] багато. Із первою жінкою шось три, три тьотки я помню. Це колись на Покрову храм у нас був. І вони приходили на храм. А цих, от цього, от цього багато. Тітка Гапка, тітка Домаха, тітка Килина, тітка Настя, і тітка Лукія, дядько Трохим, і батько, батько ще й з близнятами, ще й тьотка Васька була, оце стіки їх було, оце з цим дідом. Восьмеро. Ну, я ж як помню, так вони вже всі поженилися. Уже, це ж ми, батько найменший, то ті всі уже повиходили заміж, уже всі поженилися. І дідьки, дядько той одійшов, а батько ж був ото при дідові, бо самий менший. І тьотка, та шо вона вища і ненормальна, це, ето, з дідом жили.

[*Де жив*] батько? Та скрізь, в Остриковкі жили, і..., та скрізь, по всім світі. Не, не в кучі жили. Один дядько тіки жив там же, у Каї-Кулаці. А, а ті всі, дві в Остриковці, а той на Харцизькій, і, та ну по всім світі. Були.

[*Каї-Кулак чого*] – ну я ж не можу сказать, так називали, Каї-Кулак. Ше і чи дражнили Рашевка. Раньше воно скрізь було, видумають ше шось. А тоді то ж став СОЦ. Перві в СОЦ пішли ми. А тоді колгосп став. А тоді то ж, мать, перейшли в совхоз. І це в таке.

І по-вуличному називали [*людей*]. Ну я ж ось тобі кажу, шо, як хто придумає, так і називає, як там. Хтось… Забула вже, як воно там. Шо я це помню те, давнє, ше малою, та й, не згадаю. Це тепер уже я його трохи згадаю.

[*Село було*] невелике. Невелике. Раньше села невеликі були. Ну, оця Остриковка, ця була більше. Тут і церква була, і сільсовєт був, Остриковський. Оце Каї-Кулак Остриковського сільсовєта. Остриковка трохи більша була. А то… малі села. Там, із боку Скілювата, ото була. [*Дворів скільки*] – ну хто й зна... Може й півсотні, чи я знаю… Я ж тоді не щитала. А може й менше. Може й менше… Воно ж так.

[*Люди раніше*] – такі як і зараз. А тільки ж раньше було іначого сорту. Люди були совісні, вірні. Нігде ніхто нічого ніхто не брав, усі одне одому тіки добра желали. І дітвора, як балується, то й сусіда може й за вухо взять, і скрутнуть, і батькові сказать, шо: "Цей неправільно робе". Тепер як подивишся, так страшно, шо робиться із дітьми.

Через річку жили німці. Ми жили під одну сторону, через річку німці жили.

Де і наше було [*село*]. Іде Остриковка, аж до Токмаку. Там був… як… Вже й трохи і забула. Це, общем, там оно було, калонії такі, німецькі. Німці були тоже хароші люди. А руські все служили в їх. Вони багаті були, розумні, такі. З усього шось придумають. І швидше в їх машини стали, їм мать, Америка помагала. І… руські все в їх служили. Це й мамка, так тіки в німців і служила, казала. Ну та шо ж, работали. Работали. І німці не дуже обіжали руських. Не обіжали руських. Канєшно, який противний, то вже ж якісь мєри принімали. Були руські і противні, і зло робили їм. А то ж усе старалися, шоб усе було харашо. Та всяку [*мати*] робили. Куди нада, туди… Полоть їздили. Вони держали ж і землю, і по хазяйству готовили, там свиням, то… Таке все ото. Шо могли, те й робили.

[*Мати про роботу*] нічо не розказувала. Та всі знають, шо німці харашо жили. Вони дружні були. І харашо жили. Я ж кажу, шо, одне одному помагали, і не дурили, а все вірно жили. І хотілося руські шоб так жили, ну а руські більш були шальонні, деякі. Дивися, шо ще й накоять їм.

[*Земля у діда*] була, ну не багато. Небагато, бо не було ж кому робить. Там, це я як помню, так, ну тут двоюрідний брат один жив, у нас, і більше не було нікого. Робочих не було. І землі, землі небагато. Дядько тоже жив. Казали, гектарів п'ять було землі, чи, чи шо. А то занімався пчоловодством, садоводством. Общем, той багатий, який умів робить. І хотів. Так воно й давно, й давно. А дід ото, де ж йому оту землю держать, як у його гадюшників багато, тож і млини. І все треба самому зробить, як шо поламалося, скувать, і, землі небагато було.

[*Земля була*] у полі. У полі. Тут було і багато, де ми жили, шось, тоже чи гектар, чи більше, так якась круча була. Я знаю, шо я ото корови на кручу пасла. А тоді річка велика, даже дві у кучі. А на річці ріс очерет. І ото ше й той очерет багато помагав, його косили, і ото ж ним і скотину молодим годували. Він такий, аж солодкий. І укривали дома. Як уже досціне, так ото дома укривали, очеретом. Так ото й дід видно ж, продавав і очерет, і… І дві річки було. Як оце розіллється води, так хто й зна стіки, а висохне, так там ото сінокос. І очерет, і трава. І мамка, бідна, господи, робила. Ото ж тягала з тим сіном, тут тіки викосять, а тут диви, на доцщ, тягнуть його під кручу, шоб посохло. Раньше люди тоже робили, страшно.

[*Про річки*] – ну, це вже я не скажу. Ну, так, називали Каї-Кулацька, річка, як напротів нас, або Остриковська річка, отак називали. Риби було тоді багато. Ловили все. І волоками, і всим.

Волок? Та, плететься таке, гузирь, і дві маваки, і один держить, і ото тягнуть, і ото повен гузирь риби наловиться. А один підгоне напротів, та й, як та вже ж неділя, так, соберуться, сосіди, два-три, і поналовлюють відра три-чотири риби. Ну, дуже великої не було, а така, красноперка, бубирі, раків багато було. Все по причині, як воно.

[*Рибу ловить*] – та в нас не було кому. Мамкі ніколи. Ми вже, в мене старша сестра була, на два годи старша. Ми вже ловили. А так не було кому ловить. Татка ж пошти не було ніколи. Так, не ловили багато.

[*В городі*] – та такого нічого важного. Оце понад водою капусту. То все бігали поливали капусту, та там, таке, та таке, городину. А такого багато не садили. Там не було. Бо у нас, я ж тобі кажу, круча була, більше ото, скотина пасеться.

[*Мати*] раньше солили. Раньше не у бутилях, а у бочках. У бочках солили і огірки. І капусту, на зіму готовили, бо город же далеко, а їхать трудно. Раньше ж не було ні асфальтів, а грязюка – страшна. Брички, було совсім, залазять. Це вже при совєтській власті уже стали оце асфальти, то шо. А раньше ж усе таке, й нада, і на зіму шоб усе своє було. І муки намелять, і крупи разної нароблять, із базарю не харчувалися, тіки дома. Нє.

[*Мололи*] на своєму. Більш на своєму, сірий хліб їли. Признавали, шо, це, на празднік, везуть, там була, мельниця так, шо, білий ото, а то – сірий, сірий хліб і він такий був пахущий, такий був укусний.

[*До діда молоть*], аякже, приїжали. Приїжали. Дід бере там розмір якийсь, і молов людям. Як свободний. Не всігда, бо і дома робить нада, і дід тоже перегружений був. А помошників мало було.

[*Не наймали нікого*], ну, видно, чи ні за шо, чи, ну, не наймали. Не держали, так як оце так, калонії, і або шо. Ні. Сам собі. Хто чим занімався.

[*Мати й баба вдома були*]. Да, да. Куди ж… Така сімня. А невістки, тоже ж – уже й стали у невісток діти. Баба і своїх корме, і невістчиних груддю. Усяк було. А вони на степ же ж поїдуть, невістки, чи полоть, чи шо.

[*Старші*] – ну, дід та баба. Це як закон. Дід та баба, їм підчинялися всі. Слухалися. Раньше ж слухняні люди були. Слухалися, аякже. [*Казав*], шо нада. Шо нада, те й казав. Як не було нікому в млин їхать, мамка ж їде, набирають мішки, і везуть із ним, і туди, в другу мельницю, і в цю ж треба привезти, само ж не ходе, все треба робить. Де не єсть, усе нада пересадить його на, на друге место.

Роботу роздавав хто? Баба. Баба, це було, невістки, як були, ше, так, сьогодня одна невістка готове їсти, а завтра друга. Ну, то ж так. Баба ж і загадує, шо готовить. Або гуртом, скажуть, шо сьогодня наварить. Це.. таке.

[*Готовили*] борщ більш. Узвар. Садочок був так, раньше ж не закручували, а сушили усе. Узвар хороший варять. А тоді, шо: галушки, затірку, локшу, це все самі робили. Тепер же воно бачиш, продається, а тоді ж це

все самі робили. Свині ж держали, корови держали. І тоже, доїли ж, невістки, і масла того було хто-зна стіки, і сметани, і всьо воно ж не продавалося, їли тіки.

[*Не продавали, бо*], видно, ніхто не купляв, та й далеко ж везти. І ніхто й не купляв. Євреї там жили, у городі, так. Вони своїм занімалися. Там, канхвети робили, та там ше шо.

[*Готували*] на Паску яїчки. Ковбаса. Сало. А на Рожество ж тоже шось придумають. Я, даже, Рожество – ж це вечерю носили, так я після вечері так любила. Це мамка наварять на первий день капусти, і локші. Локша, ріжуть курку харошу, її обварять, і ото локшу зварять, і вона така вкусна. Хе-хе [сміється].

Капусту як варили? Варять, я й тепер люблю, і ми з Олею вже варили, ну, хлопці не дуже їдять, а ми з Олею їмо. Капусту кислу, шаткують її, так, шоб, порізать мєлко. А тоді ото то капусту кладуть, картошка, штук п'ять-шість-сім, цілої, укинуть, і ото, а тоді заправлять, і ото тобі й капуста. [*Заправляють*] помідорами, так як борщ. Помідори, і так же засмажуть, тім смальцем, цибульки прежарять, і така ото капуста. Ага, ще й пшонця трошки. Ще й пшонця там трошки. І ото, і хароша й капуста. І раньше ж плитки не було, а у пічі варили, і воно якесь таке, ну, дуже уварене, таке, вкусне. А, ну, малий, все, все було добре, тепер усе шо, не по, не [запис перервано]…

[*Для дітей*] пекли, аякже ж. Бублики пекли для дітей. І тоді були празники, і які празники, там воно сказано, шо, чи прянички якісь, чи шо. Цвибики робили. Цвибики більш німці, і ото навчилися й наші. Цвибик: молоко і масло, на літру молока, кажеця, чотириста грам масла, і вчиняють, і воно вчиняне. І тоді ото харашо висходиться, і таке м'яке місять, а тоді видавлюють, одну видавлять, положать, а другу меншу, й наверх. Ото такі цвибечки. Воно як спечуться, так такі ж рум'яні, це до кохфей, до чаю. [*Пекли*] в пічі. А тоді вже стали груби. У грубі. [*Цвибики*] руками, руками видавлювали. [*Такі*] круглі, круглі.

Чай пили. І самі жарили [*каву*]. І тоді уже і купляли. І яшний, і всякий. А тоді вже як стали із німцями більше, німці, ті самі все робили. І оце шо дорогі кофе продаються. Вони самі жарили. Варили жито у молоці, а тоді сушили, а тоді жарили і масла туди трохи. І воно таке ж пахуще. І вже як помелять, так таке ж пахуще, та таке напитне. І ото з цвибиками. Це я уже, уже взросла була, уже мабуть, і совєтська власть началась, так, німці робили оце цвибики, і у дєтсадіку. Уже був і дєтсадік, і я робила ото у яслах, в мене ж свої діти були, так у яслах робила.

[*Діти малі*] не бігали нікуди. Дома, із бабою, та й з дідом. [*На вулицю*] та як же, вискочиш – і на вулицю. Цигани приїжали часто. У нас така якась вулиця була шо, закапелок порожній. Так до нас цигани все стояли. Так ото вже як шо так, вискочимо на свою загорожу і дивимось на циганів. А цигани ж ото по селах ходять. Рогачі, вилка, кують і продають.

[*І наші купляли*], аякже. Тоді ж у їх не купляли, а міняли. За сіно, они ж коні держать. За сіно, за хліб, за шо промінять. Наші с удовольствієм, це ж треба десь їхать у город, за гроші куплять, а грошей у селі мало було. Лучє за таке шось вимінять, за хліб, за… таке ж усігда єсть. [*Цигани*] відкіль… Я знаю... Вони ж по всьому світі їздять. У їх свій закон, і, своя власть, і їм розрішалося тоді, і їздили, де й хотіли. І в город, і. А де вони там зімують, чи десь, я ж не знаю.

СЕРДЮК ІВАН МИХАЙЛОВИЧ, 1918 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Отец Михаил, мать Анна. Отец с тысяча восемсот девяностого года был, мать с девяносто первого. [*Они*] местные. Бабушку помню. А дедушка молодой умер. [*Бабушка*] по маминой, в двадцать первом году умерла. А отца мать в сорок четвертом году умерла. [*Звать было*] Анна Степановна мать, а отцова мать Ольга Артемовна. Тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года рождения. [*Она*] токмакская.

[*Дедушка*], он у девятом году умер, не помню.

[*Дедушка*] по маминой? Степан. Она Степановна была.

[*Родители*], ну чем занимались… Занимались сельским хозяйством.

В Токмаке все время жил, по улице Володарского. Теперь там уже никого нет.

[*У родителей*], ну, какое хозяйство... Бедные родители были. Корову одну держали, три гектара земли имели. Сдавали по найму. Понимаешь, сдадуть, привезут им хлеба пять центнеров или сколько и этим жили.

А не было земли. Тогда на женщин вообще не давали землю до революции, понимаете. А отец женился, мать отделила, три десятины земли было и все. Бедные, всю жизнь по квартирам ходили.

[*Своего дома у них*] не было, да. Но потом в тридцатом году есть такое село Садовое, пять километров за Токмаком. Узял отец там план и строились. В тридцатом году. Построили, значит, свой дом и жили. Бедно жили, обыкновенная хата была. Даже полов не было. [*Тогда*], не, коллективизации не было. В двадцать седьмом году…

[*В Садовое переехал*] в тридцатом. Получил план у двадцать седьмом, понимаешь ли. Семья большая была. Жили плохо. Восемь детей было. Я средний. Старший был с двенадцатого года, тоже в тридцатом году погиб. [*Звали братьев*] Николай, Сергей. Потом я, потом Аня была, потом Миша. Федя. Потом Гриша.

[1] Опитування проводили І. Савченко та Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко.

[*У родителей хозяйства*] не было. Тогда не было. Кур держали. Корову держали, поросенка держали. Отец каменщик был, кому-то грубу построит, заработает сколько там на питание. [*Мама занималась*], а мама ничем, домохозяйка была, как восемь детей. Сейчас с работой как, хорошо? Отак и тогда было. Негде работать. Завод был здесь, он тогда был не такой большой. Но хороший. Некоторые люди работали.

[*На заводе зарабатывали*] хорошо, не очень. Но жить можно было. [*Отец на заводе*] немного работал, а потом семья большая, не устраивало. Так он частно зарабатывал. В общем, детство прошло у трудностях.

Квартиру снимали на год, на два. Бывает кто-то уезжает или што... На долгое время, дом брали на год, на два с огородом. И все время по Токмаку. Возле Пушкинской школы жили, все время там почти жили. Там матери родители жили, дедушка работал у школе. Кем он там был, я уже не помню, понимаешь ли. А потом я подрос, пошел у ФЗУ. ФЗУ было там, где сейчас пищекомбинат. Там был и токарный. И литейный участок, и кузнечный. Всяких профессий выпускали учеников. Я, значит, в тридцать третьем поступил у ФЗУ, в тридцать четвертом закончил. Направили в завод и так шесть лет до армии проработал в заводе. А в армию, значит, в тридцать девятом году призвали. Сначала призвали в тридцать восьмом, потом с военкомата вернули сто семсят человек высоких профессий, завод был военный. Писали министру обороны и приказ был высоких разрядов освободить. И освободили до особого. А потом смотрю – возраст-то идет. Наживешь семью, что делать? Значит, пошел я в военкомат и попросил, чтоб меня забрали в армию. А брат мой служил в военкомате. В армию его не забрали, но служил в военкомате. Военкомы все знакомые. Попросил – призыв, на руку мне повестку дайте. Чтоб с завода не было препятствий. Когда звонит военком, что приди, в армию возьмем. И это я пошел, на расчет подал, расчитался и в тридцать девятом году в августе забрали меня в армию. Служил на Дальнем Востоке. Месяц поездом ехали. Движение такое было. Пришлось пять лет служить. То што кадровая кончилась, домой осенью. А тут война. Так что я не пришел домой и под конец остался без ноги. В общем, пережить страшное дело было. Потом пришел, думаю поступлю на завод. Ходил, ходил, никуда меня не берут. Нет мест. А тут была депутат, Макаренко. До войны в одном цехе работали. Я говорю, что мне делать? Ну, пошли в отдел кадров. А там был начальником подполковник. Вредный характером дядька. Ну и потом, в конце концов, говорит: “Учеником устрою”. А я говорю, у меня седьмой разряд, специальность была, как же учеником? Но деваться некуда было, я согласился. Потом пошел на завод, меня прикрепили к девчонке, лет семнадцать была. Учеником, деваться некуда. А потом вечером я пошел к начальнику цеха… Илья Борисович, хороший такой был дядько: “Вспомните, я на этом заводе вырос. И от мне даже стыдно, девчонка, она сама ничего не знает. А я учеником. Даже стыдно”. Он позвал мастера и говорит: “С завтрашнего дня все, чтоб

инструмент ему, какой надо и пусть работает". Значит, я первый месяц заработал семьсот рублей. Тогда деньги хорошие были. Да ученических триста рублей. Тыщу рублей. Ну, и так я проработал, потом нашел место по специальности. Точмед был такой, весь вычислительный инструмент завода. Ватченко был такой. Может, слышали? Я пошел, Евгений Васильевич, вам требуется человек? Я приду. Он раз заявление написал, я пошел к начальнику двенадцатого цеха Козлову. Такой, Илья Борисович. Слушайте, я нашел работу по специальности. Слесарь-лекальщик, понимаешь ли. Тот ни в какую не хочет отпускать. Работай. Не буду я. Он помахал головой: "Ну ладно, не возражаю". И вот это я перешел, двадцать пять лет отработал по специальности. А ходить без ноги – представляете? Автобусов в Токмаке не ходило ничего. Два километра каждый день пешком. Я двадцать пять лет проработал, пока на пенсию не пошел. В общем, жизнь далась очень трудная. Ну, а потом женился. Нашел женщину. У нее муж погиб. Судьба свела. Хорошая женщина. Прожили пятьдесят шесть лет вдвоем, представляешь? В восемьдесят пятом году она умерла, а я остался домучиваться. Сам, никого нет. Спасибо, невестка приходит. Внуки есть.

[*Дедушка с бабушкой*], ну тоже жили, имели свои пять десятин земли. Сельским хозяйством. Сельские работники. [*Жили*] в Токмаке. [*Родители*] отца. [*Жили*] по Володарской. Ну, какое хозяйство? Сначала одна лошадь, а потом приобрели пару лошадей. И все... В общем, бедные и дедушка с бабушкой, и мои родители. С бедственной семьи. [*Прабабушка и прадедушка*] токмакские, токмакские. Не, бабушка была з Михайловки. Це мать материна. А вообще, токмакские были.

[*Главой семьи был*], ну, отец, как обычно. [*Мама*] Ну, как семейное дело. Но я не могу точно знать.

[*Мы жили от бабушки с дедушкой*] отдельно. Тоже у бабушки пять детей было. Отец был самый старший. От женился и отделили его. По квартирам ходил, аж покы в тридцатом году построились. Видишь, бабушка еще была своя семья. Четыре брата, две сестры. Негде было уместиться.

[*Отцу родители*] шо они дадут, когда у них самих ничего не было? Никто не давал.

[*У матери приданное*] Ну как, раньше был порядок – давали сундук и там тряпья некоторого для начала. Сундук. Раньше булы кожушанки... Раньше булы суконные и овечьи кожушанки. А тут как талия, а тут сборка. Не знаю, как она называлась. Была одежа такая, приданое. Платки, суконные, здоровые. В общем, для первоначала жизни было.

[*Родители мамы были*] зажиточные, лучше. Потому что отец пил, рас пил – какое добро? Как сейчас. [*Пьющих*] все осуждали, когда кто ведет неправильно. [*Бабушка*] ругала, а что помогало? Сейчас, если кто пьет, до развода доходит.

[*К дедушке с бабушкой в гости*] обязательно приходили. Отношение человеческое было в семье. По праздникам це само собою. А так просто приходили. По семейным вопросам договариваться. Ну, прийдуть, розсуждають, как жить дальше. [*К маминым ходили*] обязательно. [*Детей брали*] обязательно.

Значить, мамина мама в двадцать первом году умерла, мне мало было. А ця бабушка – больше общался. Жила она временами у нас, у своего брата.

[*Бабушка с дедушкой*], вы знаете, насчет подарков тогда не заведено было, це тэпэр не с чем было подарить. Материальная бедность. [*На Рождество*] вечерю носили, тогда порядок был. Подарки давали. Ну, бабушка. Вечерю принесешь, от она или подарок, или рубашку. Материю на брюки, понимаете. [*На день рождения дарили*] плохо, бедность была. Нечем было. Це знаете, теперь совсем другая жизнь, а тогда не было такого.

[*Крестные были*] обязательно. [*На Рождество к ним ходили*] обязательно, це ж тогда вечерю носить. [*Что*] дарили... Материю или готовую рубашку, брюки. Кто крестная была? Тоже рановато умерла. Крестный был, умер в пятьдесят третьем или пятом. Пожилой уже был. [*Крестный*] Павел. [*Крестная*] Варвара. [*Родителей*] обязательно, друзья. И все в Токмаке жили и даже по улице Красноармейской. [*В гости*] приходили. Обязательно приносили какой-то подарок. Ну, приносили конфеты. Пряники. Одежу нияку не приносили. Садились за стол и родители и дети. За одним столом.

[*В семье детям работа*] распределялась. Если чуть постарше, корову пас. Передавалось по наследству – кто подрос, значит, подменяет. [*Сестры*] у доме порядок наводили. Я? Ну, чем я мог заниматься у детстве? Матери помогал. Ну что в доме делать? Куда пошлет. В магазин другой раз шел. Сестра у меня жива. Тоже никуда не годиться.

[*Отцу*] кто помогал? Дети. Ну что дома поможешь. Если хозяйства такого нет?

[*Детьми*] ну, игрались. Соседские дети приходили. [*Играли*] в мяча. Некоторые в шашки, тогда было так заведено. Какие игры тогда были? [*Игрушки покупали*] плохо. Не за что. Игрушки были дорогие. Возможностей не было. Понимаете. [*Игрушки*] что делали? То свистки из вербы. Та сами, конечно. [*Родители игрушек*] не делали. [*Играли с детьми*] с соседскими. Смотря когда, создаться положение. [*У соседей детей*] у одних много, у других четверо. Но они постарше были. [*У них и игрушки*] тоже плохо.

Соседи? Ну, также имели немного земли. Управлялись. Спрягались назывались. Сосед с соседом. У кого по одной лошади, спрягались. Убирали вместе.

Соседи? Одни соседи скандальные были, а другие как душа в душу.

[*Скандальные*]? Трудно объяснить. И с собой не мирились, и с окружающими. Нехорошо вели себя, понимаешь ли. Одни душа в душу, хорошие люди были. Дед работал на маслобойке, здесь в Токмаке. Было принесет зерен с работы. Гостинца, понимаете ли. Да, детство, похвалиться нечем прошло.

[*По улице*] да большинство женщины дружили. Мать, соседка была. Добрэ уважали друг друга всегда. Никогда, никогда не было у них стычки. Понимаете ли? [*В гости*] приходили обязательно. Ну, как что делали? Беседовали обо всем. Если праздник был, то может по рюмочке выпивали. Но это редко было. [*Мама*] какой стол накрывала? Пекла что-нибудь вкусное, готовили картошку. Та страв много наставляли как обычно. [*В обычные дни*] суп, борщ, картошку. Ну что приготовишь дома? Сама пекла хлеб. Хлеб пекла, она умела печь хлеб. Еще в детстве помню, соседка бабушка не могла печь хлеб. Прыйдэ – займы хлиба, поки я спечу. Ну мать одриже полбуханки. Чи буханку. А потом как принесет такой хлеб, что нельзя йисты. Понимаешь, не могла. А потом пришла и рассказывает, ну ты, знаешь, спекла хлиб, як пух, як дух. Так вин як дав йий, чуть не вбив хлибыною. Это такое дело, шо не кожному дается. И сейчас не все могут спечь хлеб. [*Для детей*] обязательно пекла. Ну, как обычно. Пирожки и печенье. [*Пирожки*] по-разному. И с фруктою. Если лето настает. То и с первою фруктою. А если зимою. То значить…

[*В церковь*] отец не ходил, мать верующая была. [*Отец*], ну просто неприученный был. [*Его родители в церковь*] ходили.

[*Детьми на речку бегали*] обязательно. Ну, куда раньше побежишь? У город. Необычно, там дети были, ну, грубые такие. Вот не было компании с ними. А по своей улице дружили. [*Дети в городе были*] хулиганистые такие, понимаешь ли. Они жили лучше и больше неприятностей было.

[*Тогда был*] шо Токмак… Фактически, не было красивого. Та Вы знаете, лет в пятнадцать изменилось. А то в центре, где милиция как раз – ряд магазинов было. [*В магазины*] заходили. И с родителями, и сами. Ну, а што мы там могли купить? Когда бедность. Конфеты “Монпансье”.

Летний сад? Это где теперь больница. И там и кино было, понимаешь, и все. Там до тридцать четвертого года. Што я, бывало, с ФЗУ выйду, туда. Там и оркестр играет. Возвышение такое было. [*В детстве туда*] обязательно. Ну а зачем? Какое-то удовольствие получить…

[запис перервано]

…То шо мы жили [запис перервано] Токмака. Так што тут не было, ни евреев, никого, потому што в центре жили.

[*Цыгане*] приезжают! Приезжают цыгане, это вообще, их не уважали. Они обдуривали, обманывали людей. Понимаешь. Так шо то национальность, так сказать, особого рода. [*Во двор цыгане*] приходили. А шо они, шо они делали. Шо-то у родителей выпрашивали, понимаете? [*Боялись*]? Сказать, шо на прямую, так бы, шо страха, не было. А вообще, обминали.

[*По улицам*] тода нищих было много, ходили много. Це тэпэр нема. А раньше было много нищих. [*Подавали*]? Ну, когда прийдет человек и просит что-то, обизательно дадут что-то. Ну, шо давали. Шо дома готового, то и давали. Там или пряник, или булочка, чи шо там, или яичко, шо вродыть. По возможности. [*С родителями про нищих*] не, такого разговора не было, где они брались. [*Нищие*] не, зачем те же самые, зачем, не… Каждый раз по-разному приходили.

[*На улице*] прозвища? Обизательно были. [*Прозвища*] тогда у всех были.

[*Родители друзей называли*] по имени. [*Соседей*] тоже по имени. [*К отцу, к матери*] тоже по имени.

[*На "Вы" или на "ты"*]… Смотря в каком возрасте. Если постарше, на Вы. А если в ровне, так, значить, по имени. А если по старше, на "Вы" называли.

[*Чумаки в Токмак*], а что, большинство, це чумаки на волах издылы. Хлеб возили. Значит, у кого были излишки, возили, це, чумаки. В Бердянск, и в другие портовые города. Кто покупал там. [*Они из Токмака*], отсуда, отсуда. [*Из других мест*] это, конечно, я не могу точно сказать, я не слыхал, что. А откуда, что они. Ну, це называлось ше "чумацька дорога". И на Бэрдянськ була. Други дорогы, чумацька дорога, це, значить, булы таки земляни могылкы понасыпани. Случай, непогода, шоб не збиться, понимаете. Значить, ну, ориентир, так сказать. [*К чумакам относились*] по-харошему. Ну, уже я тогда маленький был, а шо, я помню. А родители даже с некоторыми дружили даже. Мы ж дети, спрашиваем: "Кто это?" А он говорить, шо, шо они за люди.

Ну, в Токмак, приезжали, значить, на базар. Особенно це. Токмак цим славився, понимаеш, ты. Из других городов. Из [нерозбірливо]… [*Базар*] це воскресенье, середа и пьятныця. Це базарни дни назывались. Понимаешь ты.

[*Оставались жить*] бували многие. [*Знакомые такие*] были. Ну, человек ищет, где лучше. Попадется ему, повезет так, шо значить, и работа, харошая попалась, и все, и с людьми у мире живуть. Так шо.

[*В центре Токмака жили*] богаче. [*Видно было*] по наряду. По разговору. Ну, они, так сказать, шо, более развиты были люди. В селе живеш, общаешся. В нас же люди мало, значит, ясно шо, [нерозбірливо]…

[*Мы жили*] по Володарського где [нерозбірливо], оттуда немножко дальше. Моя родина там.

[*Родители с жителями центра*] ну, хорошо обращались. Тогда ж было шо система, от корову держали, да? Молоко надо было куда-то носить у город. Особенно по евреям. Да, даже я уже носил. И старшие, братья мои. Тоже носили. [*Молока покупали*] много, корова хароша була. Корова более двух ведер молока давала. Так шо, помощник, так сказать, был. [*Евреи относились*] харашо. Та и щас некоторые живые. [*Покупатели бы-*

ли] постоянные. Все время одним и тем же носили. Даже годами. [*Жили*] там по Шевченко, улице, от. [*Рассчитывались*] есть по-разному. Есть сразу наличными платили, а с некоторыми договаривались, шо при конце, зарплата, чи как она называлась. Тода, ну, расплачивались.

[*Евреи жили*] та большинство в центре, они там от, по Шевченка. Там теперь зданий тех нет. Между Шевченка, и между Революционной, поняли? Называлось там тоди, пацанами були, "Политбюро", о. А потом, после революции той дом. Значить, населили евреями, понимаешь, большинство.

[*Была*] мать совсем неграмотная. А отец был грамотный. И хорошо грамотный. Отец даже гимназию был закончил. И, когда вона там в четырнадцатом году была, на фронте, он получил ранение, в руку, так его послали, он в два года фельдшерську школу окончил. И окончил с отличием. Приехал после, после войны в роддом, еще в больнице, наверно месяца три работал, фельдшером…

[*В детстве*], не, не выезжали никуда. Все время в Токмаке жили. И отец, и мать. Все время в Токмаке жили. Не, в Мелитополь один раз ездили, помню. Ну, я знаю, зачем… Не могу объяснить. Отец ездил. Раза два, наверно, с матерью ездил.

Я в школе учился. [*Братья и сестры*], ну, все учились. Та большинство до четырех классов раньше было. Самое высшее образование. Четыре года. [*В школу ходил*] сначала я в Пушкинское. Значить так. А потом у центр ходил я, у пятый класс. Це, де милиция, там во дворе была пекарня, было здание, была школа. Учились харашо у нас дети. Все. И це ж я тоже ж пришол в школу, да? Це ж окраины. И бывало, учитэлька, возьмэ, покаже: "От, бэрить пример, с Сердюка, шо харашо учится". [*Помогала учиться*] большинство мать. Неграмотная, слушай, а розбыралась. [*Следила*] ну, шоб прилежание было. Шоб болтались без дела меньше, понимаешь?

[*Гимназия, где отец учился*], он, послевоенное, после войны разрушил. Отам, где больница, разрушенное здание было. Ото, была там гимназия. [*Остальные дети*] Не, не-не. Все были неграмотные. Ото он один, у него нащет был талант. Ну, я знаю, четыре класса он кончил, а хорошие отметки булы, и как-то он попал, я знаю, два года.

[*Книги отца*], вы знаете, оце писля войны пропало, це ж вин першу школу закончив, да и принес с собой, отакая книга, да, хирургии. Ну, сгорела, сундук, и книжки те, понимаешь ли, его удостоверение. С отличием закончил же военное, о, фельдширську школу, два года. [*Он и дома*] занимался. Народу шло – по латыньськи писали, да? А в аптеку раньше, теперь же не так просто, он, напишет какое лекарство, и идут в аптеку люди берут. Знаю, шо, дуже приходили со всього Токмака. Зараз Бабакивка. Ноччю, стучить, пришел: "Зубы болять". Человек не можеть. И он, значить, посоветует, и шо, понимаешь ли. Ну, выручал людей. [*Платили*]? Я не знаю, как это шо.

[*Бабакивка*], ну, а це ж щас було, де колхоз “Родина”, оце ж була Бабакивка. Це край Токмака, или Рижок тепер називають.

[*Старые названия по Токмаку*], ну, улица, название шо имела: Клинчик… Та щас вспомню. Эта улица Гоголя, и значить, площадь. От это, оно получается Клин. Раньше було, драки устраювали. Молодежь. Ну, зачем, не знаете, зачем? [*Драться*]? Хто, я? Вообще я дуже мирный человек. [*Дралися*], ну, всьо времья есть же выродки. Так шо…

[*Улица, где раньше жили*], Горяна називалась. Оце вокруг школы, до Ленина, це Горяны, а це Нызяны. Из-за этого молодежь такая устраивали драки, понимаешь ты?

[*Улица Революционная*], вы знаете, это она так давно называлась Революционной. Оце Шевченко, як же, Вы знаєте… не сображаю вже. Баддя ше была…

[*Пасха*] как обычно, [нерозбірливо]… Ну Пасха, люди, праздновали все равно. От, пекли паски, носили святить у церкву, яичка красили [нерозбірливо]. Яичок. Оце ж, на Пасху, збыралыся молоди хлопци, значить, значить, оце з колеса шины, железни ци обручи, шо а колесо, оце, у синях чи де, встраювали, вымажуть, гладко, и тоди, кытьок называли, яичка катають. Значить, стало такою. Коло выгнутою, и там, пускають яечко, воно там катаеться, катаеться, пока отсохне. Значить, выграв, забирае. Це, це таки игры були. Особенно ж развлечения такого не було. Це було.

Как яйца красили? Большинство, це дома, красили в цибулині. Значить, пошли, в кого деньги були, купляли, лікарства такі, порошки, цвіт другой, понимаете. Значить, красили для разнообразия, вроде.

Как [*меня*] в армию провожали? Видишь, у меня мати в июни умерла. В августи я в армию шел. Ну, обыкновенно вечер делали. Приглашали людей. В общем, вечер был. Кого звал… Кого звал. Родственников. Друзей. Молодежь, которая была. Такие. Рабочие, шо на заводе работали вместе. Тех звал. А шо ж делали? Готовили кушанья, выпивку. Это [*готовила*] матерна сестра. Потом еще соседи. Помогали. Оборудовать все. Дядей, тетей много [*у меня*]? Та немало. Все в Токмаке жили. [*В гости*] ходили, родичались... Та, в основном к братьям. Большинство. [*Жили*] ни пососедски, а по одной улице. Одни – на другой улице. Це по Володарской, а ти по Красноармейский. Возле школы.

[*Братья*] все были младше [*отца*]. Один второго года был. Один дивяносто четвертого. А менший, Сашко был шестого года. [*Дома*] у всех свои были. [*Хозяйство*]? Та ну... Хозяйство, як коллективизация, якое хозяйство. Корова дома есть там. Чи свиня, чи шо там. А такого. Особенно не было.

Средний брат, тот, Филипп, председатель колхоза был. Оце в политотделе. А тот в заводе работал в стройорганизации. [*С детьми дружили*], обизательно. С одним мы дуже дружили [нерозбірливо]. Не было такой

компании, понимаете. А с остальными связи имеем, уже не с кем иметь, все кончилось.

[*У матери*] сестер было три. [*Звали*] Фрося одну, одну – Марфа. А ту… В Токмаку все вышли замуж они. [*Жили*] в домах по Шевченко, ото где базар, довоенные все. Там сестра жила. А другая. Как эта улица… Де ото рота, [нерозбірливо] улица … улица. Ну, в Токмаке.

[*На Шевченко*] за кого замуж вышла? Он у нее Кулиш был. Вин, такый, дядько партийный був. Всегда на руководящей работе був, понимаешь ты.

[*Мамины сестры в школу не ходили*], не. Как раз у матери, ни та, Фрося, та ходила или два или три класса. А мать совсим не ходила. И даже однией буквы не знала.

В [*Токмак вернулся*] в ноябре сорок четвертого года. Шо в Токмаке… Много пошти изменилось. Ну, завод работал, так же он и остался. [*Дом наш*] разрушили. Це ж я ж вернулся, пишов до отца. А там немец хату спалыв. Побалакалы з жинкою, шо ж робыть? [Нерозбірливо] та пишов я, значить, отремонтировать хату. А тоди, в сели, шо же можна було робить? Так я ото пишов в завод, як я розказував, понимаетэ? От. Так получив квартиру був. У городи комнату. Ото де “Красный”, дом называють. На втором этаже. В общем. А тоди. Отец сам живеть. Ну, яка жизня, самому? Прийшов та каже: “Я не буду сам жить. Давай куплять”. Так я оце купив отут хату оце. Не хата. А дви комати було, страшне, то. Оце строився. В сорок девъятом году. Комнату тут достроив, ото. Та облычкував. Здоровэ [нерозбірливо]…

[*Отец в Токмаке*] у войну был. Сам был. Та [*про Токмак*] рассказывал, шо ж. В Токмаке [нерозбірливо]. Но он на фронт не попал. У него [нерозбірливо] – инвалид. И ото вин остався. И потом, трое дитей було. [*Родственники*]? Та кто ж поможет, когда ни у кого ничего нет.

[*Младшие мои*]? Та, они ж побитые. Не могли рассказать ничего. Один, двадцать третьего года парень. Минером був. Розминировал, и мина розирвалася. Представляешь… [запис перервано].

[*Илякова София Михайловна крестила*] того сына, шо то у Новокузнецке жив. [*Почему ее позвали*]? А мы с детства друзья. Она ж сама с Садового тоже. Так мы все время, с детства друзья. Такие ото ранние. И щас же, тоже, звоню ей: “Как дела?” Она мне. Два дня один раз не позвонил, она звонэ. Они ж… У нее отец в тридцатом году тоже выжил, как мой отец, да? Ну, и так познакомились, да. Ну, там же клуб был, вечером молодежь ходила, мы пришли. В общем. Друзья стали.

[*Муж ее мой*] лутший товариш был. Кузьма Степанович. Дуже. Мы дуже с ним. Они приходили к нам часто. Мы к ним. Даже фотография есть там. Сидим за столом. Перед нами бутылочка стоит. Ну тоже, заболел, раньше…

[*Старожили в селе*] были, но мало. Большинство дедушки. [*Они*] рассказывали. Они рыбаки были. Любители такие. Йиздилы по рыбу на ставок. Улов продавали людям. Понимаешь ты? Особенно. Це называлы, фамилия Усы були. Ус – фамилия их. Дед довго прожив. Баба вмерла. А вин тоди, шо в колхози сторожем на ферму. И довго, я ж кажу, довго жив. Ну, життя собаче, це, ясно, шо. Оце шо, це шо в мэнэ заразу…

[*Своих помню*]? Я? Ну, как же. Бабушка интересно рассказывала. Бабушка служила у нимцив. Тоди була. Отакый порядок, шо значить, колонисты нимци булы, да? И от багато токмачан служили. От. И ця бабушка вышла там даже замуж. За хохла, оце такого, як я. [*Как он там оказался*], ты знаешь, не могу точно. Не было никакого такого разговору. Он же рано помер. Так бы, я бы общались, так шо-то выяснылы. А так же неизвестно.

[*Немцы*] та харашо жили. Хазяйновали харашо. Коровы [*были*]. Лошади были. Раз пару лошадей подарили [*на свадьбу*], так значить булы ж. А остальное я не могу сказать. Знаю шо, шо лошадей и брычку новую подарили. Купили. Це ж тоди грошей стоило. [*После свадьбы*] от это там у матери жили, по Володарской. Ее матери.

[*Немцы по-русски*]? Нет, зачем, они по-русски балакалы. А некоторые, некоторые, не… Одна семья, знаю, шо, даже по-русски ни одного слова не знали. Понимаешь ли? Так шо.

[*Бабушка*] говорила даже по-немецки. Но это ж не день, не два, а годами. Так шо… [*Почему к ним пошла*]? Не, ну это я не знаю, знаю шо, каждый шукае де-то шо-то добра. Как она туда попала, я не могу. Платили, да. Диньгами платили. [*Деньги матери приносила*], ну, а куды ж вона. Наверно ж. [*У бабушки*] три брата було. Один у заводи работав, оцей один председателем колхоза був. Оце в ж политотделе. А двое, старшого, шо на заводи робыв. Потом, после войны забрали, погиб на фронте.

[*В доме у родителей мебель какая*]? Ну, яка мебель… От тепер [нерозбірливо]… Стол, стулья и все. Ну, кровати, кровати есть воны щас, кровати стоять. Железные были. Покупали. Скрыня була, називалась. Ну, це сундуки вроде, понимаешь? Вот это було. Шифанера не было.

[*Розбувались*], ну, как обычно, в сенях. Или в коридоре. Яка там обув – по одний пари…

Дети [*где спали*]? А ты знаеш, шо на полу спали. Пил з досток. А тоди, значить, лижнык назывався. Доставали. А тоди там подушку. На мои… це ж, в современных. Це на кроватях спали. А [*тогда*] негде ж було спать. Оце ж на полу, з досок пол, назывався, збытый, понимаешь, шоб не на земли. Полов же не было раньше. Це полов, раньше, я знаю там, из сотни в кого, а тож не було полу. Це тепер мы полы настилаем.

Ну, шо [*нам готували*]? Борщ, вареники. И вареники з картошкою, и вареники из творогом. На, все… В общем, готовила харашо [*мама*]. Могла гатовить даже вкусно.

[*На базаре продукты*] покупали, обизательно. Мясо покупали. Тепер шо… фасоль купляли. Часто на зиму. С фасоли [*что варили*]? Ну шо з фасоли, з фасоли суп фасоляный варили, винигрет. Без фасоли ж не зробыш. [*Винигрет*] делали… [*Не садили почему*]? Так, а де ж ты посадиш, огород же маленький теперь. Та в цьому году картошку ж садили. Э-э, огурцы... Та шо як, як у сели ж, там же городы здорови. Там и кукурудзу садили, и моркву, и буряки, понимаеш ли... [*Родители*] ничо не продавали, большинство, большинство дома йили все свое.

Та, городом вси займалыся. И родители, и диты, яки взросли вже, понимаеш ты? Та командував большинство – мать. Ну, шо вона казала… Як садить, як ухажувать. [*В доме командовала*] та мать, де ж… Отец як утром пиде, и вечером, в колхоз, де вин командуе.

[*Маму дети*] слушались. Як це не слушаться дома… То не симья. От и щас, подывышся… [запис перервано]. [*За баловство*] наказывали. Мама. Це, виныком було, большинство. Якшо-небудь… Так сказать, шо, телесно, не очень было. А виныком возьме, та држаком ото. [*Баловались*] не, не дуже часто, ты знаеш, шо… Це у хаты був сволок, и у мене там всигда лозина тырчить. И оце як воны у меру балуються, як у меру, це, нормально. А як за рамки обходе, я беру: “Слушай…” [запис перервано].

Один раз отец меня наказал. Шо-то он меня заставил… Чи сапоги почистить, чи шо… Я не почистыв. Так он мене, значить, блиснув раз. Ну, не було такого, шоб, шоб серйозно. Цей брат, средний, вообще, смирный був. А той старший, бойовый такий був. А цей мла… цей брат, перший клас уже ходив у школу. Уже во второй клас пишов. Умив пысать, читать до школи. Ти знаеш шо, самостоятельно научились, не знаю. Маты ж не могла навчить. Ну, вона там, заставить просто могла. А так – ни. А так значить, ну...

[*Улицы в Токмаке*]? Оце… Революционная токо была вымощена. И все. Революционная, и оце до моста. На площади ото. До моста, до Ленинского, понятно. И всьо. Не було. Фонари?.. Не було.

[*Были ли сходки на улице*]? Та й щас есть таке. [*И раньше*] было, но мало. [*Рассказать про это*] не могу, понимаешь, шо… Тоди був город маленький, да? А вырос, все время, то война, то такое дело, так шо. Отец [*на собрания*] ходил всегда. [*Рассказывал нам*], конкретно, конешно, слово в слово я уже не помню. А вообще-то, в детстве он и до Петровського йиздив. По вопросу. Ну, токмацький якийсь вопрос решали, не могли решить. А Петровський це ж був председатель Совета Министров Украйины. Вин до його йиздыв на прийом. Той прийняв. Помог. Решили вопрос. [*Почему отец*]? Ну, його уважали. И в колхози, и на роботи, якшо, сказали шо вин грамотниший за всих. Предложили…

СТАЦЕНКО КЛАВДІЯ ВАСИЛІВНА, 1929 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

Ну, мама моя. Слива Евдокия Моисеевна, дивитсот четвертого года рождения. Работала на заводе Кирова, машинисткой. Отец, он умер рано, в тридцать седьмом году. Он работал и в системе Райпотребсоюза, и на заводе, но я его очень мало помню. Не помню. [*Они*] токмачане. Токмачане.

[*Жили где*]? Сейчас этой улицы нет, сейчас это территория завода. Улица Ленина это была, сейчас это снесли, это территория завода сейчас.

[*Дедушку и бабушку*]? Нет, я не знаю их совершенно. Потому шо...

Дочка, Стаценко Наталія Володимирівна: Бабушку ты ж помнишь свою?

Клавдія Василівна: Как я могу помнить бабушку, когда она умерла в дивитнадцатом, двадцять первом году?

Наталія Володимирівна: Ну а по линии отца?

Клавдія Василівна: А, по линии отца помню бабушку. Она домохозяйка была. Мне было где-то шесть-пять лет. Так шо я… Какие-то воспоминания. У бабушки была еще дочь, она жила в Москве. [*Звали*] Александра Ивановна. Александра Ивановна. Вот. Дочь у нее была замужем за одним из сподвижников Ворошилова. Вот была… Фамилия Лущенко. Он работал на каком-то заводе, я не знаю на каком, зам. директора. Она дожила до глубокой старости и умерла в возрасте больше восьмидесяти лет. [*С мужем она познакомилась*] здесь. Стачки здесь были что ли на заводе, я уже не знаю. Точно я не знаю, так это, по разговорам. Здесь они приезжали сюда... руководить восстанием, что ли, здесь познакомились.

Бабушка была домохозяйкой. [*А дедушка*], ой, вы знаете, я не могу Вам сказать, он умер в тыщу девятьсот каком-то там году, то ли восьмом, седьмом, то ли пятом, я не знаю, в каком году умер. Чем он занимался, тоже не знаю. [*У них*] домик, свой дом был. Это по улице Ленина, как раз там. На этой же улице было расположено, НКВД, было расположено, там, по этой улице. На эту сторону была, значит, здесь НКВД и эта улица тянулась туда до речки. А параллельно там, улица Нансена, там синагога была. Это так, по детской памяти я это помню. Вот такое...

[*По улице Ленина*] евреи жили, немцы жили, греки жили. Дома, дома, дома… Потом за нами жил, вот наш дом стоял там как на угол он пересекался с Интернациональной улицей, за нами Бехман жил, это были евреи, за ними жили немцы, это я уже не помню их фамилии, потом жила... Украинцы жили, потом опять немцы жили. Вот так, понимаете, так жили. На одну сторону. На вторую сторону жил большой двор был, там

[1] Опитування проводили І. Савченко та Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко.

нескоко я знаю, домов было. Там жил, квартиранты жили, Давиденки жили, это кадровый рабочий был. От. Ну, там жили.

Наталія Володимирівна: Там же несколько домов было.

Клавдія Василівна: Да, там несколько домов было.

Наталія Володимирівна: Кадровые рабочие.

Клавдія Василівна: Ну, вот я знаю, может по наследству, у них один большой дом был, кирпичный, а тут такие домики были. [*Соседи наши*]? Ну, был свой круг общения, конечно, щас уже никого живых нет. Была эта, ее сестра с мужем, мамина сестра с мужем, и ихние приятели все. Здесь, такой был Лукашенко, он был староста, здесь, потом он был судим, при немцах он был здесь старостой, он работал, работник театра был, здесь был кинотеатр, то есть театр был и любительский был, все, отам где детская, где сейчас эта поликлиника, больничный городок, отам был, деревянный театр был такой. Но я знаю, шо туда приезжали, в театр приезжал, артисты приезжали на гастроли, там был это, я знаю, шо туда моя тетя ходила. Вот эти, Лукашенко, у них было, они были профессиональные артисты, это. Вот. Ну, щас тех людей нет, с которыми мои родители общались. Это люди больше такие были, ну, щас от такого не практикуется, вот например, выходит какой-то журнал, и вот они, у них общественные чтения [сміється]… Любой вот садился. И щас смешно конечно, и читал, вот они. И я вот как сейчас помню, печаталось в каком-то журнале, я не помню, “Всадник без головы”, и этот читал, и то ли они ее в библиотеке брали, то ли я не знаю, но они как-то этим занимались. Ну, вот такое. [*Еще собирались*], ну, дни рождения были, какие-то там такие, я знаю... Дети всегда были с ними, дети всегда были... вместе только в отдельной комнате. [*Стол отдельный*] детям, да. Мороженое, конфеты там, такое все. Вот. Ну что... Много пели. Пели. Как еще, ну шо вам сказать. Папа играл на всех, можно сказать, и на струнных инструментах. У нас была дома фисгармония... играл. Настраивал инструменты. Вот. Тетя моя очень хорошо пела. Очень хорошо. У нее знакомые были, Костенко, тоже пели хорошо. Ну, как-то такие застолья с этими... не были таких застольев, шоб это, ну конечно, там было шо-то, в графине ж стояло, но шоб это превращалося в такую это, нет. Весело все было.

[*В парк ходили*], да, да. Так это и я помню. Вот летом мы ходили в парк, вот я с это, с мамой ходила, папа ш у меня умер рано. С мамой ходила в парк, с тетей, с дядей ходили в парк. Ну, просто так. В парке были и эстрадная была, играла музыка, духовой оркестр. Ну, от деревянный кинотеатр тогда и был.

[*С соседями*]? Дети мы дружили вместе. Ну, они так, заходили в гости. Там или вечером что-нибудь, там или новую пластинку патефонную, патефоны ж тогда были. Поставим от это. Вообще общались.

[*В Токмаке*] у мамы был брат, вообще была сестра, брат был, один и второй. Ну, один брат... Ну мама, они как-то, я Вам должна сказать тетя,

она девяносто второго года рождения, значить, ей до, в период революции было где-то уже больше, около двадцати лет. Так. Она в свое время училась в Е[кате]рославе, это Денепропетровск, какие-то женские курсы, ну я не могу Вам сказать точно, какие это. Вот. Второй дядя у меня, он окончил учительскую семинарию, преподавал. В империалистическую он воевал, в гражданскую... в гражданскую, де он был в гражданскую? Тоже ш, наверное, де-то был, я не знаю. Ну, короче говоря, после этого он был, работал в Симферополе, он как это... называлось…

Наталія Володимирівна: Народное образование.

Клавдія Василівна: Народное образование, губернское народное образование было. [*Звали*] Лука Моисеивич Миевищенко. От… Ну, в тридцать седьмом году он попал под репрессию. А потом был амнистирован. Ну и умер уже в Саратове, в шиисятых годах. Вот… А второй дядя здесь работал на заводе... Кирова. Контрольным мастером. Это единственный, который не получил образование. Не хотел учиться. [*В гости ходили*], да, да. Вот этот брат, который здесь жил в Токмаке с женой, ну вот это ш я помню, они, это, каждую неделю, они приходили, и мы туда к ним, все было.

[*О родителях*], ну, вот то что мне, я слыхала от родителей. Потому шо мама сама не знала, кто такие. И ее, и ее родители не знали. Кода... это я не знаю какое… [запис перервано]. У моей тети там, в Киеве был в совнаркоме, я не знаю, и вот они ездили в гости. [*Родители познакомились*], ну, я не знаю как. На каком-то вечеринке.

[*В Токмаке*] я училася в третьей школе. Да, я пошла с семи лет. Я младшая самая. У нас было два человека младших в классе. Все с восьми лет, а мы с семи лет пошли в школу. Я училася в первой школе, это украинская школа, шо здесь. Кода я училась, там еще от этот базар был рядом. Там было это все… Пять классов я окончила здесь, а потом началася война, и мы эвакуировалися в Каспийск, Махачкала, Двигательстрой. От... Там я один год всего ходила в школу, шестой класс, седьмой класс приехала сюда, потому шо болела там в дороге, заболели, вы знаете, эпидемии всякие. Приехала сюда. Здесь седьмой, восьмой, пошла в техникум, закончила техникум. [*В классе было*] до сорока. [*Из учителей*]? Нина Митрофановна Кириченко, преподавала у нас химию. Очень приятная была. Такая старательная, молодая была. Вот. В младших классах меня учила до пятого, в пятом в классе учила, была такая Марья Алексеевна Грицай. Вот она у меня там фотография есть Марии Алексеевны. Ну, кто у нас еще был? Коваль Григорий Петрович, был директор школы, преподавал украинский язык, очень такой, энергичный, хороший такой человек. Ну, кто еще у нас?

[*Подруг школьных*], конечно, помню. Были две сестры, Валя и Неля Кузьменко. Нюра Блинова была такая. Была Валя Умрихина. С некоторыми я и сейчас еще, мы узнаем друг друга.

Наталія Володимирівна: Закржевская.

Клавдія Василівна: Закржевская, такая была. Череватова щас. Она учительница. Шо она читала... Украинский по-моему. Череватова. С этой мы общаемся, и когда встречаемся, всегда общаемся. Вот со мной учился... В техникуме здесь преподавал... Очеретько Виктор. [*Жили где*]? Ну, это, Очеретько это центр, Кузьменки, девочки, это центр, это Ольги Трифоновой, это сестры. Вот… Закржевская где, я не помню уже где она жила, туда, подальше, за этот, за "Металохозтоварами", туда, в ту сторону, за речкой. [*Мы*] в кино ходили. После кина обязательно ели мороженое, шо во так лизалося. В аптеке пирожное продавалось. Мороженое на улице продавалося. Ну, это такое… А так это специальные заходили, если же с родителями, я там или с тетей, или с мамой, и с дядей, заходили, тоже, за столик садилися. А так, детвора так лизала мороженое.

[*С уроков не сбегали*], нет. До пятого [класса], какие там могут быть… До пятого класса, когда провели, за руку привели и за руку увели. Тетя [*водила*].

Наталія Володимирівна: Она ш одна, один ребенок в семье была.

Клавдія Василівна: Брат мог, еще у меня двоюродный был, но с тем я редко, потому шо, то он меня забудет де-нибудь, то скажет: "Стой здесь, я щас". Ну, я стою, стою, а его нет. Прихожу, а он уже сидит обедает: "О, а ты где была?" А он уже у тети сидит обедает. Ну, вот этой девочки Кузьменко, их мама забирала, потому што, они иногда, пока, папа тоже, их тоже, забирал.

Наталія Володимирівна: Они тоже учителя были?

Клавдія Василівна: Нет, она, мать работала в детском садике, а отец был работал в школе. Он же их в кабинет у себя посадит там, и ждут они пока... до тех пор покаместь его не...

Наталія Володимирівна: Не репрессировали...

Клавдія Василівна: Не забрали... Тоже. Вы знаете, мы, конечно, вот так как сейчас вот так не было, ну мы, Боже мой, я в такой среде росла, я не знаю, ну как-то… Не знаю. Ну и собственно говоря, мы жили рядом, со... школа была рядом с нашим домом, надо перейти токо улицу, какую... Шевченко, на ту сторону дороги и все, и я уже дома. И старший кто из детей шел, забирал, приводил.

[*Приезжие в Токмаке*]? Понимаете, вот было такое вот здесь, вот эта ули... Я, почему я это узнала, вот эта Пролетарская улица, то ли там пролаживали, я не знаю, то ли водопровод пролаживали, то ли что, мне было лет сем, шесть. И вот подмерзло, и мне захотелося залезть на вот эту кучугуру, шо они выбрасывали, это. И я там застряла была, с ботинками вместе. С галошами, с ботинками. Так от меня вытаскивали мужчины, ну я теперь считаю что это молодые парни были, вот они были в отаких шапках, больших, высоких. Откуда они? Говорили "бессарабы" на них. Так вот говорили шо это заключенные были. А так ли это было, я не знаю. Говорили, шо это работали заключенные. Они вручную копали вот эту улицу,

Пролетарскаю, и туда залаживали этот. Они ото выбросили, оно подмерзло, немножко, они... Я решила туда пролезть, на ту сторону, и застряла вот так. Откуда я знаю, шо они меня спрашивают, и он плохо говорил, говорит: "Где ты живешь?" Потому шо это была осень, холодно, и он меня привел, я вся в грязи. Он говорит: "Не надо ее ругать [нерозбірливо]". Так, от кто это были, я не знаю, но тогда говорили шо будто бы это были заключенные, а так ли это, я не знаю. И шо они рыли, тоже не знаю.

[*Базарчик*]? Ну, вот это, де первая школа знаете? Потом ото двухэтажный дом, да? Так от это перед ним, от сюда, там ото второй дом, это над, по улице Шевченко дом еще, так вот это, этого дома не было, и вот этот кусочек был базарчик. Но он просуществовал я не знаю… Ну я знаю, скоко мне было лет. Лет пять-шесть наверно. С бабушкой мы шли. И бегали туда наши соседи, бежит шо-нибудь купить. Там, я не знаю, масло побежала туда купила. Ну, это рядом был с нами. А уже кода мы после войны мы приехали, там ничего этого не было, стоял туалет, там, вот на этом месте. [*На базар*] я туда не ходила. Я токо мимо ходила. Я прибегала, потому што там цыгане сидели. И всегда говорили, шо если будешь ходить, детям говорили, нельзя ходить, шо цыгане украдут. Так я там если што, я пробегала [нерозбірливо]. Ну от, она сидит цыганка, я не знаю, шо она там... Может она гадала. Я не знаю, шо она там... Если, если, так это возле нее ш это все. И видно, шо бросает ей, там, что...

[*Магазины*]? Да. От это целый ряд магазинов был..

Наталія Володимирівна: Напротив милиции.

Клавдія Василівна: Пенпендикулярно милиции.

Наталія Володимирівна: Стоит Ленин, от это до конца, это был сплошной торговый ряд. До Революционной.

Клавдія Василівна: С одной стороны, и с другой стороны. Ну, сначала, до войны, от это, по эту сторону, по правую сторону, была кондитерская, это шо я очень хорошо знаю. Потом магазин "Книги" был. Нет, был "Раймаг", "Раймаг" был. Там всякие ткани, там все такое. Следущий магазин "Книги" был. Потом было ателье там. Ну я… Да, было ателье там. Там работал Рабинович, и Подберезский. На эту сторону, в эту сторону, было красивое там строение было, да, архитектура была. Вся такие, окна круглые были, красивая была. И вот... и поднавес такой, в магазин не сразу заходишь, а вот как будто бы под навесом такая…

Наталія Володимирівна: У Лохмана.

Клавдія Василівна: Да, у Лохмана это было. И две ступеньки вниз, и большой магазин там был. Там было все в магазине. Начиная от вяленых бычков, и кончая морсами, сиропами, там все это продавалось, колбасы всевозможные, все. От токо плохо шо подвал был. Потом была такая будочка, тетя Женя торговала, да? Вот. Там всякие ленточки, бижутерия всякая такая была. А потом был большой магазин. Потом было двухэтажное здание. От тут же ш это… Двухэтажное здание. До войны там были меха.

На втором этаже меха. На первом этаже тоже, я не помню, толи готовое там шо-то было, но я знаю шо там меха, потому шо туда я заходила с мамой. Там воротник покупали маме, с манжетами там, такую чернобурку там, “Меха” там был магазин. После этого, после мехов стало на втором этаже “Индпошив”, а на первом этаже “Ткани”, магазин “Ткани”. Следущий было… Хто был? “Лакомка”. Конфеты всевозможные. Потом был хлебный магазин, да? За ним. Большой хлебный магазин был. На два отделения, да, очень большой магазин был. Потом подвальное помещение. До войны там было... продавали лимоны. Это подвальное помещение. Лимоны, мандарины, финики, всегда там коробками стояли. На витрине в коробке финики. А после войны там, по-моему, была забегаловка. Это, наверное, вино там, винный магазин. Подвалы были страшно большие там, такие подвалы…

Наталія Володимирівна: Это дореволюционная…

Клавдія Василівна: Это дореволюционная постройка была. Этот Сергей...

Наталія Володимирівна: Шлейцер.

Клавдія Василівна: Шлейцер работал там четырнадцатилетним мальчиком. Там он работал. Наш сосед был. Так его четырнадцатилетним мальчиком привезли с Кавказа сюда. Вот это торговцы. То ли армяне, то ли грузины. Шмеридзе его фамилия была.

Наталія Володимирівна: Его правнук еще есть.

Клавдія Василівна: Да. Игорь Шмеридзе, да. И вот его привезли туда, и от это он так и остался. Купцы привезли его. Это до революции. Ну, торговали, торговали, мальчик…

Наталія Володимирівна: Отдали в люди.

Клавдія Василівна: Отдали в люди родители. И вот он здесь, он так с акцентом, и он и умер уже в возрасте, больше семидесяти ему было, а с акцентом так и говорил. Так он и научился.

Наталія Володимирівна: Это внук его.

Клавдія Василівна: Да, это внук его.

Наталія Володимирівна: Живет.

Клавдія Василівна: Подвалы были... Потом была, я не знаю, не помню, шо там до войны было, а после войны было... это, ателье. Следующее ателье шло, потом шо там Наташа было?

Наталія Володимирівна: Мебельный магазин.

Клавдія Василівна: Да, был мебельный магазин.

Наталія Володимирівна: А потом скобяной, детская библиотека.

Клавдія Василівна: Да, а потом, угловая была, ресторан. Ресторан, гостиница была, это угловое здание. Да длинный ряд был.

Наталія Володимирівна: А за ним еще [незрозуміло] было, еще с той стороны заходили. Ну, это я уже после войны помню ш это все. Не, нет, я так не помню, так, я только кондитерскую помню там, а так…

[*А ателье шили*] все. Конечно все. Ну, это уже после войны, я не знаю, шо там до войны было, это я так помню токо там, где я была, посещала, так сказать. Вот я знаю подвал, туда мы ходили, потому шо там всегда финики засахаренные были, лимоны, мандарины.

[*Мальчик-грузин*] он мальчиком работал. Мальчиком на побегушках, там я знаю, кем он работал.

Наталія Володимирівна: А где он потом работал?

Клавдія Василівна: А он в техникуме сторожем работал [нерозбірливо]. А до этого... Он, по-моему, еще работал... От за гостиницей была автобусная остановка. Да... Так на том месте до войны был овощной магазин, склад-магазин. Там такие подвалы. Там от это бочки с капустой, и с яблоками мочеными, и это было все, и он большущий был этот магазин. Вот он по-моему там с Блиновой Нюрой отцом работал, там немножко работал.

[*В Токмаке*] очень красивое было здание, этой, милиции... Вот это НКВД. Было красивое здание это. Я не знаю, наверное, оно тоже дореволюционное. [*А жилые дома*]? Я, единственное, что я никуда, вы знаете, шо я, куда-то в сторону, не ходила, я была ребенком очень домашним, и всегда за мной смотрели, я не болталась. От у меня была соседка, вот она уехала в Израиль, Бела Марта, так она знает такое, знала, я говорю: "Откуда ты знала?" Она говорит: "Потому шо я все окраины вылазила". Она там с мальчишками ходила. А у меня отут... Ну так, ото меня за руку, я так… Не, ну она могла рассказать, шо там кто-то там где-то жил, кто-то, она даже знала, она на год всего старше, кто за кем ухаживал, но я ш такого не знала [сміється]. Потому-то они жили двором там, это и еврейским двором, и, знаете, у них все эти новости все. А у нас так… [*Обсуждалось*], ну да, они [нерозбірливо].

[*Немцы рядом жили*]. Ну, дети... Дети, как дети. Играли вместе, и все. А так я знаю... Я знаю шо этого немца забрали были, посадили, он сидел в подвале напротив своего собственного дома. И ото, шо она бегала, дети бегали, их гоняли оттуда, прогоняли, потом взяли и закрыли это, там же ш такое окно было за решеткой в подвале, и он там стоял... в воде, что ли. Но я не знаю, так говорили. И закрыли, шоб не видал, и шоб его не видали там. А куда они делись? А потом, в сороковом году наводнение, и, наш папа ш у меня в тридцать седьмом умер, а мама ш уже, мама жила ш, со свекровью, с моей бабушкой с сорокового года, в сороковом году наводнение, и этот, эта хата упала. И бабушка тода с младшим сыном, они поехали это, там, в Калинино, туда, там где-то они построили дом, или купили, я уже не помню, а мы с мамой, нам дали квартиру. И вот на этом, так сказать, шо, я уже больше не знаю, куда они делися. Потом этих немцев толи выселили, толи, я не знаю, их по-моему, кода война началась, их выселили.

[*Детьми*], конечно, играли. В спорченый телефон играли, в станда... штандарт есть.

Наталія Володимирівна: Штандарт…

Клавдія Василівна: Штандарт играли.

Наталія Володимирівна: Штандер, штандер...

Клавдія Василівна: Штандер…

Наталія Володимирівна: Это немецкая игра.

Клавдія Василівна: Немецкая. Штандер.

Наталія Володимирівна: Лучше я расскажу. Мы в детстве тоже прошли. Это один бросает мяч и кричит: "Штандер!" Называется имя. Тот должен подбежать и схватить мяч. И тода опять бросает вверх, кричат: "Штандер!" Это немецкая игра.

Клавдія Василівна: Местные немцы уже это. В свое время и слова знала, и понимала все, как говорят немцы там, ну и могла сама шо-то сказать. А потом уже ничего. Практики уже нет. Ну, потом еще играли как ото, цурка, или как. Но то мальчишки больше играли.

Наталія Володимирівна: Цурки, цурки.

Клавдія Василівна: Цурки, да. Скакалки играли. Прыгали. Турник был поставлен. Мы все цеплялись на него, на турник этот, переворачивались. [*Цурки*]? Это такая ямка выкапы... эта… Тут перекладина ставилась. Потом ставилася вторая палочка, и от по этой палке били этим, палкой, и от это туда, хто дальше забросит. Это можно и лоб набить, помню, подруге, попадет сюда, эта. [*Зимой*] санки. [*Откуда*]? Не знаю. Но, по-моему они были заводского производства, потому шо они были выпиляные. Старшие возили младших. А потом уже те шо постарше нацепляется, хто-то один везет, перевернули. Ну, как дети. Та, игрались в снежки. [*На речку*] меня не пускали, туда. Я там… Потому што там и проваливались там, и все. Я была послушным ребенком. И могла только под печкой загорать. Под духовкой. [*Другие бегали*], ну, дети есть дети.

[*Семья собиралась*], ну, собирались, но пьянок не было, во всяком случае. Пьянок не было.

[*Мама*] работала. [*Отец*], он когда заболел, она работала. Она работала, все время работала. [*В Токмаке больница была*], ну, отельные здания были, но я не знаю [нерозбірливо]. От это где этот, стоматологический, оно было и до войны это здание.

Наталія Володимирівна: Там был роддом. Это дядя Гена [нерозбірливо] говорил, шо он там родился.

Клавдія Василівна: Отам, да?

Наталія Володимирівна: Да.

Клавдія Василівна: А я даже не знала.

Наталія Володимирівна: Там роддом был до войны до войны.

Клавдія Василівна: Там еще здание какое-то было, вот этом здании каком-то, отак оно параллельно было, там лежал папа. Это было туберкулезное отделение. А дальше... я не знаю.

[*Церковные праздники*]? Вы знаете, я не знаю этого, вот я не знаю это. Я уже... уже была совсем уже взрослая, я даже в техникуме училася, шо Пасху, Рождество мы ш не отмечали, эти.

Наталія Володимирівна: Не было.

Клавдія Василівна: Тогда не было.

Наталія Володимирівна: Наша бабушка пасок, от моя бабушка, никогда пасок не пекла.

Клавдія Василівна: Вы не думайте, шо это было так...

Наталія Володимирівна: Нельзя было.

Клавдія Василівна: Ее бабушка… Бабушка работала в первом отделе. Мама моя работала в первом отделе. Секретный отдел. Вы что?... Шоб она от это Рождество или Паску... Та ее б затаскали по всяким кабинетам. Я знала, я знала, что она работает [в] первом отделе, и все. Она работала машинисткой. Она просто ничего [*не рассказывала*], никто мне не допрашивал наверное, а больше… Я единственная дочка у нее была. Я знаю шо мама... Говорила, допустим, она уехала в командировку, в Евпаторию, а потом уже я узнала, шо это там проводились испытания этих, торпед. Она там, она стенографисткой еще была. Ну, она очень мало работала стенографисткой, когда так. Когда так, а так машинисткой.

[*В Токмаке*] как война началась я не помню, я знаю, что, в какой это день было, я знаю что сразу же, мамы, тетиного мужа пришла повестка. Война началась двадцать второго, а ему то ли двадцать третьего, толи двадцать четвертого пришла повестка [нерозбірливо]. От это шо... Пришла повестка ему. Вот это и запомнилось. Слезы, все это запомнилось. Потом сразу же почему-то перестало, то ли в магазинах не стало что ли. Шо вот сюда, где вот это строительный магазин, вот там был киоск где-то стоял, токо я не помню де, но вот здесь на угол. И стояла большая очередь. И все стояли за постным маслом. И я с чайником там стояла. Тоже. Вот это Бирбер девочка стояла там, Калина, вот это шо вот эта. Эта все детвора стояли. И вдруг кто-то кричит: “Дитя, дитя!” И говорит: “Ану, быстренько, это!” И мы все в подворотню. И слышим: тра-та-та-та. А это на станции там [нерозбірливо]. А потом еще. Мама моет голову. Вдруг на “бреющем” полете, быстро, и вот его лицо ш видно, я ш стою смотрю, и он по этому, по крыше: та-та-та-та. С пулемета. И хохочет. Ну, он не по это, не по нас, это, а вот по крыше он. Мама на улице мыла голову. Конечно, он мог свободно срезать, это нас всех, шо мы на улице стояли. Но почему-то по крышам. И улетел. А потом эвакуация. Помню, забы... закрыли дом. Уже мы, кода война началася, мы перебралися к тете, ее ш мужа забрали. Эвакуировались мы в августе, или в июле, я уже точно не помню. Не помню. Или в июле, или в августе. А перед этим эвакуированные идут, идут, и

войска идут, идут, идут. Женщины выносят ведра яблок, хлеб, воду, выносят. Вдруг хто-то, у нас соседи, потом ихний дом снесли [нерозбірливо], говорят: “Ребенок плачет”. Побежали, а тогда речка ж была там, это вот как раз на русле. А дом наш был, ну вот, рядом дом наш был.

Наталія Володимирівна: Конец садика.

Клавдія Василівна: От это наш дом. Да... Ребенок плачет. Побежали, там, выносит оттуда грудного ребенка. Толи он токо родился. Потому шо сказали: “Иди” [нерозбірливо]. Куда того ребенка? Хто-то его забрал, того ребенка. От, это в камышах кто-то бросил, я запомнила. Ну а, ишли это беженцы шли, день и ночь. День и ночь шли беженцы. Ну я знаю, из Западной, наверное уже через Днепр еще можно было пройти, это. Беженцы, беженцы и беженцы. Кто с мешком за плечами, кто с ребенком. Да... А потом мама пришла. И што будем делать? Эвакуи... эвакуироваться. Тетя ни в какую эвакуироваться не хотела. Шо он прийдет еще, и все. А, пришел еще сосед, и говорит, шо попали в окружение этот, муж тетин. Она говорит: “Я буду его ждать здесь”. Куда ж ты будешь ждать. Ну, короче говоря, эвакуировались до “Двигательстой”, это Каспийск, и там мама работала. Там умерла тетя моя. В эвакуации умерла тетя. Вот... Ну так и все было. А потом немец стал подходить, уже Северный Кавказ забирать, уже оттуда начали эвакуироваться. Ну, короче говоря, мы не успели эвакуироваться. Мамин брат, он тоже ш в эвакуации был, они эвакуировались в эту... в Алма-Ата. А мы не успели эвакуироваться. Ну, уже стали готовиться, уже оттуда бежать, эвакуироваться, а здесь немцев погнали, и так мы и остались в Махачкале. А в марте сорок... какого года? Сорок четвертого, или сорок пятого?

Наталія Володимирівна: Сорок четвертого.

Клавдія Василівна: Сорок четвертого года в марте, да, после эвакуации, то есть освобождения, в сорок третьем освободили в сентябре Токмак, а в сорок четвертом в марте мы уже приехали сюда. Вот…

Наталія Володимирівна: И завод работал, да?

Клавдія Василівна: Да, и завод работал. Уже стали работать, строители там работали конечно, только так. Я пошла в школу. А, приехала, какая ш школа... Потому шо там эвакуировались, школы не было. В сорок третьем году уже школы… закрылася там, в Каспийске. Я приехала сюда, тоже школы нет, значит, я год пропустила. Значит, в сорок четвертом я пошла в седьмой класс, этой школы, третьей школы. Так... [запис перервано].

Наталія Володимирівна: Уже начало шиисятого года.

Клавдія Василівна: Начало шиисят второго года.

Наталія Володимирівна: Начало шиисят второго, я развалины хорошо помню. И вот это что рядом с горисполкомом, туда, знаешь, в глубине садик.

Клавдія Василівна: Это был детский садик.

Наталія Володимирівна: Это был детский садик.

Клавдія Василівна: Такой красивый.

Наталія Володимирівна: Это уже последние, наверно, были развалины в городе, которые восстановили, потому что где-то в середине шиисятых его восстановили. А мельница так и стоит разваленная.

Клавдія Василівна: Ей ничего не могли сделать, ее не могли развалить дальше. Там была такая связка,

Наталія Володимирівна: Это была немецкая еще.

Клавдія Василівна: шо ее били от этой бабой, и все шо, и не могли, и так и стоит разваленная [*по Ленина*].

Наталія Володимирівна: Да, мельница.

Клавдія Василівна: Да. Это довоенная. Их ниче не берет. Ну, частично там шо-то не достроили, а коробка, так она и стоит. И его не развалить не, это, ничо не сделали. Эта вся в развалинах, главная, вся в развалинах была.

Наталія Володимирівна: [*Город восстанавливали*], работали.

Клавдія Василівна: Ну как... Ну я, за город я не могу Вам сказать ниче, рабочие работали да и все, восстанавливали, а вот я уже училася в техникуме, так вот это здание восстанавливали. Восстанавливали вот студенты техникума. Ну, там, и конечно, были и строители. Потому шо дети они ж не могли там это все.

Наталія Володимирівна: А техникум это был чем?

Клавдія Василівна: Водочный завод.

Наталія Володимирівна: Он еще до революции был?

Клавдія Василівна: Да.

Наталія Володимирівна: Казначейство было какое?

Клавдія Василівна: Не знаю. Я знаю, у нас соседка была, так она на этом водочном заводе [нерозбірливо]. Она на этом... Она рассказывала, она на водочном заводе посуду мыла. Да… Это был водочный завод. А этот техникум спланировали до войны еще. А что до этого было между водочным заводом и техникумом, я не знаю.

Наталія Володимирівна: Ну, вообще, чистый город был?

Клавдія Василівна: Наверно чистый. Чистый, потому шо, газетка ш летит все, штраф, кто выбросил газету. Да еще и с портретом Ленина, Сталина…

Клавдія Василівна: [*После войны*] были квартальные, и вот они этим занимались, [*улицами*]... [*Назначали ли их*]? Тоже не знаю.

Наталія Володимирівна: Наверно назначались.

Клавдія Василівна: Наверно назначались.

Наталія Володимирівна: Управлением ЖЭКа. А какие вопросы там они решали…

Клавдія Василівна: Какие они решали вопросы.

Наталія Володимирівна: Знали, что есть квартальные.

Клавдія Василівна: Знали, что есть квартальные, и шо она приходила, ну у нас, это нас не касалося, а вот за мусор там она. У нас тут, мы в тупике были, так мы, нас там, нас это не касалося, а вот кто на улице, шоб мусора не было на улице, шоб это, значить это ш.

Наталія Володимирівна: Подавали, на товарищеский суд подавали.

Клавдія Василівна: [*Мусор*] мы сжигали например, у нас была речка, загата такая была, от это такое было. И от это слаживалось оно туда, потому шо мы, нас речка топила. А те там заставляли сжигать остальные. Та, может быть и куда-то и свозили, а во дворах каждый сам. [*Улицы как убирали*] я не знаю, до войны кто убирал, не знаю, понятия не имею. А после войны дворники были. Вот это до сих пор здесь одна ходит.

Наталія Володимирівна: Дворники были.

Клавдія Василівна: Дворники.

Наталія Володимирівна: Машины появились, от я студенткою была, на Мелитополь, поеду, это семидесятые годы, машиной, еду…

Клавдія Василівна: Это все… Они… Это "Зеленхоз" тода работал, вот они скверы, какие клумбы были. И такие еще на тему на какуюнибудь, то "Первое мая" с цветов сделано, отам, "Слава Октябрю", это все цветами выложено. В сквере это было.

[*В сорок седьмом*] было... Голод был. Голод был. Ну, как голод был… Я знаю среди студентов, которые жили в общежитии, от если им давалося забрать хлеб за несоко дней, от сели и съели, а потом кто как устроиться. Девочки, это не так, это как-то там экономили, с сел особо не привозили. Село жило хуже чем город. Вот в основном де сельское, с села ж были в общежитии жили, они не привозили из сел. Там нечего было брать. Единственное шо, это они кусочек макухи от это привезут, от такое, распарят от это такую похлебку едят. Ну а ребятам проще было. Они знакомства заводили с продавщицами молодыми. А там…

Наталія Володимирівна: [Сміється] Крошки.

Клавдія Василівна: И крошки хлеба. Если хлеб брали вот так в воду нож, а потом резала. Его резать нельзя было. Оно не понятно с чего было сделано. Это же там и отруби. Это еще хорошо отруби. А то от... ну отходы всякие там. Ну, как выкарабкивалась. Мой отчим… такой человек был, предприимчивый. Он за удочку, и на речку. Наловит рыбки, и любил, такие вентили он вязал. Связал вентель, кому-то за шо-то там, тому тоже ш надо от это, тот дал баночку муки кукурузной, там мамалыгу сварили. Набрал, наловил рыбы и идет, а женщины: "Ой, рыбка! Продайте". Он говорит: "Та нет, я продать не могу, а от на обмен шо-нибудь там". Принесет, может быть, рюмочку, отакую постного масла. От это он менял на рыбу от это шото такое. От так и жили. И потом же карточки были. Были карточки тода, карточная система была, да. А в селе карточек не было ш. Вот там выживали… Еще и выкачали перед этим все. Все увезли...

[*По карточкам*] только хлеб. Когда мы жили в Каспийске, там на карточки мы получали вместо сахара маринованный виноград, вместо сахара. Маринованный виноград. Или какой-то сок. Но там часто патоку еще давали на карточки. А здесь токо хлеб. [*На карточку*] ну, двести пятьдесят этому, иждивенцу, и триста пятьдесят служащему, пятьсот грамм рабочему. [*В день*], да. Но этого слишком мало. У рабочих же ш ничего нет. Картошку мерзлую это, ходили выры... я знаю шо папа ходил это, де-то на степь, сказали, что там где-то осталася картошка. Картошку принесет, это она мерзлая такая.

[*Отчим*], ну, как предприимчивый, он просто старался как-то где-то что-то заработать. От так и все жили. Так и все жили. У кого буряки были. Те ходили вот такие, пухлые. Потому шо, я знаю, вот Кравченки были девочки, так они пухлые были. Они красноще... И казалось бы, они такие, ели, а оно мочегонное, почки садятся, и они, у них все пухло, руки, ноги были пухлые. Это они не полные были, это просто были, отечность у них была такая. А так, кто как где мог. Я не очень была пухлая. От голода. Вам этого не понять… Вам этого не понять... Дай Бог и не знать, что это такое.

Наталія Володимирівна: Сколько лет ты мяса скажи не ела тогда.

Клавдія Василівна: Мяса? Сейчас я те скажу. С сорок первого по сорок девятый. Если в Каспийске там меня дядя был, он работал в [теце ?] это заво... цех, который стоит на воде, в море, Каспийском море, среди моря. И они там в рабочее время забрасывали сети. Браконьерство. Так он иногда приносил, если там удавалось, или шо-то делились между собой. И от это нам рыбу хоть приносил. Там... И, это… Мы там еще рыбу могли там то вяленую, то такую. Там еще... А здесь уже ш ничего нет. И вот впервые пришла с подружками с техникума, а мама говорит: “Садитесь кушать”. А девочки ж голодные, те шо с общежития. Знаю, шо суп с лапшой был. Она: “Садитесь”. И дает нам – утка! И на троих нам целую утку дает. Они все: “Вай, тетя Дуня!”. Она: “Кушайте девочки”. От это за сколько лет, за девять лет, мясо. Какое, какое-то мясо. Да...

[*До войны что ели*]? Ну, я, шо я Вам могу сказать, если у нас дома тетя делала мороженое специально для того, чтобы подать на стол. [*Вкусное*] очень [сміється].

Наталія Володимирівна: Она не работала нигде, поэтому она могла только этим и заниматься.

Клавдія Василівна: Она очень хорошо у нас готовила тетя. Это мамина сестра. Детей у них не было. Я одна была на две семьи одна. Так что… Ну, еще племянник, еще брата сын приходил. Готовила очень хорошо. Всевозможные деликатесы [сміється]. Делалося такое. Выбиралось вот раки, с них ножки, вот это вычищалися вот это, вот это шейки, это делалися, делалося такой суп, или салаты делались, вот такие деликатесы она готовила. У нас каждый раз, либо приходили гости, каждый раз было шо-то…

Наталія Володимирівна: Новое блюдо.

Клавдія Василівна: Новое блюдо. То суфле она делает это. Это фруктовое там это, все это, бизе. Вы понимаете, ну готовилось очень хорошо. [*И пироги*], конечно. Даже мама моя научилася у нее печь. Хотя никогда этим не занималась, это уже ей, она заниматься стала после войны. А также тоже никогда, ничего. Она всецело посвящала себя от это приготовлению, понимаете, от она знала, шо прийдут с работы, шо нужно подать. И это она, она не так у нас, суп, борщ там стандартное, нет, у нее шото было приготовлено. Ну, наверно, тода немножко продукты были, я думаю, более качественные.

[*К празднику*], ну, это утки, индюшатина могла быть, это... стояла. Это стояла какая-то большая и осетр, толи шо. Наверное, рыба здесь была, я так думаю. Наверное, такая более... Шо такое?

Наталія Володимирівна: Дорогая.

Клавдія Василівна: Вот это вот ставилось на столы такое. Понимаете, они жили выше среднего, от, жили выше среднего уровня. Выше среднего уровня.

[*В школу обед давали*] с собой. Там не обедали. Не кормили, нет. [*И буфетов не было*], нет.

Наталія Володимирівна: Оплачивалась учеба?

Клавдія Василівна: Оплачивалась учеба, это в сорок… какой же год? Сорок шестой, не сорок пятый, сорок шестой. Оплачивалась учеба. После войны оплачивалась учеба. После войны. До войны нет. Ой, я не помню, толи сто пятьдесят рублей… Оплачива… Хто это у нас хорошо помнит? Оплачивалась учеба. Да, учебники покупали.

Наталія Володимирівна: Еще я покупала.

Клавдія Василівна: Школа оплачивалась. Но я уже не помню. Я ушла в техникум, а даль... это уже это. Но, это точно было, шо оплачивалось. По-моему, не оплачивалось у кого отцы погибли, сироты, мне кажется, не оплачивали.

Наталія Володимирівна: Ну, вот сосед не смог дальше продолжать учиться, так отца ж там не было, потому что мать была не в состоянии заплатить за учебу.

Клавдія Василівна: Да.

Наталія Володимирівна: Что-то, какую-то часть нужно было платить, меньше чем…

Клавдія Василівна: Потому шо я тоже сирота, была, щиталася, я сирота. Вот. Но я знаю шо платили. Говорили шо если то ли шо погибший был, то ли, ну шо-то такое, то ли или рядовой, или те кто получали аттестаты, и это, должны часть были оплачивать. Шо-то, ну точно я не помню уже. Но это правда.

[*В школу ходила*] в обыкновенном платье. Байковом. Ой, какая форма, какая форма... [*Формы до войны*] не было. Посмотри он фотография,

он я со школьниками, это пятый класс наш, никакой формы не было. Все ходили в том, в чем есть. И все ходили в байковых платьях. Так о чем можна... это. Байковые платья. Вы знаете, шо это, байка? Вот, как халат. Вот ходили в нем. Это о какой форме могла быть речь.

[*Платье*], я не знаю, по-моему, токо шили. Я не знаю, или были тогда в магазинах платья. Наташа, ну покажи, там де форма, де мы от стоим. От видно уровень, сразу видно, кто чего это, в чем там. [*Из школы*] я приходила, снимала его да и все. В этом платье я, конечно… [*Дома не ходила*].

А, я банты не носила. У меня вот так были волосы. Косички были. [нерозбірливо]… Вот Вы сразу увидите, вот если она найдет фотографию, там это есть, там сразу видно, как бы, достаток каждого родителя. Вот там в форме у нас там. Здесь была такая Калина. Учительница, может помнишь, Наташа?

Наталія Володимирівна: Наверное, нет.

Клавдія Василівна: Так вот ее брат со мной учился. Вот он в костюмчике стоит. Очеретько, отот шо в техникуме преподавал, тоже в костюмчике стоит. А другие стоят, от эта байковая рубашка, вот тут такие знаешь, сразу видно шо дети…

[*Тетя моя*], у нее, это, она сама прекрасно шила, и у нее приятельница шила. И они друг другу… шили. Вот, я говорю, по той фотографии видно сразу достаток каждого этой… шоб это шерстяные кофты там были, нет.

[*Пальто*] было. Конечно, было, мне покупали его. Мне его покупали. Оно было темно-зеленое... Я не знаю, шо то, сукно то было или драп. А так в основном дети ходили – байковое пальто. Байка. Ходили. И капор вот такой байковый. Ну, вместо шапки от как капор. Знаете, шо такое капор? Не знаете, да...

Наталія Володимирівна: Как шарф, только от так сзади сшито.

Клавдія Василівна: Так, это, это лучший, это лучший вариант, потому что шарф хороший же ш был, это хороший. А то обыкновенные вот, можно сказать тряпка, и сзади сшитый. Очень плохо.

Наталія Володимирівна: [показує фотографію]: Ну вот, посмотрите, это родственники, наверное довоенная.

Клавдія Василівна: А кто это?

Наталія Володимирівна: А, там где они все.

Клавдія Василівна: Вот, я вам сейчас скажу. Вот моя тетя, видите? Вот какой на ней воротник. Где моя мама? Та-ак... Мама вот моя. Вот моя. Вот это приятель. Видите, как одеты это? А вот это я [пошкоджено запис]… мехах. Ну это моя тетя, это ихние приятели. Это ихние то, шо они это. Ну, вот он работал на заводе, он экономистом работал, как считай, как итээровец работал. Экономистом. Вот работал, Костенко… Сейчас я другие очки возьму. Вот я вам скажу. Из женщин работала вот моя мама и вот эта. Эта приехала в гости с Москвы. К ним. И эта, эта... Вот эти никто не

работал. Ни эта не работала, ни эта не работала, но эта очень плохо, так, полунищенское сущест…. Кроме как курения ниче не было. Вот не работали, вот эти не работали, эта... Мужья их обеспечивали. Потому они и не работали. Они создавали…

Наталія Володимирівна: Потому что было иначе.

Клавдія Василівна: Они создавали уют в доме. Шоб мужу приятно было домой идти, а не куда-то по забегаловкам бегать.

Наталія Володимирівна: Они были замужем за мужем.

Клавдія Василівна: Были мужья. Мужья были. Вот этот работал на какой-то... Ой... Сапожной мастерской, он хороший мастер был по пошиву обуви. Это очень хороший мастер был. Этот работал на заводе, я не знаю кем он работал там. Вот это муж и жена. А так они не работали. Зачем им? Вот эта прекрасно шила. Но шила она только для себя и для своих близких знакомых. Это они решили, ага, давайте пошьем что-то, и вот они начинают. Эта... какое-то выбирают и начинают шить. Ну, так. Ну, здесь же у нас магазин мехов был, меха были. И от это все меха там брали. Конечно, пальто были дорогие. Вот эта чернобурка была, она до вот этих пор была. Ниже талии. Вот это огромнейшая. Она ш на плечи вот это все это. Конечно, я думаю, что она хорошо стоила.

А обувь, знаете, носили, фетровые были такие сапожки. Магазины конечно... Фетровые. На кнопочках вот здесь.

Наталія Володимирівна: Фетр это не ткань.

Клавдія Василівна: Нет.

Наталія Володимирівна: Это битое, шерстяной вот…

Клавдія Василівна: Войлок такой.

Наталія Володимирівна: Войлок.

Клавдія Василівна: Тонкое-тонкое такое. И они одевались на туфли.

Наталія Володимирівна: Я еще застала. Все районное начальство ходило в фетровых белых сапогах с оторочками, вот так вот с кожи. Все районное начальство.

Клавдія Василівна: Фетровые это были такие. Вот как. Ну боты резиновые, знаете что такое? На кнопочках такие, да? Только это фетровые, з белого фетра. И вот туфель конечно, не какой-то туфель, а лодочкой, она изящная такая, “Шевро”, там, или я знаю, какие там это, высокого качества этого, и вот они одевали этот туда.

Наталія Володимирівна: Вот Вы шляпы никогда не встречались Вам такие, вот легкие, войлочные, вот, грузины носят, от солнца. Вот это такого типа фетр, только…

Клавдія Василівна: Плотный-плотный.

Наталія Володимирівна: Такого кремового цвета.

Клавдія Василівна: Да-да…

Клавдія Василівна: [Про фотографію]. А это же, вот это же дом, вот видите, с балконом, это хозяина дом. Это хозяина дом. А вот тут еще, это стояло вот так дом допустим, а здесь вот там дом стоял, вот так. Еще стояло два дома. Это хозяина. И вот они жили там на квартире, в этих домах, а это хозяина дом. Вот, можешь представить себе, шо это за хозяина. Это был, он работал рабочим, Давиденко… Дмитрий, не, уже забыла... Это рабочие. Это во дворе... [запис перервано].

Наталія Володимирівна: [Нерозбірливо]. И комод тут был.

Клавдія Василівна: Это то, шо осталося после войны. Ну и стулья, наверное, ш такие были и все. Ну, уже после войны у нас ничего не было. Приехали, уже разграблено все, растянуто. А шифа... а гардероб, наверное, вытащить не могли. Или хранили в нем шо-то. Потому шо там люди жили, они там и метал хранили, они там шо-то гнули.

[*Игрушки были*], конечно. Куклы. И глаза закрывались, и вот так это. И там мамкала она. Были, куклы были. Ну, шо еще там...

Наталія Володимирівна: А елочные были?

Клавдія Василівна: Ну, елочных… Так были... Елочные были. Игрушки. Очень красивые. И ватные. И эти... стеклянные. Тогда игрушки были коробками. Вот коробка. Там всевозможные и фрукты, всевозможные и зайчики, и котики, кошечки. У нас даже, по-моему, дома сохранились, были какие-то там, да?

Наталія Володимирівна: А вот парашют этот прозрачный, довоенный еще?

Клавдія Василівна: Да.

Наталія Володимирівна: Он еще есть. Парашютист.

Клавдія Василівна: Парашютист.

Наталія Володимирівна: Послевоенный.

Клавдія Василівна: А вот такие яблоки, груши, всевозможные фонарики. [*Под елку*] конфеты, подарки ложились. И туфли могли быть новенькие, и банты могли быть. И все могло быть.

[*Новый год*], ну, наверное, вот это отмечали все вместе, я не знаю. Вы знаете, я в том, в том возрасте, мы как-то, шо вот это Новый год, вот это там еще какой-то праздник. Я знаю, шо пришли гости, все... Я, мы часто ходили елку устанавливать прямо во дворе. Двор был большущий и восстанавливали елку во дворе. И от там вешали фонарики, там под елку ложили. И мы ото прыгали там, люди ото с этих дворов, а мы то напротив жили, они в этом двору жили, а мы напротив жили. И вот это так. И там постарше были дети. Ну, и все…

[*Мама под эту елку подарки*] ложила, ну а как же. И не токо моя мама, и другие мамы ложили. Двор, понимаете, это двор, в котором живут все люди, которые никода не запирают дверь. Вот они жили. В этот двор, туда нихто из посторонних не войдет, нихто ничего не возьмет. Как туда могли зайти посторонние, если это огороженное забором. Калитка. Одна,

и калитка другая. Наброшена там была. Кто ш туда зайдет? Это нужно снять за… крючок, там допустим.

Наталія Володимирівна: Ну а вдруг бы обворовали?

Клавдія Василівна: Нет, Вы што... Вот, например, они такое делали. Вот это то, шо я хорошо помню. Огромный стоял орех. Большущий орех. И двор большой, большущий стол. Наверно вот таких, три стола вместе ушло. И вот они привозили вот такую эту, яиц... И стояли женщины. Это все соседки, и от они катали лапшу на зиму. Они, одна с одного края, другая с другого края, та катает, та уже режет, это они летом занимались такими делами.

[*В дверях*], я не знаю, никаких колокольчиков не было. Стучали все. Например, в том доме, де жила моя тетя, на одной половине она жила, а в другой половине немцы жили. Да, они очень, очень общались, они находили общий язык… И тода таких… Щас очень много трикотажных вещей, всяких, да? А тода ж комбинации сами шили. Я знаю, батистом, или шо, там какие-то вставлялося, тут вышивалося. Да… Мотивчик вставлялся, а потом здесь "ракоко" вышивалося, отак делалося. Блузки вышивалися. От они, женщины, находили себе работу. Вот они если сидели, то они что-то делали. Так они просто не сидели. От я знаю, что вот эта Лиза или Эльза, или я уже не помню как ее звали, она очень хорошо вышивала. И она от это вышила пошла кому-то дарить. Кому-нибудь. "Я им хочу подарить". Да. Это все. Приготовила мусс, пошла там. Одна из них. Все время муж пил, а она сидела курила целыми днями, и дети голодные всегда. Она понесла им, корми... их кормить. Жили, он тоже. Он работал на заводе, я не знаю, кем он работал, ну, наверное, не рабочим он работал, я не знаю, он умер перед самой войной, не успели его это... выслать. Но зато ее с дочкой выслали. От. Так обеспеченная. Она и не работала нигде. И она ото... всегда этих девочек… кормит. Несмотря на то, шо своих двое детей. А мать в минорном настроении ото сидит. Курит и курит, и то качается, качается.

[*Что еще делали*]? Все делали, там даже у них были, цветами занимались, у них были, там это занимались. Все делали. То шо в домах были цветы, как оранжерея, то что это, на лето выносили там, некоторые цветы. На улицу. А эти во дворе. Был порядок всегда. Несмотря на то шо там их много было, шо дети были. Всегда порядок был. Всегда цветочки. Двор подметенный. [*Сами*] конечно. [*Деревья*]? Ну росли там деревья, ну я… Ну понимаете, это обыкновенный хозяйский двор. Понимаете, это не ЖЭК.

Наталія Володимирівна: Частный.

Клавдія Василівна: Это частный дом, двор. И вот хозяина там шо растет, там растет у него вишня. Значит, она растет, слива, значит слива. Это обыкновенный двор. Ну, от как у Вашей бабушки был двор. Токо стояло три дома. В двух домах жили квартиранты, а в этом жил хозяин на две половины дома, там он и сын жил.

Ну, там где мы с бабушкой жили, было три комнаты, кухня, и, такой, коридор, такой в ширину, как вот это наверное. В этот коридор выходило две двери. С кухни и с залы выходила. [*Какие комнаты*]? Ну, я знаю, две спальни. Если можно назвать это залом, значит это зал. Они небольшие были.

[*Какую работу поручали*]? Нет-нет. Ничего этого не было. Не было этого. Сами находили себе работу. Там старшие были девочки, мне было интересно. То они вышивали там, то это вязали, то рисовали. Ну, вот такое это. А так… Ну, дорожку подмели там.

Наталія Володимирівна: А музыка? Танцевали?

Клавдія Василівна: Да. Ну это старшие танцевали. А мы ш, те шо поменьше... Смотрели. Да. А потом старшие уже ш бегали куда-то, а ш мы за забором выглядывали. [*Танцевали*] во дворе. Если это была зима, в комнате танцевали. Ну, как, ну в каком смысле танцевали? Ну, патефон завели: "У самовара я и моя Маша". Такая была пластинка, может слыхали?

Наталія Володимирівна: Утесов, да?

Клавдія Василівна: Утесов пел. Или, [нерозбірливо] пела тоже. "Пожарника", да. И вот это, комнатки ш не большие. И отам потанцуем. "О! Опять пыль подымаете!" – это, значить, мать чья-нибудь кричит. А, девочки сами по себе. Ну, те старше были. Те намного старше были. Там девчата на шесть лет, на семь старше, конечно. Им уже со мной совсем не интересно.

[*К подругам на дни рождения*]? Вы знаете что... В тот период, когда я была до войны, были дни рождения. Какие могут быть, у меня могли быть подружки, ну, две, ну од... три там, это соседские девочки. Потому шо я еще в школу тода не ходила. Вот подружки. В садик я не ходила. Как таковых, не ходила в такой садик. А кода в школу была, ведь тода так не отмечали, как сейчас. Тода не отмечали. Тода было это все строго. И все должна была знать наша Анна Юровна. Это у нас в первом классе была Анна Юровна такая. Дочь священника. Она препо… Она учила меня с первого по пятый, по четвертый класс, по пятый класс. Никаких дней рождения. Нигде ничего. Я помню когда-то было это, Новый год, и мы все в пачках прыгали. Так кульки, я знаю, что папа, там еще кто-то, ну, короче говоря, принесли кульки детям, так она сказала: "А це шо таке?" Значить, и это, эти кульки, я не знаю, куда они делись. А в кульках были мандарины, там такая досада была! Да, Вы не думайте, шо это так это!

[*После занятий в школе что делали*]? Ой, я не знаю. Я не знаю. Ненет, я не знаю, я не знаю. Это если старшие классы... А в младших классах, ото балет. А еще была у нас Александра Фоминична. Может, откуда... Новикова?

Наталія Володимирівна: Да, я помню, я ж ее застала. Ее и Котикову еще застала.

Клавдія Василівна: И Котикову, да? Вот, одна играла, другая нам балет преподавала. Так это так: прыгать, шоб ноги не задирать. Вот это как было. Представляете? Для желающих. Она отобрала от там девочек, которые… Знает, которым пошьют там пачки эти ис марли, которым пошьют там, которым цветочки понацепляют там. А если бедность была непроглядная. Вы себе не можете представить... Если шел ребенок в школу и нес морковку. Это на обед. Так как Вы думаете, как они жили? Может и подбор был такой учеников, я не знаю, но бедность была страшная. [*Нам на обед*], ну, хлеб давали с колбаской, там, та с разным. Ну, и другой раз я как брала, так я его и назад приносила, я за него забывала. А потом где-то по дороге думаю: “Или собаку покормить”, потому что ругать же будут, шо ничего не ела. И то, кода вижу, там, этот, как же его, всегда дразнил, ой, еврейский мальчик, как его...

Наталія Володимирівна: Медведев.

Клавдія Василівна: Медведев, да.

Наталія Володимирівна: Ромкин отец.

Клавдія Василівна: Да. Я говорю: ты будешь кушать хлеб с маслом? “Да!” Я токо: “А ты будешь меня дразнить?” “Нет!” Только отойду, он опять меня дразнит. Ну драз… Ну как мальчишки то. Вредный был. Пока мой брат двоюродный не придет, он там с ним это... Не поговорит, да… Или этот, Коваль. Тоже был. Такой же ш... Вот Вы знаете, раньше ж всякие дети были. Одни высокого уровня как бы развития, другие, как сейчас бы, наверное, их бы в интернат бы отправили. А мы тогда все вместе учились. Вот у нас один был парень. Забыла я фамилию, конечно. Так его, он, короче говоря, мы учились в школе, у него уже усы отрастали. Ну, ему, если нам было по десять лет, ему было лет четырнадцать наверно, пятнадцать. Здаровый такой хлопец. Вот эта фотография, шо только шо Наташа не нашла ее, по нем же видно, шо теперь я понимаю, шо он таки больной ребенок. Он в одном классе ото по несколько лет сидел. От он сидит. Поставят его на стол рисования. “Садися, Павлик, садися”. Павлик сел: “Ой, я опять не успел”. А он пописял на стул. Вот это сидит. Понимаете? Сейчас бы точно отправили в интернат. А тода мы ж все училися все вместе. [*Дети к нему относились*] нормально. Нормально, все нормально.

Я всегда на демонстрацию с мамой ходила. Да, с мамой, да… С мамой... Как, как действо происходило? Мы шли на демонстрацию.

Наталія Володимирівна: По Революционной шли?

Клавдія Василівна: Наверное. К заводу, наверно, подходили сюда, наверное. Я даже... Помню шо на демонстрацию ходили, а как... [*После демонстрации*], ну, кто куда шел, может кто в кинотеатр шел, может кто куда, в парк, кто к знакомым шел. Школа, малышей, школа, я не помню шоб малыши ходили на демонстрации. Я не помню, шоб на демонстрацию ходили малыши.

Ходили часто в кино. Я сама ходила. Еще немое кино было. Котликова такая, Ольга Фоминична была. Она таппером работала, она это... играла. Я помню кино немое “Человек-невидимка”, потом то ли “Аврора”, то ли “Броненосец Потемкин”.

Наталія Володимирівна: “Броненосец Потемкин”.

Клавдія Василівна: От это ж бегут, а ворота открыты.

Наталія Володимирівна: С “Потемкина”.

Клавдія Василівна: Да. Ну шо еще было немое. Еще какой-то я немой видала фильм. Еще какой-то я не помню. Я только с родителями ходила в кино. Ну, это, сейчас может семилетний ребенок он болтается десять часов вечера он болтается на улице. А шоб меня отпустили в кино саму? Вы што. Это уже мне уже было лет десять так я ходила, ну, на дневной сеанс там с кем-нибудь ходила. А так – нет, токо с родителями. Ну не положено было ребенку болтаться по улице. Если это темно уже… Там делать нечего.

[*Дома*], ну, как это, чем я занималась. Очень много было это, это книжек, очень много. У меня бабушка была активная участница, она в библиотеку всегда ходила, моя бабушка. Она от… была совершенно безграмотной, она научилась от детей читать, писать. Уже дети кода пошли в школу, она научилась, этому. И она в библиотеке она все время, и у нас все время книги, книги. Ну, всевозможные сказки там, ну откуда я. Это все. Так што… Может ну, такое воспитание было, понимаете. Ну, игралась. Папа у меня играл хорошо. Музыкальный это… Начиная гитары там, он и настраивал это. У нас фисгармония была дома, это всегда играл он хорошо.

[*Прическу кто делал*]? В парикмахерской, в парикмахерской.

Наталія Володимирівна: Каре. А парикмахерская была… Там, возле этой, возле кондитерской, там была парикмахерская. [*Подруги*] кто фстригся, кто косички заводил. Это ж такое дело. Наташ, вот найди ту фотографию. Там интересное, там и учительские дети есть. Там Голуб есть там.

Наталія Володимирівна: Это наш зав районо [нерозбірливо].

Клавдія Василівна: Да. И его то ли тетя, то ли сестра. Вот это он. [*Учителя*] я не знаю, местные они были или нет. Ну да, были… Меня до первого класса учила, Анна Юровна, Тищенко, такая. Вот здесь Тищенко между прочим в гороно работал, чи, или в районо. Это ее сын. Она, у нее, потом они выехали отсюда. У нее муж был священник. И родители у нее священники. Ну, я не знаю. Это она с первого, это. А уже когда я в пятый класс пошла. Там была у нас классный руководитель… Марья Алексеевна Грицай. Она русский язык читала, муж у нее, уже такие, люди, высокообразованные, такие были.

Я ходила в украинскую школу. До войны. А после войны ходила в русскую школу. Потому шо я в Махачкале ходила в русскую то ходила.

Ходила в русскую школу. [*В украинскую отдали почему*]? А школа рядом была. Это была украинская школа. А-а, была еще русская школа. Это была большая школа. Сюда ходил мой двоюродный брат. И он был старше меня на шесть лет. И он, это… Я и не знаю, почему он в русскую не пошел школу, не знаю. У них на квартире жил физик, и от он, только он с ним, как-то общался очень, с этим моим братом, и брат хороший математик был и физик он был. И он пошел вот в эту школу. “Все, я пойду сюда”. Да, у нас в основном говорили на русском языке. А ходила я в украинскую школу. Мне все равно было, шо русский, что украинский. Потому что жила ш в таких… Там у нас еще греки жили. У нас каких там, знаете, уличка, улица маленькая, там кусочек был, там жили евреи, и украинцы, немцы. Вот это греки жили. Вот как-то так... Это… Общались...

[*Национальность определить*]? По-моему, нет. Если шо, это может быть акцент, язык. Может быть акцент.

Наталія Володимирівна: [Показує фотографію]. Вот это вот бабушка. Она довоенная, фотография?

Клавдія Василівна: Да, довоенная, мама

Наталія Володимирівна: Так, это еще мама.

Клавдія Василівна: Ой, господи, шо ты такие вещи…

Наталія Володимирівна: Это после войны, ну да, после войны.

Клавдія Василівна: Это я в техникуме училась. Вы знаете, у нас фотографии были. Они все остались. Здесь чемоданы остались. У нас фотографии ниче не осталось. Ну это мне лет пятнадцать-шестнадцать здесь. Я знаю, шо были фотографии, э, которые пряталися, это, наверно, это фотографии, наверно, маминого брата того, шо был репрессирован. Человек с образованием, значить, уже враг народа. [*Портретов в доме*] не было. У мамы даже не сохранилося фотографии ее родителей. Хотя я помню. Дедушку. Бабушку я не очень-то так хорошо, это, фотографии помню.

[*От родителей у мамы ничего не хранилось*], нет. Вы знаете, когда эвакуировались, половина, основное здесь все осталось. Взяли носильные вещи, и, это, наверно, пару подушек. Все. Все здесь, и постель осталась, все. Вот это как кровати были, так и остались. Потому шо нужно было только один чемоданчик.

Наталія Володимирівна: [Про фотографію] Вот это что, пионерский, сороковый год, пионерский лагерь, или где это ты там?

Клавдія Василівна: А ну, где?

Наталія Володимирівна: С галстуком.

Клавдія Василівна: Да, это пионерский лагерь. Это Бердянск. Это сороковой год. Вот довоенный. Вот наша пионервожатая. Вот, ну может слыхали, здесь Веретенников такой был, партизан, так это его родная сестра. А вот это его… где ж она тут, вторая, а это двоюродная сестра, да. Наташа, а это ш Лида Терейник рядом.

Наталія Володимирівна: Да?

Клавдія Василівна: Да. Я забыла даже. Это мы в Бердянске в лагере. Это я. [*Отправляли*] родители. Какие там школы отправляли, вы что!..

Наталія Володимирівна: Тогда такого не было.

Клавдія Василівна: Тогда такого не было. [*Что там делали*]? Линейка. Что там еще...

Наталія Володимирівна: Пионерские лагеря.

Клавдія Василівна: Пионерские лагеря. Ну, я знаю. [*Все в белом*], это просто у нас одежда была. От, у меня, например, это костюмчик. От видите, такой, с фигаро у меня был сарафанчик. Это просто платьице. Это вон, видите, с рукавом платье. Это Барчанская, вспомнила фамилию, Зина Барчанская. Кто в чем... Никакой формы не было. О чем вы говорите…

Наталія Володимирівна: Так, мама, вот это наверное [запис перервано].

Клавдія Василівна: Вот это мой дядя, вот это его дочь, а это его жена вторая. Первую жену его убили. А кто его знает, убили, это и все.

Наталія Володимирівна: Дом грабили.

Клавдія Василівна: Дом грабили. И ее убили. Он был команд… [*Это было*] в Симферополе. Он был в командировке. Куда-то в горы уезжал. Какие-то там... с этими... уезжал туда. И за это время, шо он там был, он приезжает, а она убита. А девочка, вот эта дочка, это моя двоюродная сестра, она просто спала, и они ее не тронули, не убили. Если бы она проснулась, она б тоже погибла. Думали, шо у них очень большое богатство. Ну, он работал в просвещении, вот это губ… губ... губернское.

Наталія Володимирівна: Ото облоно... это самое…

Клавдія Василівна: Крымское, это самое, в Симферополе. Крымского..

Наталія Володимирівна: Зав. облоно…

Клавдія Василівна: Зав. облоно он работал. Ну, как бы там ни было, бабушка осталася вдовой, один дядя у меня, только шо он не хотел учиться. Все остальные училися в гимназиях, все это. [Коменуючи фотографію]. Вот. Симферополь. Тридцать пятый год. Это его дочь. [*Жена*], наверно, младше и была, Лена. Ну, я знаю, шо она…

Наталія Володимирівна: Самое интересное, что кода его внучка в восьмидесятые годы, вот как только началась перестройка, написала, он сидел в Саратове, там пришло, что он погиб… Туда написала, то выяснилось, что он был жив. И что его жена, вот эта, вторая, уже в восьмиде... восемьсят втором году умерла.

Клавдія Василівна: Он не дал никакой вести о себе дочке, для того чтобы ее как-то...

Наталія Володимирівна: Хотя они получили, что он погиб.

Клавдія Василівна: Получали, получили шо он умер [нерозбірливо].

[Коменуючи фотографію] Этого Голуба тетка по всей вероятности. Вот я… Вот Валя Кузьменко, это которой у их дети учителей. Вот она, и вот ее сестра. А теперь посмотрите как одеты дети. Вы видите? Вот, и какие куртки на них, какое от это… Вот как одетый мальчик, вот, одетый мальчик, вот в костюмчике он стоит.

ТИЩЕНКО ОЛЬГА ПАВЛІВНА, 1921 року народження, м. Токмак, Запорізької області[1]

[*Я родилась*] село Мунтау Молочанского района, ну тогда я не знаю, Запорожской области мы не были, а были Днепропетровской. Ну да, губерния. Та че губерния, область. Це ж советская власть. Родителей помню. Но, понимаешь, у меня отца нету. Мать есть, а отца нету. [*Мать*] Александра Федоровна. Я тебе показывала ее портрєт? [*Она родилась*] в Курской области, село Грайвороно. Потом, когда у нее муж умер, ото шо на фотографии. Как она сюда попала? Она была сирота, как бы тебе сказать… Незаконнорожд... дочь помещика. И когда помещика жены родная сестра уезжала на Украину, ее мужу дали направление как ветеринару, сюда, в Большую Михайловку, направление, когда кончил он там. Ну, он просил перевести его на Украину, с России. И когда он получил это разрешение, приехать сюда. Вот. Значит тогда они ее взяли потому шо жена была больная легкими, туберкулез. А он уже старый был человек. И поэтому ее ж надо было девочку де-то пристроить. Она окончила церковную школу, ну как дочке дали образование начальное, да? Получила, с грамотой окончила четыре класса церковно-приходской школы. А потом ее привезли сюда, в Большую Михайловку. И тут отдали замуж за того Токарева, шо там на фотографии у тебя. Ну, как [*отдавали*], расписались, как там… Ниче. Никак не отдавали. Пришли. Так, когда этот витеренар приехал туда, поспрашивали, как маму отдать замуж. Спрашивали священника местного. Шо как, кого он порекомендует, ну, священным браком сочетать кого он порекомендует. Порядочного человека. Это ж симня, знаешь, знаменитая такая была очень. Тогда ему посоветовали вот этого Токарева. Который уже вишь, дети взрослые, мальчик в клиросе пел в церкви. Послушные, очень багатые были. Ну, зажиточные были, не багатые. Дом видишь, какой. Значит, подобрали, и все. Да, он принимал кожу. Принимал от населения кожу. Ну, там свиней, знаешь, их там просушивал, а потом сдавали на швейной фабрике. [*Он согласился*], так а че, молодая, красивая девка. Рабочие руки, че не соглашаться? Двое детей, ты видишь [вказючи на фотографию], стоят ее, она мачуха отаких детей. Алеша сын, и Мария, Муся

[1] Опитування проводили І. Савченко та Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко.

чи Мария, як ии там, дивчина. А потом он заболел и умер, потому шо эта работа ну, знаєшь, такая, она требовала, сквозняки там, просушка. И он умер, и ото дети сказали, шо ты нам пришла сирота. У нее ниче не было, когда она пришла. Значить: “Шоб ты ей дом не отписывал, наследство ниче не выделял”. После смерти мужа. Ну, мама сказала, я подожду, год пройдет. Как по закону. Да? После, похороним отца вашего, пройдет год, тогда будем говорить о наследстве. И прошел год, и она взяла вещи и ушла в Молочанск навсегда. Потом приезжал отот тесть ее, просил, шо: “Саша, вернися”. Она сказала: “Никогда”. А потом они поддерживали связь с Алешей и Маней, от. А ну, больше она там не появлялась в Михайловке никогда. [*А в Молочанск*] потому шо знаєш, Молочанск был тогда, такая, как-бы столица людей безработных. Там же были немецкие колонии? И наши русские женщины почти у каждой немки служили прислугой. Ты ж понимаешь, да? Все наши русское население, почти все были у немцев прислугами. Как это, экономками, и все. От. И поэтому. А потом, от Молочанска завод был недалеко. Многие ходили, я не представляю, шо это, и правда, ходили в завод на работу, сюда, до Фукса и Клейнера. Это потом уже перебирались ближе к заводу в Токмак. Так шо Молочанск раньше было большое такое. Конечно, культурное немецкое, как-то маленький Берлин был. Там же красивые особняки, вымощенные дороги были, багатые немцы, только багатые жили, тут особняки у каждого немца. Там не было так никого, там, не дай Бог. Там Ленпман был, и там другие, так шо. Поэтому люди йшли туда. Потом знаешь, в старое время Молочанск, в Молочанске очень было развито, от это свахи были знаменитые такие, ну любители этого дела, которые, ну, сватали людей, знакомили, и поддерживали связь, там выдавали замуж, как бы сказать. Находили пару. Свахи от это тоже нашли ж этого, моего отца неродного. Так шо Молочанск тогда был очень такой, ну, харошее место жительства, для людей, очень харошее. А с Токмака, в Молочанске, раньше ж не было такого соображения, ездили только на тачанках, да? Но в Большой Михайловке, в Молочанск всегда ехали охотно извозчики, извозчики возили людей, а в Токмак не хотели, бо тут был бадитский край. Ну сразу это хулиганство было, и сюда с Большой Михайловки и с Молочанска не очень охотно возили людей в Токмак, извощики. Потому тут всегда был такой край, такой ненадежный. Такие значить поселения были на краю Токмака. Всякие там хулиганчики, я знаю, какой. Я ж не все знаю. Ну я тебе говорю, шо, боялись, всегда очень остерегались ехать именно извозчики в Токмак. Если богатый человек могли и ограбить, и шо хочешь могли сделать. Это ж сто лет назад, шо ты думаешь. Это ты не веришь теперь, шо мы такие знаменитые. В Михайловке, у села, очень культурные, и щас там колхоз “Ленина” самый знаменитый был, и в эти времена, хотя их и выселили, эти куркулей, и посадили на голую землю щитай. И они возродились и были самые лучие, и сейчас они самый лучий колхоз.

Ну [*свах*] то скоко было, так обращались за помощью, ну, может, скоко-то там. Ну, в селах это не было? Не модно было, не практиковали, да? Осталась вдова, ну, родственники, ну, так, оставалась вдовой. А в Молочанске открыто, были свахи, красивые, которые занимались этим открыто, от к ней обращались: "Найдите мне пару". Она делала. Сваха была же. [Нерозбірливо], и чи как же?

[*Мама*] в Молочанске она жила, и уже поступила на работу, ее направила центр занятости, или как раньше, биржа называлась, да? Биржа. Ее направили на работу до Китата, врача, приберать. Ту, эту, его приемную. В него было полдома. И полдома – приемная. Приемную она приберала, ну и была у него же заразом как хозяйка. Помощница жены. Не, экономка это много очень, ну как прислуга. Можна сказать, как прислуга. Оно и от это есть де-то там тоже, шо я в Молочанске ее трудовая книжка маленькая, ну я не знаю теперь, найдем или нет. Там кода там, год рождения, православные, стоко лет ему, двадцать сем, а ему двадцать шесть, шестнадцать там… [*Другой раз замуж выходила*] в Молочанске, ну, в двадцать трэтем. Мне было года три. Ну, я ж у Китата родилась. Отца нету, прочерк, отца нету в метрике. Ниче она мне не рассказывала. Хто будет рассказывать? Двадцать первый год, голод, как ты выжила… Как выжила, у Китата выжила, корова была, и он врач был. Конечно, я была как член семьи. Значит, мама родила… Да, изнасиловал ее белогвардейский офицер. Это нельзя было говорить раньше, потому шо когда там кто при советской власти говорили про белого офицера, да? От. Может быть он бы вернулся, и не было б там прочерка, ну, факт тот, шо в метрике она поставила прочерк. Она сказала мне так в своей жизни: "Шо если это был какой-то человек, он был в Кетата в доме, врача, не был бы. А он был его друг, прыходил к ним в семью". Значит, это был человек, который, нельзя так шо пройдоха какой-то, да? Ну, факт тот шо в метрике она не поставила ничего. Отак. Значит, теперь, она работала в приемной там. Был страшный голод. Я выжила за счет того, шо у мамы роды очень трудные были, меня брали в Америку. Семья пришла немцев, тогда ж семья разрешила выезжать в Америку. Семья пришла немцев, шоб взять меня, а Китат сказал: "Я не дам, это девочка здоровая, пусть она останется у нас". Она: "Я его забираю себе". Ну, она очень долго болела, и выздоровела, и я ото осталась с мамой всю свою жизнь, пиисят четыре года. А голод, потому шо у них я ж говорю, это врач был, и все окружающие колонии привозили к нему продукты, он же их корми, это… Лечил, да? Я хотела сказать, выздоравливал. Он же их лечил. И там тогда, не было такого, шо от вылечил, привезли. Они ему везли все время. Ложили в подвал, ложили, ложили. У кого шо было, они привозили, а потом он лечил, шо когда кому приходилось. Там не так стоял вопрос, да, шо от я тебе, а ты мне, да? Они... Он никогда не смотрел, шо у него есть продукты, или нет, они старались, шоб у него всегда все было. Такой был закон. Там, я не знаю, оце ж Фишау, или Либенау,

там две-три или четыре колонии были. Я эти е знаю харашо, Мунтау, Фишау и Либенау – три колонии, которые на Мелитополь. А те, де-де там дальше, туда там в сторону, Теньго, не могу назвать точно, какие. Ну, было нескоко колоний. И он каждый принимал с утра, а после обеда отдыхал, а после обеда он каждый день, у него лошадь была Орлик, и он каждый день объезжал тяжелобольных своих, каждый день. Никогда не отложил, шоб: “Та ладно, сьодня не...” Да? Очень строгий у него был нащет людей. Он, еще много есть такие, которые его, которые он вылечил в Токмаке. [*Его фамилия*] Китат. Он был Латыш. Китат Альберт Фердинандович. [*Как здесь оказался*]? Ну он тоже наверно, он кончил институт и поступил. Я так думаю. Тоже ж мала була, я ж не буду расспрашивать. Я не языката була, нельзя було, там тихо было. Значит слушай, я поняла так шо... Мама крестная, наверно, говорила. А она была моей кресной мамой, его жена. Я те показывала, я ее письма берегу. От это я могу быстро найти. Ее письмо. Да. Значить, я берегу их, тридцать восемь. Шиисят лет им, да? Точно шиисят. Значит, е-е... Подожди-подожди, шо мы рас сказали? Ну, значить тоже так, наверно как врач, дали направление, не знаю че, почему так далеко, я не знаю, не могу сказать. От. Ну, я знаю, тогда. Он так говорил, там де он учился, в себе, в Латвии, их в институте выпускали только пять врачей, земских врачей, которые умеют лечить всех. Ну, он умел делать маленькую операцию. И все-все. И роды принять тяжелые, все. Они были большие специалисты, земские врачи. От это он, его родители решили так шо, сыну надо дать образование, от, врача. Шоб он жил самостоятельно. А дочери оставили все. Наследство, дом, ну, шо там было, оставили дочери. Ее обеспечили.А как он именно приехал, я не могу сказать. Я не все знаю. Це ж давно было, я малая, ну, шо, сказали, шо знаю, а шо нет.

Да, [*его жена*] – мама была крестная. Она меня, от как я родилась, мать болела тяжело, они взяли крестника, мельника молочанского знаменитого там, Сытник фамилия, Иван Федорович, взяли крестным отцом. А мать Китата жена была моя кресница. Крестная мама. И у этой крестной мамы, я тебе шо хочу сказать, я ее называла на “ты”, хотя раньше все на Украине маму на “Вы” называли, да? Я даже, а я маму крестную на “ты” называла. И я ездила к ней, всю свою жизнь, это был мой дом второй. Я с первого класса, как только я могла одна поехать в Молочанск поездом. Раньше токо поездом ехали? От. Я выхожу из дому. Беру туда билет, там на полугороде выхожу, иду до мамы. Побуду-побуду. Думаю, че я приехала? Луче б я домой поехала. И сажусь и еду домой. На каникулы, на все события, всигда-всигда. Всегда она мне писала: “Приезжай, будут скачки”. Там же аэродром был в Молочанске. У их конный завод, приежай. Приежай, ну, всю жизнь это была родная мама. Поэтому я всегда переживаю шо ты понимала, какое это высокое харошее миссия.

[*А крестный*], не, я его мало помню, знаю шо он, так уже как-то, наверно, ж у двадцать первый год, выехали, как я его помню. Китаты с ним,

наверно, не очень дружили. Ну, взяли ш, харошего человека, и все. У голод там муки нам кинэ. Скоко может. У него было два сына. Ну, были, я помню была с мамой когда-то раз в гостях у них. Тетя Маруся жена его, Коля – сын. А кода я родилась, меня не знали как назвать – Леной или Олей, да? Китат же хотел Леной, а кто-то там Олей. А тоди, значит... Знаешь, как в старое время, давайте ребенка спросим. От как он назовет, так и будет. Детей иногда спрашивали. От этого Колю спросили: "Как?" Он сказал: "Хай буде Оля". От я ему благодарна до сих пор. Шо он мне выбрал имя. Харошее имя. "Пусть буде, – каже, – Оля". И быстренько меня пошли зарегистрировали.

[*Вечерю крестной*]? Не, не, Боже сохрани, яка вечеря? Це латыш был, у них совсем другое, там. Не, ну, так я маме не понесу, нет. Нет. Это нет, это щитались, не. Это не принято было вообще. На Рождество я не ездила. Елку мне делали родные, ну там нет, там. Каникулы, я приежаю, живу как у них. Соблюдая ихний образ жизни, понимаешь? Но там... Он же был, кто менонит, не меннонит, или как он называется, по вере? Ну, ты поняла. [*Крестная*] русская была, она русская, она с Ленинграда. Крестная мама с Ленинграда. Но это не… А дальше не было этого по-моему. Она тоже была не очень верующая, по-моему. Так шо, я выросла без всяких забобонив, от это, как это называется. Ну, я не могу быстро крикруть по-русски, скажи. Суеверий, и всяких та отаких. Мама считала праздники это большие праздники престольные, это Пасха, Рожество, Покров, там еще, какие мы празновали. Троица, да? Все эти праздники. А то все она не признавала. А та [*крестная*] вообще никогда ниче про ту не говорили у них.

В Токмаке мы все праздники праздновали. Я ж те говорю, у меня елка была очень красивая, у меня первую сделали. Отакие вещи нада елку делать, шоб это было на всю жизнь. Не так, шо это теперь папа и мама вешают игрушки. Раньше это Дед Мороз принес, так? От меня спрятали. Я ничего не знала. Ну так, пошла спать. Уже когда совсем все, думаю, шо они там делают? Шо-то постукивают, ну какое мое дело, знаешь? Отец не родный был, строгий очень, я там не умничала. Я думаю: "Шо они могут там делать?" Ну, мое дело маленькое. Я утром открыла двери, а стоит елка, до потолка. Тода ж маленькие квартиры, обыкновенные были. Там знаешь, игрушки были. Вся сияла, вся красивейшая. Так от это была елка, это принес Дед Мороз. А если теперь разрешают, постепенно это знаешь как упростили теперь? Это напрасно! Очень упростили. Сначала начали прибирать заранее, потом папа мама, потом дети начали уже украшать. Потом она стоит три дня до Нового года, да? Нет, это подарок, это Дед Мороз принес, пусть это будет на всю жизнь память. Там игрушки положить, утюжок красивый, и самоварчик красивый, ну, как девочке, очень красиво. Очень. Я никогда этого не забуду, никогда. Это, от если вспомнишь, какое детство, там то голод, тридцать третий, то двадцать первый, так шо вспо-

минать? Но это остается точно. Шо были родители, которые обо мне позаботились, шоб у меня была елка.

Когда мама вышла замуж, и они переехали в Токмак, он работал в заводе рабочим. [*Отчим*] он был очень тяжелый характером. Ну такой страшный человек был, шо кода мы жили уже, я была, мне лет десять было, отут на улице Карла Либнехта, я те говорила, где водопровод был щас, южная водопроводная станция. Там флигель был такой. У нас было там две комнатки, и… Так до нашего крыльца никто не подходил. Если он сидит на крыльце – то на улице никто не подходил. К маме в жизни ни одна женщина, никаких подруг. Понятий не было, шоб пришла, соседка. Боже сохрани! Ой, комедия. И, слушай, была такая врач Торчевская, очень знаменитая женщина. Она училася в Германии и на немецком языке выучилась на врача в Германии, представляешь? Очень знаменитая была здесь тоже, в Молочанске. И вот она была друг, Китата, такая, это уже подруга была настоящая. И когда был голод, так она приходила яйца покупать там, например. И мама ей ой, не уступала, и так довала, и все. А дед сказал: "Токо так". Она говорит: "Нет, так". И поссорились, он не уступил зернышка, да. Это тяжелый человек был. Ко мне дети вообще не приходили! Вообще никода нихто в дом не заходил. Так его жена бросила, и бросила ему трех детей. Две дочки и сына, полугода. А тогда ее пристыдили, и она пришла, сына забрала, Володей его звали. А Люба и Надя остались с отцом жить. И как они жили, я не знаю. Ну, жили они, там в Молочанске казарма была рабочая, она и щас по-моему там есть, эта казарма, здание. Если ее, по-моему не снесли, не знаю, казарма, шо так, квартиры, рабочие, да? Так ото так он с ними жил… Бараки, да. Токо так, у каждого отдельно. Ну, одно здание, вход отдельно. Ну все вместе. От. И как, я не знаю, как уже, он уже с ними, она уже выросла. Потому шо когда я уже выросла до десяти лет например, так они уже жили в Токмаке. Люба и Надя, дочери, жили в Токмаке. Они приходили к нам. До отца приходили, и приходили знаешь как? Были замужем, и одна была замужем за заведующим магазином, номер один, нашего первого магазина, а он был такой… Она красивая была, девочка Люба. И он был такой ревнивый, шо, в кино пойдут, и она там восторгается артистами, и он прийдет, на ней всю одежу порвет, и прийдет отцу жаловаться на его дочку. А мне радостно – оце клапти пособираем, куклам такие шили – не дай Бог. Страшное дело. Я рада была – хоть бы часто бытись. И я у их была, то у Любы, она брала меня, ото иногда переночую, шось полазю. У них прыпичок был полна семечек, сто стаканов, она лускала, не переводились. Прийду: шо такая, дикость такая, когда там Китата, у нас семечки, ты шо, эта. Еще плюнуть на… Та не дай бог. А к Наде я не ходила, она была старше, строже, неприятная дама. От. У Нади детей не было. От, а у Нади был муж пьяница. Да. Они, значит, там и выросли наверно, в казарме, а потом приехали сюда к отцу. Ну, она вышла замуж за латыша, так он такой дядя мировой был, все делает. Она

работала, потому шо как же? Она работала, а муж, ты знаешь, все-все в доме сделает. Выдрает пол, отот раньше деревянный до бела, да? И шоб белый. И постирает, погладит, и приготовит. Ну, ничего, она богиня была. Ну, как если он запил, все – дверь открыл – все продал, все. И она приходит – ниче в доме нету. Ничего, и он к нам приходил, тоже ж. А он приходил к маме, тоже жаловался на нее. Не знаю, чем там уже я… Я уходила из дому, куда там. Когда они ссорились, у нас была такая, дом был, шо печка и духовка – в ту комнату. Печка тут, а духовка туда, в ту комнату. И от когда они прийдут, ссорятся, я лезу туда, в ту комнату, сижу. Слушаю, шо они там, интересно. Все. Ото я так и знала, мене ж ниче никто не говорил там, зачем мне говорить. Но, мне не нада. [*Разница в возрасте у родителей большая*], та, конешно, лет двадцать. Ну, не меньше. Много очень. Дети взрослые были, а шо ж. Ну, пятнадцать, не меньше. Это если мне десять, а Люба… Уже ж двадцать было Любе. А мне десять. Еще в кино она мне иногда прибежит, возьмет в кино за компанию, да? Уже тут, в Токмаке. Когда я тебе говорю, лет десять было. И она мне раз говорит: “Идем, картина идет харошая, “Второй брак”. Думаю: “Начинается”. Ну, я еще брак не видела. А дед прийдет с завода и кричит, шо девочки, его рабочие, брак наделали, и то и... Я этот брак так боялась слова, да? Шо это ссоры были вечные. Маме выслушивать шо-то нада, советовать. И я думаю: от это еще брак, я пойду еще смотреть кино “Брак”? Когда это и правда было хорошее. Это ж мать, отец женился и второй брак. Хороший фильм был. Так ото я запомнила, шо это был хороший фильм, потому шо слово “брак” было.

Он, отец, был очень харошим специалистом, специалист по чугуну. Чугун обрабатывать, было, нихто не мог, потому шо он крошиться, да? А детали нужно делать, ну, как это, качественные и точные. И его даже премировали у Крым, как ударника. Раньше ж не было ударников труда. Просто ударник. И была у меня фотография, он сидит на лодке обыкно… в санатории, на лодке, это была такая привелегия большая. Павел Гордеевич Кубаченко. [*Когда они расписались мне было*], ну, щитай, пять лет. Ну тогда двадцять шестой примерно, двадцять пятый, двадцять шестой год.

Значит, он вошел в нашу семью как-то незаметно. Потому шо я это не уловила. Нас было двое, а тепер трое. Я это не уловила. И он у меня. Относился ко мне очень спокойно. Как будто бы меня не было, понимаешь? Ну... как тебе правильно сказать... Он не обижал. Он старался со мной готовиться к школе. Шоб я училась читать, писать, ну я, я понимала, что я ему не нужна. Я это просто чувствовала, да? От росла и знаю, что я, да я иду домой. А там у меня мама. Дома меня ждет мама. И все. Ну, они получили квартиру в Токмаке, когда приехал он рабочим. Они с Молочанска приехали сюда в Токмак, вместе. Значит, в Молочанске, а тогда приехали сюда, а я мала була и не помню.

Мама, знаешь шо, я люблю свою маму, она была очень гордая. Он был самашедший такой, шо от крычав, ногами топал, драться лез, ну, знаешь, дурак? А мама была молча, ну, очень гордая. Я ей за это благодарна. Я тоже хотела в жизни быть по ее примеру гордой. Значит, знаешь в чем это выражалось? Она наверно, я так думаю, девочки, когда она выходила замуж за такого человека, когда ее саватала сваха. Шо: “Саша, с ним нихто не хочет жить, попробуй ты”. Ну, да, а как же, бросить трое детей и уйти жене. Этот ж шо-то значит. Наверно, хватит? И нихто не был, да? Значит, тогда мама, наверно, с ним оговорилась. “Шо ты мою дочку не тронешь”. А общих детей не было. Не было. Наверно, она делала это дело, один раз, бо меня куда-то там отдавали ночувать, она была в больнице, значит, она делала. А больше не было, а меня он ни трогал. Значит, такой был договор, а иначе не может быть. Только так. Во-первых. А хотя я была очень страшная, балованая и бандитка. Но меня нихто не трогал. Нихто.

[*Зачем за него мама вышла*]? А дочка в голод? А она дочку вырастила. Она поклялась, шо она выучит дочку в институте, шо она не будет прислугой, как была она. Это был ее девиз, ее клятва. Я эту клятву выполнила. Я окончила в Москве институт и привезла ей диплом. И хотя я должна была шоб получить диплом, поехать на практику на текстильную фабрику под Москву на девять месяцев, а Сергею был год, старшему сыну. Я получила вызов, и пришла и сказала маме: “На, или развод, или диплом, выбирай, шо ты, бо ты...” Зятя любыла, она, Сергея. Лучче всех был зять. Значит так, выбирай. Или зять, или диплом, или развод. Она сказала: “Диплом”. И я села и поехала. И закончила институт, и Сергей приезжал в гости, и нихто потом ниче не говорили. Так шо я мамыну, вышла замуж за ее любимого зятя, и кончила институт. Я угодила ей за… И когда началась война, девочки, эта, Отечественая, я не могу Вам так рассказать, шоб создали историю харошую. Кода началась война… Я маму не бросила, я не полетела с офицерами. Ни с красными, ни кем. Потому шо она меня не бросила в голод. Я не сказала, шо мама, не, я ее не бросила в эту войну. Я ее похоронила, от в этой комнате я приняла ее последнее дыхание. Я ее не оставила, в знак благодарности за то, что она мне в жизни дала. Отак у нас. У нас не было любви, ни поцелуев, ни баиньки, ни “мама”, не... Ничего. Мы росли рядом, как, хе-хе… [посміхається] как солдаты на высоком сознании. От если я это должна делать, я это понимала, что я это должна делать. Шоб я пришла. Отец там нервничал, че я пришла поже девяти, да? Я приходила вовремя. И каждый день, шоб я пошла к папе и не сказала “спокойной ночи”, так дети раньше не росли. Я, може, и росли думаю, но я – нет. Я всегда должна была сказать “спокойной”... отцу, ей. Как положено. Вот такое дело. Так шо. Это очень такая, история поучительная, и... Настоящая история, как всей страны, понимаешь?

[*Мама хотела*] так шоб не быть прислугой, шоб я зарабатывала. У немки там не прибирала, полы мыла. А я сидела в горкоме партии – мене

мыли каждый день. А не я мыла. Поняла? Вот тебе и все. А раньше получить высшее это тоже шо-то значило. Хоть легко было поступить в институт, но тоже не все учились. Мы, тогда была такая гарантия, когда кончишь десять классов, то легко было поступить в институт, можна было. Без денег, конкурсы. Тоды и конкурсов не было. Можна было. Ну, а дальше, же тоже кто как мог учиться. Ну, легче было как теперь, как. Работу ж была, работа уже щитай.

Отец потом у голод тридцать третьем поехал к своим дочкам, в Москву. Они уже там жили. [*Замуж я*] после войны вышла, летом сорок пятого.

[*У родителей в Токмаке квартира была*] обыкновенная, такой флигель, назывался, маленький домик. Ну, две комнаты, ЖЭКа домик. Ну, в старое время он флигель назывался. Оце. Царская пристройка. Там был во дворе такой пристройка, отдельный флигель. [*Отец*] работал токарем до последнего дня, до пенсии… На заводе. Потом уже был на пенсии, нигде.

А мама тоже нигде [*не работала*]. Потому шо знаешь, у те времена нельзя было, такое было, шо нельзя было работать, ты шо, он ее убил бы. Во-первых. Раньше жены не работали, да? Когда он работал. Так нам хватало денег. Его зарплаты, шоб она не работала. А потом когда стало трудней и трудней, она так: она пошла работать в больницу, и очень любила работать санитаркой, в хирургическом отделении, у Серебрякова. И вот она прийдет, наготовит нам кушать на день, ну она ж сутки. Вин пожрэ, все пожрэ, и все, а дальше нима ничого. И он на меня кричит: "Иди, зови мать, иди, зови мать домой. И шо это, ниче нету кушать". Я прийду сюды в больницу, сяду под окном, где она работает, сижу, сижу. И иду домой. Он уже пэрэпсыхуе, и я иду домой. А, ей говорю: "Федоровна, Оля приходила". Ну. Она поняла, шо это дурное дело, и ото взяла уволилась. А она очень любила, она могла, если б другой муж, она б робыла всю жизнь. Именно там, где тяжелобольные. В хирургии, и ухаживать нада было очень харашо, там. Там работала.

[*Мама*] кружева вязала, да, простыни, тут, знаешь, раньше делали простыни, тут кружево и прошву? Ну, на подушки вязала людям. А это у нас висело, я ее просто так. И думаю: "Та, кому она нужна"? Ты представляешь, от это сидеть и вязать, да? Отак. Крючочком, обыкновенным, крошечным. [*Научилась*] та, еще когда она была еще девочкой. Там… В России. Да, когда она еще была совсем девочкой. Она очень любила вязать, она от это и ночью. И руки у нее отдыхали. Только она освободится, она вяжет. А я не умею. Ты знаешь, я пыталась вязать, так у меня страшные, отаки пэтли, и ой... Ничего общего, все. Ты видишь, да? Это чисто женская, это она вязала уже немолодой. Ну, на заказ. Так делала. Не так шо продавала, а на заказ. Прийдут: "Федоровна, вывяжи". Она вязала кому и все. Ну прошву попробуй вывязать, и кружево внизу. Це ж два мэтра? Четыре мэтра. Вязала всем. [*Заказывали*] ну, такие женщины, ну, соседки. Я

знаю, хто. Раньше мода была, девочки. Раньше знаете, как. Во-первых. Очень многие сами вязали. Раньше было в комнате, в доме. Вы никогда не представляете, занавесочка – кружевце, одежка – кружевце. Штаники, штаники сюда – кружевце. Теперь слушай: в комнате было вот это вязаная скатерть, графин, ну, поднос, графин, и стаканчик для воды, да, и крышечка – вывязаная. Ну, или с материи и обвязанная, да? И графин. Все. Все. Все было вывязанное. Все. Были такие любители. Га? И все это были женские вышивки. А потом пошли уже вышивки, крэстиком, а потом от эти ковры делать. Было такое, шо на одеялах выбивали ковры [запис перервано].

[*Земли у нас не было*] никогда. Никогда. Я не могу сказать, шо если была б, то я была б прэдана земле. Я б ухаживала, я б очень прэдана была. Но у меня ее не было, не было. Я, значит, видишь, это дается по, по наследству. Меня мама учила: "Никогда не имей хату". Она считала, шо если ты будешь от это отказывать себе в жизни, в еде, пока ты ее построишь. Она и может не принести тебе счастья, эта хата. Она нэ нужна. И я все время не строила эту хату. Отак, скитались як идиоты, по квартирам, а хату не строила. Теперь нечего в наследство оставлять, нема и детям, нема хаты. И отак она меня приучила, не считать, шо хата это все в жизни – источник, и, и все.

[*Мама*] она меня ничему не учила, это было дитя нэщасное, потому шо, она, знаешь, говорила как, по принципу: "Твое дело учиться. А это я. Тэпэр у мэнэ нема даже и фырменного пырожочка". Шоб я спекла, это мой фирменный пирог, рецепт послала в "Бабушку" там, от это мое. Качаны как варыть – ничего. У меня нет такого, шоб я возле там кастрюли, гэпала, бегала, тушила. Я, ты знаешь, одну женщину знала, я к ней когда нэ прийду – там тушиться, там вариться, там выпикаэ, тут четыре канфорки и духовка, все вот так вот. Я такой никогда не была. Потому шо мама готовила. Мене сказали: "Твое дело учиться. От учись, и все". [*По дому*] полы мыла. Окна мыла, мало ли. Все делала. Но, я тебе, говорю, шо это... [запис перервано].

…а, ну это она уже ж старая, мы ж тоже в возрасте, у нас тридцать лет было, или скоко. Если она умерла, я на... точно, тридцать лет! Пощитай, она, я Ольга, у нас с мамой тоже тридцать. Ну, опять же, кода я замуж вышла, я Сергею сказала, он сказал там за женитьбу, я сказала, что: "Я выйду с мамой". Ну, он не пикнул, потому что я тебе ж говорю. Шо она сирота, шо я, куда я ее брошу? Так было такое, негласный договор. Так значит, опять же она все делала. И Степана когда я получила, в положении Степой, так я пришла: "Ма, шо будем делать?" Сергею шесть лет уже было, уже казалось бы отдыхать ей можна, а тут второй. Она говорит: "Скоко смогу, стоко помогу". Так. Опять же она работала, потому шо мы ж бегали по работам. А в старые, а раньше в советская власть, один выходной – да?

И двенадцать дней отпуска экономисту с высшим образованием, и все. Не разгонисся.

[*Мама вставала*] рано, в пять, в шесть там. Очень рано. Как люди. Это ж раньше не лежали женщины. Это не так, встали – полежим, ще прыляглы, да? Там встали и началась работа. Пошить, то постирать, то приготовить, то шо-то там. Хотя раньше консервирования мы тоже не делали. Не было ж этих банок, этого ж не было в те времена. Это потом. Я когда-то как пришла на базар, отак стала и смотрю – стоят яблоки… Помните когда-то были отакие бутыли – там стоко-то фунтов... бутыли были, от, терновку, или аспирин, или шо-то там, аспирин добавляли, и закрывали ото. А банки были отак от завернутые, крышечки, сверху. Отак от спаренные, да? Как воротничок. И тогда так обвязывали их. И были очень большие банки, разные размеров. Ну, крышками именно не, не закатывали. Загатовки делали там, ну, кто, какие по возможности.

[*У мамы*] пенсии у нее не было, она ж не работала, и пенсии у нее не было... [запис перервано].

…и поскоку она [нерозбірливо], то у нас всегда стояли макитры кваса бурякового, всигда. От это и хлебный квас был свой всигда. Всигда. Это стояло там и варыли, и окрошку, или шо, там, пили. Это свой был квас, не покупали. [*Окрошку*] готовили, ну, она ж русская была. Конечно, мы никогда не варили борщ. Я и щас. Прийду – у Вали борщ, у Оли – борщ, у Валюхи – борщ. [*А у нас*] кашу гречневую, супы, рыбу. Очень много рыбы ели, жарили, [нерозбірливо] делали, кисели варили молочные, все-все. Ну борщ, как борщ – та ни было. Вареники? Нет, делали, почему, любил дед. А Сергей... Он же был полтавец, так ему канешно, варэныки и борщ варили. Но, в принципе, я, лично, ну, не национальное мое блюдо. А вообще, как раньше, когда еще дед работал, ну, перед голодом, например, когда в тридцать втором году, предположим, харошем, да? Предположим. То утром было только так: яйца, масло и самовар красивейший был чая. И самовар был пока до голода, пока его продали. Потому шо это были русские люди. Поменяли, продали. Ну, я тебе говорю, шо, это я выросла с чая, я привыкла шо это чай, это очень красивая вазочка для масла сливочного. Очень красивая сахарничка. Мама собирала, посуду покупала, любила. От, посуду, там одежу она не, не приветствовала, такое. Значит, вот это был мне праздник. Это был завтрак. Обед – каша гречневая, дед мало ели. Ну, там шо, сделает. Но борщ, борща, как борща – не было. Они обое были русские, да? Вот тебе точно так. [*Пироги*] пекла, пекла. Ну, это Россия, пекли пироги. Ну, с мясом, там с фаршем, я знаю, с чем, с фруктой. Но пироги делали на весь бэтэк. Не то шо там кругленькие, поделят там, рэжут. На весь плотык [запис перервано]. Не, она пекла много, харашо. И она так, ты знаешь, она, уже как жили харашо, еще отец работал, так она, она была такая толстая, шо уже не могла дыхать. От она печет, этажерка, да? На всех полках там стоит там слойка, там это, там “Наполеон”. И пое-

хали до Кетата, она взяла, шоб похудеть, и он ей дал такое лекарство, она похудела харашо, такой красивой формы была, фигура. И тут война як началась, и як понеслось, и все, больше она никогда толстой не была. Дальше уже мало получали, пэрэежали, и вообще. Семья вже была. [*Что за лекарство дал*]? Не знаю, нэ, это сикрет. Ты знаешь, мы думаем так шо он откудаво-то получал, и через может быть даже с Америки, немцы, которые там связь имели. Потому шо он лечил все. От другие врачи не могли, да? А он мог. Он выпишет – малярию вылечил. Выпишет – это вылечил. Порошки он делал сам. Ну, по-моему он этих, жидких не делал, микстуры, а только порошки назначал. Мази, порошки. Это он сам делал. Кого лечил, какая болезнь, он то, то, назначал. Так, может быть даже так мельком проскользнуло, шо ему помогали оттуда. Там же выехали, а он остался в Молочанске. Или как так. Связь. Хм, ну, как бы сказать, это я как так мельком услышала, ну, как говориться, мельком. Ну, этому можно поверить, потому шо аптек не было. Почти. Ну, шо там, ну, не знаю, не знаю. Ну, пусть там, это я так тебе говорю, не для печати. Потому шо он был, то шо он специалист, мог правильно диагноз поставить. Но потом его надо было вылечить, да? Ну, значить, умел.

[*Еще врачи*] были, но, а как, Талонюс был знаменитый хирург, очень, была врач в больнице немецкой. Талонюс. А это Китат, а других я не помню. Ленцман там. Других фамилии я больше не помню. Туды приезжала, какие врачи. [*Они не общались*]. Я думаю у них даже конкуренция была, нет. Нет, нет, очень строго. И от это шо у мамы были такие роды тяжелые, и у нее был узкий таз, я не могла родиться, меня щипцами вынимали, так это Китат и Талонюс, шоб спасти эту женщину. Они уже вынуждены были вместе сделать, понимаешь, эту операцию. [*А так они не общались*], нет, нет. [*А в Токмаке*] Дименкеев, был врач был детский. Щас там [нерозбірливо]. Ну, Серебряков был же, хирург знаменитый. Вообще, выехал с Токмака. Олеськин папа был, Ленчиус, легочник, как это, как это называется правильно. Ну да, шо легочные болезни лечил. Его в Запорожье забрали, Ленчиус фамилия. Ну, а остальных, я тоже, я ж не болела, не знаю. Мама не болели, мы никогда, ничо не касались. К ним нихто не обращался. Ну, наверно, наше дело были стоматологи. Раньше не очень обращались. Это теперь бегут. Трещинка, бегут, весь Токмак, и бежит. А раньше – корни, одни корни во рту, воно робэ, живэ. Ну, наверно были, я не могу назвать таких.

[*Аптеки*]? Музей, это была богатейшая аптека. Значит, это там было сто вертушек, от этих, которые. И там все, одни лекарства. Там все-все забито было. Токо лекарства. Больше [*аптек*] еще я не знаю, одна была.

[*В двадцатые годы*], ну магазины… Были частные Параскева. Частные Вали, Вали Параскева, дяди, Параскев был начальник цеха в заводе, его дяди магазин был. Отам де был торговый ряд. Там торговый ряд, там перед, до того, как это, до того. Так был Параскева посудный магазин, по-

тому я знаю, потому это мама ж ходила брала у него посуду, и чайники там, блюдечки. Все на свете. И она, у нас такой был стеллаж большой, такая красивая посуда была, она все оттуда брала. Так за то шо она у него покупатель, он нам прэмию давал. Значит, отакую вазачку падорыт. Там через врэмя еще шо-то подорыт. От, да. И она прийдет, скажет, шо это мне подарил Параскев. А потом было наводнение в Токмаке, шо плавали, знаешь, стены падали. Ну, я не знаю, в тридцатом, каком-то. Да, а как же, затопило Токмак. Так у нас это стена упала. И цей мыснык упав и розбилась посуда. И конец. И она закопала ии и больше ничо не покупала. А тут война пошла. Скоко мне лет было… Щас мы пощитаем. Мне было лет… Я была в институте. Значить, тридцать девять. Ну, перед войной. Ну, шо я была на первом курсе института, тридцать девять – сорок, сорок один, сорок. Сорок один – война. [*Наводнение*] это было осенью по-моему, значит, в тридцать девятом году. Да. Потому шо меня дома не было. А в Токмаке плавали на лодках. Ну, подземные воды, ну, наводнение, дожди пошли, а потом эти, наступили, тут же, где мы жили, вода низко, поступили подпочвенные воды, и короче говоря.

[*Магазин Парсакева*] был, наверно, скоко, скоко разрешило государство? нэп был. Это нэп был. Кода нэп был? Вы можете сказать? Жили харашо, все было достаточно, и потом, наверо ж, закрыли. Я не бегала, меня не посылали в магазины, мне не было такого, как другие дети растут. Оно пиднялось: “Иды, иды купы й прынесы, та йды, йды”. Мене нихто никуда нэ посылал. Меня нихто не посылал, мама сама это все делала. [*Посмотреть самой*]? Не, Боже сохрани. Какой может быть интерес. Я, мне интерес, знаешь шо, я тебе скажу, у меня подруга была, такая девочка шустрая. Мы бегали в церковь. Единственное место, куда мы бегали в церковь, отак зайдем, купим свечку, выберем самую страшную бабу, шоб похожа на Бабу-Ягу была, а там бабы сидели раньше, много было сидячих мест, нэ вси стоялы народу много было, очень старая церковь, ходылы. Подойдем, и [нерозбірливо] и Вы, пожалуйста, расскалуется, нам предлагает, и мы зажигаем. Нам это нравилось, шо нам это все делали. Не мы, а нам. И мы отойдем, потушим, опять выберем, еще другую ходим. Потому шо это можна было со взрослыми. Я не могла такое ниче делать с отцом и матерью, с мамой. А там можна. Чужие люди, и на тебе, предлагаем, пожалуста, зажечь, и поможет подержать, мэни це интересно было. А це не.

[*В магазин игрушек*] я только заходила, когда сынам было уже по пять лет. Сорок лет когда мне было, я заходила. И то говорила так: “Ни просите ничего, только зайдем посмотреть. Согласны?” “Да”. “Идем”. Стоим смотрим, нам показывают, рассказывают. Выходим. А когда мы можем купить, мы покупали. Ну мы не падали: “От я хочу”. А вин крычить, а я не могу, тягну, а вин нияк...

Ну, в кино ж, так а в кино, ну мы в кино ходили уже большими конечно, ну, когда. Когда я тебе говорила, звуковое кино началось. Сначала

в немое ходили. В немое мы ходили тоже часто. Ну, от с Любой [*ходили*]. Подругами, девочкай этой, с Любой же, дочкой, отца. Да. А потом, когда звуковое кино пошло, так "Путевка в жизнь", первая была фильм. Так мы вообще не выходили с кино. Мы выходили, и брали билеты, и опять заходили. На "Чапаева" каждый день три раза ходили, шо, как говорят, он не утонет, все знали шо нет, да? И уже говорили, шо, шо вы хоч… смеялись, а мы все равно шли. Кинотеатр был, щас где от яма на Карла Либнехта, где от это кафе, а за ним пустырь, ото милиция, знаешь идут навпростець на "Анголенко". Там было здание. И там. [*Еще*] ну, был отам от, в конце, где щас от это асфальт кончается, площадь это такая, там был кино... театр, когда артисты приежали. Московские даже приежали. Там, летний театр был в парке. Ну, отут, де зубопротезный, тут больничный комплекс, построили на этом месте, где был парк городской. И тут были такие, театр. Ракушка для оркестра была большая, а то был театр, кинотеатр летний. Тоже с Москвы приежали артисты. Ходили [*смотреть*]. "Коварство и Любовь" видела. На такие вещи водили, шо я никода ничего не понимала. [*Я была*] ну, может третий класс, я знаю. Ну, лет одиннадцать. Шо я ж уже могла прийти и сесть в театр. А один раз мы пошли с одной женщиной. С Леськиной матерью, так нам не разрешили, шо вы детей взяли, да? Но она уже попросила нас оставили, мы сидели... шо там, "Коварство". Я вообще не понимала, шо это такое. Ну ходэ вин, ну хай ходэ, ну пэрэживае, ну, мое дело. Потому шо все надо делать вовремя.

[*Рядом с нами*] там были одни еврэйские семьи. Нас от это Карл Либнехта улица кусочек, там десять детей было, и одни еврэйчики, все беднейшие, хто там ходыв [*в театр*]. На улицу босые выбегалы, воны гулялы. Оце Зиллеры, и Оксэмбэрг, Марк, а теперь он начальник цеха. Мы в детстве в пыляке, да, игралысь, бигалы, да? И снежки, шо ты хочешь. А потом, когда Сергей был директор школы десятой, его пионэрвожатая говорит... [запис перервано].

Центр [*города*]? Ну вот это ж… торговый ряд. Это было...шо приезжали в Токмак по проспекту походить. Ну, а тут подожди, де асфальтная, центральная, тут, была мощеная дорога? Подожди, отут, как тебе щас сказать, я не могу сбрехнуть крэпко, тут же был тоже магазин, де я шубу купила, тут же он, и парикмахерская была... И часовая мастерская. Ну, от напротив от этой "Стопки". Тут же ж ряд магазинов был. Да, ото и до скверика, отуда. Там скоко-то было магазинов [запис перервано].

Это фонтан, его, с краечки "Союзпечати", а сзади него фонтан, знаешь? Отут, знаешь? Это ж был центр Токмака. Центр. От этот фонтан, вокруг него, были аллеи, люди ходили, гуляли, отдыхали. Это было щасливое место. А теперь ты видишь шо? Как тогда можно объяснить? [*На Карла Либкнехта*] ну, кинотеатр был же ж? Церковь, потом кинотеатр. "Дзержинского".

На “Анголенко” [торгівельний майданчик по вулиці Леніна] туда, на Нансена, от Нансена перекресток, там туда дальше, щитай до конца. Там все. Одни, одни, одни еврейчки, Айзейштэйны, Зильберги и… [*Других национальностей*]? Нет, немцев у нас… болгары были. Не, они не так, кварталами не жили. Было много семей болгарских, но они не кварталами жили. Оце шо Радевы, потом Бочурские были, семьи болгарские, которые тут жили, много их, родственников, Бочурские… Ну, эти разные национальности в разных местах. Кварталами не жили. Такого не было. Шоб ище где-то. А немцы вообще... Я не знаю, может быть. О! Немцы, наверно, там, в Ладэкопе. Ну, как в Молочанск ехать. Где Сергей [нерозбірливо] живет, це ж Ладэкоп назывался, це ж нимецкое название. [*В конце Токмака*], Ленинский мост проезжаешь... Ладэкоп, правильно, там жили немцы. Ото там жил, ихний район был. Ладэкоп, назывался. И там вся ота местность называется... Ну, Ладэкоп, Ладиевка, оце, я знаю. А Фабричное, там уже… совсем другое. Фабричный завод был, там украинцы.

[*Немцев*] зажиточных тут не было. Тут все обыкновенные были. Нет. Все были рабочие завода. Все почти. Обыкновенные были. Замков, дворцов не было. Все были рабочие завода. Все почти.

[*Украинцы где жили*]? Я ж тебе говорю, на станции было. Потом тут же, як оно, Владиевка. А еще… Отам и церковь своя, украинская Бабакивка. Там же есть церква? Рижок [район Токмака]. Рижок. Ну, це Бабакивка. Ну, ото там, оце пол-Токмака там, чистая Украина, золотая [запис перервано].

…у них какие были, отакие дома, да? А отакие крыши, да. Ну, щас знаю, я не могу сказать, наверно разрушены. Может, если съехать в Мелитополь, де может и есть де, в Ладекопе, какой дом остался. Вот. Крыши очень такие, а низ… каменные дома низкие. Ну, и каменные у них были, у них не было з самана, такого не было. Ну, ота ж немецкая церковь, ехать в Молочанск, да? Справа? Кирха ихня, бачилы? Ну, ото ж там уже начинались немцы, ну, такие, характерные постройки для них.

[*Еврейские дети отличались чем-то*]? Нет-нет. Так мы ж с детства росли все одинаковые. Знаешь, я токо знаю, шо… Слушай, я была в этой девочки, в одной там… ее звали... Линда звали, Идала, Иза. Маты казала Идала, по-еврейськи. Так, я у них кода дома была, я видела от эти свитки ихние, на палочках, молитвы. Ну, [*евреи*] они говорили детям по-русски, а если матери нада шо-то ей сказать, или бабушке, они говорили по-еврейски только. А дедушка и бабушка этой девочки – токо по-еврейски. Он портной был, я их так уважала, так уважала, такие трудяги. Я так, прибежим, прибежим к ним гулять, забежим там. И бабушка шо-то делает, такая спокойная, спокойная. Евреи, ну тишина. У их тихо. Там не кричали, отношения нэ выясняли. Дед шьет, она готовит, дети кушают. И ка… и на столе, я говорю, у нас борща не было, у них оце селедка была, ни прыбиралась со стола. Луку полно, и селедок нарезано – национальное блюдо.

Селедка – это была первая еда. Но мацу я ихню ела, мацу они на Паску пекли, оце коржи, прэсные свои.

[*Фаршмак*]? Нет, мама сама делала, чо я у них буду пробовать, когда она сама скоко делала, скоко хотела. Фаршмак это делали и мама моя, и делала скоко хотела [нерозбірливо] одна делала миску, по-еврэйськи. Потом, мени знаеш шо еврейка одна готовила, очень харашо. Из муки она делала какую-то крупу, вроде перловой. Вроде саговой крупы. Она какойто секрет был, такие крупинки, но с муки, и у нее все ходили покупали, очень вкусные. Она была на суп, на молочный. От это было ихнее еврэйское блюдо. И всем она их снабжала. Кто хотел, обращался, она делала на заказ. Так это было ихнее. Ну, а еврэйское жаркое? Тоже ихня национальная. Шо от это, бросил, картошку почистил, жарят, а потом… Не, мясо обжарят, а потом, туда картошку, а потом сырой лук много. А потом томат. Ну, не жарят, понимаешь, нет, а сырой лук. А потом томат. Так это называется еврейское жаркое, это было точно ихнее блюдо. Конечно, лук очень много дает. Очень да, мы тоже, Степа он иногда делает. Харошее, это, ложите лавровый лист. Ложите любые специи, но шоб было побольше мелко нарезанного сырого лука. От он дает тода уже.

[*Немецкие дети*]? Немцы, они не дружили [*с нами*]. От я училась с одной немкой. Она была страшно гордая, красавица. Она была беленькая, против нас она очень отличалась, настоящая немка. В десятом классе. Восьмой, девятый, десятый класс. Она с нами ни с кем не... Немцы всегда считали: “русские – свыни”. Це – свыни. Они токо привилегированная нация. Она была очень красиво одевалась. Такая была беленькая. Знаешь, как, кожа белая, такие волосы красивые, такие белые. И она как, послушная была. Мы ж хулиганы. Мы могли выучить – не выучить, подсмотреть там, кода отвечали, в книжку. Могли, да? Я один раз так встала, положили мне книжку, шоб я читала, а он никогда не смотрэл, учитель, на нас. В восьмом классе, никогда. От так опустит голову. И хоть ты прочитай стишок, он не подымет головы. Я не выучила, но мне положили. И я, ты знаешь шо, я отак читала, читала, а потом не дочитала до конца, засмеялась и села. Ну, я не могла. Мне ж и смешно, шо я так нагло, он хоть бы посадил, постыдил, ну шо это такое? Я села, и все. Он берет ручку. И пыше: Фетисова. Мою подругу, Ленку, ставит два по поведению. Я и пошла клялась, она говорит: “Иди, иди, клянись, шо я не виновата, шо ты смеялась и все”. Я пошла, еле выпросила, шо не она виновата, я сама. А у нее таких замашек не было. Она не опаздывала, слушай, ничего. Это была богиня у нас. И так до десятого класса. А в десятом... да, в десятом. Или в девятом. У нее был, был день рожденья. Ну, наверно, в дивятом. А это ж у них конформация, да? Празднуются очень почетно. Совершеннолетие. У немцев. И вот она. А она перед этим над меня пошутила, шо я все время ходила в двух платьях в класс. Ну, два платья, у меня больше не было. Я ходила… Там уже бедно, знаешь… Аккуратно очень, но в одном и том же почти.

Она посмеялась открыто, кода меня не было. А мне сказали девочки. “Ага, – я думаю, – я тебе щас сделаю”. Я была староста класса. И вот она, кода была такая... Она пригласила весь класс. Я сказала, шо я не пойду. И не пошел ни один человек. Не захотели, поддержали меня, а ее ни один человек с класса не пошел. И тогда нас двое, меня и мою подругу, да, вызвали на заседание горкома комсомола. Отут, щас де собес, райсобес, и на втором этаже был городской комитет комсомола. Это раньше серьезное дело было. Это ж не теперь как. А ля-ля там. И нас, это, серьезный вопрос, последним, как всегда, да? Сначала прием, потом. А персональные дела последние. Это было зимой, да. Точно, зимой, мороз был. Последнее разбирали, и мы, значить, вызывают. Нарушители. А мы зделали американскую забастовку. Прыписуют нам. Очень серьезно, да. Это, могли выслать, ты думаешь, шо. Да. И отбирали, разбирали. Ну, двое не может быть. Значить, кто-то один. Или я, или она. Так сразу не пришли к заключению, хто именно. А потом же ж пахнет дело керосином. А директор завода, который был Компаниец, Федосин Данилович, никогда не слышала? Ну от, так Федосин был член бюро горкома комсомола. Как он встал и начал меня защищать, говорит: “Как Вам не стыдно, какая американская, наши девки, наши ученицы, шо Вы мелете!” Так нас защитил, ты знаешь, так защитил. Ну, они продумали, говорят: “Ну, ладно, идите”. И как отпустили, как мы шли с ней, кричали на весь Токмак. Падали, на дорогу ложились, обнимались, и кричали от радости, шо нам ничего не было. Отакие немцы страшные люди. А при немцах, так от за это, при немцах она ездила при оккупации, разыскивала меня, шоб наказать за тот случай. Но меня тут не было. Да, мне сказали, шо Галька тебя искала. Но я знаю, она, я жила в Молочанске, а она не могла подумать, что я там. А тут она разыскивала, когда уже с немцами она, раздружилась с фрицами, и все. И могла пострадать. Шоб не была такая умная.

Ну, я те говорю, я выросла с евреями, я привыкла до них, и они мне все такие родные, а болгар тут близко не было, а в классе не было у нас болгар. Тоже не было. Я почему так говорю, потому шо наш класс, наш класс, первый в этой школе, второй, когда построили эту, вторую школу. Тогда было только обизательно семилетнее образование. А потом ввели восьмилетнее, девяти, десяти, да? Так вот в восьмой класс, со всех школ Токмака, по одному, кто захотел учиться, дальше, после семи классов, пришли в эту школу в восьмой класс. Поэтому мы были собраны со всех районов города. И я знаю, хто пришел, те учились, те закончили. Первый выпуск этой школы, встречались там, проводили встречи.

[*Учились*] на украинском. Щас я тебе скажу. Это все серьезные вещи я вам говорю, девочки, это, как государственное дело. Мы учились только на украинском. И другого языка мы не понимали. Русский, еврей, но ты – украинец, мы все украинцы были, украинские школы. А потом, как построили от эту русскую школу, от эту, третю. И пошли те дети в русскую,

мы стали в равных. Мы с ними поссорились, я поссорилась с подругой – она мой враг. “Так, ты посмела идти в русскую школу? Ты мне не нужна”. Да, это важно, как, вы украинцы и пошли в русскую школу? Если я двадцать лет, десять, пятнадцать была украинка, тэпэр я пойду в русскую школу? И мы поссорились все, мы тех за людей не считали, они, эта ужас шо было. Это было перед войной точно. В тридцать дивятом наверно, потому шо тут мы оце как раз учились, потом шо-то не дружили. Потом война, Лилька ж еврейка была, и она выехала де-то, я уже не знаю ее судьбу. И не найдешь же ж ее. От ты понял, это было страшное дело. Та [*детей*] родители повели! Как, кто там пошел. Каждый родитель повел в русскую школу. Мы сами повели идиота своего в русскую школу. Сергей был директор десятой школы? Сергей Анатольевич, да? А мы Серегу повели в эту школу, в русскую школу. И я каждое утро вела его с десятой школы сюда, баловался и он ему говорит: “Мы дойдем?” “Дойдем”. Я ему такие сказки рассказывала по дороге, шо я до сих пор… [запис перервано].

Русская школа, там были лучшие учителя, эта школа ж новая, дали лучших учителей. Была Доблудовская Галина Викторовна, очень хорошая учительница. И мы, я, это в первом классе, когда эту школу открыли. Сидели дети токо нача[льников]. Первого секретаря горкома, второго секретаря горкома, первого секретаря того, того, КГБ, все, все, начальники цехов, все, страшное дело. Ну, он, замдиректора школы сын, да? Ой, там родители когда приходят так богы ж уси. На родителей собрании. А диты ж обыкновенные. Так она им… А она ж еврейка была. Она говорит: “Ой, Вы мне так помогаете харашо воспитывать. Я б без вас бы, шоб я делала”. Я начнет хвалить. Воны сидят. Вот так вот. Навоображають, да? Потом говорит: “Пипенко, – был первый секретарь горкома партии, - Пипенко, останетесь, мама. Кравченко, Ольга Петровна, останьтесь”. Он левша, был страшный противный. И каждому отдельно, она уже говорила то, шо надо было сказать. Вот за это, шо она была такая учительница знаменита, вси перлись в эту школу. Це ж уже перед войной. Я ж пошла в школу, считай, двадцать первый, восемь лет, в двадцать девятом году. Да, меня повели, записали. Пошли, написали на фамилию отчима. Тут десять классов. Аттестат же надо? Пишуть: “Токарева”. Встает дежурные первого числа и говорит: “К нам прибыла новая ученица, Ольга Токарева”. Все: “Ха-ха-ха”. Регочуть. Реготали полгода. От так. Потому шо как, мне дадут аттестат по метрике, а не по батьковому роду. Вот меня, ну от меня повели в школу, и вся в Токмаке меня больше знает чем Кубаченко, чем кто, кто вообще знает, шо я Токарева. Токо так, потому шо я росла на улице, с ребятами, в школе, в комсомоле и везде.

[*В школе дружила*], ну, у меня вот с этой девочкой, Лилей, потом Маней Сердюк, хорошая девочка была такая. Женщина потом такая... Страшна дама стала. Ну, слушай, у нее один сын был. Ну она, она даже на фотографии у меня есть [запис перервано]. …По гулькам раньше не бега-

ли, да? На вечеринки мы ж не ходили. А когда она уже стала, это Маня моя, кода она уже стала женщина. У нее сын родился, и женился не на той, на ком она захотела… Она перестала с ним дружить, прекратила связь, совершенно. Один-единственный, и она страшна была, больна. И она только раз в год заходила к ним в дом как мать, и дарила подарок. Все. Ну, хто мог подумать, шо она така прыбыта?

Ну, в школу ходили, в нас не было учебников. Нам давали один учебник на два человека, на тры. Ну, так надо было дружить, а как же ж? Ты – ей, она мне, там уроки, переписывали, помогали. [*Дружили*] ну, я ж те говорю, с Лилькой, от этой моей, Неймар, шо отец был заведующий аптеки. Маней Сердюк. От это Идкой Морозовой, шо Мороз, я говорю [нерозбірливо]. Ну, ну больше отут, в детстве больше еврэев. Тут мои все от эти друзья. Ларка. С одной, с одной я ще до сих пор дружу. Ларка Силоненко. Це страшный человек, она кровна моя подруга, кровна, мы соседи были рядом. Така история страшная. А ихний двор. Отам мельница, потом Ларкин двор, так, говорили мы, родители, як мама говорит: "Юлечка". На ребенка. Так и дети говорят, и взрослые. Як мать скаже: "Ларка", так и дальше идет с дому Ларка, да? От ей семсят лет, а мы говорим: Ларка. Так как приучат родные люди, так и называют, отношение. Так вот, у этой Ларки было, отец и мать. Итак ее. Она была така, ну, дыка якась. Ну, бывает. Да, значить, слушай сюда. Ну, я не могу сказать, шо дебил, тода не было такого слова, и не дебил, ну. От ей наняли пианистку. Она приходила, учила ее музыке. Дома, да. Опять же, она от нас отличалась. Ну, ниче, мы были [нерозбірливо]. Но потом кода началась война и завод эвакуировали. И ее отец был главный технолог завода, он должен был ехать завод сопровождать, туда, в эвакуацию. И он матери сказал: "Ты никому ничего не делай, я удеру. Я на первой остановке, поезд станет, я удеру. И приду домой". Кода нас оккупировали. И он не удрал домой. И не стал, ничего он не смог. Тока она убедилась, шо он доехал туда… Куда они их вывозили? Как только она узнала, мать, жена, шо он там, она продала все его вещи. Она давно встречалась с одним человеком, вышла за него замуж, бросила все его вещи, променяла его, и ботинки, костюмы, все, отца Ларки. Она в ужасе. В ужасе. Она поехала добровольно в Германию. Теперь она вернулась с Германии, она там у баэра робыла, привезла вещи. Теперь она получає от эти ж деньги. Ну, она все равно Ларка [запис перервано]. Ну, ото моя соседка, ота. И она не могла пережить, шо мать, на ее глазах отакое сделала с отцом. Растащила, променяла. Дружила. Я забыла. Очень такая, у ее мама была акушерка, и тоже очень семья была, ну, она и мама, она у мамы, знаешь, одно светило была, ее Ольга. И куда там. Я в неи… А я ж была, ну как бандит. Ну, я такой как хлопец была, понимаешь, меня одевали так. Оце мама пойдет, купит мне шапку мальчуковую, шоб я долго носила. На заказ пошили мне в Броцкого, кожаное, смушком серое, мальчуковое, знаешь? Ну, как папахи теперь носят? И ранец у меня был. Ни

одна девочка ранец не носила. Все портфельчики, сумочки там. А я ранец одену, за плечи, я хожу, расталкиваю людей: “Ура!” Шо я могу толкать ранцем. Так я была телохранитель у этой Ольги, не как подруга, а як телохранитель. Потому шо она дуже интеллигентная. А вже... не формат. От она мне давала много книг читать хароших, на одну-две ночи. Шо я могу почитать? Ото Алладина почитаю – и все, и опять отдаю, ниче. Ну, дружили. И от она стала врач, Ольга выучилась на врача. Ну, так раньше ж [*как книги*], одна – одной, одна – одной, времени не было. Книги, доставали по рукам ж, не было у каждого библиотеки, там. Мама ее там, у какой-то возьмет, женщины больной, хорошей, выпросит дочке, а дочка – мне. А лампа керосиновая. Шо ты там крутиш ту, ой. Какая там “Тыща одна ночь”, я она мне дала на одну ночь.

[*После школы никуда не ходили*], та Боже сохрани. Я тебе сказала – такого не было. У меня, или такой у меня значить был. Я не любила это дело. Я и щас не люблю никакой самодеятельности там, в жизни не была. Я не задыхаюсь, шо це будэ выступать наша самодеятельность.

[*Тридцать третьего*] голод? Конечно, помню. Шо там, помнить нечего, там одни… это ужас был. Это одни доски в доме, одни доски. Доски. Кода ничего нет в доме – одни доски. Ну, меня в голод выручило знаешь за шо? За то шо, наше, мой отец неродный, он был богатый [нерозбірливо], отец его был зажиточный человек, потому шо у нас мебель была красного дерева, там, ну, этажерка, комод, там кой-какие вещи остались, понимаешь? Он сохранил. А потом у него были богатые золотые часы. Карманные золотые часы. Там было много крышек. Одна, вторая, трэтя, тут, пуп этот, ухо – все это было чистого золота. И он ото потихоньку здавал в Мелитополь “Торгсин”, привозили продукты, и ото понемножку мы выжили. Ну, другие, я не знаю, я тогда, никто никуда не ходил, ниче я не знаю. Очередь за хлебом была, стояли пухлые, падали, кому хватило, кому нет. Я одного мальчика, мне так жалко было, я стояла в очереди за хлебом, я думала, шо если я получу, я свой пайок, я ему отдам, да? Я не пожалею ничего. А потом, пока я вже получила, вже вышла, а его не было. Он ушел. Не знаю. Тридцать третий я еще проскочила, сорок седьмой тоже немножко проскочила, потому шо с Сергеем приехали с армии, опять же, привезли обмундирование, сапоги дорогие офицерские, приемник там австрийский, все, все попродавали, постельное билье, опять. Трошки вже он работал, трошки учителем. Трошки выскочили. Хоть я плакала, в положении ходила цим Сергой, с марта по декабрь. Сорок седьмой год. Та вообще голодали, это я, конечно. Шкурки с картошки, это ж, – це роскошь была. А шкурки с косточек [*абрикосовых*] вообще чуть не отравились – жарились... [Нерозбірливо] кислота там… [нерозбірливо]… еще в положении.

[*Война как началась*]? Конечно [*помню*]. Я пошла с мамой в гости. Ну, мама пошла, она меня брала с собой, не оставляла дома. Хай идет с матерью. То ще мэни те гости, суший, оно по разным хатам, я сижу жду,

пока они наговорят. Оно мне не нужно, но брали. Так вот значить, а мы идем з гостей, кода радио говорит, шо началась война. Та я, шоб сначала и никак. А шо, у меня никого не было, ни братьев, никого не было, шоб я знала, шо щас заберут. Жениха забрали через месяц. Сергея забрали двадцать второго июля. На пять лет. Да, да, до пять лет. Потом там есть мои письма любовные, шо, газета у меня есть, девочка написала, Аня Дмитриева. Шо, он в армии писал, шо, как он там переживал, любил меня. Шо мы на оккупированной территории, семья, и, все. Так блокнот его, це я могу быстро показать, бо я знаю, дэ воно. И газету могу дать тебе. Если хочешь.

[*Он учился*] в акадэмии, итендантская акадэмия, первый эшелон, в Харькове. Он же в очках. Пошел мальчиком, девятнадцать лет. Он девятнадцатого года рождения, в двадцать первом. В сорок первом скоко ему было? Двадцать два года. Пошел пацаном, считай. Ну шо? А пришел, пять лет – капитаном. Один-единственный. Его в тот день призвали одного-единственного. И я хранила его повестку. Какой же то был бы документ, память, да? Ну, его повестка личная, сорок первого года. Так я ее недавно выкинула. На шо она?

А шо дальше? Дальше происходило самое страшное. Начались, забирать же в Германию. Первый раз меня оставили, потому шо я…

Ну, война началась, ну скоро ж, через месяц може. Ну, как это. Уже там горэло, Запорожье, Донецк, все горэло. Когда оно уже... Война началась, шо там. Они ж быстро пришли [*немцы*]. Ну, немножко помню, ну, я их не видела, мы были там, спрятались у Сергея родных, на Карл Либнехта, и они так прошли, прошли, я не видела их первых немцев тут. Я не видела их как завоевателей. Понимаешь, я не видела. Не было так, шоб, ну войска, или шо там. А потом, когда мы были уже оккупированы, я не помню когда, мы пошли с одной девочкой, учительница, учить немецкому языку. К нашей учительнице, которая была в четвертой школе учительница немецкого языка, мы пошли к ней, шоб она нас учила немецкому языку. Бараны... Мы пришли к ней. Сидим. Кода заходэ цей обер-фюрэр, чи штумэр, чи хто там. С этим, цепью, в форме, полностью. К ней, она с ним жила. И она нам говорит, шо: “Девочки, вы поосторожнее, он харашо понимает по-русски”. Так мы от нее как вышли. А немецкие квартиры были от здесь, как идти в Молочанск, на базар был, последние два домика за домом быта, да? Тут было все разрушено, а там были немецкие квартиры. Ну, двухэтажные дома. Дом быта, и там. Или после Дома быта. Так мы оттуда вышли и забыли за немецкий язык до сегодняшнего дня. И ниде не учили. И не хотели учить. Она нас выручила и сказала: “Уходите, бо он харашо понимает по-русски”.

А, ну да, потом в Германию начали. Две тыщи человек первый набор был в Германии. Но меня оставили как одну дочку, кормилицу. Первый набор они набрали, не очень, капризно, набрали и все. Но дело в том, шо взяли Сергея брата, ему повестка пришла ему и сестре. Но поскоку в

них такой был порядок, шо мама любила очень дочку, а сыновей не любила, второй сорт то дети были, а токо дочка. Она сказала мужу: “Собирайся, поедем и мы с Люсей”. Ну, и Степа, Сергей – в армии. А Степан, там на год разница. Степа знал, шо он матэри не нужен. И он, шоб угодить родителям, когда было в “Комсомольском” магазине была комиссия фрицерская, там фрицы были, – у них штаб был. Он пошел, и сказал, шо когда уже дошла очередь, проверять, явился он или нет, на отправку, на комиссию. Он сказал: “Это по ошибке, это я, ее ж там нет, второго того человека нет, это я, пойду”. Понимаете, защитил, защитил Люську, пошел сам. И я его провожала до Пришиба, и он меня все агитировал: “Идем. Идем с нами, идем, идут все наши”. “Хто? Хто наши, у меня нету там никого. У меня нету никого”. Че я побегу за толпой, вся толпа идэ, и я побегу, оно мне нада, та никода. Я горою: “Не пойду”. И старалась не попасться. А когда ото поехала в Михайловке жила, то есть в Молочанске жила. Так шо. Ну, вот такой примэрно.

Ну, второй [*набор*], брались каждый год. Сначала брали, слушай, первый набор, потом второй, потом на, уже всех пособирали, почти, всех. Начали брать по годам, годам, ну еще мой двадцать первый год не подошел, шоб отправляли. Я еще могла тут задержаться немножко. Повестки разносили, и все. Там же был учет, наверно. Мы являлись все. Ну, дело в том, шо являлись, знаешь как? Больные, пили всякие лекарства, прыщи делали, там, калеками себя делали, замуж выходили, замужних не брали. За туберкулезных, за старых, за лысых, за кого попало, дивчата спасались, шоб не идти. Ну, шоб не прийти, такого я не помню. Я не знаю, понимаешь, не знаю.

Ну, я поехала [*в Молочанск*], ж там же это, логово врага. Логово врага у немцев. Там же русских не было. Я пошла записаться, там русских не было? Ну, я жила у них, просто жила у них семье. Кто ж мене туды повестку принесет. Никто. [*Жила там*] у одной [*немки*], в Молочанске. Помагала ей. По хазяйству. Ну, немножко, у нее там маленький ребенок был, она уходила и я смотрела за ее девочкой [запис перервано]...

В Молочанск же Кох приезжал. Советская власть когда началась война, сначала вывезли всех мужчин. Ну, а там хто остался, я знаю. [*Немцев*] никого там не было. Там был один, ну как это называется. Там один-два было человека. Один был мэр города, предположим, я ж не знаю. А один был тот, который надсмотрщик, смотрел, наближал, как люди работают в колхозе. Ну, они ж на полях, колхозы сохранились почти. Токо они не так назывались, да? Ну, так он там объезжал, смотрел на работу. Ну, там немцев не было.

[*Что с евреями было*]? Очень одна женщина была харошая, это… как это сказать. Ну, преподавательница музыки, да? Еврэечка тетя. Тут, на Карл Либнехта, она тоже, де дома сильськи, де она. Им же одели повязки. Так я не помню, куда я уже там бежала, я видела ее с этой повязкой. А ко-

гда их везли, на машине, их нагрузили, я не видела. [Нерозбірливо]… я даже не могу сказать, куда где их, потому шо тут кто говорит. Куда их вывезли у нас этих еврэев. В нас же была семья Кононенки, слушайте, девочки, в нас же была семья Кононенко, шо, он русский был, а она еврейка и девочка лет, двенадцать, еврейка, красивые люди были. Жили на... Ленина, или де? Так ему предложили, шо: “Ты, можешь, мы тебя не тронем, а жену и дочку мы забираем”. Он сказал нет: “Я пойду вместе с ними”. И пошел вместе с ними. А куда их повезли – я не могу сказать. Я не знаю, в какую сторону. В каким месте тут у нас расстреливали, под Токмаком.

[*А подружки мои*]? Ну, я не знаю. Они вже с мамой повтикали рано. Ты шо, токо война началась – Лилька первая, Идка вторая. Та шо, они поуежали сразу у них… [Нерозбірливо]… денег было много, они богатые, у них золота было много, они взяли и эвакуировались. Шо они, ждали. Нихто ж никого не ждал.

[*Освобождение*] помню, это я хорошо помню. Я плакала тода, я так целовала солдатика нашего. Мой отец был сторожем там, на городах гдето. От это по какой улице, Советской, или какой улице, был [*склад*] раньше? Наверно, параллельно Карла Либнехта, што ль. Ну самая длинная в Токмаке Володарского или Советская? Володарского. Ну харашо. Значить, в конце Володарского, там были городы, де-то людей, дед сторожил кавуны, дыни, там все уже посадылы, хто жители, да? А потом учительница, может, знаешь, Марина Григорьевна. Она пришла и говорит: “Идем, будем тикать”. Ну и пошли к ее знакомой тетке, она больная была там, и ляглы с ней в кровать и лежим. Немцы заходят, а им говорят: “У нас тут больная, правда”. И нэ уходили. А мы лежим. А потом утром, слышим мужчины говорят, те шо остались. Те сначала остались, шо немцев ждали, потом те остались, шо наших ждали, да? Те мужчины говорят: “Все, сматываем провод”. И до утра они смотали провод, а зашли наши. А я ж побежала отца забирать домой. Раз уже немцы уходят, ушли. Он уже старый дед, ничо не донэсэ, ти котелки свои. И побежала, когда идет солдатик. Я як упала так кричала, так его целовала. И теперь, кода оце День Победы, я все смотрю на ту сторону. Они шли утром, замученные такие, в пыляке, грязные. Та обыкновенные, очень. Ну, замученные. И пошли по улице часть. А люди начали их хватать в дома, кормить. Угощать, ну, хватать, шо было, ты знаешь шо было, страшно. Они говорят: “Что, – один провокатор, – шо вы их берете, это немцы, пустили их, посмотреть как вы будете красных встречать, а вы их берете!” И все отшатнулись, сказали, не надо, и все про… Понимаешь? А потом сказали: “Та вы дураки, это ж наши ребята, шо вы говорите?” Ото такое было. И они ж ишли на, Пришиб туда, на Пришибские высоты. Так шо Победу, это я… Единственный праздник, который я, действительно могу сказать, шо это праздник. Це “Незалежнисть”, “Первого мая” – це международни, да? Ну шо международные да? Я это, очень… [запис перервано].

[*Отчим мой*], он с Орловской области приехал. Я знаю, че он сюда приехал? С России, сюда, в Молочанск, именно, в заводе работал. Мама ниче не говорит, я не знаю. [*Родственники*]? Ну, две дочки его, которые, я ж говорю, состарились вместе, и он поехал к ним в Москву в голод. У нас ни в кого нет. Ни у мамы, ни у него… Ну, так там в Москве не такой голод был, как у нас. В сорок седьмом. Ну, к родным дочкам. Мы ж так подумали, она живет в Москве там, она не нуждалась, так шо нам переживать-плакать? Ну нет?

[*Вербовщики*]? Какие вербовщики, як тут завод был. Слушай, тут завод был! Все старались в заводе работать. Я ж те говорю: завод, ехал, кода работал [нерозбірливо] был, они ездили в Грузию пускать рабочих. Демобилизованных ребят. Коля Балыкин. Он щас больной тяжело, он ездил вербовать, отдел кадров. Десять тысяч рабочих было, и ище не хватало. Как Степа сказал: делали пиисят дизелей в день, раньше, а теперь пять.

[*В детстве*], ну, я была такая очень фулиганистая, от я не любила ездить в колхоз. Я не любила. Я... щас скажу тебе, ты напомнила. Щас запишешь. Я не любила ездить на прополку. Я тикала и николы в жизни не ездила на ту прополку. Я считала, это дурное дело: ходить, шось рвать, рвать, рвешь, и не видно ничо. И от раз меня нарисовали в газете. В стенгазете в школе. Я гуляю во дворэ. Мира ко мне пришла и говорит [передразнюючи]: “Он тебя там нарисовали”. Меня нарисовали, хто? Я пришла в школу, подрала этот плакат, все. Нихто меня не тронул. Теперь слушай еще…

Значить, шо, девочки, расскажу я вам, щас. Такая натура, у меня до сих пор такая. Я вам не могу сказать. Шо я хочу сказать, в тридцать третьем году, у нас был хароший… мы учились в пятой школе, шо я… И нас директор школы, Буряк фамилия, вывез у колхоз на прополку. Оце ж я вспомнила, да, на прополку. Ну мы там малые были, топталы, топталы, но нас колхоз варыв похлебку, и хлеба кусочки давали. Ну, може первое врэмя, я не знаю. Ну, он нас вывез, и посэлыв у такий хати, бэз викон, без дверей, там ночувалы. Колись дощ був, гроза була, мы там. А мы ж ото все, хто там были девочки, никто не кушал хлеб, мамам оставляли. Мы не кушали, мы оставляли мамам. Тут хоть капусту дают, чи ото знаешь, с муки? Ну, вареное такое. А тут, а там совсем ниче нет. И хто-то нас заложил. Ну, наверно, часть девочек, хто ив. Они заложили нас. И он пришел и сказал: “Так, хлеб де?” Мы показуем. А он говорит: “Так, если до утра не съедите, значит домой не поедете”. И мы ото цилу ноч садылы, или той хлиб, шоб все-таки поехать домой. Хоть без хлеба, но домой. Так от он нас этим, шо вывозил на прополку, шо договориться, хай, хоть потопчем шото, но покормите их. Видишь, отакой директор школы, переживал за нас. А типерь, как бы тебе сказать… слушай, я ну потому шо я была одна, без защиты. Значить, я сама себя должна была защищать. На, такый характер был. От так, например. Учительница го[во]рит: “Так, стишок”. Протыв-

ный-протывный якыйсь украинськый стишок. “Ты от будешь этот стишок учить и рассказывать”. Там дэсь будет утренник, чи шо. Я говорю: “Не, – стою, говорю, – не буду”. “Ну как же, ну, нада. Ты понимаешь, это класс выступает”. А мне это все равно, шо она говорит. Я уже не слышу. Я уже сказала, шо нет. Начинают ученики говорить, наговаривают, пугают. А тоди она опять: “Диты, не трогайте, ии ґедзь укусыв, и не трогайте. Сидай”. Я сидаю. Якый ґедзь, шо це такэ? Ну, хай укусыв, ну я… Шо, гедзь, це муха, или шо? Да? Гедзь? Ну, оце й доси думаю, шо це такое гедзь. И прям, значить, не то. Ладно. Тоди начали, пройшов там год, начали. Тараса Шевченко “Детство”, пьесу такую трогательну, приготовили. Нэма мачухы. Нэма. Хто будэ мачухой? Не подберуть. Ну, хтось посоветовал: “От, пусть она сыграет”. Так ты знаешь, як мены дали в руку палку, и як сыграла ту мачуху. Так я ее как погнала, так со сцены, и на двор, и еле остановили. И скики я ходыла в школу, мэни пацани казали: “Ото идет, ота шо мачуху играла”. В седьмом классе, я точно помню, учительница говорит: “Так, будет собрание, я тебе напишу вопросы и ответы. Ты родителям расскажешь про наш класс”. Я стою и говорю, оце ж кричу, кричу, кричу. “Скики в класи учнив?” “Тридцять два”. “Скики дивчат?” “Симнадцять”. “Скики хлопцив?” “Восемнадцать”. [нерозбірливо]. И оце читаю, як вопросы и ответы. Там вже диты попадалы. Не поняла сначала, шо это я докладываю. Про класс. А я оце так: вопросы им учительница, и громко ответ [нерозбірливо]. Понимаешь? Как сказано, так и сделано было. Чистой монетой. Ага, а тоди ж воны взяли, та вообще. Мы ж были ж тоже стрелки, воспитывались на патриотическом. Ну, харашо. Ну я стреляла первый класс. Я первая в школе получила “Ворошиловский стрелок”. Это мне приемлимо, чем ото самодеятельность, там, танцы. Як ты говоришь, вечеринки? Боже сохрани. Я й щас никода не бегаю, та и вообще. Ну, я не могу еще такое шо-нибудь характерное сказать. Вот видишь, я решила, шо я окончу институт в Москве. А можно было в Киеве. Близько, выгодно. Нет, если есть две, то это будет Москва.

[*День рождения*]? Ой, никогда [*не отмечали*]. Очень мало. Очень мало. Може там, раз у три года. Ну, кто будэ отмечать, неродный отец? Ище такой как он… Кто будет отмечать, какие день рожденья. Это ж не то шо мама и папа заботятся о ребенке. Мама могла – сделала. Позвали девочек там. Ну, приготовили, ну это не всигда, это очень мало было. Я не знаю, может быть, не принято было, может быть, не знаю, ну. Так как, меня такие окружали, шо не праздновали, ни Манька, ни я, ни Лилька, никто. Ну, у Лили я по-моему была один раз, у этой, Неймар, они багатые были, у них сэрэбрянные были, столовые приборы. Ложка, вилка, знаешь [запис перервано].

[*Именины*]? Да, это именины ж, двадцять второго? Да, да, эти праздновали. Эти больше, чем день рожденья праздновали, день ангела. Тода ж весна, эти, вишни были, и именно на этот, именины, делали пирог от

этот, наливной. Вишневый пирог на плотику наливали, и сметаною отак от заливали…

ШУМКІНА МАРІЯ ІВАНІВНА, 1909 року народження, м. Токмак Запорізької області[1]

[*Родилась*] в Токмаке. Мы много квартир меняли. То наводнение было – завалило дом. Пришлось у другую квартиру. То так, не нравилась квартира. А теперь от уже скоко время. Так я жила по Володарской, там квартира у меня была. С мужем жила. А теперь от это тут живу. [*А на какой родилась*] я уже не помню. В центре города. Да. Там от де техникум, за техникум. [*Отец*] Шумкин Иван. Шумкин, уже забыла ж як його, Шумкин. Забула, ты смотри. Отца забыла. Забываю. Ну, Шумкин Иван Захарович. [*Мама*] Александра Ивановна. Все токмацкие, все. Мы ниде, тут все были. [*Братья и сестры*] были. Одна и щас в Донецке, есть, живет сама, болеет, тоже, муж умер, сына убили, ишел с ночной смены с шахты, и єво вбили. Требували деньги [запис перервано]. [*Брат*] Александр був. Николай был. Григорий был. Сестра Катя. Сестра Лена. И я. Сестра Варя. От умерла, месяц назад [запис перервано].

Нихто не помогав, рано вийшла замиж. Сама, як умела, так воспытувала. И неграмотни. Хто грамотный, хто нэграмотный. Я читать могу, а писать не могу. Це так уже, сама ото... Я старша була. Да.

Родители [*чем занимались*]? Батя был каменщик. Строил, там и церков строил, и щекотурыл, ну, в общем, печник был. А мама детьмы занималась. Скико их було. Шутите? Гришка, Валька, Шурка, Катя, я, Варя. Шесть человек було в них детей. Надо було обслужить их. Нихто не помагав. То вже хто как сумел, так себе дорогу побил. Я пошла в завод работать. Тот брат в сапожную мастерскую. Тот художником устроился в Запорожье. Другой шофером, в армию взяли его, Александра. В Мурманске жив, женився там. От это вот семья.

[*Отец*] печки ложил, и дома строил, и церковь строил, и щекатурил, и от эти накаты, круглые раньше были, на потолках разные. Ну, печник, и шо хочеш, то делал. [*Строил*] церковь у нас же есть. В Токмаке. У центре города, он идите посмотрите. И щас есть, стоит. Половина церкви, половина клуба.

Были люди такие, шо надо печку сделать, или построить, или почистить. Всегда приходили и нанимали его. Он пойдет и построить печку, там чи шо там, чи плитку, я знаю. А куда денесся, в кармане и в руках, дети, детишек много, детей много, так вин и молоко несеть, и заработает, и ку-

[1] Опитування проведили І. Савченко, Ю. Головко (серпень 2004 р.). Дешифрувала аудіо-запис та створила транскрипт І. Савченко

пить и тащить. Шоб покормыть дитей. То наводнение было, то война, то эвакуировалась я с заводом. То наводнение, вода отак прилила. Ще, у метр воды. Стояла в никуда. Я, сын у меня, внук есть, а це сын. Я його замотаю його в одияло, и спасаться надо было, вода вже в каридоре. Выйшла с подвала, дом завалюеться, думаю, пойду до соседей. Перебрела туда до соседей, тико перебрела, и дом завалился. Ну и шо, прийшла, нэма куда диваться. У клуб нас забрали. Мама перебрела с другой стороны. Отец же на роботе был, нельзя было туда заехать, там. Так круто було, шо нельзя було в тот дом заехать. И речка рядом. Ото так всю жизню калатаюсь. Жизни не бачилы. [*Наводнение*] в сорок третим, чи… Нет, перед войной. Раз еще было наводнение, а потом война была. Так не одна война була. Була така война, шо не бомбы не бросалы, а только с пулеметов строчили все время. Отака була война. А як… Тэпэр война какая, бомбы бросають, и шо хочешь, и самолеты, тоди, и було само... А тэпэр друга.. А тэпэр эвакуироваться. Мы ехали поиздом, так на иш... на эшелоны попадалы бомбы, и разбомбили и шо хочеш. Та, в общем, жизня, собачня была.

[*Та первая война*] це ж дуже давно було, я вже забыла. Это очень давно было. Скикы мэни там год було, може там год десять, чи двенадцать? От эту войну я помню, бо меня ж увозили, я работала на заводе, такой работе, на сборке мин, автоматы собирали. Так это я помню, шо война була война. Так нас увезли. А ту войну я... Знаю, шо стреляют, папа бувало, устанэ утром, а симья здаровая, так вин, напечеть хлеба. Напечеть и сварыть все, потом идет на работу. И нас побудит, накормит всех. От это стриляли токо с этих, с винтовок. Пули... никаких. Стреляли. Отец только вышел, и стало валить двери, это харашо, шо пролетела пуля. А то б убило. Мимо його пролетело. А как наводнение было. Ой! Куры крычать, гуси крычать, люди крычать. На дерево позалазылы. Свиньи плывуть, со всем, с сараямы, коровы пливуть. Ой, не дай бог, не дай бог. И тоже была обутая. У, кавказки буркы у мене булы. Я сняла, думаю. Они там, подошва скользкая, луче я так, босяком. И оце так брела. До соседей, перебежками, у них каменный дом был, а у нас с глины. Они меня приняли и с сыном. Ну шо, я прибрела совсем мокрая вся. Так оно меня как трухануло. Перейдеться нечего було. Ну, от тэпэр ногами, пожалуста, никуды не годна. Вена пекуть он, раны кругом. Оттут раны. И сзад… [запис перервано].

[*Наводнение когда*]? Весна. Весной же розтае? Весной. Ну, от. [*Отстраивали потом как*]? Ну, как… Кто как мог. Как мы отстраивались... Нам дали квартиру, строили, хто пострадав от наводненья. Домики такие нам там на посьолку. Мы там жили. А в начале, як наводненье было, завалило, так мы, у клубе нас загнали в клубе и мы там спали на полу. Покаместь нам там дали квартиру. А там давали комнатки. Ну, ото такое. [*Комнатки*] це временно, временно. А тоди уже осталось и постоянно. Було временно, а потом. Так не все ж заганяли, по семьям смотрели. Скико у кого душ. Две комнаты, надо было одну комнату. Как, сколько человек.

Ой… [*Нам дали*] три. Ну, я ж говорю, шесть дитей, и папа и мама, сем, восем. Чи девять душ. [*Наводнение*] все побило. Был и керосин, и мука, и я думала мы за… Оны ж на работи. Нельзя було зайти. Зайти. Шоб заехали, помогли хто б. Так я взяла то на шифанере там, все. Все побило, й шифанер и муку, и керасин, и мебель, все побито, все. Та отак по улице бувало тогда то пройдеш. Четыре улицы, подряд. Все повалялись, все по придушувало. Корова стоить, и... Попадало з потолка всьо, повалялось. Корову придушило, всьо. Та, наводнение, не дай бог, шо война, шо… [*Затопило*] по Ленина, по Володарской, туда, где ричка ближе.

[*У отца*] и сестры были. И братья были. Я ж не помню, их. Три брата було. Четыре сестры було. Нема никого ш теперь, уже все поумерали, голод был. [*Отец отдельно от родителей жил*], ну, своя семья. Нашо ему с родителями жить… Помагал, наверно, им. А сам отдельно жил и со своей симьей. Теперь же не хочуть жить уместе. На шо чужии, на шо им диты, голову морочить, старым людям. От хотя бы и мэнэ щас? На шо воны мэни? В мэнэ нема здоровья, я сама сэбэ обработаю [запис перервано].

[*У бабушки с дедушкой*] дом был. Хазяйство было. И куры держали, и свиньи держали. Все было. Огород, сад. Здоровый. Все было. Дедушка работав. Не, дедушка ж уже старый був, помагав бабушке. А сын работал, так тоже помагал же и, шо, шо нада було. Чи покосить траву, чи шо для коровы. Сад был. И огород. Там, возле сада огород. [*Дедушка*], тоже, наверно, печником, одна, вся семья печники. [*Отца моего он учил*]. [*Угощали внуков*]? Да, а как же. Пекли. И жарили. Все свое було, молоко свое, сметана своя, куры свои. Свиней ризали, на чердаку сало в мишках було посолене. Стояли ящик, в ящиках мука була, фанерных. Там такая, там така, там для хлиба пекти, там для шнеткив, там для чого, для локшины, для розочок там. Всьо было. Мука була яка хочеш.

[*Шнеки*]? Ну, замесите тесто, раскачаете, и так рижете, тоди пычете на скововородке. Та вместо хлеба [*ели*]. Та, коли б не було, тоди беры и йиж. И хлеб пэкли, я пэкла дома хлеб.

[*Хлеб как научилась печь*]? Я жила, так детей много, так меня забрал мамын брат до себя. У их було две девочки и два сына. Она очень тогда тож ногами болила, а я ж тоди ще не болила ногами. Так воны меня к себе взяли. Так она мне сказала. Она была больная… Ой, как пичет вена, внутривенная закупорка у меня в ноге. Она говорить: “Иди бери макитру, и иди суда, я тоби покажу, как делать”. Запарила опарку, учинила, замисила, взошло, выкатала. Такие листы булы раньше железные. На листы, помазала листы, а можна капусту листя положить. И выкатала по две буханки. Натопила печку, соломы натягала в квартиру. Натопила печку, поставила эти на треножки, напекла такий хлеб, шо хочеш [нерозбірливо]… Та хто його знае, на скоко оно хватало [*того хлеба*]. Кушали, скоко надо было. А скоко съидали, це вже я не помню. [*Муку*] покупали ж наверно, та мололи. На мельнице.

[*Мамы родителей дом*] по Шевченко был. [*В гости*] они до мэнэ приходили, я до их. Всяк було. [*Дом у них*] большой. И сад був. Все було. Абы тико работав. Ну, де ж вони будуть работать… Дома, дома свое хазяйство. Надо прыглядувать. Прыглянуть и за коровою, и за... А она по хазяйству там, сварэ шо нада, по силе возможности.

[*Отца*] брат [*в Черниковке жил*]. Николай. [*В гости к ним*]? Та ты шо... Это Николаевская губерния. Шо я туды буду йихать. Я туда не була. Был голод, они въехали туда. Там остались. В тридцять третьом. [*Письма*] писали, и не писали. [*Сюда не приезжали*], нет. [*Другие братья*] тут в Токмаке, в каждого своя квартира була [запис перервано].

[*Подружки*]? А как же, были. Подружки были, и подруги булы, и хлопцы булы. Хароши. Все, все було. Молоди булы. Це щас як обизяна. Не дай Бог… [*Подружки*] Валя была, Нина была, Клава была. Та разве перепомниш всих. Ой, скико йих було, подружок. Женя була. Света. Та. Очень много. Всех не можеш запомныть. Приходили гулять. Так, вечером собирались. А так… В клуб пойдеш гулять, чи на танцы, чи куда. У кино. Собираемся, едем, хлопцы, дивчата. Компания. [*Клуб*] отам, по Володарской улице. Ну, питнадцать лет было [*мне*]. Отак. Двенадцать, я знаю. Дивчата були, бигалы. Помню, када-то, бегалы во дворе играли в кузьмерки. Гралы. Хлопцы и дивчата. Кладбище у нас тут было рядом. Мы прятались, кто куда. Я побежала на кладбище, а там была яма, а в яме был так: под одну сторону уже давно был захороненый человек, а по средине ямы, наверно, оставили еще для кого-то. Ну, я ж то не видела, я туда. Думаю, спрячусь. У кузьмерки играли. Полизла туда, села, и сижу. Глянула: гроб. Я взяла, так приподняла крышку. Ну, скико мэни, може год десять було, може, двенадцать, так крышку приподняла, глянула такое, знаете, покрывало так как мохом ото, как, попрело, как паутина. Ничо немае. Только кости одни, зубы, все, и волосы целые, волосы целые все. Мэни сделалось страшно. Я скорей с той ямы й бегом. И стико бежала, думала оно за мной гонится. Тепер все. Ой... А так не боялась мертвых, купала, потом, мэнэ приглашають, пожалуста, я не боюсь [запис перервано]. Мама умерла, вона в йих на балконе й лежала, не так за ней смотрели, вже стара... [запис перервано].

[*Почему на кладбище играли*]? Ну, бегали, ж там жили рядом, возле кладбища, а куда ховаться, бегали. Кладбище большое. Оно теперь уже запущенэ, все. А тода ж не було запущенэ. Так туда бигалы и ховались, и за гробы ставали. И оградки там были. Ну, бигалы, знаеш. Бегали кругом. [*Родители*]? Они ничо не знали родители, куда мы идем и шо мы делаем. Воны за нами не бигалы. [*На речку*]? А как же. Купаться. Я один раз чуть не втонула. Харашо, шо мэнэ вытащили. Не могу плавать харашо. А видели та вытащили. Там хоть и не так глыбоко було, ну. Летом, жарко. Все йдуть купаються. [*Взрослые ходили*]? А как же.

Мы бигалы де попало, бигали, не по вулицям там, не шукалы вулыци. Куды попало бижиш и гуляеш. Куда вздумаеш. В клуб, чи за клуб, чи куда. Чи десь в огород може зализэш. [*В соседский*]? Та всяк було. И по соседству було. А свий, в нас свого було отак. Знакоми, знають. [*Во дворе собирались*]? А как же. Как прыйдуть, так и гуляем. То на шелковицу зализэш, то ще куда. [*Мама угощала всех*]? А как же. Шо было, тем и угощали. А як не було, так ничим не угощали [запис перервано].

[*Игрушки в детстве*]? Было все. И куклы, и все було. И посудка. И все було. [*Родители покупали*], да. Ну, куплять, я знаю, й на праздник, чи просто так, ну, игрались. Когда куплять, принесуть, играемся. [*У подружек тоже*], у всех було все [запис перервано]…

Эвакуировались на вокзале. Эшелон стоить уижать, а я из ребенком. Маленький був. И сестру з собой взяла. Муж раньше уехав. Он был, провожал ишелоны. А я осталася. На вокзале начали стрелять, все. Так я испугалась и побежала аж на низ, сюда до речки. И под стенкою стала и стою. А и не подумала, шо там же в мэнэ дите, и там сестра, и вещи там, и документы, й деньги, й все. Испугалась и удрала. А сестра схватила. Вин строчив из пулемета, там солома была, сено, она спуталась и схватила этого ребенка и с ним пряталась, де она там уже. А я думала: "Ой, Боже, эшелон уиде, а я тут стою". Назад прыйшла, правда, тико прыйшла, и нас погрузили й повезли. Отакие дела.

Помню, як кончилась война. А как объявили – никому не объявляли. Начали воювать, та и всьо. А как кончилась – помню. В Махачкала мы жили, когда эвакуировались, оттуда ехали, там мы жили пять лет. Так я помню, шо кода кончилась война, кричат все: "Кончилась война". И я ото выйшла на улицу. Когда там, о-о! Обнимаються. Целуються. Все было.

[*Токмак какой после войны*]? Какой был, такой и остался. Його ничого не розбылы, ничого. Только завод же вивезли туда. Махачкала. А так все как было, так и есть. А щас завод не работають. Обокрали его [запис перервано].

[*В голод, в тридцатые*]? Ой, кушать же нечего было. Голодали все. И я голодала. На заводе работала, голодала. Прийшла, шо? Макуха. Продается макуха. Куплю макухи, такая раньше была макуха. Жила на квартире. Родители въехали. Я осталася одна. Ще замужом не була. Да. Прыйшла. Сняла з сэбэ одежду, повесила на стуло, шоб она не мялась. Пальто повесила, все. [Нерозбірливо]… Документы, все. Пошла на работу, прихожу с работы – ничого нэма. Двери открыти. А жила я с одной женщиной. Пожилая женщина, она работала на пекарне и на заводе. Прихожу – ничого нэма. Есть токо деньги. Я думаю: "Куда мэни спрятать деньги?" А там була така тэмна комнатка, я в узелок завязала и под, под дно отого чемоданчика. Прихожу – ниде ничо нэма. Ой, ну и плаття, все-все позабирала. Открыла квартиру, зашла, все забрала и ушла. И ишла в Солодку балку. Там ров был. Трава росла. Она легла, эта женщина, и лежить больная.

Подъежает до нее: “Как фамилия?” А она говорить: “Шумкина Мария Ивановна”. “Де Вы работаете?” А она ж паспорт забрала мий. “Завод “Красный прогресс”. Ну, забрали йии, повезли туда, в село, положили йии в клуню, у якыйсь сарай. Она там лежала. А потом через скоко время приходит до меня, через месяц, може, больше, из обкома председатель и говорит: “Марья Ивановна, у Вас шо-нибудь пропало, чи не?” Я говорю: “Да все пропало. И не знаю, хто и шо”. А вин прыйшов и каже, и читае мэни бумажку: “Шумкина Мария Ивановна, умершая двенадцатого числа под Солодкой балкой”. От это он мэни прочитав. Я говорю: “Ой, так мои ж вещи там”. Вин каже: “Я прийду до Вас еще раз, мы поедем с Вами туда, где она там лежала, шо умерла”. Как пошел и не явився. Все пропало. В общем, жизня була, всего було.

[*Родители*], они въежали, голод був, и они въезжали в Черниговску губернию, потом вернулись. И тут жили уже в своем доме. Тут же голод был! Так воны туда въехали. А там не было...

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧНИЙ ПОКАЖЧИК

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

ЗМІСТ

Наукове видання

УСНА ІСТОРІЯ СТЕПОВОЇ УКРАЇНИ

ТОМ 11

Редактор С. Білівненко
Комп'ютерний набір І. Савченко
Комп'ютерна верстка М. Мордовськой
Коректори: К. Петрова, Ю. Головко